РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ 1891 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 января 1891 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

О томъ, чтобы должностныя лица, служащія по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, не принимали посвященія книгъ отъ лицъ, имъ подчиненныхъ.

Изъ дѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія видно, что нерѣдко должностныя лица вѣдомства сего министерства посвящаютъ составленныя ими книги начальствующимъ надъ ними лицамъ.

Принимая во вниманіе, что посвященіе кому-либо книги можетъ воспослѣдовать не иначе, какъ съ согласія принимающаго оное лица, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія нашелъ, что начальникъ, изъявляющій согласіе на посвященіе ему книги подчиненнымъ, тѣмъ самымъ ставитъ себя относительно сего послѣдняго въ ложное положеніе, давая поводъ предполагать, что путемъ подобныхъ дѣйствій, не имѣющихъ ничего общаго съ усердіемъ и исполнительностью по службѣ, могутъ быть пріобрѣтаемы его благосклонность и покровительство.

Въ виду изложеннаго, его сіятельство, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 29-го сентября 1890 г., за № 15.325, проситъ меня сдѣлать зависящее распоряженіе, чтобы должностныя лица, служащія въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, не принимали посвященія имъ книгъ отъ лицъ, имъ подчиненныхъ.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу.

Объ отпускѣ изъ казны командируемымъ по дѣламъ службы должностнымъ лицамъ суммъ на уплату десятикопѣечнаго сбора при проѣздѣ на почтовыхъ лошадяхъ.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ отпускѣ изъ казны командируемымъ по дѣламъ службы должностнымъ лицамъ суммъ на уплату десятикопѣечнаго сбора при проѣздѣ на почтовыхъ лошадяхъ, *мнѣніемъ положилъ:*

*

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Уплата десятикопѣечнаго сбора (отд. III Высочайше утвержденнаго, 24-го января 1889 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, сбор. узак. и расп. прав. 1889 года, № 22, ст. 167) при проѣздѣ на почтовыхъ лошадяхъ должностныхъ лицъ, слѣдующихъ по казенной надобности, и ихъ семействъ, когда послѣднія пользуются казенными прогонными деньгами, производится на счетъ казны.

2) Порядокъ отпуска потребныхъ на указанный предметъ суммъ, а также отчетности въ израсходованіи оныхъ опредѣляется правилами, утверждаемыми государственнымъ контролеромъ, по соглашенію съ Министрами Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Означенныя правила представляются Правительствующему Сенату, для распубликованія установленнымъ порядкомъ.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 24-го апрѣля 1890 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Во исполненіе таковаго Высочайшаго повелѣнія, государственный контролеръ представилъ Правительствующему Сенату экземпляръ утвержденныхъ имъ, по соглашенію съ Министрами Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, правилъ о порядкѣ отпуска и учета означенныхъ суммъ.

Правила о порядкѣ отпуска изъ казны лицамъ, слѣдующимъ по дѣламъ службы на почтовыхъ лошадяхъ, сумму на уплату 10-ти копѣечнаго сбора за перегонъ съ каждой лошади.

(Утверждены государственнымъ контролеромъ 18-го мая 1890 года).

1) Лицамъ, коимъ при командированіи по дѣламъ службы или при назначеніи на должности выдаются прогоны по расчету числа верстъ до мѣста командировки и обратно или до мѣста назначенія, отпускаются суммы на уплату 10-ти-копѣечнаго сбора авансами въ примѣрномъ количествѣ, съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи изъ командировки или по прибытіи къ мѣсту служенія, въ оправданіе израсходованныхъ денегъ, означенными лицами представлялись непосредственному начальству авансовые счеты съ квитанціями почтовыхъ станцій въ пріемѣ сбора; деньги-же, оставшіяся неизрасходованными противъ сихъ квитанцій, сдаются въ подлежащія казначейства.

2) Лицамъ, коимъ при командированіи по дѣламъ службы отпускаются суммы на путевые расходы авансами, предоставляется уплачивать изъ этихъ авансовъ и 10-ти-копѣечный сборъ, съ приложеніемъ къ авансовымъ счетамъ, вмѣстѣ съ прочими документами, также и станціонныхъ квитанцій.

3) Расходы, произведенные на уплату 10-ти-копѣечнаго сбора лицами, получающими разъѣздныя деньги въ размѣрѣ, опредѣленномъ штатами или иными законоположеніями или, взамѣнъ прогоновъ, особыя суммы на путевыя издержки при командировкахъ, въ безотчетное распо-

ряженіе, возмѣщаются по представленіи ими станціонныхъ квитанцій въ уплатѣ сбора.

4) Тѣмъ-же порядкомъ возмѣщаются уплаченныя въ сборъ суммы семействамъ должностныхъ лицъ, умершихъ на службѣ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда семейства эти для возвращенія въ мѣста, изъ коихъ главы ихъ были вызваны или переведены на службу въ отдаленный край, получаютъ прогонныя деньги изъ казны на основаніи ст. 38 положенія объ особыхъ преимуществахъ гражданской службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ.

О семъ для свѣдѣнія объявляется по округу.

О предоставленіи льготы по воинской повинности лицамъ, которыя хотя и окончили курсъ университета, но экзаменовъ въ установленныхъ испытательныхъ коммиссіяхъ еще не держали и своей связи съ университетомъ не порвали.

Въ циркулярномъ предложеніи отъ 8-го іюля 1889 г., за № 11.723, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія было объявлено къ свѣдѣнію и руководству въ подлежащихъ случаяхъ, что студентамъ университетовъ, числящимся въ запасѣ арміи, должна быть относительно привлеченія ихъ къ учебнымъ сборамъ предоставляема отсрочка на все время пребыванія ихъ въ университетѣ, съ тѣмъ, чтобы, по выбытіи изъ университета, они были привлекаемы къ учебнымъ сборамъ одинаковое число разъ съ своими сверстниками по сроку службы, если только вновь избранною служебною дѣятельностью не пріобрѣтутъ права освобожденія отъ призыва на дѣйствительную службу.

Нынѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія возбудился вопросъ о необходимости предоставленія этой-же льготы и тѣмъ лицамъ, которыя хотя и окончили курсъ университета, но экзаменовъ въ установленныхъ испытательныхъ коммиссіяхъ еще не держали и своей связи съ университетомъ еще не порвали.

Военный Министръ, которому Министерство Народнаго Просвѣщенія сообщило о вышеизложенномъ, увѣдомилъ, что онъ съ своей стороны не встрѣчаетъ препятствій къ предоставленію приведенной льготы лицамъ упомянутой категоріи и что въ этомъ отношеніи будетъ по военному вѣдомству сдѣлано надлежащее распоряженіе.

Вслѣдствіе сего, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 14-го октября 1890 г., за № 16.468, проситъ меня предложить начальству ввѣреннаго мнѣ университета своевременно сообщать подлежащимъ начальникамъ мѣстныхъ бригадъ списки тѣхъ окончившихъ курсъ въ университетѣ лицъ, которыя имѣютъ держать окончательные экзамены въ испытательныхъ коммиссіяхъ при университетѣ и въ то-же время подлежатъ призыву къ учебнымъ сборамъ.

О семъ для руководства и исполненія объявляется по округу.

(Циркуляръ по Спб. учебному округу за 1890 г. № 12).

Опредѣленія ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «Горе отъ ума. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ—1823 г., съ примѣчаніями и приложеніемъ мнѣній *А. С. Пушкина* и *Н. В. Гоголя*. Изд. В. Н. Маракуева. М. 1889. Цѣна 10 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Избранныя сказки *Андерсена*. Съ политипажами и хромолитографированною картинкою. Изд. 2-е, Н. В. Маракуева. М. 1889. Стр. 296. Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 руб. 25 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки для среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Теорія словесности. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Аркадій Сосницкій*, преподаватель Московскаго Николаевскаго сиротскаго института и Практической академіи. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное. М. 1890. Стр. VIII+158. Цѣна 75 коп.»—допустить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: «Мысли *Дюринга* о реформѣ началъ математики. Перевелъ съ нѣмецкаго *Н. Н. Маракуевъ*. М. 1885 г. Стр. 40. Цѣна 20 коп.» — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: «Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ *К. Ордина*. Въ двухъ томахъ. Спб. 1889. Съ картою Финляндіи. Цѣна за оба тома съ картою 7 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ (для старшаго возраста) среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Историческій очеркъ города Вязьмы съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка (включительно). Составилъ *И. П. Виноградовъ*. М. 1890. Стр. VII+140»—одобрить для ученическихъ библіотекъ учебныхъ заведеній Смоленской губерніи и для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ вообще учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «*А. Н. Острогорскій*. На досугѣ. Этюды по естествознанію. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправленное. Спб. 1890. Стр. 260. Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 руб. 25 коп., въ перепл. 1 руб. 50 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Евангельскіе разсказы съ картинками и планами въ текстѣ. Протоіерея *Василія Пѣвцова*. Спб. 1890»—допустить, въ настоящемъ ея изданіи, къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи Евангельской исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Элементарная русская грамматика. Составила *Е. Северухина*, преподавательница Казанской Маріинской женской гимназіи. Казань. 1890. Двѣ части. Часть I. Этимологія. Стр. 85+III.—Часть II.

*) Ж. М. Н. Пр. январь 1891 г.

Синтаксисъ. Стр. 48+II»—одобрить какъ руководство для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Дѣтскія сказки. Разказалъ *В. П. Авенаріусъ*. Съ рисунками Н. Н. Каразина и др. Новое, 2-е дополненное изданіе. Спб. 1890. Стр. II+221. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ папкѣ 1 руб. 50 коп., въ переплетѣ съ золотомъ 2 руб.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для младшаго возраста и городскихъ училищъ.

— Книгу: «Русская грамматика. Синтаксисъ. Простое предложеніе. Выпускъ 1-й. Повторительный курсъ синтаксиса. Составилъ кандидатъ филологіи *Михаилъ Великановъ*. Для воспитанниковъ и воспитанницъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тверь. 1890. Стр. 125. Цѣна 75 коп.»—рекомендовать какъ пособіе для старшихъ классовъ гимназій и для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки сихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Казань въ ея прошломъ и настоящемъ. Очерки по исторіи, достопримѣчательностямъ и современному положенію города. Съ 8-ю видами г. Казани и съ планомъ. Составилъ *М. Пинегинъ*. Спб. 1890. Стр. XV+604+LVIII»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ особенности же для учебныхъ заведеній Казанскаго учебнаго округа.

— Книги: «Практическое руководство для изученія французскаго языка (Cours pratique de la langue française par *M. Fennery*). Варшава. 1890. Стр. 328».—«Grammaire pratique de la langue française avec des nombreux exercices, par. *M. Fennery*. Quatrième partie (Практическая грамматика французскаго языка съ многочисленными упражненіями. Составила *М. Феннери*. Часть 4-я). Варшава. 1890. Стр. 446»—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей. Д-ра *Фердинанда Лагранжа*, лауреата института (академіи наукъ), переводъ д-ра медицины *Е. М. Дементьева*. М. 1890. Стр. 256. Цѣна 1 руб. 50 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: «Школьная гигіена д-ра *Рембольда*. Популярное руководство для родителей и воспитателей. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра *И. М. Рахманинова*. Съ 36 рисунками. М. 1890. 173. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: «Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Составилъ *Н. Некрасовъ*. Спб. 1889. Стр. XII+230. Цѣна 1 р. 75 коп.»—рекомендовать какъ полезную для справокъ для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Часть вторая, для классовъ V, VI, VII, VIII гимназій и соотвѣтствующихъ классовъ другихъ учебныхъ заведеній. Составили *Н. А. Шапошниковъ*, доцентъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, и *Н. К. Вальцовъ*,

преподаватель Коломенской гимназіи. Москва. 1890. Стр. VIII+189+II. Цѣна 80 коп.»—одобрить въ качествѣ пособія при преподаваніи алгебры въ гимназіяхъ, въ первыхъ шести классахъ реальныхъ училищъ, въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, и рекомендовать въ фундаментальныя и ученическія библіотеки означенныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Сборникъ геометрическихъ задачъ, примѣненный къ курсамъ гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Задачи алгебраической геометріи. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіи учебнаго года, темы для письменныхъ испытаній. Составилъ *В. П.召Мининъ*, преподаватель Московской 3-й гимназіи. Изданіе 4-е. Москва 1890. Стр. IV+154. Цѣна 85 коп.»—одобрить какъ весьма полезное учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу «Deutsche Sprachlehre für mittlere Lehranstalten von Dr. *A. Brehme*, *E. Grieser*, Dr. *F. Masing*. Zweite wesentlich verbesserte und umgearbeitete Auflage von Dr. F. Masing und Dr. A. Brehme. Sondershausen. 1890. Стр. X+147»—одобрить какъ руководство для среднихъ и старшихъ классовъ тѣхъ средне-учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ которыхъ нѣмецкая грамматика преподается на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: «Deutsche Fabel für russische Kinder Hülfsbüchlein für den Anfangsunterricht im Deutschen von *Herman Pack*, Inspector der St.-Petri-Pauli-Schule zu Moskau. Zweite verbesserte Auflage. Moskau. 1890. Стр. VIII+67. Цѣна (въ переплетѣ) 40 коп.»—допустить къ употребленію въ приготовительномъ классѣ Московскаго Петропавловскаго училища и училищъ, имѣющихъ подобное этому учебному заведенію устройство.

— Книгу: «Родина. Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. (Курсъ приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ). Составилъ *А. Радонежскій*. Изданіе 13-е, съ рисунками, Спб. 1890. Стр. VI+292. Цѣна 75 коп.»—одобрить въ видѣ учебнаго пособія, въ приготовительномъ и первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскихъ и народныхъ училищахъ.

— Книгу: «Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса, соединяется-ли Азія съ Америкой. *В. Вахтинъ*. Спб. 1890. 124 стр. Цѣна 1 рубль»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

*) Ж. М. Н. Пр. январь 1891 г.

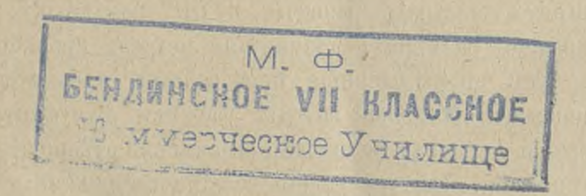
— Изданныя Маракуевымъ книги: 1) «*Н. М. Карамзинъ*. Великій князь Дмитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. М. 1890. Въ 12-ю д. л., 98 стр. Цѣна 15 коп.» и 2) «Его-же. Царствованіе Θеодора Іоанновича. М. 1890. Въ 12-ю д. л., 228 стр. Цѣна 20 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Шарикъ. Разсказъ *В. Куликовой*. Для дѣтей младшаго возраста. М. 1890. Въ 8-ку, 32 стр., съ рисунками. Цѣна 50 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

— Изданныя И. Θ. Жирковымъ книги подъ общимъ заглавіемъ «Для школъ и грамотнаго народа»: 1) «*Н. А. Рубакинъ*. Испытанія доктора Исаака. Старинная быль. М. 1889. Въ 12-ю д. л., 47 стр. Цѣна 5 к.»; 2) «*Ив. Жирковъ*. Спасибо отцу. Разсказъ. М. 1890. Въ 12-ю д. л., 64 стр. Цѣна 5 к.»; 3) «*Н. С. Бажина*. Эпитимія. Быль. М. 1890. Въ 2-ю д. л., 32 стр. Цѣна 3 коп.»; 4) «*Θ. Θ. Тютчевъ*. Отомстилъ. Изъ воспоминаній солдата. М. 1890. Въ 12-ю д. л., 24 стр. Цѣна 3 к.» и 5) «*Θ. Θ. Тютчевъ*. Сапожникъ и музыкантъ. Разсказъ. 1890. Въ 12-ю д. л., 31 стр. Цѣна 3 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Составленныя преподавательницею Ташкентской женской гимназіи Хохряковою (Л. Симоновою) книга подъ заглавіемъ: «Андрей Евграфовичъ Маловъ, протоіерей Ташкентскаго собора. Біографическіе очерки. Ташкентъ 1890»—признана его сіятельствомъ господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія заслуживающею рекомендаціи въ библіотеки гимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и народныхъ училищъ.

— Его сіятельство г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ допустить въ черемисскія начальныя училища въ качествѣ учебника книгу подъ заглавіемъ: «Первая учебная книжка для совмѣстнаго обученія черемисъ и русскихъ. Составилъ *П. Еруслановъ*. Уфа. 1890».



Начальное образованіе и народныя училища въ западной Европѣ и въ Россіи *).

V.

Народныя училища въ Пруссіи, Австро-Венгріи, Франціи и Англіи въ XIX столѣтіи.

Конецъ прошлаго и начало текущаго столѣтія характеризуются не только выдающимися политическими событіями въ западной Европѣ, но также и сильнымъ движеніемъ въ области общественнаго воспитанія и обученія какъ въ теоретическомъ, такъ и практическомъ отношеніяхъ. Уничтоженіе крѣпостнаго права въ западно-европейскихъ государствахъ вызываетъ къ самостоятельной свободной гражданской дѣятельности главную и бо̀льшую часть народной массы—все земледѣльческое населеніе, для котораго начальное образованіе становится дѣйствительною жизненною потребностью, вслѣдствіе чего назначеніе и образовательныя задачи народной школы расширяются. Быстрое развитіе естественныхъ и математическихъ наукъ особенно прикладныхъ физико-математическихъ знаній, изобрѣтеніе пароваго двигателя совершенно измѣняютъ прежніе способы промышленныхъ производствъ и создаютъ новые роды промышленности, которая вообще достигаетъ быстраго развитія и въ громадныхъ, никогда небывалыхъ прежде, размѣрахъ. Замкнутая цеховая промышленность прекращается; всѣ промышленныя производства становятся свободными, и возникаютъ обширные заводы, фабрики, мануфактуры. Положеніе хозяевъ и рабочихъ и прежнія взаимныя отношенія ихъ совершенно измѣняются. Для управленія новыми фабриками и заводами и для руководства технической стороною дѣла нужны спеціальное образованіе, спеціальныя научныя техническія познанія. Помѣщики-

---

*) «Русская Школа» за 1890 г. №№ 1, 2, 5, 7 и 9.

землевладѣльцы, лишившись дароваго крѣпостнаго рабочаго труда, должны изыскать новые способы обработки своихъ земель и вообще для веденія сельскаго хозяйства, а для этого необходимы спеціальныя агрономическія познанія. Вмѣстѣ съ промышленностью измѣняется и развивается и торговля, какъ внутренняя, такъ и международная, а для надлежащаго веденія торговыхъ дѣлъ требуются также спеціальныя коммерческія знанія. Классическія гимназіи и университеты не могутъ доставить такого спеціальнаго промышленнаго образованія, и потому начинаютъ возникать и распространяться различныя новыя среднія реальныя промышленныя училища: коммерческія, механическія, техническія, земледѣльческія и проч. и высшія спеціальныя учебныя заведенія—инженерные институты, политехникумы, коммерческія и земледѣльческія академіи и пр. Согласно нашей задачѣ, мы изложимъ только основаніе, устройство и распространеніе новыхъ народныхъ училищъ въ западно-европейскихъ государствахъ и въ Россіи въ текущемъ столѣтіи до послѣдняго времени включительно. Вмѣстѣ съ этимъ выяснятся и главныя общія основанія всего новаго начальнаго воспитанія и ученія.

Въ западной Европѣ, какъ мы видѣли, первыя народныя училища возникаютъ въ сѣверной Германіи въ XVI ст. вслѣдствіе реформаціи такъ же, какъ и церковно-приходскія школы, въ которыхъ пасторы и кистеры обязаны были обучать дѣтей сначала только чтенію, св. исторіи ветхаго и новаго завѣта, краткому Лютерову катехизису и церковному пѣнію. Такія-же церковно-приходскія школы учреждаются и во всѣхъ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, которыя становятся протестантскими, въ Даніи, Швеціи и Норвегіи, Голландіи, въ Англіи, со введеніемъ епископальной церкви Генрихомъ VIII, въ протестантскихъ кантонахъ Швейцаріи и при Генрихѣ IV во Франціи—въ кальвинистскихъ общинахъ. Въ католическихъ государствахъ народныхъ школъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ еще не существуетъ. Въ 1700 г. курфюршество Бранденбургское, главное протестантское государство въ сѣверной Германіи, становится прусскимъ королевствомъ, и прусскіе короли въ теченіе всего XVIII ст. особенно заботятся объ устройствѣ *государственныхъ* народныхъ училищъ для распространенія въ народѣ не только начальныхъ религіозныхъ познаній, но и *вообще общаго начальнаго образованія*. Но учрежденіе такихъ народныхъ училищъ встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе какъ со стороны помѣщиковъ, не желающихъ просвѣщенія своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ и со стороны сихъ послѣднихъ, которые не чувствовали еще никакой потребности въ начальномъ обра-

зованіи. «Пока главная составная часть народа (Hauptbestandtheil)—говоритъ Тило—находится въ крѣпостной зависимости и существуетъ только для того, чтобы лучшими силами своими отправлять тяжелую барщину на помѣщика, едва-ли можетъ быть у него хоть какое-нибудь основаніе заботиться о развитіи своихъ духовныхъ силъ и объ образованіи своихъ дѣтей. Не нравственной лѣни народа слѣдуетъ приписывать нежеланіе его посылать дѣтей въ школу, а скорѣе совершенно притупленному и забитому состоянію его. Зачѣмъ учить дѣтей—могъ спросить каждый отецъ-крестьянинъ—если дѣти наши созданы только на то, чтобы исполнять самыя тяжелыя и грязныя работы на господина?» *).

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ заключалось непреодолимое препятствіе къ распространенію народныхъ училищъ, о которое сокрушались всѣ усилія и правительственныхъ и частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ, глубоко сознававшихъ все великое благое значеніе просвѣщенія народа какъ для нравственнаго, такъ и для матеріальнаго благосостоянія его. Уничтоженіе крѣпостнаго права началось въ западно-европейскихъ государствахъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ Пруссіи оно было уничтожено указомъ короля Фридриха-Вильгельма III, 9 октября 1807 года, и сельское населеніе стало свободнымъ. «Съ этихъ поръ—говоритъ Тило—начинается новая исторія народной школы въ Пруссіи. Народная школа перестаетъ быть исключительно церковно-приходскою школою, цѣлью которой было лишь распространеніе религіозныхъ познаній въ простомъ народѣ; она становится государственнымъ учрежденіемъ и разсадникомъ общаго начальнаго національнаго образованія во всемъ народѣ». Такое новое великое значеніе указалъ и доставилъ народной школѣ *Песталоцци*.

Въ 1762 году Ж. Ж. Руссо напечаталъ свое сочиненіе «Эмиль или о воспитаніи» **), въ которомъ съ увлекательною талантливостью излагается цѣлая новая система естественнаго, согласнаго съ природою, воспитанія «Эта система—говоритъ авторъ въ предисловіи—совпадаетъ съ ходомъ самой природы» (n'est autre chose que la marche de la nature). «Все хорошо, выходя изъ рукъ Творца; все извращается въ рукахъ человѣка... Мы рождаемся слабыми; мы нуждаемся въ помощи... Все, чего мы не имѣемъ при рожденіи и въ чемъ нуждаемся, сдѣлавшись взрослыми, намъ дается воспитаніемъ».

---

*) Thilo, «Preussisches Volksschulwesen», 1867.

**) «Emile ou de l'éducation»; par J. J. Rousseau.—«Собраніе сочиненій Ж. Ж. Руссо», Т. I «Теорія воспитанія». Изд. Тиблена, Спб. 1867.

«Это воспитаніе получаемъ мы отъ природы, отъ людей и отъ вещей. Внутреннее развитіе нашихъ органовъ и способностей есть дѣло природы; употребленію этихъ органовъ и способностей научаютъ насъ люди; собственный опытъ, дѣлаемый нами, вслѣдствіе впечатлѣній отъ внѣшнихъ предметовъ, доставляютъ намъ вещи». «Такъ какъ первое, т.-е. воспитаніе, сообщаемое природою, отъ насъ не зависитъ, то мы и должны согласовать съ нимъ остальныя два. Но между ними нѣтъ никакого согласія: современныя неестественныя, извращенныя гражданскія отношенія совершенно противорѣчатъ природѣ. Что-же остается дѣлать? Вынужденные бороться съ природою или съ соціальными учрежденіями, мы должны рѣшиться воспитать или человѣка, или гражданина (faire un homme ou un citoyen), потому что нельзя сдѣлать разомъ и того, и другаго. Но противъ природы идти нельзя; поэтому дитя должно быть воспитываемо сообразно природѣ, для общаго человѣческаго назначенія, всемірнымъ гражданиномъ, а не какой-нибудь одной страны». Руссо считаетъ необходимымъ удалить своего Эмиля отъ всякаго общенія съ современнымъ испорченнымъ обществомъ и воспитать его въ совершенно уединенной, изолированной мѣстности и даетъ въ воспитатели идеальнаго природнаго человѣка, который только охраняетъ его отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, предоставляя вполнѣ свободно развиться его природѣ.

Эта система общечеловѣческаго, космополитическаго воспитанія и образованія получила скорое примѣненіе въ Германіи, въ школахъ филантропистовъ, которые исходили изъ основнаго взгляда Руссо, по мнѣнію котораго все въ мірѣ извращено и испорчено, кромѣ природы, а церковь и государство, школа и семья, народные нравы, націи и искусства—все поражено гніеніемъ, вслѣдствіе людской тупости и злобы. Особенно школа испорчена въ самомъ основаніи своемъ. Нѣтъ хоть сколько-нибудь разумныхъ учителей; нѣтъ правильно составленныхъ и послѣдовательно расположенныхъ учебныхъ книгъ; вездѣ только задалбливаются на память одни непонятныя слова; вѣковая схоластическая пыль лежитъ на методѣ обученія языкамъ и тѣ, которымъ приходится дышать этою пылью, страдаютъ въ отношеніи умственнаго развитія. Языки, которые должны-бы быть только средствомъ, признаются цѣлью всего ученія. Дѣтей учатъ цѣлой массѣ предметовъ, которыхъ они никогда не будутъ примѣнять въ жизни, и ничему не учатъ, что полезно и необходимо. Чтобы освободить человѣчество отъ такого бѣдствія и насадить возможно большее блаженство въ мірѣ, должно положить совершенно новую основу, на которой могло-бы развиться новое молодое поколѣніе, потому что о пе-

рерожденіи взрослыхъ нечего и помышлять. Для этого прежде всего юношество должно быть освобождено отъ прежняго воспитанія.

Въ 1768 г. Базедовъ, глава филантропистовъ, написалъ на этихъ основаніяхъ свое «Представленіе друзьямъ человѣчества и состоятельнымъ людямъ о школахъ, общественномъ обученіи и вліяніи ихъ на общественное благосостояніе», съ присоединеніемъ плана «Элементарной энциклопедіи человѣческихъ знаній». Въ то-же время онъ обратился къ «императорамъ, королямъ, князьямъ, академіямъ, университетамъ, масонскимъ ложамъ и ко всѣмъ богатымъ и знатнымъ людямъ» съ прошеніемъ оказанія пособія къ осуществленію его педагогическихъ плановъ и предположеній, изданію «Элементарной энциклопедіи и учрежденію новыхъ школъ».

Въ 1771 г. Базедовъ получилъ отъ разныхъ государей 7.000 талеровъ (въ томъ числѣ отъ императрицы Екатерины II 1.000 талеровъ), на которые и издалъ «Методическое руководство для отцовъ и матерей семействъ и народовъ» (Methodenbuch für Väter, Mütter der Familien und Völker») и «Элементарную энциклопедію» (Elementarwerk), въ четырехъ томахъ, съ приложеніемъ 100 таблицъ рисунковъ, представлявшихъ всѣ необходимыя изображенія: a) для элементарнаго предметнаго и словеснаго обученія, b) для обученія дѣтей чтенію и письму «безъ всякой скуки и траты времени по ни съ чѣмъ несравнимой и опытомъ оправданной методѣ», c) для познанія природы, d) ученія о нравственности, познанія души и развитія ума, e) «для основательнаго и проникающаго до глубины сердца обученія естественной религіи и для столь безпристрастнаго описанія всѣхъ прочихъ религій, что оно даже не показываетъ, къ какой религіи принадлежитъ самъ авторъ», f) для познанія гражданскаго общества, государственныхъ порядковъ, обязанностей каждаго человѣка и гражданина, торговли, промышленности и т. д.

Эти учебныя книги имѣли большой успѣхъ и вызвали еще сильнѣйшее сочувствіе въ обществѣ и въ правительствахъ. Леопольдъ, князь Ангальтъ-Кетенскій, пригласилъ Базедова въ Дессау, назначилъ ему 1.100 талеровъ ежегоднаго содержанія и далъ ему 12.000 талеровъ и особое зданіе съ большимъ садомъ для устройства закрытаго учебно-воспитательнаго заведенія, которое и было учреждено въ 1774 году подъ названіемъ «Филантропинъ».

Чрезъ 17 мѣсяцевъ, въ 1776 г., Базедовъ напечаталъ «Приглашеніе на большое публичное испытаніе» (Einladungsschrift zu einem grossen öffentlichen Examen), въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Посылайте дѣтей на счастливую юношескую жизнь, посреди не-

сомнѣнно полезныхъ, пріятныхъ и успѣшныхъ занятій. Это дѣло не есть католическое, лютеранское или реформатское, но истинно общечеловѣческое и христіанское»... «Мы—филантропы и космополиты. Правительства Россіи и Даніи въ нашемъ воспитаніи и ученіи не будутъ унижены предъ швейцарскою свободою»... «Цѣлью воспитанія должно быть образованіе европейца, жизнь котораго будетъ столь безвредна, столь общеполезна и самодовольна, насколько только можетъ сдѣлать правильное воспитаніе»... «Общее христіанское, филантропическое, религіозное основаніе и наставленіе сообщаемъ мы сами, не вдаваясь ни въ какія церковныя секты и ученія, такъ что никто изъ воспитанниковъ, будь онъ христіанинъ, католикъ, православный, лютеранинъ, или еврей, магометанинъ и пр. не услышитъ въ этихъ наставленіяхъ ничего такого, чего-бы онъ не могъ одобрить съ точки зрѣнія своей религіи. Всѣ нами составленныя учебныя книги, употребляемыя въ Филантропинѣ, свободны отъ всѣхъ богословскихъ различій между христіанами, евреями, магометанами, деистами, диссидентами и всѣми прочими религіозными сектами, какъ-бы онѣ ни назывались».

Время было необыкновенно благопріятное для всякихъ новыхъ философскихъ, политическихъ и педагогическихъ теорій. Всѣ были недовольны существовавшимъ порядкомъ вещей; прежніе нравственные, религіозные, философскіе, соціальные и политическіе идеалы были уничтожены; впереди представлялось какое-то мучительное, безцѣльное существованіе. Только отъ одного воспитанія ожидали спасенія, ибо посредствомъ воспитанія могло совершиться перерожденіе человѣчества, могла образоваться «новая порода людей». Вотъ почему новая система воспитанія Руссо и школы его германскихъ послѣдователей-филантропистовъ, сулившія такое перерожденіе людей и распространеніе всеобщаго блаженства на землѣ, могли увлечь современное имъ общество и даже правительства, въ томъ числѣ и русское. Мы видѣли, что планы Бецкаго о воспитаніи благороднаго и мѣщанскаго, обоего пола, русскаго юношества имѣли въ виду также созданіе новой породы людей, были составлены на основаніи этихъ педагогическихъ теорій, и были устроены закрытыя женскія учебно-воспитательныя заведенія именно для охраненія воспитанницъ отъ соприкосновенія съ нравственно испорченнымъ міромъ. Даже свиданіе воспитанницъ съ родителями происходило въ присутствіи классныхъ дамъ. Вліяніе филантропистовъ отразилось также и на составѣ учебнаго курса екатерининскихъ народныхъ училищъ, что прямо показываетъ введеніе во 2-мъ классѣ малыхъ училищъ чтенія «Книги о долж-

ностяхъ человѣка и гражданина», составленной по образцу 3-го тома элементарной энциклопедіи Базедова.

Результаты новаго космополитическаго воспитанія и ученія въ Филантропинѣ оказались весьма печальными: окончившіе курсъ молодые люди выходили большею частью пустыми, напыщенными, себялюбивыми резонерами, безъ всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ ясныхъ и твердыхъ нравственныхъ правилъ, безъ всякой религіи и непріученные ни къ какому серьезному труду. Это было скоро замѣчено, и Филантропинъ опустѣлъ.

Но воодушевленная и энергическая дѣятельность Базедова образовала около него кружокъ весьма талантливыхъ людей, которые, сознавъ несостоятельность космополитическаго воспитанія, основали въ разныхъ мѣстахъ новыя, весьма хорошія филантропическія школы. Изъ этого-же кружка вышли и замѣчательные педагогическіе писатели, какъ, напримѣръ, Зальцманъ, авторъ извѣстной книжки «Krebsbüchlein» или «Руководство къ неразумному воспитанію», въ которой весьма мѣтко и остроумно выставлены главные недостатки прежняго и заблужденія новаго космополитическаго воспитанія; *Эрнстъ Траппъ*, профессоръ педагогики въ университетѣ въ Галле, авторъ перваго «Опыта педагогики» на научныхъ основаніяхъ; *Генрихъ Кампе*, авторъ всѣмъ извѣстнаго «Робинзона Крузе», передѣланнаго для дѣтей изъ «Робинзона Крюзое» Дефоэ, «Открытія Америки Колумбомъ» и многихъ другихъ весьма поучительныхъ и занимательныхъ разсказовъ о путешествіяхъ и открытіяхъ въ различныхъ частяхъ свѣта, историческихъ разсказовъ для дѣтей, положившій своими сочиненіями начало новой дѣтской литературѣ; Гутсъ-Мутсъ, основатель школьной гимнастики, авторъ перваго педагогическаго сочиненія по гимнастикѣ: «Die Turnkunst zuerst als System ausgebildet» (1795) и весьма практическаго учебника школьной гимнастики «Katechismus der Turnkunst». Кромѣ того, Гутсъ-Мутсъ написалъ учебникъ географіи, начинающійся съ «родиновѣдѣнія» и первый началъ теоретически разрабатывать вопросы по школьной гигіенѣ и діэтетикѣ въ издававшейся имъ съ 1800 по 1818 годъ «*Педагогической библіотекѣ*».

Въ то-же время, когда Базедовъ печаталъ и разсылалъ свои громкія многообѣщавшія педагогическія воззванія, началась и скромная благотворительная педагогическая дѣятельность Песталоцци и притомъ крайне неудачно. «Какъ только появился «Эмиль» Руссо—разсказываетъ Песталоцци въ своей послѣдней «Лебединой пѣснѣ» *)—

*) I. H. Pestalozzi, Sämmtl. Werke: Schwanengesang.

мое непрактичное мечтательное чувство было доведено до высшаго энтузіазма этою непрактичною-же и фантастическою книгою; я сравнилъ то воспитаніе, которое я получилъ въ скромномъ уголкѣ комнаты моей матери и потомъ въ школѣ, которую я посѣщалъ, съ тѣмъ, что предназначалъ и чего требовалъ Руссо для воспитанія своего Эмиля, и домашнее воспитаніе и общественное воспитаніе всего міра и всѣхъ сословій показалось мнѣ въ совершенно искаженномъ видѣ и могло найти себѣ исцѣленіе только во всеобщемъ спасительномъ средствѣ—въ великихъ идеяхъ Руссо. Эта книга возвысила мое мечтательное стремленіе еще къ бо̀льшей благословенной дѣятельности на пользу бѣднаго, угнетеннаго народа». Въ 1775 году Песталоцци устраиваетъ въ своемъ небольшомъ имѣніи «Нейгофъ», въ Цюрихскомъ контонѣ, учебно-воспитательное заведеніе, въ которомъ воспитываетъ 50 бѣдныхъ мальчиковъ по системѣ Руссо. Лѣтомъ дѣти занимаются преимущественно полевыми работами, зимою-же пряденьемъ и тканьемъ и другими ремеслами, причемъ самъ Песталоцци усердно учитъ ихъ грамотѣ, счисленію, географіи, собираетъ и разсматриваетъ съ ними мѣстныя естественныя произведенія, растенія, камни и пр. Но результаты оказываются самыми неблагопріятными какъ для дѣтей, особенно въ нравственномъ отношеніи, такъ и для самого Песталоцци: онъ совершенно разоряется и въ 1780 году прекращаетъ свою дѣятельность въ Нейгофѣ. «Мои друзья—пишетъ онъ—еще любили меня, но безнадежно, и во всемъ околоткѣ распространено было мнѣніе, что я пропащій человѣкъ, и что мнѣ уже болѣе нельзя помочь».

«Закрытіе воспитательнаго заведенія въ Нейгофѣ—говоритъ Раумеръ — было счастьемъ для Песталоцци и для всего міра». По настоянію друга своего и покровителя Изелина, Песталоцци посвящаетъ себя литературнымъ педагогическимъ трудамъ и въ томъ-же году печатаетъ въ «Ежедневникѣ», издаваемомъ Изелиномъ, «Вечерніе часы отшельника», рядъ послѣдовательныхъ афоризмовъ, выведенныхъ изъ прежнихъ неудачныхъ педагогическихъ опытовъ и дающихъ ключъ ко всей послѣдующей педагогической, теоретической и практической дѣятельности *). Приводимъ главнѣйшіе изъ этихъ афоризмовъ.

«Всѣ люди, по природѣ своей, равны и имѣютъ одинъ путь къ достиженію своего назначенія. Природные дары всѣхъ и каждаго должны быть развиты до чистой человѣческой мудрости. Въ этомъ

*) «Die Abendstunden eines Einsiedlers», «Ephemeriden» 1780.

состоитъ *общее человѣческое образованіе, и оно должно предшествовать всякому спеціальному, всякому сословному образованію*».

«Способности и природные дары развиваются и выростаютъ посредствомъ упражненій».

«Духовныя силы ребенка не должны быть увлекаемы въ далекія *чуждыя* пространства, прежде чѣмъ онѣ просвѣтлѣли и окрѣпли, упражняясь на близкомъ, окружающемъ, *родномъ*».

«Кругъ знаній начинается съ окружающаго и ближайшаго къ человѣку и расширяется постепенно, концентрически».

Въ 1781 году появляется другое сочиненіе Песталоцци «Лингардъ и Гертруда», въ которомъ онъ описываетъ съ необыкновенною простотою и вѣрностью тогдашнее крайне тяжелое положеніе швейцарской крестьянской общины, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и благоустроенную крестьянскую семью, въ которой, подъ руководствомъ любящей, умной и трудолюбивой матери во всемъ существуетъ стройный порядокъ, чистота, довольство, искренность, согласіе и благочестіе. Начальное воспитаніе и обученіе, которое даетъ Гертруда своимъ дѣтямъ, и есть воспитательный идеалъ Песталоцци. «Цѣль этой книги—говоритъ онъ въ предисловіи ко второму изданію ея, вышедшему уже въ слѣдующемъ году—содѣйствовать установленію лучшаго начальнаго народнаго воспитанія и образованія, соотвѣтствующаго дѣйствительному положенію народа и его естественнымъ потребностямъ. Начало такому правильному воспитанію и образованію дѣтей можетъ положить только любящая образованная мать, и потому должно обратить особенное вниманіе на воспитаніе и образованіе женщинъ».

Эти слова, какъ и вышеприведенные педагогическіе афоризмы, показываютъ, что Песталоцци совершенно освободился отъ увлеченія воспитательною системою Руссо и не думалъ уже о полномъ пересозданіи человѣчества посредствомъ какого-то фантастическаго, природнаго общечеловѣческаго воспитанія и образованія гражданъ вселенной, но стоялъ на дѣйствительной народной почвѣ и желалъ посредствомъ правильнаго и вполнѣ соотвѣтствующаго потребностямъ народа воспитанія и обученія улучшить несчастное положеніе его.

«Вечерніе часы отшельника» и «Лингардъ и Гертруда» сдѣлали Песталоцци извѣстнымъ, и союзное швейцарское правительство предложило ему устроить учебно-воспитательное заведеніе для бѣдныхъ дѣтей, которое онъ и открылъ въ 1798 г. въ зданіи урсулинскаго монастыря въ Стансѣ для 80 дѣтей, 4—10-лѣтняго возраста, большею частью круглыхъ, безпріютныхъ сиротъ. Въ 1800 году Песталоцци перевелъ это заведеніе, при пособіи отъ правительства, въ

Бургдорфъ, въ Бернскомъ кантонѣ, гдѣ вмѣстѣ съ педагогомъ Крюзи (Krüsi) основалъ и учительскую семинарію для приготовленія начальныхъ учителей. Въ 1801 году появилось его новое сочиненіе «*Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей*» *), въ которомъ онъ уже излагаетъ составъ начальнаго учебнаго курса и главныя основанія метода начальнаго обученія слѣдующимъ образомъ:

«Область начальныхъ познаній есть *родина*».

«Начало всякаго ученія есть *наглядное созерцаніе* (Anschauung); цѣль—*ясное понятіе*».

«Если я взгляну назадъ и спрошу себя: что я, въ сущности, сдѣлалъ для человѣческаго обученія? Я нахожу, что я установилъ главное основное начало всего ученія, признавъ и утвердивъ «*наглядное созерцаніе*» общимъ основаніемъ каждаго познанія. Я старался отыскать сущность начальнаго ученія вообще и его исходную первоначальную форму, которая указывается *самою природою человѣка для правильнаго развитія его.* Эта основная форма есть *наглядное ученіе* (Anschauungsunterricht)».

«Что такое наглядное воспріятіе? Не что иное, какъ присутствіе внѣшнихъ предметовъ предъ нашими органами чувствъ и произведеніе ими соотвѣтствующаго впечатлѣнія въ сознаніи нашемъ».

Подъ органами чувствъ Песталоцци разумѣетъ здѣсь, главнымъ образомъ, *глаза* и *уши*, такъ что подъ *нагляднымъ воспріятіемъ* онъ понимаетъ всѣ впечатлѣнія, которыя человѣкъ воспринимаетъ отъ внѣшнихъ предметовъ посредствомъ *зрѣнія* и *слуха*. Прочихъ органовъ чувствъ Песталоцци касается только мимоходомъ.

Придавая особенное значеніе нагляднымъ воспріятіямъ, доставляемымъ зрѣніемъ и слухомъ, Песталоцци, на этомъ основаніи, говоритъ, что «все наше познаніе исходитъ изъ созерцанія *числа*, *формы* и *слова*; всѣ предметы имѣютъ непремѣнно число, форму и названіе; другія-же свойства ихъ, передаваемыя намъ прочими чувствами: осязаніемъ, вкусомъ и обоняніемъ,—каждый предметъ можетъ и не имѣть общими съ другими предметами, напримѣръ, плотность, прозрачность, твердость, упругость и пр.».

На этомъ-же основаніи главными предметами общаго начальнаго обученія Песталоцци считаетъ ариѳметику, геометрію, родной языкъ и ознакомленіе съ родиною, на элементарное преподаваніе которыхъ онъ и обратилъ особенное вниманіе и такимъ образомъ положилъ

*) «Wie Gertrud ihre Kinder lehrt», ein Versuch den Müttern Anleitung zu geben ihre Kinder selbst zu unterrichten. 1801.

начало наглядному ученію о *счисленіи* (Rechnenlehre), о *формахъ и пространствѣ* (Form- und Raumlehre), *нагляднымъ упражненіямъ* въ *словѣ и мышленіи* (Sprech- und Denkübungen) и *родиновѣдѣнію* (Heimathskunde),

Теперь мы можемъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ великое значеніе педагогической дѣятельности Песталоцци, благодаря которой онъ признается основателемъ всего новаго воспитанія и ученія. Это значеніе состоитъ: 1) въ той чистой, безконечной и самоотверженной любви, съ которою онъ относился къ дѣлу народнаго воспитанія и образованія и которая привлекала къ нему сердца всѣхъ и порождала въ нихъ горячее энергическое влеченіе къ тому-же скромному, великому, святому дѣлу.

2) Основные педагогическіе принципы и дидактическія положенія, высказанныя въ вышеназванныхъ трехъ сочиненіяхъ Песталоцци, и примѣненіи имъ этихъ принциповъ и положеній на практикѣ въ учебно-воспитательномъ заведеніи для бѣдныхъ дѣтей въ Бургдорфѣ *вывели начальное воспитаніе и ученіе изъ фантастической космополитической области и поставили его на реальную народную почву*, *указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что все дѣло и цѣль начальнаго воспитанія и ученія должны состоять въ общемъ образованіи или въ правильномъ развитіи духовныхъ и тѣлесныхъ силъ и способностей ребенка, согласномъ съ природными законами развитія человѣка, и что основаніемъ всего ученія должно быть общенаглядное обученіе.*

Песталоцци имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, начальное обученіе дѣтей 6—7 до 10-лѣтняго возраста, которыя, поступая въ школу, уже не мало знаютъ; они уже имѣютъ представленія и понятія почти о всемъ томъ, чему будутъ учиться въ школѣ. Но почти всѣ ихъ познанія, всѣ представленія и понятія неясны, спутаны и большею частью невѣрны, потому что составились вслѣдствіе случайныхъ впечатлѣній отъ окружающихъ внѣшнихъ предметовъ и вообще отъ той среды, въ которой жили дѣти,—впечатлѣній, которыя доставлялись имъ безъ всякаго порядка, безъ всякой послѣдовательности. Поэтому первая работа школы должна состоять въ томъ, чтобы положить въ дѣтяхъ начало правильному представленію и пониманію, провѣрить и привести въ порядокъ пріобрѣтенныя уже ими представленія и понятія. Но какъ достигнуть этого? Посредствомъ наблюденія и разсматриванія тѣхъ предметовъ, которые впечатлѣніями своими произвели въ дѣтяхъ ихъ представленія и понятія, начиная съ ближайшихъ и болѣе простыхъ и легкихъ, доступныхъ пониманію дѣтей предметовъ и могущихъ заинтересовать ихъ, и заставляя дѣтей при

этомъ, посредствомъ наводящихъ вопросовъ, внимательнѣе всматриваться въ предметы, замѣчать въ нихъ то, что прежде не было замѣчено, сравнивать ихъ между собою, находить сходство и различіе и т. д., и давать полные, громкіе, ясные отвѣты. Но въ этомъ и состоитъ общенаглядное обученіе, которое, поэтому, и должно составлять начало и основаніе всего ученія. Матеріалъ для общенагляднаго обученія доставляетъ окружающая дѣтей прирора, среда, та мѣстность, въ которой они живутъ, слѣдовательно, *отчизна*, *родина* ихъ. Такимъ образомъ, основывая свою систему начальнаго воспитанія и ученія на правильныхъ психологическихъ началахъ, на согласіи съ природными законами духовнаго развитія человѣка, Песталоцци, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставилъ все общее образованіе, въ самомъ исходномъ основаніи, на *родную*, *отечественную*, *народную почву* и, слѣдовательно, дѣлалъ его не *фантастическимъ космополитическимъ*, *а реальнымъ общечеловѣческимъ и народнымъ*. Полагая въ основаніе всего образованія непосредственное, наглядное ознакомленіе съ родиною во всѣхъ ея проявленіяхъ, доступныхъ пониманію дѣтей, съ ея мѣстностью и природою, нравами, обычаями и вообще съ образомъ жизни мѣстнаго населенія, и переходя потомъ къ ознакомленію съ отечествомъ, школа идетъ естественнымъ путемъ, согласнымъ съ требованіями природнаго развитія дѣтей; она расширяетъ и усложняетъ учебный матеріалъ постепенно, соотвѣтственно расширенію пониманія дѣтей, и притомъ беретъ этотъ матеріалъ изъ дѣйствительной жизни, которою живутъ дѣти, ихъ семья, вся мѣстная община, весь народъ. Такимъ образомъ первыя ясныя представленія, первые свѣтлые образы, первыя вѣрныя отчетливыя понятія дѣтей относятся къ родному и народному, и это-же родное и народное возбуждаетъ въ дѣтяхъ и питаетъ первыя сознательныя чувства, симпатіи, стремленія и влеченія. Слѣдовательно, все первое сознательное духовное достояніе дѣтей есть чисто народное, и слабый духъ ихъ въ развитіи своемъ постоянно питается отъ духа народнаго. *Вотъ въ чемъ заключается общая*, *главная*, *великая*, *безсмертная заслуга Песталоцци не только для начальной нѣмецкой народной школы*, *но и вообще для воспитанія и образованія всего человѣчества.*

На это народное значеніе начальной песталоцціевой школы указалъ Фихте въ восторженныхъ патріотическихъ рѣчахъ своихъ въ тяжелую для Пруссіи и всей Германіи годину, и Пруссія первая ввела у себя эту народную школу.

Въ 1807 году Пруссія утратила почти все свое внѣшнее политическое значеніе, но не пала духомъ, а сосредоточила главную дѣя-

тельность на своемъ внутреннемъ объединенiи и усиленiи и самое дѣйствительное средство для этого нашла въ просвѣщенiи народа. «Хотя мы понесли большiя потери въ пространствѣ нашихъ владѣнiй и въ числѣ нашихъ подданныхъ *), хотя внѣшнее могущество и внѣшнее величiе государства пали, но мы желаемъ и должны заботиться о томъ, чтобы вознаградить себя внутреннимъ могуществомъ и внутреннимъ величiемъ. И потому моя твердая воля, чтобы на просвѣщенiе народа было обращено наибольшее вниманiе» **). Таковы были слова короля Фридриха-Вильгельма III въ воззванiи къ народу тотчасъ послѣ тильзитскаго мира. На основанiи этихъ словъ знаменитый Штейнъ ***), «виновникъ внутренней свободы и гражданской равноправности прусскаго народа», писалъ 24 октября 1808 года высшимъ правинцiальнымъ властямъ и земскимъ представительствамъ: «Нашею главною заботою при этомъ должны быть возвышенiе религiознаго, нравственнаго, патрiотическаго духа въ народѣ, дабы вновь возбудить въ немъ сознательное мужество, довѣрiе къ себѣ и готовность на всѣ пожертвованiя ради независимости отъ иноземцевъ и ради своего народнаго единства. Наибольшаго здѣсь, какъ и во всемъ, должно ожидать отъ правильнаго начальнаго воспитанiя и обученiя народа. Если природныя здоровыя силы народа будутъ возбуждаемы, питаемы и развиваемы начальнымъ образованiемъ въ истинномъ народномъ духѣ, то, безъ сомнѣнiя, мы возрастимъ сильное и крѣпкое въ физическомъ и нравственномъ отношенiи поколѣнiе, проникнутое единымъ народнымъ чувствомъ, сознающее силу и славу отечества въ его народномъ и государственномъ единствѣ, и можемъ смѣло надѣяться увидѣть лучшее будущее».

Удаленный, по требованiю Наполеона, изъ Пруссiи и Германiи, Штейнъ, въ перепискѣ своей съ Гагерномъ (Freiherr v. Gagern), постоянно указываетъ на это народное и государственное значенiе начальнаго образованiя, а въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ своихъ

---

*) До войны 1806 года съ Наполеономъ I Пруссiя владѣла 5.570 кв. м. съ 9.743.000 населенiя; по тильзитскому миру она сохранила только 2.877 кв. м. и менѣе 5.000.000 жителей и должна была уплатить 150 милл. талеровъ контрибуцiи.

**) «Und deshalb ist es mein ernstlicher Wille, dass dem Volksunterricht die grösste Aufmerksamkeit gewidmet werde» (An mein Volk).

***) Freiherr von Stein (1757—1831). Уничтоженiе въ Пруссiи крѣпостнаго права (Erbunterthätigkeit), образованiе, вслѣдствiе сего, свободнаго крестьянскаго сословiя (freier Bauernstand), изданiе новаго городоваго положенiя (Stäetteordnung) и введенiе провинцiальнаго представительства (Provincialvertretung) были (9-го октября 1807 года) славными дѣлами Штейна.

къ нему, какъ-бы пророчески, говоритъ слѣдующее: «Мое желаніе видѣть Пруссію усиленною и увеличенною проистекало не отъ слѣпой привязанности собственно къ этому государству, но изъ убѣжденія, что политическая раздробленность ослабляетъ Германію, уничтожаетъ въ ней общее народное чувство и сознаніе своего народнаго единства и дѣлаетъ ее неспособною къ образованію сильнаго политическаго цѣлаго. Пруссіи предстоитъ возстановить наше общее отечество— единую Германію, *если только она не покинетъ своихъ заботъ о просвѣщеніи своего народа и распространеніемъ въ немъ правильнаго начальнаго образованія положитъ прежде всего твердое основаніе своему собственному народному и политическому единству и могуществу*».

Такое-же пониманіе великаго народнаго и государственнаго значенія начальнаго народнаго образованія руководило и всею дѣятельностью перваго и замѣчательнѣйшаго прусскаго министра учебныхъ и духовныхъ дѣлъ фонъ-Альтенштейна, главною задачею котораго было основать и утвердить въ Пруссіи *христіанскую*, *нѣмецкую*, *прусскую народную школу* (eine christliche, deutsche, preussische Volksschule). Въ общемъ циркулярѣ ко всѣмъ королевскимъ училищнымъ управленіямъ (An alle königl. Schulregierungen, 1808), приведя вышеозначенныя слова короля изъ воззванія къ народу и объяснивъ цѣль учрежденія въ Берлинѣ университета, какъ объединенія и сосредоточенія всего высшаго образованія въ Пруссіи, Альтенштейнъ продолжаетъ: «Въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ училищахъ (Mittelschulen) получаетъ свое образованіе только незначительная часть нашихъ гражданъ; еще меньшее число ихъ имѣетъ возможность посѣщать университеты и другія высшія школы (Hochschulen); весь-же народъ нашъ обучается или, по крайней мѣрѣ, по закону долженъ обучаться въ своей начальной школѣ, и масса его оканчиваетъ все свое образованіе. Отъ начальнаго-же воспитанія и образованія зависитъ въ высшей степени все дальнѣйшее разумное развитіе и направленіе духовной и матеріальной дѣятельности народа. Поэтому начальная народная школа можетъ имѣть самое рѣшительное вліяніе на судьбу народа и всего государства.

«Прусская народная школа до сихъ поръ не имѣла такого значенія и не могла имѣть его; она была собственно только церковно-приходскою школою и научала лишь кое-какъ читать и писать и сообщала скудныя свѣдѣнія по Закону Божію и по самому начальному счисленію; она *вовсе не была разсадникомъ общаго начальнаго народнаго образованія*. Да такое образованіе и не могло быть удѣломъ народа, масса котораго находилась въ крѣпостномъ состояніи, а просвѣ-

щеннѣйшая часть стыдилась своего народнаго, нѣмецкаго, прусскаго имени и тяготѣла къ иноземному и иноплеменному. Но теперь, по волѣ нашего короля, прусскій народъ свободенъ, и тяжелый кровавый опытъ открылъ намъ глаза и научилъ насъ, къ какимъ великимъ утратамъ ведетъ пренебреженіе къ родному, отечественному. Наша народная школа должна отнынѣ сдѣлаться *разсадникомъ истинно народнаго начальнаго образованія*, *составляющаго единое вѣрное и несокрушимое основаніе духовнаго народнаго и государственнаго единства. Она должна быть общимъ начальнымъ христіанскимъ, нѣмецкимъ*, *прусскимъ училищемъ для всего прусскаго народа*, ибо мы прежде всего христіане, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы пруссаки и общее отечество наше—Германія».

«Итакъ, постепенное созиданіе прусской народной школы, какъ разсадника одного общаго для всего прусскаго народа начальнаго образованія, должно быть и будетъ главнымъ дѣломъ нашимъ, и мы твердо убѣждены, что въ этомъ дѣлѣ намъ окажутъ самое ревностное содѣйствіе всѣ королевскія училищныя управленія, пасторы и церковные совѣты и всѣ провинціальныя и мѣстныя народныя представительства.

«Но какъ начать созиданіе такой народной школы? Думаемъ, что тутъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ: школа сама по себѣ мертва, душа школы—учитель. Слѣдовательно, надобно прежде всего употребить самыя энергическія усилія для образованія прусскихъ народныхъ учителей.

«При этомъ главный, самый существенный вопросъ заключается не въ обученіи будущихъ учителей начальной дидактикѣ и методикѣ, не въ томъ, чтобы будущій народный учитель усвоилъ себѣ лучшіе способы и вообще технику элементарнаго ученія—что̀, конечно, также весьма важно для успѣшнаго хода ученія и не должно быть упускаемо изъ виду, но все-же составляетъ лишь внѣшнюю сторону дѣла — а въ томъ, чтобы образовать такихъ учителей для народной прусской школы, которые по духу и чувствамъ своимъ были-бы истинные христіане и нѣмцы-пруссаки, которые точно и опредѣленно знали-бы весь матеріалъ начальнаго народнаго образованія и вполнѣ сознательно усвоили-бы себѣ христіанское народное значеніе начальной школы и проникнулись-бы имъ.

«Въ этомъ духѣ и направленіи будутъ преобразованы и дополнены учебные курсы нашихъ теперешнихъ учительскихъ семинарій и измѣненъ внутренній характеръ ученія въ нихъ. На этихъ-же основаніяхъ, по мѣрѣ образованія вполнѣ способныхъ руководителей, бу-

дутъ постепенно открываемы и новыя заведенія для приготовленія начальныхъ народныхъ учителей.

«Его величество, августѣйшій король и повелитель нашъ, и ея величество, августѣйшая супруга его, королева, только-что соблаговолившіе сдѣлать крупное пожертвованіе на устроеніе центральнаго прусскаго университета въ Берлинѣ, въ твердомъ убѣжденіи, что только одно общее, истинно-христіанское и національное просвѣщеніе народа можетъ прочно установить внутреннее единство и могущество нашего отечества и вновь доставить подобающее ему почетное мѣсто въ средѣ великихъ государствъ Европы, *высочайше и всемилостивѣйше соизволили пожаловать изъ своихъ собственныхъ, крайне стѣсненныхъ великими политическими несчастіями, средствъ 100.000 талеровъ на устройство учительскихъ семинарій.* Кромѣ того, его королевское величество высочайше повелѣлъ, чтобы при первой возможности была ассигнована изъ государственнаго казначейства особая ежегодная сумма для усиленія денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ нынѣ на образованіе учителей для народныхъ училищъ».

Далѣе фонъ-Альтенштейнъ, въ томъ-же циркулярѣ, извѣщаетъ, что, по повелѣнію короля, уже отправлено нѣсколько лучшихъ молодыхъ народныхъ учителей къ Песталоцци для изученія его системы начальнаго воспитанія и ученія, ибо созданная имъ школа есть *истинно христіанская, нѣмецкая начальная народная школа.*

Отправляя этихъ молодыхъ людей къ Песталоцци, Альтенштейнъ писалъ: «Пруссія посылаетъ къ вамъ нашихъ лучшихъ молодыхъ народныхъ учителей, чтобы они усвоили себѣ истинный духъ вашей учебной и воспитательной системы, непосредственно изъ чистѣйшаго источника ея, не только отдѣльныя стороны и части ея, но всѣ вмѣстѣ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ живой органической связи; чтобы они восприняли самую сущность и глубокое народное основаніе ея отъ васъ, великаго виновника ея, и чтобы сердце ихъ прониклось тою-же безкорыстною, горячею, неизсякаемою любовью къ дѣлу народнаго образованія, дабы они, преисполнившись святостью своего призванія, посвятили ему всю свою жизнь».

Такимъ образомъ прусское королевство было первое изъ европейскихъ государствъ, которое сознало великое народное и государственное значеніе новой начальной школы, созданной въ Швейцаріи трудами Песталоцци, и ввело у себя эту истинно народную школу, *какъ государственное учрежденіе* и *какъ разсадникъ общаго начальнаго образованія для всего народа, составляющаго самое вѣрное и самое прочное основаніе всего дальнѣйшаго какъ общаго, такъ и высшаго*

чисто научнаго, такъ и спеціальнаго прикладнаго образованія. Поэтому мы и сочли необходимымъ изложить столь подробно сущность этой новой народной школы, различіе ея отъ прежней народной церковно-приходской школы и возникновеніе ея въ Пруссіи.

Альтенштейнъ оставался министромъ учебныхъ и духовныхъ дѣлъ до 1840 года включительно, и такъ какъ все это время послѣ вѣнскаго конгресса протекло въ мирѣ, то онъ могъ не только ввести въ Пруссіи новыя народныя училища, но и прочно установить ихъ. Онъ началъ съ постепеннаго преобразованія существовавшихъ уже въ Пруссіи 11 учительскихъ семинарій, поручивъ это дѣло возвратившимся отъ Песталоцци народнымъ учителямъ, но подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Въ 1826 году въ Пруссіи уже было 28 главныхъ учительскихъ семинарій (Haupt-Seminarien), вполнѣ устроенныхъ на новыхъ началахъ съ 1.400 воспитанниками и 125 учителями. Кромѣ того, было учреждено значительное число *вспомогательныхъ временныхъ учительскихъ курсовъ* (Hülfs-Seminarien), въ которыхъ въ каникулярное лѣтнее и зимнее время обучались прежніе учителя народныхъ училищъ новой системѣ начальнаго ученія. Въ 1840 году вполнѣ устроенныхъ учительскихъ семинарій было 55 (39 лютеранскихъ и 16 католическихъ) съ 3.409 воспитанниками, и временные учительскіе курсы уже не существовали. Никакого общаго новаго устава народныхъ училищъ издано не было, а новая система общаго начальнаго образованія вводилась въ народныя училища, по мѣрѣ приготовленія начальныхъ учителей, и составлялись частныя училищныя постановленія для тѣхъ провинцій, въ которыхъ эта система могла быть введена. Такія частныя постановленія (напр., Schulordnungen für die Provinz Brandenburg, Westfalen, Rheinland и пр.) касались собственно только новаго устройства учебной части и издавались въ видѣ министерскихъ инструкцій, которыя могли быть измѣняемы министромъ по указаніямъ опыта и представленіямъ провинціальныхъ училищныхъ совѣтовъ; основныя-же общія училищныя положенія, какъ и объ обязательномъ начальномъ ученіи для всѣхъ дѣтей обоего пола отъ 6 до 14-лѣтняго возраста, оставались вездѣ тѣ-же самыя, согласно училищному регламенту Фридриха II, изданному еще въ 1763 году. Вмѣстѣ съ этимъ было обращено особенное вниманіе на личный составъ провинціальныхъ училищныхъ совѣтовъ, и членами отъ правительства по народнымъ училищамъ были назначаемы заслуженные директоры и наставники мѣстныхъ учительскихъ семинарій, достаточно заявившіе свое знаніе дѣла, опытность и ревностное усердіе въ немъ. Это показываетъ, какъ обдуманно и прак-

тично дѣйствовалъ Альтенштейнъ, вполнѣ сознавая, что центральное учебное вѣдомство, находясь въ Берлинѣ, не имѣло никакой возможности само услѣдить за правильнымъ примѣненіемъ постановленій, во всѣхъ подробностяхъ ихъ, въ провинціяхъ и за соглашеніемъ этихъ постановленій съ потребностями и средствами мѣстнаго населенія относительно образованія. На провинціальные училищные совѣты была возложена полная отвѣтственность за возможную успѣшность начальнаго народнаго образованія, и въ этомъ отношеніи прусское правительство никакихъ послабленій не допускало, но и не требовало невозможныхъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ быстрыхъ улучшеній. Всѣ требованія министерства были точны, послѣдовательны и всегда соображены со средствами выполненія ихъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны и для насъ не безъинтересны слѣдующія постановленія прусскаго правительства относительно употребленія нѣмецкаго и польскаго языковъ въ сельскихъ и городскихъ народныхъ школахъ и въ учительскихъ семинаріяхъ въ Познанской провинціи, содержащіяся въ министерской инструкціи, изданной въ 1842 году, когда уже было приготовлено достаточное число учителей, знающихъ оба языка.

I. *Сельскія школы* (Landschulen). 1) Во всѣхъ сельскихъ школахъ, въ которыхъ обучаются въ значительномъ числѣ дѣти нѣмецкаго и польскаго происхожденія, должны быть назначаемы только такіе учителя, которые могутъ свободно преподавать какъ по-нѣмецки, такъ и по-польски. 2) Въ школахъ, посѣщаемыхъ преимущественно польскими дѣтьми, главнымъ языкомъ преподаванія долженъ быть *языкъ польскій*; гдѣ-же большинство дѣтей — нѣмцы, тамъ *нѣмецкій языкъ*. 3) Такъ какъ знаніе государственнаго нѣмецкаго языка необходимо для всѣхъ жителей Познанской провинціи и такъ какъ, по желанію самихъ родителей, во многихъ польскихъ народныхъ школахъ нѣмецкій языкъ уже преподается, то обученіе нѣмецкому языку дѣлается обязательнымъ во всѣхъ народныхъ школахъ. Въ нѣмецкихъ-же начальныхъ школахъ введеніе польскаго языка зависитъ отъ желанія родителей и расходы по преподаванію должны быть отнесены на ихъ счетъ.

II. *Городскія начальныя училища.* 1) Въ низшихъ классахъ употребленіе того или другаго языка въ преподаваніи зависитъ отъ національности учащихся; во всякомъ случаѣ учителями назначаются только хорошо знающіе оба языка, и нѣмецкій языкъ непремѣнно преподается наравнѣ съ польскимъ. 2) Въ высшихъ классахъ, въ которыхъ обучаются преимущественно сыновья болѣе зажиточныхъ

мѣстныхъ гражданъ, особенно купцовъ, *для пользы и успѣшности предстоящихъ имъ торговыхъ и промышленныхъ занятій, преподаваніе всѣхъ предметовъ происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ, за исключеніемъ ученія католической религіи и польскаго языка.*

III. Въ *учительскихъ семинаріяхъ*: 1) Учителями могутъ быть только хорошо знающіе оба языка и свободно говорящіе на каждомъ изъ нихъ. 2) Чтобы доставить католическимъ семинаріямъ воспитанниковъ, свободно говорящихъ по-нѣмецки, молодые поляки, успѣшно окончившіе ученіе въ начальныхъ народныхъ училищахъ и желающіе быть начальными учителями, предварительно поступленія въ семинарію, отдаются за опредѣленную установленную плату отъ общины, или отъ родителей, на два года къ опытнымъ нѣмецкимъ начальнымъ учителямъ, которые обязаны утвердить ихъ въ нѣмецкомъ языкѣ, какъ въ теоретическомъ знаніи его, такъ и въ практическомъ его употребленіи. 3) Такъ какъ всѣмъ семинаристамъ для ихъ будущаго призванія необходимо основательное теоретическое и практическое знаніе нѣмецкаго языка, то поэтому *всѣ предметы*, *кромѣ ученій религіи и польскаго языка*, *преподаются на языкѣ нѣмецкомъ.* Но вмѣстѣ съ этимъ требуется, чтобы семинаристы умѣли преподавать всѣ предметы и *по-польски* и для этого 4) семинаристы старшаго курса преподаютъ въ состоящей при семинаріи начальной школѣ, попеременно, на томъ и другомъ языкѣ, подъ руководствомъ семинарскихъ учителей. 5) Всѣ учебники, употребляемые въ семинаріи и въ начальной школѣ, должны быть написаны на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ. 6) Учителя обязаны, особенно въ низшемъ семинарскомъ классѣ, производить на польскомъ языкѣ частыя повторенія пройденнаго, чтобы убѣдиться, правильно-ли поняли и основательно-ли усвоили семинаристы преподанное на нѣмецкомъ языкѣ.

Всѣ отдѣльныя провинціальныя училищныя положенія, для возможнаго объединенія ихъ, предположено было подвергнуть на предварительное обсужденіе провинціальныхъ земскихъ собраній (Provincial-Landtage) въ 1848 году; но начавшіяся народныя волненія измѣнили ходъ дѣла. Клерикальная партія, постоянно возстававшая противъ новыхъ государственныхъ народныхъ училищъ одержала верхъ въ училищномъ дѣлѣ, и въ 1854 г. были изданы извѣстные *три прусскіе училищные регулатива* (die drei preussischen Schulregulative), установившіе новый учебный курсъ для евангелическихъ учительскихъ семинарій, новыя правила для приготовлявшихся къ поступленію въ эти семинаріи и новое учебное устройство одноклассныхъ евангелическихъ начальныхъ училищъ. Главною цѣлью этихъ регу-

лативовъ было вновь подчинить начальное народное образованіе исключительному вѣдѣнію духовенства. Но новая народная школа уже ушла дальше своего прежняго назначенія: она перестала быть только церковно-приходскою школою, существовавшею для распространенія однихъ начальныхъ религіозныхъ свѣдѣній въ простомъ народѣ, а была общимъ начальнымъ училищемъ для всѣхъ сословій, для всего народа, имѣющимъ цѣлью положить правильное основаніе общему духовному развитію и всему дальнѣйшему образованію дѣтей. Слѣдовательно, стремленіе клерикальной партіи вновь подчинить народныя училища вѣдѣнію духовенства и сдѣлать ее снова исключительно слугою церкви нисколько не соотвѣтствовало новому государственному назначенію и всему учебному устройству новой народной школы. Понятно, поэтому, что какъ всѣ истинно благонамѣренныя правительственныя лица и государственные люди, такъ и всѣ учителя, послѣдователи Песталоцци, и вся песталоцціевская педагогическая литература, во главѣ которой стоялъ Дистервегъ, возстали противъ регулативовъ.

Дистервегъ (1790—1866), самый даровитый и ревностный послѣдователь Песталоцци и продолжатель его дѣла, знаменитый директоръ главной берлинской учительской семинаріи, которому само правительство ввѣрило руководство всѣмъ начальнымъ народнымъ образованіемъ и въ теченіе многихъ лѣтъ слѣдовало его указаніямъ въ этомъ дѣлѣ, авторъ извѣстнаго всѣмъ педагогамъ «*Путеводителя для нѣмецкихъ учителей*» (Wegweiser für deutsche Lehrer, 1835), человѣкъ истинно глубоко религіозный и потому не терпѣвшій ханжества, въ какой-бы формѣ оно ни проявлялось, особенно въ школѣ, въ 1847 г. былъ уволенъ, по проискамъ клерикальной партіи, отъ управленія семинаріею. Послѣ введенія, въ 1850 году, въ Пруссіи конституціоннаго государственнаго уложенія, онъ былъ избранъ членомъ парламента отъ города Берлина и до самой кончины своей, какъ въ своихъ литературныхъ трудахъ, такъ и въ горячихъ, воодушевленныхъ парламентскихъ рѣчахъ, не переставалъ отстаивать песталоцціевскую народную школу и устроенныя на ея основаніяхъ прусскія народныя училища и обличать религіозную фальшь и крайне вредное вліяніе регулативовъ на просвѣщеніе народа. «Въ этой борьбѣ, продолжавшейся и по кончинѣ Дистервега, прошла почти цѣлая четверть вѣка— пишутъ Шнейдеръ и фонъ-埃ремъ въ изданномъ ими совмѣстно сочиненіи— и только послѣ великихъ кровавыхъ событій—побѣдоносныхъ войнъ съ Австріею (1866) и Франціею (1870—1871), возстановившихъ единую германскую имперію подъ главенствомъ Пруссіи и доказавшихъ великое народное и государственное значеніе новой народной школы, эта школа восторжествовала». Назначенный въ 1872 году министромъ

учебныхъ и духовныхъ дѣлъ Фалькъ составилъ проектъ такъ называемаго «наблюдательнаго училищнаго закона» (Schulaufsichtsgesetz), принятый парламентомъ и утвержденный королемъ - императоромъ 11 марта 1872 года, который, подтверждая первенствующее значеніе религіи въ начальномъ народномъ обученіи и оставляя пасторамъ наблюденіе за преподаваніемъ ея въ училищахъ, постановилъ, что «общій училищный надзоръ принадлежитъ государству и что каждый училищный осмотръ производится только отъ имени и по порученію государства (im Namen des Staates und auf Auftrag des Staates)», для чего и учреждаются окружные училищные инспекторы (Kreisschulinspektoren). 15 октября того-же года были изданы «Общія постановленія относительно народныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и приготовляющихся къ поступленію въ семинаріи» (Seminarpraeparanden), которыя уничтожили училищные регулятивы 1854 г. и возстановили альтенштейновское учебное устройство народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій. Вмѣстѣ съ этимъ Фалькъ особенно заботился о приготовленіи начальныхъ учителей и учительницъ, и число учительскихъ семинарій въ его управленіе министерствомъ учебныхъ и духовныхъ дѣлъ (1872—1879) увеличилось съ 70 до 110, а число семинаристовъ и семинаристокъ съ 4.800 до 9.500. Кромѣ единовременнаго пособія, выданнаго изъ государственной казны, въ три милліона марокъ, на исправленіе прежнихъ и устройство хорошихъ помѣщеній для новыхъ учительскихъ семинарій, государственный бюджетъ министерства учебныхъ и духовныхъ дѣлъ вообще значительно возросъ, особенно увеличилось постоянное ежегодное государственное пособіе на народныя училища, именно на жалованье учителямъ и учительницамъ. Въ этомъ вполнѣ благопріятномъ для успѣшнаго дальнѣйшаго развитія общаго начальнаго народнаго образованія направленіи дѣйствовали и преемники Фалька до послѣдняго времени.

На основаніи вышеозначенныхъ «общихъ постановленій», изданныхъ Фалькомъ въ 1874 году, народныя училища въ Пруссіи въ настоящее время имѣютъ слѣдующее учебное устройство: 1) обязательное начальное ученіе назначено для дѣтей обоего пола, отъ 6 до 14-лѣтняго возраста, какъ было установлено общимъ училищнымъ регламентомъ Фридриха Великаго (1763); 2) народныя училища раздѣляются, какъ и прежде, на *городскія* и *сельскія* и могутъ быть одноклассныя, двухъ, трехъ и четырехклассныя и съ большимъ числомъ классовъ; 3) система ученія—*классная*, т.-е. въ каждомъ классѣ всѣ предметы преподаются однимъ учителемъ; 4) въ одноклассной народной школѣ учащіеся по познаніямъ раздѣляются на три послѣдовательныя отдѣленія или ступени, которымъ преподаетъ одинъ

учитель, причемъ общее число учащихся не должно быть больше 80; если-же число учащихся превышаетъ 80 человѣкъ и если средства общины не позволяютъ нанять втораго учителя, то, въ такомъ случаѣ, съ разрѣшенія мѣстнаго учебнаго начальства, устраиваются двѣ полуденныя школы (Halbtagschule), съ 16 еженедѣльными у оками въ каждой. Въ одноклассной школѣ для низшей ступени полагается 20, а для средней и высшей—по 30 уроковъ въ недѣлю. Въ двухклассной школѣ преподаютъ два учителя, въ двухъ отдѣльныхъ классахъ; причемъ, если число учащихся превышаетъ 120, то открывается 3-й классъ, и въ такомъ случаѣ въ низшемъ классѣ полагается 12, въ среднемъ 24 и въ третьемъ 28 уроковъ въ недѣлю. Въ народныхъ училищахъ съ 3-мя, 4-мя и болѣе учителями и со столькими-же классами, для перваго класса полагается 20, для втораго класса 24, для третьяго, четвертаго и для прочихъ высшихъ классовъ отъ 30 до 32 уроковъ въ недѣлю. Въ многоклассныхъ школахъ признается желательнымъ отдѣльное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ; 5) въ народномъ училищѣ преподаются: *религія* (св. исторія, особенно разсказы о жизни и ученіи Христа и о дѣяніяхъ апостольскихъ, какъ содержащіе въ себѣ основаніе христіанской церкви; чтеніе библіи, особенно избранныхъ мѣстъ изъ пророческихъ книгъ, псалмовъ и изъ Новаго Завѣта; краткій катехизисъ Лютера, объясняемый на основаніи разученныхъ уже дѣтьми исторій изъ Св. Писанія, и съ заучиваніемъ соотвѣтствующихъ библейскихъ текстовъ: краткое объясненіе богослуженія и главнѣйшихъ церковныхъ пѣсенъ). *Нѣмецкій языкъ*. Наглядное упражненіе въ разговорѣ; чтеніе, письмо, съ соотвѣтствующими возрасту и пониманію учащихся упражненіями въ устномъ и письменномъ пересказѣ прочитанныхъ статей; изъ грамматики: необходимыя понятія о простомъ и сложномъ предложеніяхъ, частяхъ рѣчи, склоненіяхъ и спряженіяхъ и необходимыхъ орѳографическихъ правилахъ. *Счисленіе*, начиная съ нагляднаго счета и изученія чиселъ первой сотни, въ трехъ-, четырехъ- и многоклассныхъ училищахъ преподается вся элементарная ариѳметика съ извлеченіемъ корней и съ приложеніемъ къ домашнему счетоводству; въ одноклассныхъ-же и двухклассныхъ школахъ—дѣйствія надъ цѣлыми, отвлеченными и именованными числами и надъ простыми дробями и простое тройное правило, съ постоянными упражненіями въ устномъ и письменномъ вычисленіи задачъ. *Начальная геометрія* (Form und Raumlehre), начиная съ нагляднаго разсматриванія пяти правильныхъ геометрическихъ тѣлъ и въ соединеніи съ обученіемъ линейному черченію. *Рисованіе*, цѣль котораго—развитіе глаза и руки и пріученіе изображать, при помощи линейки и циркуля, простѣйшіе изъ окружающихъ пред-

метовъ, имѣющихъ прямолинейное очертаніе: скамья, столъ, стулъ, дверь, окно, небольшой домъ, сельская церковь и т. п. *Исторія* (Пруссіи и Германіи въ послѣдовательныхъ разсказахъ о болѣе замѣчательныхъ событіяхъ). Изъ всеобщей исторіи только тѣ событія, которыя необходимы для объясненія отечественныхъ. *Географія*, начиная съ родиновѣдѣнія, географія Пруссіи и Германіи и необходимыя понятія о видѣ и движеніи земли, день, ночь, годъ, времена года, страны свѣта, материки, океаны и части свѣта. Черченіе карты Пруссіи и Германіи, начиная съ плана классной комнаты и мѣстожительства. *Природовѣдѣніе* (Naturkunde): *естественная исторія*, главнымъ образомъ наглядное ознакомленіе съ мѣстными полезными и вредными растеніями, животными, минералами и мѣстною почвою; изъ иноземныхъ естественныхъ произведеній: большія домашнія животныя и звѣри и культурныя растенія, доставляющія общеупотребительные продукты: хлопчатникъ, шелковица, чайное и кофейное дерево, сахарный тростникъ и т. п. необходимыя свѣдѣнія о человѣческомъ тѣлѣ съ гигіеническими объясненіями. *Физика*. Главнѣйшія свѣдѣнія о равновѣсіи и движеніи тѣлъ, звукѣ, свѣтѣ, теплотѣ, магнетизмѣ и электричествѣ, настолько, чтобы учащіеся могли понимать обыкновенныя физическія явленія, машины и приборы. *Пѣніе* хоровое церковныхъ и народныхъ гимновъ и пѣсенъ. *Гимнастическія упражненія* и *игры* и *женскія рукодѣлья* для дѣвочекъ.

Для *всѣхъ учительскихъ семинарій* установленъ *трехгодичный учебный курсъ*, раздѣляющійся на *три класса*, и при каждой семинаріи должна состоять по крайней мѣрѣ *одноклассная начальная школа* для практическихъ упражненій семинаристовъ въ начальномъ преподаваніи. Въ третьемъ (низшемъ) классѣ уравниваются и утверждаются вступительныя познанія семинаристовъ, согласно установленной програмѣ для приготовительныхъ семинарскихъ курсовъ (Präparandenbildung), такъ какъ не всѣ поступившіе воспитанники приготовлялись въ этихъ курсахъ, причемъ повтореніе производится элементарнымъ методомъ и отъ семинаристовъ настойчиво требуется ясное, правильное устное и письменное изложеніе отвѣтовъ. Во второмъ классѣ сообщаются необходимыя для полнаго пониманія дополнительныя свѣдѣнія, особенно по *нѣмецкому языку* (систематическій курсъ элементарной грамматики, объяснительное чтеніе произведеній Шиллера, Гёте, Лессинга, Кёрнера, Арндта, Уланда, Рюкерта и др.); по *математикѣ*: алгебра до уравненій первой степени включительно и систематическій курсъ элементарной геометріи; по *естествовѣдѣнію*: дополнительныя теоретическія свѣдѣнія изъ естественной исто-

ріи, физики и неорганической химіи. Кромѣ того, семинаристы 2-го класса присутствуютъ на урокахъ семинарскихъ учителей въ состоящей при семинаріи начальной школѣ, помогаютъ имъ и даютъ сами первые пробные уроки. Въ первомъ классѣ повторяется весь семинарскій курсъ, и семинаристамъ сообщаются указанія для ихъ дальнѣйшаго *самообразованія,* «такъ какъ учитель долженъ всегда идти впередъ, увеличивать и углублять свои познанія и свое духовное развитіе, а не стоять на одной точкѣ». Кромѣ того, каждый семинаристъ 1-го класса преподаетъ въ начальной семинарской школѣ подъ руководствомъ ея учителя и своихъ семинарскихъ наставниковъ. Семинарскій курсъ *религіи* состоитъ въ болѣе подробномъ объяснительномъ изложеніи катехизиса, краткой исторіи лютеранской церкви и, особенно, въ повтореніи начальнаго курса священной исторіи на объяснительномъ чтеніи соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ библіи и Евангелія, а также и нѣкоторыхъ посланій апостола Павла, съ цѣлью полнаго сознательнаго усвоенія преподаваемаго курса религіи въ народныхъ училищахъ и развитія въ семинаристахъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій. Семинарскій курсъ педагогики состоитъ, главнымъ образомъ, изъ исторіи начальнаго воспитанія и ученія, особенно исторіи новой нѣмецкой песталоцціевой народной школы до послѣдняго времени включительно, изъ дидактики и элементарной методики и школьной гигіены. Вообще-же все ученіе въ семинаріи имѣетъ въ виду не сообщеніе семинаристамъ обширныхъ научныхъ познаній, а прочное и вполнѣ сознательное усвоеніе семинаристами сообщаемыхъ необходимыхъ знаній, ибо «учитель долженъ хорошо знать и понимать то, что онъ дѣлаетъ въ школѣ, а не дѣйствовать какъ машина».

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ подъ руками, въ 1888 году всѣхъ дѣтей обязательнаго школьнаго 6—14-лѣтняго возраста въ Пруссіи было 4.759.937, изъ которыхъ 4.340.000 обучались въ народныхъ училищахъ, городскихъ и сельскихъ, и 385.500 дѣтей учились въ другихъ (по нѣмецкой терминологіи) среднихъ училищахъ (Mittelschulen), въ прогимназіяхъ, гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ; но и изъ нихъ около 200.000 получили первоначальное образованіе въ народныхъ училищахъ. Изъ этого видно, что *прусская народная школа сдѣлалась дѣйствительно общимъ начальнымъ народнымъ училищемъ для всего народа.*

Н. Вессель.

(*Продолженіе будетъ*).

ИЗЪ МОИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Продолженіе).

Упомянувъ про незабвеннаго Гульча, не могу не сказать нѣсколько словъ о другомъ надзирателѣ въ нашей первой палатѣ, французѣ Симонѣ, дежурившемъ черезъ день съ Гульчемъ. Насколько добродушный Гульчъ мало думалъ о щегольствѣ, настолько Симонъ представлялъ изъ себя тщательно прибраннаго человѣка среднихъ лѣтъ. Черные какъ смоль волосы его, поднимающіеся дыбомъ, образовали какъ-бы мѣховую шапку на его головѣ; красиво подстриженныя бакенбарды оканчивались густымъ, но тоже подстриженнымъ подбородкомъ. Сюртукъ и остальная часть туалета отличались щегольскимъ покроемъ и безукоризненной чистотой. Не менѣе щеголевато покуривалъ онъ изъ нарядной пѣнковой трубки, не затягиваясь, а выпуская дымъ самыми мелкими клочками. Находясь во время рекреацій въ добромъ расположеніи духа, онъ обращался къ ученикамъ въ дидактическомъ тонѣ, неизмѣнно начинавшемся фразой: «chez nous à Genève...», и вслѣдъ затѣмъ слѣдовало самое невѣроятное хвастовство, такъ что между собою мы его иначе не называли, какъ «chez nous». Принимая въ аллеѣ участіе въ нашей игрѣ въ лапту, онъ старался, по возможности, ловко подбить мячъ и особенно вызывающе крикнуть на бѣгу: «toquez» Но въ минуты раздраженія, подозрѣвая оппозицію, онъ не скупился на выраженія: «grossier» и «gaillard».

Раза два пришлось и мнѣ попадать подъ рѣзкую митральезу этихъ выраженій.

Однажды, когда, вечеромъ, вынесши изъ класснаго чуланчика въ лѣвомъ рукавѣ глиняную стамбулку съ коротенькимъ чубучкомъ, туго набитую Жуковымъ, и вышедши за двери сѣней на морозъ, я вдоволь насладился отчаянными затяжками, я сунулъ снова въ рукавъ докуренную трубку и, чтобы поскорѣе отнести ее на прежнее мѣсто, быстро бросился черезъ сѣни. Но не успѣлъ я растворить дверей,

какъ уже рука Симона крѣпко схватила мою лѣвую, причемъ онъ настойчиво повторялъ: «où est ce que vous avez été? Voyons?»

Я сначала сказалъ было: «nulle part», но, почувствовавъ, что говорю глупость, замолкъ совершенно. Увидавъ въ моемъ молчаніи оппозицію, Симонъ засыпалъ меня словами: «gaillard» и «grossier», подвергая меня притомъ жестокой пыткѣ: раскаленную трубку я вложилъ въ рукавъ такимъ образомъ, чтобы она висѣла въ немъ, не касаясь моего тѣла; если-бы схватившій меня за руку Симонъ охватилъ ее настолько, чтобы пальцы его сомкнулись съ противоположныхъ сторонъ, то онъ тотчасъ-же ощупалъ-бы чубукъ; но такъ какъ, не сближая пальцевъ, онъ плотно притянулъ ими рукавъ къ исподу моей руки, то тѣмъ самымъ припекалъ меня разогрѣвшеюся трубкой. Вынося нестерпимую боль, я, съ одной стороны, вспоминалъ спартанца, заѣденнаго украденною лисицей, а съ другой—даже самого Муція Сцеволу. Такъ я и отдѣлался сильнымъ обжогомъ.

Въ другой разъ, зимою, когда чухонка принесла въ классъ утреннее молоко съ ситнымъ хлѣбомъ, я похвасталъ, что перебѣгу съ нашего параднаго крыльца на уголъ черезъ улицу и принесу кренделей, только-что выпущенныхъ изъ печки Шлейхера.

— И мнѣ, и мнѣ, послышался шепотъ со всѣхъ сторонъ, и каждый совалъ мнѣ въ руку свою долю мѣдяковъ.

Взбѣжавъ по высокому крылечку, я у Шлейхера въ булочной биткомъ нагрузилъ кренделями всѣ карманы моего сѣраго польскаго сюртучка, а также и карманы брюкъ, такъ что, полагаю, по одному взгляду, не говоря объ осязаніи, можно было видѣть, до какой степени я былъ навьюченъ. Перебѣжавъ обратно съ угла на уголъ какихъ-нибудь двадцать шаговъ, я взбѣжалъ на наше парадное крыльцо. Но не успѣлъ я, отворя дверь, вступить въ темный залъ, какъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за руку, и я узналъ голосъ Симона.

— Ah, je le savais bien! D'où venez vous? Tiens, tiens, maintenant je le sais! Allons chez monsieur Crummer.

— Выкладывай свои трофеи, сказалъ Крюммеръ, снимая съ гвоздя ключъ,—и пойдемъ-ка въ карцеръ.

Съ этимъ вмѣстѣ мы отправились въ холодныя переходныя сѣни, и тамъ, отомкнувъ темный чуланъ съ крошечнымъ окошкомъ, сквозь которое никакая голова пролѣзть не могла, директоръ сунулъ меня туда. Въ чуланѣ не оказалось никакой скамейки, на которой можно-бы присѣсть, и такъ какъ туда попадали большею частью ученики меньшихъ классовъ, и никто никогда этого чулана не чистилъ, то, я по-

лагаю, никакія подземныя хивинскія тюрьмы не превзошли-бы неопрятностью этого помѣщенія, предназначеннаго для дѣтей чопорнаго прибалтійскаго дворянства. Къ этому надо присовокупить, что карцеръ, подобно сѣнямъ, былъ нетопленъ, и вода въ немъ застывала. Что-бы сказали объ этомъ теперешніе родители, а въ теченіе трехлѣтняго моего пребыванія въ школѣ среди 70-ти учениковъ не было ни одного смертнаго случая. Да и заболѣванія были весьма рѣдки. Въ школѣ не только не упоминалось слово докторъ, но даже не было помѣщенія, называемаго больницей. Заболѣвающій мальчикъ отправлялся на свою обычную дортуарную койку, и затѣмъ кастелянша мочила ему голову уксусомъ, или давала малины или липоваго цвѣта. Скука въ безлюдномъ дортуарѣ заставляла мальчика при первой возможности бѣжать обратно въ классъ. Такой режимъ по отношенію къ больнымъ напоминаетъ мнѣ эпизодъ болѣзни одного изъ ученѣйшихъ преподавателей заведенія Эйзеншмидта. Услыхавъ, что Эйзеншмидтъ сильно заболѣлъ и лежитъ безъ всякаго призора въ своей комнатѣ, человѣка два-три изъ взрослыхъ товарищей, въ томъ числѣ и я, условились проводить ночи въ его комнатѣ, засыпая на стульяхъ и попеременно бодрствуя. Припоминая безъ того худощаваго Эйзеншмидта во время его болѣзни, продолжавшейся около двухъ недѣль, я полагаю, что у него былъ тифъ. Онъ не только ничего не ѣлъ и не пилъ, но даже не двигался, а только порою раскрывалъ и снова закрывалъ глаза. Конечно, мы пошли караулить его изъ сочувствія; но онъ былъ, подобно большинству нѣмецкихъ учителей, человѣкъ курящій, и стоило первому изъ бодрствующихъ учениковъ набить и слегка закурить его трубку, чтобы затѣмъ трубка эта, переходя изо рта въ ротъ, всю ночь не угасала, вслѣдствіе чего мы всѣ, въ томъ числѣ и бѣдный больной, сидѣли въ двухсаженной въ квадратѣ комнатѣ, накуренной, какъ коптильня.

Стоя на вершинѣ многолѣтія, справедливѣе относишься и къ себѣ, и къ другимъ, видя ясно, что люди въ большей или меньшей степени держатся убѣжденія дикаря, что если онъ украдетъ чужую жену, то это благо, а если у него украдутъ, то это зло. Казалось-бы, мнѣ больше всего надлежало убѣдиться въ несправедливости и безнравственности безпричиннаго приставанія къ слабому. Но и я въ свою очередь не могъ удержаться, чтобы не надоѣсть другому, хотя-бы и не такимъ грубымъ образомъ.

Въ цѣлой школѣ насъ, русскихъ, не слушавшихъ по субботамъ уроковъ лютеранскаго катехизиса, было только пятеро: три Ѳедоровыхъ изъ Петербурга, до невозможности сухощавый Коробицынъ и я.

Въ субботу, въ которую послѣобѣденныхъ занятій не было, мы всѣ пятеро отправлялись черезъ весь городъ въ домъ единственнаго русскаго священника на урокъ Закона Божія. Силуэтъ сухопараго Коробицына до того былъ угловатъ, что я ухитрился собрать на классной доскѣ мѣломъ его образъ изъ треугольниковъ, такъ что большой треугольникъ, сходившій вершиною книзу въ видѣ подбородка, украшался кверху маленькимъ въ видѣ носа. Такими-же удлиненными треугольниками являлись руки и ноги, изъ которыхъ послѣднія стояли на двухъ треугольникахъ въ видѣ сапоговъ. Подъ этимъ изображеніемъ я подписывалъ крупными буквами: «изъ однихъ треугольниковъ состоящій человѣкъ», къ восхищенію класса, восклицавшаго: «Коробицынъ, Коробицынъ».

Чувствомъ козырянія насчетъ ближняго изо всѣхъ выдавался мальчикъ третьей палаты—полякъ Чихоновецкій. Недурной собою, широкоплечій брюнетъ, онъ отличался атласной гладкостью лица и сильнымъ румянцемъ щекъ и даже горбатаго носа. Совершенно чужой въ нашихъ высшихъ палатахъ, онъ, тѣмъ не менѣе, изыскивалъ предлоги и случаи приходить къ намъ, гдѣ его радушно встрѣчали за его льстивость и вкрадчивость.

— Душенька, говорилъ онъ, обращаясь къ кому-либо изъ насъ:— я такъ тебя люблю, ну позволь мнѣ тебя обнять.

При этомъ все лицо его выражало чувство полнѣйшаго умиленія.

— Ну, позволь, продолжалъ онъ,—дать тебѣ только бузю! (Такъ онъ называлъ поцѣлуй). Съ этимъ вмѣстѣ онъ приникалъ атласистой щекой плотно къ щекѣ собесѣдника, который, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ лишался возможности видѣть, что лицо Чихоновецкаго принимало грозный видъ по сосѣдству съ ухомъ избранника. Между тѣмъ Чихоновецкій мгновенно выставлялъ дразнящій языкъ, въ соотвѣтствіе съ приподнятымъ кулакомъ. Нерѣдко такія лобзанія кончались жестокимъ щипкомъ со стороны Чихоновецкаго, мгновенно бѣжавшаго къ двери и исчезавшаго.

Однажды этотъ полячекъ даже заочно сдѣлался предметомъ веселости для класса. Были у насъ два прекрасныхъ ученика Вульфы, изъ которыхъ меньшій, при отличныхъ способностяхъ, отличался упрямствомъ. Обладая прекрасной памятью, онъ былъ постоянно первымъ на первой скамьѣ въ классахъ исторіи и географіи.

— Вульфъ, какъ называется вотъ этотъ городъ? спросилъ однажды Гульчъ, указывая прутикомъ на кружокъ нѣмой карты.

Вульфъ не отвѣтилъ.

— Слѣдующій, сказалъ учитель.

— Чивита-Векія, отвѣчалъ слѣдующій и былъ пересаженъ на первое мѣсто.

— Вульфъ, какъ называется городъ?

— Чи... чи... Чихоновецкій.

Весь классъ захохоталъ.

— Слѣдующій, какъ называется городъ?

— Чивита-Векія.

— Пересядьте вверхъ.

— Вульфъ, какъ называется городъ?

— Чихоновецкій.

И такъ восьмнадцать разъ, пока Вульфъ, захлебываясь отъ рыданій, со словомъ Чихоновецкій изъ перваго сдѣлался послѣднимъ и затѣмъ, выгнанный за дверь, долженъ былъ выучить тамъ двадцать пять стиховъ изъ Энеиды.

Я уже говорилъ о мѣсячныхъ карманныхъ деньгахъ, но рядомъ съ этимъ слѣдуетъ упомянуть о классной штрафной книжкѣ, бывшей въ рукахъ у всякаго надзирателя. Въ ней штрафовались не проступки, подвергавшіеся другимъ карамъ, а простыя небрежности и нарушеніе правилъ приличія. За каждое такое нарушеніе, напримѣръ, стояніе или сидѣніе на столѣ, разговоръ въ рекреаціонное время на нѣмецкомъ языкѣ, когда слѣдовало говорить по-французски или по-русски, пролитіе чернилъ и т. д.—слѣдовалъ штрафъ въ размѣрахъ одной копѣйки. Тѣмъ не менѣе изъ такихъ штрафовъ въ теченіе года собиралась достаточная сумма, размѣровъ которой опредѣлить не берусь. Знаю только, что лѣтомъ на прогулкахъ до ближайшей молочной фермы на эти деньги покупались шайки кислаго молока и черный хлѣбъ, которымъ ученики могли лакомиться всласть. Въ городѣ, во время созрѣванія ягодъ, надзиратель платилъ хозяину сада извѣстную сумму изъ этихъ денегъ за право учениковъ щипать ягоды сколько хотятъ.

Троицынъ день у лютеранъ въ особенномъ почетѣ, и, если я не ошибаюсь, въ школѣ онъ праздновался трое сутокъ. Тутъ два младшіе класса подъ предводительствомъ надзирателей уходили на какую-нибудь ближайшую ферму, а намъ, старшимъ, предоставлялось право нанимать верховыхъ лошадей и подъ предводительствомъ надзирателя пускаться въ довольно отдаленныя прогулки.

Такъ однажды, я помню, мы не только добрались до Нейхаузена, съ его историческими развалинами зáмка, но проѣхали и до Печоръ, гдѣ побывали и въ монастырѣ, и въ прилегающихъ къ нему пеще-

рахъ, углубляющихся въ гору на подобіе кіевскихъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться позднѣе.

Въ пограничной псковской корчмѣ, гдѣ мы давали вздохнуть нашимъ наемнымъ конямъ, мы наткнулись на великорослыхъ русскихъ троечниковъ, везшихъ какой-то товаръ. Обрадовавшись землякамъ, я тотчасъ-же пустился въ разговоры и долженъ былъ въ свою очередь отвѣчать на ихъ вопросы.

— Такъ сами-то вы, добивался мой ражій собесѣдникъ,—какъ сюда зашли?

А затѣмъ, выслушавъ мои объясненія, прибавилъ: «значитъ разными иностранными языками обучаетесь».

Когда мы за Нейхаузеномъ, перешедши черезъ мостикъ, очутились на русской землѣ, я не могъ совладѣть съ закипѣвшимъ у меня въ груди восторгомъ: слѣзъ съ лошади и бросился цѣловать родную землю.

Независимо отъ нашихъ школьныхъ поѣздокъ верхомъ, а для меньшихъ классовъ въ фургонахъ, въ праздники Пятидесятницы на противоположномъ берегу широкаго озера, доходящаго до самаго сада школы,—знаменитый нашъ хлѣбникъ Шлейхеръ устраивалъ народное стрѣльбище въ цѣль на призы. Въ хорошую погоду такой городской праздникъ выходилъ великолѣпный; и, конечно, мы, школьники, присутствовали на немъ только въ качествѣ зрителей и усердныхъ покупщиковъ шлейхеровыхъ пряниковъ во всѣхъ видахъ. За-то двое изъ нашихъ учителей, Гульчъ и не менѣе его страстный охотникъ и стрѣлокъ Текстеръ, играли между стрѣлками, соискателями премій, самыя оживленныя роли. Надо было видѣть, съ какимъ тщаніемъ аккуратный Гульчъ приготовлялъ къ стрѣльбѣ въ цѣль свою прекрасную винтовку. Устройство самаго стрѣльбища было очень немногосложно. Передъ широкой палаткой съ развернутыми по направленію къ озеру полами вкопанъ былъ столбъ съ большимъ круглымъ щитомъ, съ концентрическими бѣлыми и черными кругами, посреди которыхъ, въ качествѣ центральной цѣли, вколочена была деревянная пробка, а за этимъ щитомъ, выставленнымъ на берегу озера, въ двухъ-стахъ шагахъ отъ палатки былъ выкопанъ ровъ, за насыпью котораго сидѣлъ маркеръ, забивавшій молоткомъ на длинной рукояткѣ запасный клепышекъ въ пробитую послѣдней пулей дыру въ щитѣ. Когда же стрѣлокъ давалъ полный промахъ по щиту, маркеръ съ насмѣшливыми ужимками махалъ своимъ молоткомъ по воздуху. Хотя каждый стрѣлокъ видѣлъ, въ какой изъ концентрическихъ круговъ онъ попалъ, но въ смыслѣ полученія приза это было безразлично,

такъ какъ состязаніе на призъ возникало только между попавшими въ самую кнопку, которая, пораженная пулей, выбивалась, надписывалась и замѣнялась новою. Степень близости выстрѣловъ къ центру въ послѣдовательномъ порядкѣ опредѣлялась, по окончаніи стрѣльбы, въ самой палаткѣ стрѣлковъ экспертами съ помощью циркуля. Кромѣ собственныхъ штуцеровъ, принадлежавшихъ стрѣлкамъ-любителямъ, въ палаткахъ находились штуцера и заряды, предлагавшіеся Шлейхеромъ, помнится по пяти копѣекъ за выстрѣлъ, независимо отъ права выстрѣлить три раза, стоившаго десять копѣекъ. Подъ покровительствомъ Гульча и я очутился въ числѣ соискателей приза. Призовъ было нѣсколько, начиная съ большаго серебрянаго кубка, дюжины серебряныхъ ложекъ, большаго серебрянаго суповаго ковша до пѣнковой трубки въ серебрѣ. Не мало̀ было наше удивленіе, когда среди стрѣлковъ появился нашъ неуклюжій школьный слуга Мертъ. Подвыпивъ съ пріятелями, онъ со словами: «хоть я и не стрѣляю, но отецъ мой стрѣлялъ, отчего-же и мнѣ не попытать счастья?» отправился въ палатку. Здѣсь, по примѣру другихъ, онъ положилъ наемный штуцеръ на подсошку и выстрѣлилъ. Каково-же было всеобщее изумленіе, когда маркеръ указалъ молоточкомъ на самую середину кнопки. Много пуль выпустилъ затѣмъ восторженный Мертъ, но всѣ онѣ летѣли въ озеро, ни разу не задѣвая щита. По окончаніи стрѣльбища, совершенно охмѣлѣвшій Мертъ оказался царемъ стрѣлковъ и въ этомъ качествѣ требовалъ, чтобы несли его на щитѣ въ палатку, что и было исполнено къ общей веселости.

Заговоривъ о миломъ Гульчѣ въ качествѣ охотника и стрѣлка, не могу не припомнить и другаго учителя охотника, бывшаго кадета и впослѣдствіи отставнаго офицера Текстера. Какъ о преподавателѣ русскаго языка, о немъ не стоило-бы и говорить. Заставляя учениковъ изъ году въ годъ долбить Греча, онъ ничѣмъ не оживлялъ своего преподаванія, и не мудрено, что я нерѣдко былъ изловляемъ имъ и штрафованъ на копѣйку за нѣмецкій разговоръ во время рекреаціи, когда подъ надзоромъ его слѣдовало говорить по-русски. Говорить по-русски съ такими собесѣдниками представляло истинную пытку. Но какъ охотникъ Текстеръ вполнѣ заслуживаетъ быть упомянутымъ. Живо помню его небольшую сухопарую и остроносую фигурку, въ будни въ сѣромъ короткомъ сюртучкѣ, а въ праздникъ въ синемъ фракѣ съ ясными пуговицами, съ неизмѣнно заложеннымъ въ боковой карманъ лѣвымъ рукавомъ, такъ какъ руку эту онъ самъ раздробилъ себѣ, потащивъ за стволъ въ камышѣ ружье, которое и взвелось и выстрѣлило, какъ это нерѣдко въ такихъ случаяхъ бы-

ваетъ. Съ своей потерей лѣвой руки онъ, повидимому, совершенно свыкся, и цѣлый день съ неизмѣнной жадностью затягивался Жуковымъ изъ неугасающей трубки. Порываясь въ праздникъ на цѣлый день на озеро, онъ готовъ былъ отдежурить въ будни вдвое за товарища, снабжающаго его воскреснымъ досугомъ. Такъ какъ предусмотрительный Крюммеръ понемногу скупалъ отдѣльные городскіе домики, сдавая ихъ впослѣдствіи женатымъ учителямъ, то и Текстеръ съ женою и дѣтьми помѣщался въ небольшомъ такомъ домикѣ на самомъ берегу озера. Когда весною вода, прибывавшая съ притоковъ, не успѣвала изливаться въ ниже стоящее озеро, половодье не разъ заставляло семью Текстера выбираться на квартиры къ пріятелямъ. Разсказывали даже, что въ одну весну въ комнаты его жилья забѣжала рыба и, не нашедши обратнаго выхода, обмелѣла на полу.

Рано утромъ, въ воскресенье, Текстеръ, отвязавши свою лодку, клалъ передъ собою на скамейкѣ заряженное ружье и ягташъ съ охотничьими принадлежностями, коробочку съ червями и одну или двѣ удочки. Затѣмъ, прижимая легкое весло верхнимъ концомъ къ груди, онъ ловко гребъ и давалъ желаемое направленіе лодкѣ. Потомъ, отъѣхавъ отъ берега, онъ, насадивъ червяковъ на крючки, забрасывалъ удочки въ воду и втыкалъ удилища въ приготовленныя на бортахъ отверстія; затѣмъ, вынувъ изъ зубовъ неразлучную трубку, онъ тщательно вычищалъ ее, набивалъ табакомъ изъ висящаго на ягташѣ кисета и доставалъ изъ него-же превосходный кремень, трутъ и огромное огниво. Съ этимъ огнивомъ онъ никогда не разлучался, а каждый разъ, чтобы высѣчь огня, зажималъ его между колѣней и, прихвативши кусокъ трута къ острому кремню, проводилъ послѣднимъ по огниву. Такимъ образомъ огонь добывался мгновенно. Запасшись пылающею трубкой, неутомимый Текстеръ укладывалъ все на прежнее мѣсто, снова брался за весло и направлялъ лодку въ камыши, гдѣ надѣялся подкараулить неосторожную утку или поживиться болѣе крупною рыбой.

Однажды зимою въ нашей школѣ появился толстоватый и неуклюжій на видъ пожилой человѣкъ, приведшій чернаго, кудряваго и высокорослаго сына совершенно цыганскаго типа, но, какъ оказалось, получавшаго до 15-ти лѣтъ воспитаніе въ Швейцаріи и говорившаго только гнусливымъ и мало понятнымъ французскимъ языкомъ. У насъ онъ поступилъ, не смотря на свой ростъ, въ меньшой классъ. Фамилія его была Воейковъ. Услыхавъ, что я русскій, старикъ Воейковъ, прожившій въ гостинницѣ около недѣли, выпросилъ у Крюммера позволеніе взять меня вмѣстѣ съ сыномъ своимъ къ себѣ на воскресенье.

Я забылъ сказать, что по рукописной книгѣ Борисовской библіотеки, я дома познакомился съ большинствомъ первоклассныхъ и второстепенныхъ русскихъ поэтовъ, отъ Хераскова до Акимова включительно, и помнилъ стихи, наиболѣе мнѣ понравившіеся. Я замѣтилъ, что грубоватому Воейкову было пріятно, что я помнилъ много куплетовъ изъ его «Сумасшедшаго дома». Просилъ онъ меня принять участіе въ его сынѣ, но участіе мое ни къ чему не повело: молодой Воейковъ не оказывалъ никакихъ успѣховъ ни по части общежительности и дружбы, ни по части наукъ. Кажется, въ теченіе того-же года отецъ взялъ его изъ школы, и дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Мое качество кореннаго русскаго обратило на себя вниманіе лифляндскаго помѣщика испанскаго происхожденія, Перейры, но обрусѣвшаго въ русской артиллеріи, въ которой, достигнувъ чина полковника, онъ женился на весьма милой дочери лифляндскаго богача Вульфа, обладавшаго, какъ мнѣ говорилъ самъ директоръ Крюммеръ, 360-ю большихъ и малыхъ имѣній и фольварковъ. Отставной артиллерійскій полковникъ Перейра получилъ за женою въ приданое прекрасное имѣніе и прижилъ съ нею двухъ дѣтей: мальчика Альфонса и дѣвочку, носившую имя матери—Елизавету. Молодой Перейра, малый моихъ лѣтъ, былъ во второй палатѣ и никакъ не выше третьяго класса, но зато отличался всякаго рода шалостями и непокорствомъ. Считая, вѣроятно, для сына, предназначаемаго въ военную службу, мое товарищество полезнымъ, хотя-бы въ видахъ практики въ русскомъ языкѣ, полковникъ сперва упросилъ Крюммера отпускать меня въ гостинницу въ дни, когда самъ пріѣзжалъ и бралъ къ себѣ сына, а затѣмъ, узнавши, что изо всей школы на время двухъ-мѣсячныхъ каникулъ, я одинъ останусь въ ней по отдаленности моихъ родителей, онъ упросилъ Крюммера отпустить меня къ нимъ вмѣстѣ съ сыномъ. Полковникъ Перейра, оказалось, былъ человѣкъ зажиточный, содержавшій имѣніе и домъ, при помощи привѣтливой и красивой блондинки жены, въ примѣрномъ порядкѣ. Мы съ Альфонсомъ пользовались полною свободой, но причудамъ послѣдняго и шалостямъ представлялось въ имѣніи отца слишкомъ тѣсное поприще, такъ какъ всякая изъ выходокъ могла дойти до отца, который, поставляя меня въ примѣръ благонравія, не щадилъ сына рѣзкими замѣчаніями. За неимѣніемъ лучшаго развлеченія, Альфонсъ забавлялся преслѣдованіемъ своей милой сестры, гонялся за нею и нещадно теребилъ ея прекрасныя свѣтлорусыя косы. Бѣдная дѣвочка кричала и плакала; на голосъ ея выходила мать и останавливала шалуна, но, по уходѣ

ея, преслѣдованія сестры начинались снова, такъ что я нерѣдко вступался за дѣвочку. За-то, когда насъ привозили по сосѣдству въ знаменитое имѣніе Сербигаль къ богатому дѣду Альфонса Вульфу, проказамъ и своеволію мальчика не было границъ. Престарѣлые дѣдъ и бабка души не чаяли въ ненаглядномъ внукѣ; онъ это зналъ и распоряжался въ домѣ, какъ баши-бузукъ. Хотѣлось-ли ему сластей Люнеля или дорогаго рейнвейна, онъ выжидалъ минуты, когда ключница шла въ кладовую и въ погребъ; тамъ онъ, насыпавши полные карманы изюму, миндалю и черносливу, вырывалъ у нея изъ рукъ бутылки съ дорогимъ виномъ, и, когда та начинала ворчать: «но господинъ Перейра, какъ-же это можно?» онъ кричалъ ей: «убирайтесь вы! какъ это глупо такъ приставать къ людямъ!»

Случилось однажды, что въ богатомъ Сербигалѣ, когда туда собрались наши товарищи, дѣти окрестныхъ помѣщиковъ, пріѣхалъ и Крюммеръ, пользовавшійся въ краѣ всеобщимъ уваженіемъ. Въ видѣ особаго почета, онъ былъ помѣщенъ въ аппартаментахъ самого хозяина, и поэтому веселое общество, собравшееся у насъ въ номерахъ мужскаго отдѣленія, напоминавшаго корридоромъ и рядомъ отдѣльныхъ комнатъ прекрасно устроенную гостинницу, чувствовало себя совершенно свободнымъ. Альфонсъ на этотъ разъ превзошелъ самого себя въ обильномъ снабженіи насъ всевозможнымъ продовольствіемъ. Отворенныя двери нѣсколькихъ номеровъ представляли амфиладу общихъ комнатъ, на столахъ которыхъ среди всякихъ бутылокъ появились всевозможныя сласти, а на одномъ запасы дѣдовскаго табаку и дорогихъ сигаръ, вслѣдствіе чего комнаты оказались накуренными, какъ коптильня, и въ довершеніе всего по распечатаніи новыхъ картъ, на ломберныхъ столахъ завязалась карточная игра, въ которой я, впрочемъ, не принималъ никакого участія. Разгоряченные рейнвейномъ, всѣ болтали, шумѣли за полночь, почти не слушая другъ друга, и вдругъ все умолкло и замерло: въ дверяхъ, въ красномъ халатѣ и туфляхъ, съ дымящейся пѣнковой трубкой въ рукахъ, стоялъ Крюммеръ. Злополучныя карты полетѣли подъ столъ, но не ускользнули отъ взгляда педагога. Черезъ четверть часа по уходѣ посѣтителя, мы потушили свѣчи и лежали по своимъ кроватямъ.

Передъ возвращеніемъ въ школу, мы поѣхали благодарить стариковъ Вульфовъ за ихъ гостепріимство. Старикъ принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ, а про хозяйку намъ сказали, что она занята на кухнѣ; мы оба сошли на кухню и тамъ у горячей плиты застали баронессу въ ея неизмѣнномъ кружевномъ бѣломъ чепцѣ, стоящую съ

засученными рукавами надъ тазикомъ и мѣшающую варенье, какъ это дѣлаютъ въ Балтійскихъ провинціяхъ.

Вѣроятно, наша ночная оргія въ Сербигалѣ сильно не понравилась отцу Перейры, который, должно быть, пришелъ къ заключенію, что мое товарищество мало способствуетъ нравственному воспитанію Альфонса. Перейры болѣе не брали меня къ себѣ на каникулы и, оставаясь одинъ въ громадной пустой школѣ и пустомъ для меня городѣ, я слонялся безцѣльно цѣлый день, напоминая болѣе всего собаку, потерявшую хозяина. Къ счастью моему, добрый Гульчъ женился на очень милой дѣвушкѣ, и я хотя изрѣдка заходилъ въ ихъ небольшой домикъ. Раза два я увязывался даже съ Гульчемъ па болотную охоту, причемъ городской его товарищъ по охотѣ любезно снабжалъ меня двухствольнымъ ружьемъ и патронташемъ. Въ первый разъ я лихо срѣзалъ первымъ выстрѣломъ взлетѣвшаго передо мною бекаса, но затѣмъ промахъ слѣдовалъ за промахомъ. Въ слѣдующій разъ, когда, уставши равняться со старыми охотниками, я поставилъ кремневую двухстволку со взведенными курками прикладомъ на ягташъ, прикладъ, неожиданно соскочивъ, заставилъ меня внезапно сжать шейку ружья; палецъ мой попалъ на лѣвую собачку, и раздался никѣмъ не ожидаемый выстрѣлъ. Мнѣ было совѣстно и больно на обожженной правой щекѣ.

— Что такое? что такое? спрашивали оба мои товарищи, между которыми я шелъ, и вдругъ Гульчъ, взглянувъ на меня, разразился гомерическимъ смѣхомъ: правая щека моя представляла подбородокъ негра. При вспышкѣ пòлка, находящаяся прямо противъ правой щеки, закоптила послѣднюю и глубоко загнала въ нее пороховыя зерна.

На другой день Крюммеръ, увидавши на полу моей классной, около умывальника, громадную дохлую крысу, спросилъ: «это, должно быть, та дичина, которую ты вчера застрѣлилъ?»

Чтобы не остаться татуированнымъ на всю жизнь, я вынужденъ былъ иглою выковыривать засѣвшія въ щеку порошинки.

Вслѣдствіе неудачи, я опять пошелъ по цѣлымъ днямъ безцѣльно и тоскливо слоняться по городу, причемъ щеголялъ пестрымъ бухарскимъ архалукомъ, купленнымъ мною, по примѣру одного изъ франтоватыхъ товарищей, у проѣзжаго татарина.

Зачастую я заходилъ въ главную овощную лавку на большой улицѣ, куда и въ учебное время на классныхъ прогулкахъ надзиратели позволяли намъ забѣгать на минутку за какой-либо мелочью. Именинники наканунѣ забѣгали туда купить фунтъ или два шеколаду плитками,

который сдавали экономкѣ, прося ее угостить на другой день классъ шеколадомъ, сваренным на обычной порціи молока.

Сидѣльцы лавки были чрезвычайно къ намъ, школьникамъ, предупредительны. И когда я отъ нечего дѣлать ходилъ болтать съ ними, то нерѣдко находилъ ихъ забавляющимися надъ лохматыми чухнами, выпрашивающими себѣ въ даръ изъ бочки копѣечную селедку. Кромѣ самыхъ необходимыхъ словъ, я никогда не понималъ ни слова по-чухонски, тѣмъ болѣе въ громогласной болтовнѣ по поводу селедки.

— Зачѣмъ вы рубите топоромъ селедку на двое? спросилъ я сидѣльца.

— А затѣмъ, что ихъ двое, и если хотите, я сейчасъ устрою потѣху: вцѣпятся другъ другу въ волосы и исцарапаются до крови, стоитъ только имъ подарить цѣльную селедку на двоихъ.

Конечно, я просилъ этого не дѣлать. Не разъ, желая показать себя взрослымъ, я требовалъ, вмѣсто пряниковъ и шеколада, бутылку Мозельвейна. При этомъ услужливый сидѣлецъ говорилъ: «Здѣсь, за прилавкомъ, вамъ неудобно будетъ, а не пожалуете-ли въ каморку? тамъ и столикъ, и стулья, и диванчикъ. Можно подать вамъ и кусочекъ колбаски, недавно получили, самая свѣжая».

— Я собираюсь проѣхать въ Петербургъ, сказалъ мнѣ однажды Крюммеръ: — не хочешь-ли проѣхаться со мною на половинныхъ издержкахъ?

Не зная, что это будетъ стоить, я съ радостью согласился. Мы сѣли въ рессорную бричку, помѣстивши въ ноги два небольшихъ чемодана, и отправились въ путь на почтовыхъ. Однажды мы уже ѣздили такимъ образомъ съ Крюммеромъ въ Дерптъ, на его парѣ лошадей, заѣзжая по дорогѣ къ знакомымъ помѣщикамъ.

Не буду описывать нашей петербургской поѣздки, потому что меня ничего не поражало и ничто не останавливало моего вниманія. Помню только, что директоръ всюду возилъ меня съ собою, и я, не взирая на все мое къ нему уваженіе, ребячески хохоталъ надъ его выраженіями на русскомъ языкѣ.

Мы оба не знали топографіи Петербурга.

Однажды, когда Крюммеру показалось, что плохенькій извозчикъ для своей выгоды возитъ насъ въ объѣзды, онъ вдругъ закричалъ на возницу: «ти, дуракъ, ти хочешь накожа» (du willst auf's Fell haben; смыслъ: у тебя шкура чешется); «ти насъ гуляешь. Чему-же ты хохочешь? обратился онъ ко мнѣ:—это и неприлично, и глупо».

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ я, задыхаясь отъ смѣха.

Въ Кронштадтѣ, указывая на тушу черкасскаго вола, Крюммеръ

спросилъ мясника: «какъ онъ труденъ (schwer)?» Замѣчательно, что мясникъ тотчасъ понялъ вопросъ и отвѣчалъ: «пудовъ тридцать».

Но вотъ съ окончаніемъ каникулъ наступила и вторая половина семестра, вѣнчающагося для лучшихъ учениковъ переходомъ въ высшій классъ. Каждый разъ передъ концомъ семестра и роспускомъ учениковъ къ родителямъ, Крюммеръ, послѣ молитвеннаго пѣнія подъ органъ, говорилъ напутственную рѣчь, изъ которыхъ одна запечатлѣлась въ моей памяти. Смыслъ ея былъ, приблизительно, таковъ: «Мои милые! (meine lieben!) родители ваши помѣстили васъ сюда въ надеждѣ, что въ своей школѣ я снабжу васъ свѣдѣніями, необходимыми для образованнаго человѣка. При настоящемъ возвращеніи вашемъ подъ домашній кровъ, родители въ правѣ спросить, въ какой мѣрѣ вы воспользовались годичнымъ срокомъ для преуспѣянія, и насколько я исполнилъ долгъ свой, сообщая вамъ эти свѣдѣнія? Конечно, способы сообщенія свѣдѣній могутъ быть, подобно всякимъ инымъ усиліямъ, добросовѣстны и умѣлы, или, напротивъ, небрежны и неудовлетворительны; но люди, помышляющіе только о вашихъ успѣхахъ, могли-бы отчасти смотрѣть на меня, какъ на человѣка, обладающаго возможностью, помимо всякихъ съ вашей стороны трудовъ, влить вамъ въ голову надлежащія свѣдѣнія. Не буду говорить, что послѣдняго я сдѣлать не могу; но скажу, что если-бы могъ, то и тогда-бы не дѣлалъ, такъ какъ главное значеніе школы въ моихъ глазахъ не тѣ или другія свѣдѣнія, которыя сами по себѣ большею частію являются совершенно безполезными въ жизни, а въ привычкѣ къ умственному труду и способности въ разнообразіи жизненныхъ явленій останавливаться на самыхъ въ данномъ отношеніи существенныхъ. Такой умственной зрѣлости возможно достигнуть только постепеннымъ упражненіемъ въ логическомъ пониманіи вещей,—пониманіи, въ которомъ небрежный пропускъ одного связующаго звена дѣлаетъ всю дальнѣйшую работу несостоятельной. Я, какъ вы знаете, ничего не имѣю противъ свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ памятью. Всѣ географическія нѣмыя карты въ нашей школѣ составлены и изданы мною, между тѣмъ исторія и географія составляютъ только богатство памяти, тогда какъ упражнять разумъ для будущаго правильнаго мышленія можно только надъ математикой и древними языками».

Мнѣ доходилъ 17-й годъ, и я разсчитывалъ попасть въ первый классъ, такъ какъ въ изустныхъ и письменныхъ переводахъ съ нѣмецкаго на латинскій и въ классѣ Энеиды, равно какъ и на урокахъ математики и физики я большею частію занималъ второе мѣсто и нерѣдко попадалъ на первое. Нѣмецкими сочиненіями моими учи-

тель былъ весьма доволенъ и ставилъ ихъ въ примѣръ прочимъ ученикамъ нѣмцамъ. При этомъ не могу не вспомнить о русскихъ стихотворныхъ потугахъ, иногда овладѣвавшихъ мною при совершенно неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ тихія минуты полной беззаботности я какъ будто чувствовалъ подводное вращеніе цвѣточныхъ спиралей, стремящихся вынести цвѣтокъ на поверхность; но въ концѣ-концовъ оказывалось, что стремились наружу однѣ спирали стеблей, на которыхъ никакихъ цвѣтовъ не было. Я чертилъ на своей аспидной доскѣ какіе-то стихи и снова стиралъ ихъ, находя ихъ безсодержательными. Любившій надо мною подтрунивать Крюммеръ говорилъ въ моемъ присутствіи кому-то, чуть-ли не полковнику Перейрѣ, будто я пишу на аспидной доскѣ стихи извѣстныхъ русскихъ поэтовъ и потомъ выдаю ихъ за свои. А между тѣмъ удивительно, что Крюммеръ могъ говорить о моихъ мараніяхъ стиховъ, такъ какъ я ихъ никому не показывалъ.

Вдругъ въ концѣ декабря совершенно для меня нежданно явился отецъ, сказавши, что рѣшено не оставлять меня въ такомъ отдаленіи отъ родныхъ, а везти въ Москву для приготовленія въ университетъ.

— А ну, сыграй-ка на фортепьяно, сказалъ отецъ, когда я пришелъ къ нему въ гостинницу.

Я вынужденъ былъ разсказать о случившемся, къ немалому неудовольствію отца.

На другой день мы были уже въ кибиткѣ и черезъ Петербургъ доѣхали въ Москву. Здѣсь, по совѣту Новосильцева, я отданъ былъ для приготовленія къ университету къ профессору Московскаго университета, знаменитому историку М. П. Погодину.

А. Фетъ.

(Продолженіе будетъ).

О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ.

Каждому врачу приходится наблюдать случаи зараженія воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній, какъ интерновъ, такъ и экстерновъ, острыми инфекціонными болѣзнями въ стѣнахъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ они учатся. Тяжелыя эпидеміи тифа, скарлатины, дифтерита, кори, коклюша и другихъ заразныхъ формъ, сопровождающіяся нерѣдко значительнымъ процентомъ смертности, неоднократно возбуждали тревоги общественнаго мнѣнія и заставляли завѣдывающихъ школами лицъ принимать энергическія мѣры для ограниченія распространенія этихъ болѣзней. Улучшеніе общихъ санитарныхъ условій быта воспитанниковъ закрытыхъ учебныхъ заведеній сдѣлалось въ послѣднее время предметомъ особенной заботливости руководящихъ ими лицъ. Такія старанія дали уже во многихъ училищахъ плодотворные результаты въ дѣлѣ возможнаго охраненія воспитываемыхъ дѣтей и ограниченія распространенія между ними заразительныхъ формъ. Но подобные отрадные результаты пока еще не достигнуты по отношенію къ открытымъ учебнымъ заведеніямъ, каковы: гимназіи, казенныя и частныя, пансіоны, приготовительныя школы, дѣтскіе сады, заведенія для гимнастики и т. п. Напротивъ, мы и теперь еще должны считаться съ ужасающею легкостью зараженій учащихся этихъ заведеній инфекціонными болѣзнями; справедливость этого можетъ подтвердить каждый практическій врачъ. Но прежде, чѣмъ разсмотрѣть этотъ вопросъ съ точки зрѣнія соотвѣтствующихъ наблюденій, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ семьяхъ образованныхъ людей за послѣднія 15—20 лѣтъ замѣтно настойчивое стремленіе къ воспитанію дѣтей по разумнымъ правиламъ гигіены. Съ самаго рожденія ребенка родители ставятъ его въ такія условія, которыя нельзя не признать раціональными. Ребенокъ часто взвѣшивается, купается онъ въ водѣ опредѣленной темпера-

туры, дѣтская тщательно провѣтривается; устраивается она, въ смыслѣ требованій гигіены, отлично, начиная возможной чистотою воздуха, правильнымъ освѣщеніемъ и отопленіемъ и кончая идеальной опрятностью кроватки. Часы кормленія дитяти, прогулокъ, правильной вентиляціи комнаты соблюдаются образованною матерью необыкновенно тщательно; вредные пріемы пеленанія и качанія возводятся ею чуть-ли не въ преступленіе и отнюдь не допускаются. Много мелкой и непріятной борьбы приходится выдержать молодой матери съ опытными бабушками, тетушками и другими всезнающими родственницами; но умъ, настойчивость и знаніе все преодолѣваютъ. Ребенокъ, воспитанный на раціональныхъ основахъ, правильно прибываетъ въ вѣсѣ, отлично развивается, во время начинаетъ поднимать головку, крѣпко ее держитъ, потомъ начинаетъ сидѣть, твердо стоять на ножкахъ, наконецъ—верхъ радости—начинаетъ самостоятельно ходить. Своимъ милымъ лепетомъ, чудной лаской, неразрывной привязанностью отплачиваетъ крошка за всѣ о немъ попеченія. Не преувеличивая, можно сказать, что при равной крѣпости здоровья родителей и одинаковомъ матеріальномъ достаткѣ, дитя, воспитанное по правиламъ разумной гигіены, крѣпче, лучше развито, спокойнѣе, словомъ, здоровѣе ребенка, выросшаго въ неразвитой средѣ, гдѣ сплошь и рядомъ ребенокъ страдаетъ отъ безалабернаго пичканья сластями, неумѣлаго прикармливанія и нераціональнаго отнятія отъ груди. Правильно поведенное дитя хорошо развивается и физически годъ-отъ-году, безъ особыхъ болѣзней, проводитъ періоды перваго дѣтства: незамѣтно прорѣзываются у него зубы, постепенно оно привыкаетъ ко всякой пищѣ, и, наконецъ, выростаетъ, становясь, мало-по-малу, отрокомъ. Во весь этотъ нѣжный періодъ жизни своего любимца образованная мать съ необыкновенною осторожностью оберегала его отъ страшилищъ заразныхъ болѣзней, часто столь губительныхъ въ эти молодые годы. Заботы ея, иногда смѣшныя для непонимающихъ цѣли этихъ заботъ, увѣнчиваются, однако, нерѣдко успѣхомъ. Ребенокъ дожилъ до 10-ти лѣтъ, до школьнаго періода и ни разу не заболѣлъ ни одной заразной формой. Врачъ въ семействѣ, гдѣ воспитаніе дѣтей поставлено раціонально, являлся не лѣкаремъ, прописывающимъ только лѣкарство, а опытнымъ совѣтникомъ по части гигіены, благотворные результаты которой съ такой очевидностью обнаружились на первенцѣ этой семьи. Воспитаніе остальныхъ дѣтей идетъ уже въ разумной семьѣ правильно, безъ частыхъ совѣтовъ врача, и юное поколѣніе процвѣтаетъ себѣ на здоровье, какъ-бы во славу гигіены и на радость приверженцевъ ея. Такъ мирно протекаютъ дни и годы многихъ семействъ,

пока первенцу не исполнится 10 лѣтъ отъ роду, когда уже надо отдавать его въ школу. Вотъ тутъ-то и наступаетъ упомянутый выше печальный фактъ, о которомъ заранѣе предупреждаетъ родителей опытный домашній врачъ, предсказывая, что съ этого времени онъ отъ дорогой для него дѣятельности совѣтника по части гигіены поневолѣ долженъ перейти къ болѣе непріятной для него роли лѣкаря-врачевателя. Съ перваго-же года поступленія дитяти въ учебное заведеніе ожидаетъ его рядъ болѣзненныхъ процессовъ, часто невиданныхъ въ семьѣ и доселѣ неиспытанныхъ юнымъ новобранцемъ науки. Эта наука во многихъ случаяхъ даетъ себя знать тѣми разстройствами здоровья, которыя такъ многообразны и такъ подробно описываются въ спеціальныхъ руководствахъ по школьной гигіенѣ и съ которыми желающіе могутъ основательно ознакомиться, по сочиненіямъ Ріана, Багинскаго, Уффельмана *), Виреніуса и другихъ авторитетныхъ гигіенистовъ. Конечно, не самой наукѣ и усвоенію ея дѣти обязаны многообразнымъ измѣненіемъ питанія, нѣкоторыми формами пораженія позвоночника, различными приливами крови къ мозгу и нѣкоторыми нервными страданіями, равно разстройствомъ зрѣнія, кровообращенія, пищеваренія и т. п. Но нельзя отрицать, что на здоровье дѣтей дурно вліяютъ анти-гигіеническая обстановка школы и то обремененіе учащихся массою школьныхъ занятій, на которое обратили уже вниманіе лучшіе и безпристрастнѣйшіе врачи и педагоги, какъ русскіе, такъ и французскіе, нѣмецкіе и англійскіе **).

Къ сожалѣнію, въ доказательство распространенія заразныхъ болѣзней школами мы сами можемъ привести лишь множество частныхъ наблюденій, но не въ состояніи подтвердить точными цыфрами, что та или другая школа, гимназія или пріютъ въ теченіе опредѣленнаго времени пострадали отъ извѣстнаго числа заразныхъ болѣзней съ опредѣленнымъ указаніемъ каждаго вида ихъ. Это возможно сдѣлать лишь относительно закрытыхъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ интернатъ и соотвѣтствующіе лазареты; но подобныхъ свѣдѣній нельзя въ точности получить отъ открытыхъ учебныхъ заведеній, составляющихъ, какъ извѣстно, большинство учебныхъ заведеній, а именно эти-то учебныя заведенія мы и имѣемъ въ виду.

---

*) Riant. Hygiène scolaire. Paris 1884. Baginsky. Handbuch der Schulhygiene. Stuttgart 1883. Uffelman. Handbuch der Privaten und öffentlichen Hygiene des Kindes. Leipzig 1881.

**) Ознакомиться съ этимъ вопросомъ можно, напр., по трудамъ Французской медицинской академіи за 1888 и 1889 гг., а также по статьямъ проф. Эрисмана, покойнаго Доброславина и многихъ другихъ.

Собирая наблюденія въ теченіе многихъ лѣтъ, мы пришли къ несомнѣнному выводу, что причины распространенія школами заразныхъ болѣзней зависятъ главнымъ образомъ отъ самихъ-же родителей, такъ что добрыя стремленія и разумное пониманіе общественныхъ интересовъ одними совсѣмъ парализуются неразвитостью и эгоистическими побужденіями другихъ. Такъ, есть семьи, которыя съ крупулёзною точностью слѣдуютъ совѣту пользующаго ихъ врача и не посылаютъ ребенка въ школу до полнаго исчезновенія всѣхъ слѣдовъ поразившей его заразительной болѣзни, хотя-бы ребенокъ уже совершенно оправился, казался совсѣмъ здоровымъ и, повидимому, могъ уже посѣщать школу безъ малѣйшаго для себя вреда. Одно указаніе врача относительно возможности зараженія другихъ дѣтей чрезъ посредство оправившагося отъ болѣзни ребенка заставляетъ разумныхъ родителей въ данномъ случаѣ жертвовать своими личными интересами на пользу общаго блага. Къ сожалѣнію, однако, намъ нерѣдко приходилось имѣть дѣло и съ такими семьями, гдѣ, въ виду кажущагося возстановленія здоровья ребенка при полной возможности зараженія другихъ, родители не соглашались выдерживать извѣстный срокъ изоляціи и настоятельно требовали отъ врача разрѣшенія отпустить ребенка въ школу. Неосновательное опасеніе, будто ребенокъ, вслѣдствіе непосѣщенія школы въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока, можетъ быть не допущенъ къ экзамену и не переведенъ въ слѣдующій классъ, часто руководитъ соображеніями родителей въ подобныхъ случаяхъ, и понятно, что настойчивыя со стороны врача требованія относительно непосѣщенія классовъ выздоровѣвшимъ ребенкомъ вызываютъ неудовольствіе родителей и нерѣдко врачъ въ подобныхъ случаяхъ рискуетъ даже потерею многихъ изъ своихъ кліентовъ. Конечно, нельзя не отнестись сочувственно къ сѣтованіямъ родителей съ ограниченными средствами, по поводу необходимости пребыванія ребенка въ школѣ въ теченіе лишняго года. Но требованія общаго блага и научно-профессіональной совѣсти обязываютъ врача настаивать на точномъ выполненіи предписаній науки относительно изоляціи и воспрещенія посѣщенія ребенкомъ школы на извѣстный срокъ. Къ крайнему нашему прискорбію, мы должны констатировать массу столь нежелательныхъ недоразумѣній, пререканій и споровъ между врачемъ и пользуемымъ имъ семействомъ какъ разъ на почвѣ указанныхъ выше вполнѣ справедливыхъ требованій врача относительно изоляціи выздоровѣвшаго ребенка. Наше общество вообще еще не вполнѣ созрѣло для полнаго пониманія важности общественныхъ интересовъ и необходимости нѣкоторыхъ незначитель-

ныхъ личныхъ жертвъ для общаго блага. Въ виду этого должны быть установлены *опредѣленныя правила и постановленія*, обязательныя рѣшительно для всѣхъ, относительно непосѣщенія школъ больными и только-что выздоровѣвшими дѣтьми въ теченіе извѣстнаго срока. Не странно-ли видѣть, напр., что всѣмъ родителямъ въ точности извѣстны всѣ правила относительно познаній, нравственности, поведенія учениковъ, относительно времени посѣщенія ими классовъ, прекращенія занятій, начала каникулъ и т. д., а между тѣмъ относительно санитарныхъ условій, за исключеніемъ обязательнаго свидѣтельства о привитіи оспы, съ родителей не спрашивается, въ сущности, почти ничего, какъ будто это дѣло не заслуживаетъ никакого вниманія и принадлежитъ къ числу самыхъ маловажныхъ. Отъ поступающихъ въ военныя училища и въ закрытыя учебныя заведенія, правда, требуется также освидѣтельствованіе общаго физическаго здоровья ребенка врачемъ; но для учениковъ открытыхъ школъ и это не признается нужнымъ. Санитарныхъ-же постановленій разнаго рода для родителей приходящихъ учениковъ и ученицъ и вовсе не существуетъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ директоровъ и начальницъ учебныхъ заведеній прямо заявляли намъ, что это отсутствіе точныхъ санитарныхъ постановленій ставитъ ихъ часто въ крайне неловкое и непріятное положеніе относительно родителей. Такъ, въ виду даже очевидной необходимости отказывать заболѣвшимъ заразными формами дѣтямъ въ правѣ посѣщать школу на извѣстный срокъ, родители упрашиваютъ сократить этотъ срокъ изоляціи, настаивая на томъ, что форма болѣзни ребенка принадлежитъ къ числу легкихъ, ничтожныхъ, что ребенокъ уже совершенно здоровъ, и т. п. Намъ не разъ случалось опровергать мнѣнія, даже въ семействахъ, болѣе или менѣе образованныхъ, что начальство того или инаго учебнаго заведенія не въ мѣру придирчиво къ дѣтямъ и не допускаетъ ребенка въ школу послѣ кори, хотя уже протекла недѣля и ребенокъ уже здоровъ! Недостатокъ естественно-научнаго образованія вообще въ нашемъ даже образованномъ обществѣ и отсутствіе точно изложенныхъ санитарныхъ правилъ относительно интересующаго насъ вопроса—вотъ причины, обусловливающія собою указанныя и прискорбныя недоразумѣнія между родителями и начальствами учебныхъ заведеній и напрасныя обвиненія родителями тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено руководительство этими заведеніями, въ излишней придирчивости и излишнемъ формализмѣ. Стóитъ войти, напр., въ любую гимназію, и всякій на видномъ мѣстѣ замѣтитъ росписаніе учебныхъ часовъ, время пріемныхъ экзаменовъ; вамъ охотно, по первому вашему

требованію, дадутъ правила для поступленія въ учебное заведеніе и всякія свѣдѣнія относительно поведенія воспитанника; только относительно санитарныхъ условій вамъ не сообщатъ ничего выработаннаго, положительнаго, яснаго, точно опредѣленнаго и для всѣхъ равно обязательнаго.

Отъ нѣкоторыхъ лицъ, завѣдывающихъ частными школами, слыхали мы, впрочемъ, что они руководятся мнѣніями своихъ домашнихъ врачей относительно времени изоляціи зараженныхъ больныхъ, но что публика видитъ въ этомъ только ихъ личный произволъ, ссылаясь прямо *на отсутствіе закона* о необходимости подобной изоляціи. Въ дѣйствительности точнаго правительственнаго распоряженія или закона относительно времени, въ теченіе котораго ученикъ, заболѣвшій тою или другою острою инфекціонною болѣзнью, долженъ быть изолированъ отъ здоровыхъ, не существуетъ. Но еще четыре года тому назадъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» *) было опубликовано весьма важное *наставленіе* медицинскзго совѣта, по надзору за учебными заведеніями въ санитарномъ отношеніи. Приведемъ изъ этого наставленія лишь спеціально интересующія насъ правила *предосторожности*, которыя слѣдуетъ соблюдать относительно заразныхъ болѣзней, въ виду возможности занесенія послѣднихъ въ учебныя заведенія. Эти правила состоятъ въ слѣдующемъ:

Лица, завѣдующія учебными заведеніями, обязаны:

1) Имѣть точныя, по возможности, свѣдѣнія о состояніи здоровья каждаго изъ служащихъ при заведеніи и особенно имѣющихъ въ немъ помѣщеніе, чтобы своевременно принять мѣры на случай обнаруживанія въ семействахъ служащихъ заразной болѣзни.

2) Имѣть ежедневныя свѣдѣнія о состояніи здоровья по *возможности* всѣхъ учащихся.

3) Оказавшіеся заразные больные, изъ числа живущихъ въ учебномъ заведеніи или учащихся, должны быть немедленно подвергнуты полному разобщенію (изоляціи).

4) Разобщенію должны быть подвергнуты, по указанію врача, и тѣ изъ учащихся, которые въ учебное время находились въ непосредственномъ сношеніи съ заразными больными, что достигается для приходящихъ воспрещеніемъ прихода.

5) Разобщеніе въ этихъ случаяхъ должно продолжаться столько дней, во сколько протекаетъ инкубаціонный періодъ данной болѣзни.

6) Больные, выздоровѣвшіе отъ одной изъ заразныхъ болѣзней,

*) «Павительственный Вѣстникъ», 14 октября 1886 года, № 225.

должны: а) выдержать извѣстный срокъ разобщенія по прилагаемому росписанію; б) затѣмъ желательно, чтобы всѣ вещи и одежда, съ которыми больной приходилъ въ прикосновеніе во время болѣзни, были, если онѣ малоцѣнны, уничтожены чрезъ сожиганіе, или, въ противномъ случаѣ, дезинфецированы хлоромъ или перегрѣтымъ паромъ; в) выздоровѣвшіе передъ впускомъ въ заведеніе должны быть тщательно вымыты съ головы до ногъ и одѣты въ очищенное бѣлье и платье.

7) Отъ родственниковъ и опекуновъ учащихся должно требовать свидѣтельства о предшествовавшемъ состояніи здоровья послѣднихъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) при поступленіи учениковъ въ заведеніе;

б) при возвращеніи учениковъ въ школу, послѣ каникулярнаго времени, и

в) послѣ всякой неявки въ классы въ теченіе недѣльнаго срока.

Въ этомъ свидѣтельствѣ должно заключаться удостовѣреніе въ томъ, что ученики въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль не были больны заразными болѣзнями и не находились въ общеніи съ такими больными; если-же они были одержимы какой-либо заразною болѣзнію или приходили въ прикосновеніе съ страдающими таковою, то какія мѣры были приняты для очищенія какъ ихъ самихъ, такъ и бывшихъ въ ихъ употребленіи вещей. Если учащійся не можетъ представить такого свидѣтельства, то необходимо подвернуть его средствами школы очищенію, а одежду дезинфецировать.

8) Учащіеся должны представить свидѣтельство о бывшей съ ними болѣзни въ прилагаемой формѣ:

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Учебное заведеніе годъ.
Классъ
Имя и фамилія ученика
Названіе болѣзни
Когда заболѣлъ?
Когда выздоровѣлъ?
Сколько дней подвергался изоляціи?
Гдѣ были дезинфецированы платье, бѣлье, вещи, книги?

Подпись врача или родственника.

Росписаніе сроковъ изоляціи.

Продолжительность разобщенія назначается.	Ребенокъ допускается въ школу.
Послѣ дифтерита до 14 дней.	Черезъ три недѣли по выздоровленіи, когда нѣтъ боли въ горлѣ, нѣтъ выдѣленія изъ гортани, носа, глазъ и нѣтъ альбуминуріи.
Послѣ скарлатины до 14 дней.	Не ранѣе пяти недѣль со дня появленія сыпи, если совершенно окончилось шелушеніе и нѣтъ слѣдовъ ангины.
Послѣ кори до 14 дней.	Не ранѣе трехъ недѣль отъ начала высыпанія, если нѣтъ слѣдовъ шелушенія и кашля.
Послѣ краснухи до 14 дней.	Черезъ 2—3 недѣли отъ начала болѣзни, смотря по силѣ ея.
Послѣ вѣтряной и настоящей оспы до 18 дней.	Когда отпадутъ всѣ корки.
Послѣ коклюша до 21 дня.	Черезъ шесть недѣль отъ появленія кашля, когда исчезнутъ спазматическія схватки, или вовсе не будетъ кашля.
Послѣ свинки до 21 дня.	Черезъ три недѣли отъ начала болѣзни, если уже нѣтъ опухоли.

Хотя въ наставленіи этомъ и перечислены не всѣ заразныя болѣзни (такъ, не упомянуто о рожѣ, гриппѣ, сыпномъ, брюшномъ и возвратномъ тифахъ и нѣк. др.), тѣмъ не менѣе оно даетъ вполнѣ правильныя научныя указанія относительно возможности предохраненія здоровыхъ дѣтей отъ зараженія инфекціонными болѣзнями въ школахъ. Нельзя только согласиться съ требованіемъ свидѣтельства о томъ, не приходили-ли ученики въ соприкосновеніе со страдающими

заразными болѣзнями. Этого въ точности провѣрить невозможно; равнымъ образомъ невозможно для родителей или опекуновъ съ достовѣрностью утверждать, что данный ученикъ не былъ въ общеніи съ какимъ-нибудь ребенкомъ, больнымъ, напр., легкою формою кори, краснухи, дифтерита и т. п. Намъ кажется вполнѣ достаточнымъ требованіе свидѣтельства о томъ, что прибывшій въ школу ученикъ самъ не былъ боленъ какой-либо заразною болѣзнію и что никто изъ членовъ семьи, въ которой онъ живетъ, также не страдалъ какой-либо инфекціонной болѣзнью. Съ другой стороны, надобно озаботиться, чтобы сама школа не служила мѣстомъ зараженія для здоровыхъ дѣтей. Вообще говоря, улучшеніе всѣхъ санитарныхъ современныхъ требованій, возможное примѣненіе правилъ школьной гигіены, а главное, разумное пониманіе и сочувствіе родителей къ принимаемымъ администраціей предупредительнымъ мѣрамъ только и могутъ ограничить распространеніе заразныхъ болѣзней въ стѣнахъ учебныхъ заведеній. Врачи съ давняго времени стремились къ ограниченію распространенія эпидемическихъ болѣзней *). Обстоятельныхъ изслѣдованій и монографій въ этомъ направленіи написано множество. Труды Wilson'a, Biermer'a, Spear'a, Hennig'a, Arnsperger'a, Dornblüth'a, Weber'a, Швартца и мн. другихъ составляютъ цѣнный вкладъ въ ученіе о школьной гигіенѣ. Изъ нѣсколькихъ изслѣдованій нашихъ соотечественниковъ самымъ обширнымъ по интересующему насъ вопросу слѣдуетъ считать вышедшую вторымъ изданіемъ монографію д-ра А. С. Виреніуса **), въ которой каждый образованный читатель найдетъ множество цѣнныхъ указаній и ясное описаніе какъ самыхъ заразительныхъ болѣзней, такъ и мѣръ къ ограниченію ихъ распространенія. Въ слѣдующей статьѣ мы имѣемъ въ виду обозрѣть только тѣ изъ инфекціонныхъ формъ, которыя наблюдали лично въ послѣдовательной частотѣ ихъ появленія въ семействахъ, дѣти которыхъ посѣщали различныя учебныя заведенія С.-Петербурга.

Н. Быстровъ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

*) Смотри объ этомъ. Veit, Zur Beschränkung epidemischer Krankheiten des kindlichen Alters.

**) Заразныя болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ. 1890 г. 2-е изданіе.

Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведенiй.

И въ печати, и въ обществѣ, и въ общей прессѣ, и въ педагогической снова замѣчается усиленный интересъ къ педагогическимъ вопросамъ, и въ настоящее время о педагогикѣ не считается признакомъ дурнаго тона говорить даже въ гостиныхъ. Нѣкоторые думаютъ, что оживленiе это вызвано недавно состоявшимся пересмотромъ гимназическихъ программъ въ подлежащихъ правительственныхъ сферахъ. Но, по всей вѣроятности, причина этого явленiя лежитъ глубже. Хотя программы и разные уставы учебныхъ заведенiй и имѣютъ большое значенiе въ дѣлѣ правильной постановки и правильнаго разрѣшенiя учебныхъ и педагогическихъ вопросовъ, но не одними программами и уставами «живы» школы; онѣ живы тѣми педагогами, отъ дѣятельности которыхъ едва-ли не болѣе зависятъ судьба учебнаго дѣла и судьба всего воспитывающагося юношества. Многiе думаютъ, будто при несовершенныхъ программахъ и наилучшiй педагогъ ничего не подѣлаетъ, будто при отсутствiи должной связи между предметами, при подавляющемъ значенiи одного или двухъ изъ нихъ надъ другими, образовательное значенiе остальныхъ отходитъ на заднiй планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умаляется и роль преподавателей этихъ последнихъ предметовъ. Въ этомъ взглядѣ есть своя доля правды, и, конечно, отъ всей души можно пожелать на будущее время болѣе подобающаго мѣста такимъ предметамъ, какъ математика, русскiй языкъ, отечественная исторiя и даже естествовѣдѣнiе. Однако, нельзя отрицать и того, что въ рукахъ хорошаго, дѣльнаго учителя даже несовершенная программа не повредитъ дѣлу и даже поставленный на второй планъ предметъ курса будетъ для учащихся интересенъ и окажетъ на нихъ полезное воспитательное влiянiе. И если такихъ «хорошихъ» учителей найдется не одинъ, не два, а значительное количество, то навѣрное окажется возможнымъ не только выполнить

програму, не только обучить молодое поколѣніе, но и воспитать его въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ средствъ для этого будетъ много, и они даются въ изобиліи и современными уставами. Во всякомъ дѣлѣ необходима нѣкоторая регламентація, но странно въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ педагогическое, возлагать всѣ свои надежды только на регламентацію. Понятно поэтому, что, не отрицая пользы пересмотра уставовъ, слѣдуетъ также призадуматься надъ вопросомъ о правильной и организованной подготовкѣ учителей.

«Было время—писалъ когда-то Дистервегъ, въ «Rheinische Blätter»—когда воображали, что можно начертать планъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ совершенно естественной и ничего существеннаго не опускающей послѣдовательности, и что подобные планы, будто-бы, даже существуютъ на самомъ дѣлѣ; тогда воображали, что всякій учитель, какъ-бы мало онъ ни былъ свѣдущъ и образованъ, мыслящій-ли онъ человѣкъ, или-же машина, добросовѣстно выполняющая этотъ планъ, во всякомъ случаѣ непремѣнно будетъ имѣть образовательное вліяніе на учениковъ. Такое мнѣніе мы считаемъ весьма вреднымъ заблужденіемъ. Напротивъ, мы увѣрены, что воспитывающее обученіе можетъ исходить только отъ учителя вполнѣ образованнаго, что личность учителя и духъ ея не могутъ быть замѣнены ничѣмъ, даже самымъ лучшимъ планомъ обученія. А потому намъ никогда не придетъ въ голову выполнить формами, словами, программами, планами то, что можетъ быть выполнено только живымъ духомъ учителя».

Исторія учитъ насъ, что всякій разъ, когда гдѣ-нибудь затѣвалась новая подготовка учебнаго дѣла на прочныхъ основаніяхъ, то первая мысль относилась до подготовки необходимыхъ учителей, и всякій разъ, какъ только объ этомъ забывали или-же думали, что были-бы только хороши уставы, а хорошія школы сами собою появятся, дѣло педагогическое тормазилось и въ концѣ-концовъ сводилось къ нулю.

Такъ, при Петрѣ Великомъ, который ясно первый сознаъ необходимость и важность просвѣщенія для Россіи, при всѣхъ его заботахъ о развитіи въ ней промышленности, искусствъ, ремеслъ, учрежденныя имъ цыфирныя школы не имѣли успѣха и вызвали столь сильное несочувствіе въ обществѣ, что во многія изъ нихъ приходилось дѣтей тащить силою. Нерѣдко случалось даже, что дѣти, силою забранныя въ школу, разбѣгались изъ нея, напримѣръ, въ Воронежѣ. Хороши были, должно быть, учителя и порядки въ тогдашнихъ школахъ; да и неудивительно: тогда неоткуда было взять достаточно хорошо подготовленныхъ педагоговъ. Петръ Великій, за множествомъ

разнообразныхъ трудовъ и заботъ, конечно, не могъ понять всѣ нужды школы, и никому изъ его сподвижниковъ не пришла въ голову та простая мысль, что для преуспѣянія школы прежде всего необходимо, чтобы ученіе было не мученіемъ, а для этого учителя должны быть людьми съ необходимымъ педагогическимъ образованіемъ. Императрица Екатерина II, съ самаго вступленія своего на престолъ, озаботилась распространеніемъ образованія въ имперіи, поручивъ это важное дѣло И. И. Бецкому, который предался ему всей душею и съ отличавшею его любовью къ человѣчеству. Екатерина II, какъ извѣстно, первая задумала поставить народное просвѣщеніе на надлежащую почву и для достиженія этого положила въ основу этого дѣла тогдашнюю австрійскую школьную систему, въ чемъ ей помогали Завадовскій, Дальбергъ, Эпинусъ и выписанный изъ Австріи Янковичъ-де-Миріево. Правда, приготовленіе учителей началось съ января 1784 года, но они обучались не въ специально-педагогическомъ учебномъ заведеніи, а въ такъ-называемомъ С.-Петербургскомъ главномъ народномъ училищѣ. Только въ іюлѣ 1786 года послѣдовало отдѣленіе учительской семинаріи отъ главнаго народнаго училища, съ которымъ доселѣ она была слита во-едино, или, вѣрнѣе—съ этого времени слѣдуетъ считать ея учрежденіе, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго учебнаго заведенія.

Хотя въ 1802 г. учительская семинарія и была упразднена, но необходимость въ учителяхъ, особенно въ виду проекта преобразованія главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи (по одной въ каждомъ губернскомъ городѣ) побудило возстановить это учебное заведеніе въ 1803 г., при чемъ семинарія получила названіе педагогическаго института, впослѣдствіи (1816) переименованнаго въ главный, а въ 1817 г. Высочайше повелѣно было основать 2-й разрядъ главнаго педагогическаго института для приготовленія учителей въ низшія учебныя заведенія. Какъ сильно озабочивала тогдашняго министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова мысль о подготовкѣ учителей для уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, видно изъ того, что на нѣкоторое время онъ принялъ 2-й разрядъ главнаго педагогическаго института подъ непосредственный свой надзоръ, чего требовали, по собственнымъ его словамъ, новость и важность сего опыта, неопредѣлительность методы, необходимость дѣйствовать сильно и вѣрно. Въ 1819 г. главный педагогическій институтъ былъ преобразованъ въ С.-Петербургскій университетъ, а въ 1820 г. былъ открытъ 2-й разрядъ главнаго педагогическаго института, уже послѣ преобразованія послѣдняго въ университетъ, подъ именемъ учительскаго ин-

ститута, въ вѣдомствѣ С.-Петербургскаго университета состоящаго. Главный педагогическій институтъ, по преобразованіи его въ университетъ, продолжалъ, однако-же, свое существованіе въ видѣ отдѣленія казеннокоштныхъ студентовъ при университетѣ, готовившихся къ занятію профессорскихъ и учительскихъ должностей. Подобныя-же отдѣленія существовали и при другихъ университетахъ, такъ что о доставленіи гимназіямъ учителей съ надлежащею подготовкою Министерство Народнаго Просвѣщенія продолжало заботиться, хотя собственно *педагогическая* подготовка учителей тогда упускалась изъ вида. Но такъ какъ, не смотря на это, гимназическихъ учителей все-таки недоставало, то въ 1828 г. опять былъ открытъ главный педагогическій институтъ, на прежнихъ основаніяхъ. Въ минувшее царствованіе, съ введеніемъ у насъ классической системы образованія по нѣмецкому образцу, главный педагогическій институтъ снова былъ закрытъ, и вслѣдствіе народившейся потребности въ образованныхъ учителяхъ-филологахъ было открыто два историко-филологическихъ института: въ С.-Петербургѣ и въ г. Нѣжинѣ. Для потребностей-же низшаго образованія, т.-е. для приготовленія начальныхъ учителей, былъ открытъ рядъ учительскихъ семинарій и десять учительскихъ институтовъ.

Разсматривая современную педагогическую подготовку учителей, нельзя не сознаться, что для начальныхъ школъ въ этомъ направленіи сдѣлано гораздо больше, нежели для среднеучебныхъ заведеній, хотя, конечно, и въ отношеніи подготовки и образованія народныхъ учителей остается сдѣлать еще очень многое. Какъ-бы то ни было, теперь уже большая рѣдкость встрѣтить въ городскомъ училищѣ учителя, не получившаго спеціальной подготовки въ учительскомъ институтѣ, даже болѣе того: учителя, окончившіе курсъ въ учительскихъ институтахъ, остаются часто безъ мѣста. Въ университетахъ-же, представляющихъ собою главные разсадники учителей для средней школы, на педагогическую подготовку ихъ не обращается никакого вниманія. Даже въ Германіи, въ странѣ, такъ сказать, классической педагогики, на это обстоятельство обращено вниманіе только въ самое послѣднее время. Руководствуются при этомъ, вѣроятно, тою мыслью, что начальный учитель, выходящій большею частью изъ низшихъ слоевъ, получаетъ только первоначальное и слишкомъ недостаточное образованіе, такъ что онъ для своей будущей дѣятельности нуждается въ спеціально-педагогической подготовкѣ, въ то время какъ учитель средняго учебнаго заведенія выходитъ изъ университета, гдѣ науки преподаются въ большомъ объемѣ, а потому питомецъ

университета, на какое-бы онъ ни вступилъ поприще, будетъ-де во всякомъ случаѣ на своемъ мѣстѣ. Отчасти это и вѣрно: университетъ снабжаетъ своего питомца извѣстнымъ, болѣе или менѣе научнымъ міросозерцаніемъ; но одного только университетскаго образованія для будущаго *педагога* все-таки недостаточно. Еще Гербартъ замѣчаетъ, что первое требованіе, которому долженъ удовлетворять учитель, это—научность и сила мышленія, но кромѣ этого учитель нуждается въ близкомъ знакомствѣ съ наукою педагогики.

Воспитаніе, въ обширномъ смыслѣ этого слова, должно дать подростающему поколѣнію прочное здоровье, силу и ловкость тѣлесную и возбудить въ немъ равномѣрный, разносторонній и постоянно живой интересъ къ истинѣ, добру и красотѣ, а также и развить быструю находчивость мышленія, соединенную съ активнымъ стремленіемъ къ нравственному усовершенствованію. Только тогда, когда задача эта будетъ выполнена, можно признать воспитаніе законченнымъ; оно образовало нравственнаго человѣка, полезнаго члена государства и христіанина. Но такая система воспитанія возможна лишь на научныхъ основаніяхъ; всякія-же иныя основанія будутъ произвольны и нецѣлесообразны. Такимъ образомъ разумное воспитаніе есть искусство, основанное на наукѣ, и изъ всѣхъ существующихъ искусствъ это самое высшее, самое благородное, самое дорогое сердцу человѣка. И педагогъ тогда только достигнетъ своей цѣли, когда въ немъ самомъ живетъ ясный, готовый образъ будущаго совершеннаго человѣка. Отсюда ясна необходимость особенно серьезнаго педагогическаго образованія для всякаго учителя, въ томъ числѣ и для преподавателя среднеучебнаго заведенія.

«Отъ каждаго, избравшаго себѣ какое-нибудь ремесло, искусство или другое занятіе—съ горечью говоритъ Бржоска *)—требуется, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ побылъ на выучкѣ у мастера и чтобы ему выданъ былъ аттестатъ или рекомендація отъ этого послѣдняго. Но при самомъ трудномъ и важнѣйшемъ искусствѣ—искусствѣ воспитанія считаютъ это маловажнымъ, даже часто и вовсе объ этомъ не думаютъ. Учителей сельскихъ и городскихъ школъ полагаютъ необходимымъ непремѣнно образовывать въ особенныхъ семинаріяхъ и институтахъ, и притомъ считаютъ долгомъ заботиться не только объ ихъ научныхъ познаніяхъ, но и о развитіи ихъ преподавательскихъ способностей, а существуютъ-ли хорошо подготовленные и опытные учи-

*) Бржоска. Необходимость педагогическихъ семинарій при университетахъ и цѣлесообразное ихъ устройство. Приложеніе къ журналу «Гимназія» 1889.

теля для воспитанія высшихъ сословій, это считаютъ вопросомъ совершенно незначительнымъ. А между тѣмъ эти-то высшія сословія, особенно ученое, суть тѣ источники, изъ которыхъ цѣлое государство черпаетъ свое интеллектуальное, нравственное и вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальнне благо».

У насъ, въ Россіи, на этотъ вопросъ еще въ шестидесятыхъ годахъ обратилъ вниманіе К. Д. Ушинскій и писалъ въ предисловіи къ своей Антропологіи *): «пока не будетъ у насъ такой среды, въ которой-бы свободно, глубоко и широко, на основаніи науки, формировались педагогическія убѣжденія, находящіяся въ тѣснѣйшей связи вообще съ философскими убѣжденіями, общественное образованіе наше будетъ лишено основанія, которое дается только прочными убѣжденіями воспитателей. Такими науками для педагогики, изъ которыхъ она почерпаетъ знаніе средствъ, необходимыхъ ей для достиженія ея цѣлей, являются всѣ тѣ науки, въ которыхъ изучается тѣлесная или духовная природа человѣка и изучается притомъ не въ мечтательныхъ, но въ дѣйствительныхъ явленіяхъ. Къ этимъ наукамъ относятся: анатомія, физіологія и патологія человѣка, психологія, логика, физіологія, географія, изучающая землю, какъ жилище человѣка, и человѣка, какъ обитателя земнаго шара, статистика, политическая экономія и исторія въ обширномъ смыслѣ этого слова, куда мы относимъ исторію религіи, цивилизаціи, философскихъ системъ, литературъ, искусствъ и собственно воспитанія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Во всѣхъ этихъ наукахъ излагаются, сличаются и группируются факты и тѣ соотношенія фактовъ, въ которыхъ обнаруживаются свойства предмета *воспитанія*, т.-е. человѣка. Но, замѣтятъ намъ, въ такомъ случаѣ потребуется особый и обширный факультетъ для педагоговъ! А почему-бы и не быть педагогическому факультету? Общественное воспитаніе совсѣмъ не такое малое дѣло, чтобы не заслуживало особаго факультета. Если мы до сихъ поръ, готовя технологовъ, агрономовъ, инженеровъ, архитекторовъ, медиковъ, камералистовъ, филологовъ, математиковъ, не готовили воспитателей, то не должны удивляться, что дѣло воспитанія идетъ плохо и что нравственное состояніе современнаго общества далеко не соотвѣтствуетъ его великолѣпнымъ биржамъ, дорогамъ, фабрикамъ, его наукѣ, торговлѣ, промышленности. Цѣль педагогическаго факультета могла-бы быть опредѣленнѣе даже цѣли другихъ факультетовъ. Этою цѣлью было-бы изученіе человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его природы съ

*) См. Педагогическая Антропологія. Т. I, ст. X.

спеціальнымъ приложеніемъ къ искусству воспитанія». Думается намъ, что, несмотря на вѣрную мысль, вложенную въ эти слова, на практикѣ она встрѣтитъ много затрудненій, да при существующихъ факультетахъ, кажется, и нѣтъ особенной надобности въ отдѣльныхъ педагогическихъ факультетахъ. Образованіе особаго факультета при каждомъ изъ русскихъ университетовъ потребовало-бы громадныхъ средствъ, на какія, по крайней мѣрѣ теперь, надѣяться нельзя. Если можно чего желать въ этомъ направленіи, то не учрежденія отдѣльныхъ педагогическихъ факультетовъ, а усиленія *философскаго* образованія во всѣхъ факультетахъ; тѣ-же предметы, на необходимости которыхъ настаиваютъ и Бржоска, и Ушинскій, преподаются у насъ съ достаточной полнотой на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ; для спеціальнаго-же педагогическаго образованія достаточно учрежденія при каждомъ или, въ началѣ, при нѣсколькихъ только университетахъ (напр. Петербургскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ) педагогической семинаріи съ двухгодичнымъ курсомъ.

«Педагогика для своего преуспѣянія въ университетѣ—говоритъ Бржоска—этой приготовительной школѣ къ практической жизни, этомъ хранилищѣ всей научной культуры, нуждается въ семинаріи, т.-е. въ такомъ заведеніи, гдѣ молодые люди, желающіе посвятить себя дѣлу воспитанія, могли-бы найти удобный случай, подъ руководствомъ достаточно способнаго къ тому человѣка, учиться не только теоретически и практически, но и самостоятельно изслѣдовать и многосторонне упражняться, т.-е. образоваться педагогически. Даже учрежденіемъ самостоятельной академической каѳедры уже чрезвычайно много будетъ сдѣлано въ пользу педагогики, но только въ томъ отношеніи, что чрезъ это сдѣлается возможнымъ распространеніе болѣе полнаго научнаго знанія ея, и тѣмъ будетъ вызвано во всѣхъ убѣжденіе въ необходимости педагогической семинаріи». Такая мѣра особенно желательна у насъ, въ Россіи, такъ какъ въ Германіи такія педагогическія семинаріи уже существуютъ (напр., въ Галле, Лейпцигѣ и др.) и изъ нихъ выходятъ далеко недюжинные педагоги.

Въ №№ 2—3 журнала «Гимназія» за 1890 г. мы находимъ довольно подробныя свѣдѣнія о педагогическихъ семинаріяхъ въ Германіи *). Эти семинаріи находятся въ настоящее время въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Берлинѣ, Штеттинѣ, Познани, Бреславлѣ, Магдебургѣ, Касселѣ, Геттингенѣ и Мюнстерѣ. Педагогическія семинаріи

*) Николаевъ, С. Письма изъ Германіи.

въ Пруссіи всюду отдѣлены отъ университетовъ, и въ нихъ вступаютъ молодые люди, уже окончившіе курсъ университетскаго образованія. Онѣ имѣютъ общую задачу «познакомить кандидатовъ на званіе преподавателя среднеучебнаго заведенія» съ практическими требованіями учительскаго званія въ связи съ научными упражненіями. Ежегодный расходъ на всѣ семинаріи достигаетъ 50.000 марокъ. Новѣйшіе статуты прусскихъ семинарій составлены по образцу устава Данцигской семинаріи, утвержденнаго въ 1884 году. Нѣкоторыя семинаріи позволяютъ себѣ въ уставахъ отступленія отъ общей нормы, такъ какъ въ этомъ отношеніи прусское министерство культа и народнаго просвѣщенія предоставило директорамъ широкую свободу дѣйствій. Такимъ образомъ, по наблюденіямъ Фосса, въ однѣхъ семинаріяхъ (Магдебургъ) главное вниманіе обращается на дидактически-педагогическую сторону, а въ другихъ (въ Берлинѣ)—на спеціально-научную выработку. Общія постановленія относительно состава и хода занятій въ прусскихъ педагогическихъ семинаріяхъ таковы: семинарія состоитъ изъ шести штатныхъ членовъ (въ Берлинѣ 10), причемъ, однако, директору предоставлено право допускать по своему усмотрѣнію къ участію въ занятіяхъ семинаріи и сверхштатныхъ членовъ. Кандидаты принимаются на одинъ годъ, и годъ пребыванія въ семинаріи считается за годъ пробной дѣятельности. Семинаристы обязаны принимать постоянное участіе въ занятіяхъ семинаріи, приготовляясь предварительно въ указанномъ директоромъ направленіи, и каждое полугодіе представлять письменную работу дидактически-педагогическаго содержанія. Директоръ, по уставу, обязанъ выбирать для занятій не столько вопросы общаго содержанія, которые у новичковъ въ преподаваніи легко могутъ повести къ пустымъ отвлеченностямъ, сколько такіе спеціальные вопросы объ объемахъ и методахъ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, обсужденіе которыхъ даетъ возможность примѣнить общіе дидактическіе принципы. Поданныя работы передаются директоромъ по очереди остальнымъ штатнымъ членамъ семинаріи, изъ которыхъ одинъ, по порученію директора, составляетъ о ней рецензію. Сочиненія и критики на нихъ прочитываются и обсуждаются въ засѣданіяхъ семинаріи, которыя бываютъ разъ въ недѣлю. Въ засѣданіяхъ подвергаются обсужденію и другіе вопросы, напр., тѣ уроки, которые даны были членами въ присутствіи директора, или-же сами семинаристы сообщаютъ наблюденія относительно уроковъ, которые они посѣщаютъ.

По словамъ г. Николаева, лучшая педагогическая семинарія находится въ Галле, директоромъ которой состоитъ Фрикъ съ 1881 года.

При теоретической подготовкѣ здѣсь обращаютъ вниманіе не столько на систему и теорію воспитанія, сколько на требованія практической дѣятельности, которыя главнымъ образомъ опредѣляли содержаніе семинарской дѣятельности. И хотя основные вопросы воспитанія не оставляются совершенно безъ вниманія, но главное вниманіе обращается все-таки на частные дидактическіе и методическіе вопросы и особенно на тѣ средства, которыя помогаютъ превратить знаніе въ образованіе. «Въ настоящій моментъ—говоритъ директоръ—мы смотримъ на эту задачу, какъ на самую важную, и въ самомъ дѣлѣ каждый экзаменъ зрѣлости убѣждаетъ насъ въ этомъ». Необходимой основой практической подготовки семинаристовъ признается тѣсная связь со школой, которая одна лишь можетъ сдѣлать семинарію живымъ, плодотворно-дѣйствующимъ учрежденіемъ. Главными средствами практической подготовки служатъ образцовые уроки, посѣщеніе уроковъ и собственные опыты семинаристовъ. Въ этихъ урокахъ особенно обращается вниманіе на точное проведеніе первоначальнаго плана, такъ чтобы ясны были какъ цѣль урока, такъ и постепенное развитіе учебнаго матеріала. Послѣ того, какъ данъ урокъ, преподаватели откровенно обсуждаютъ ходъ его, оцѣниваютъ отдѣльныя части, указываютъ на недостатки и ошибки, причемъ главное вниманіе обращается на то, поняли-ли семинаристы раздѣленіе матеріала, цѣли урока и ихъ выполненіе. Независимо отъ этихъ образцовыхъ уроковъ, члены семинаріи прилежно посѣщаютъ уроки и другихъ опытныхъ и выдающихся преподавателей; семинаристы обязаны сверхъ того давать сами уроки въ указанныхъ имъ школахъ.

Въ виду необходимости изучать педагогію теоретически и практически желательно было-бы, чтобы въ нашихъ университетахъ было отведено подобающее мѣсто каѳедрѣ педагогіи. Каѳедра эта должна быть обязательною не только для студентовъ историко-филологическаго факультета, какъ это было до сихъ поръ (впрочемъ, до сихъ поръ каѳедра эта не была самостоятельною), но въ равной степени и для обоихъ отдѣленій физико-математическаго факультета (естественнаго и математическаго), такъ какъ и математики, и естественники — будущіе учителя мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ и профессіональныхъ школъ въ одинаковой мѣрѣ нуждаются въ солидной педагогической подготовкѣ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно,

*) Основательное педагогическое образованіе будущихъ преподавателей представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ семьяхъ ни отецъ, ни мать не обладаютъ педагогическими знаніями, чтобы принимать непосредственное уча-

чтобы каѳедру эту занималъ профессоръ-педагогъ. До сихъ поръ, какъ мы сказали, каѳедра эта не имѣла самостоятельнаго характера, и педагогика поручалась профессору философіи и психологіи, у котораго и для своихъ предметовъ не хватало времени; поэтому онъ на педагогику смотрѣлъ, какъ на второстепенный, неважный предметъ, и эта точка зрѣнія естественно вреднымъ образомъ отражалась на занятіяхъ студентовъ. По новому университетскому уставу 1884 г. довольно значительное мѣсто отводится «совѣщательнымъ» бесѣдамъ профессора со студентами, во время которыхъ профессора-медики, натуралисты, математики и отчасти юристы имѣютъ возможность въ живой бесѣдѣ разъяснять непонятое студентами на лекціяхъ и дополнять недосказанное. Такіе «совѣщательные» часы не менѣе, если не болѣе, необходимы и для профессора педагогики; въ живой, непринужденной бесѣдѣ студенты могли-бы здѣсь знакомиться съ главными практическими примѣненіями современной педагогики. Но лучшая постановка каѳедры педагогики есть только первая ступень къ устройству педагогическихъ семинарій, которыя на первыхъ порахъ можно-бы учредить при С.-Петербургскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ университетахъ. При каждой семинаріи для практическихъ занятій слушателей необходимо было-бы имѣть гимназію и реальное училище, которыя непосредственно подчинялись-бы директору семинаріи и гдѣ семинаристы, подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ профессоровъ и руководителей-педагоговъ давали-бы уроки и присутствовали-бы на «образцовыхъ урокахъ» другихъ, уже опытныхъ, преподавателей. Семинарія должна сохранить связь съ университетомъ, такъ какъ будущій педагогъ, помимо наукъ чисто-педагогическихъ, долженъ не только изучить свою спеціальность, но и воспользоваться по *мѣрѣ* силъ *энциклопедическимъ* образованіемъ, получаемымъ въ университетѣ. Удобный случай къ тому можетъ доставить только университетъ, какъ благодаря своимъ преподавателямъ, такъ и благодаря имѣющимся для сего въ его распоряженіи приспособленіямъ; все это внѣ университетскихъ центровъ было-бы сопряжено съ большими издержками. Энциклопедическое образованіе въ высшей степени необходимо для всякаго педагога, а особенно для будущаго провинціальнаго учителя. Никто не можетъ отрицать, что обширное, серьезное, многостороннее и основательное знаніе способствуетъ облагороже-

---

стіе въ дѣлѣ воспитанія и образованія своихъ дѣтей; общественная школа для того именно и существуетъ, чтобы исполнять то, чего не въ состояніи сдѣлать семья.

нію человѣка, пріучаетъ его къ нахожденію удовольствія въ преслѣдованіи нравственныхъ общечеловѣческихъ цѣлей, а не личныхъ, эгоистическихъ; оно возвышаетъ мысль, сосредоточиваетъ ея вниманіе на вопросахъ разума, высшаго творчества, а не на матеріальныхъ, исключительно обыденныхъ интересахъ; оно способствуетъ укрѣпленію въ его сознаніи той мысли, что сфера науки и искусства есть царство вѣчной истины и красоты, чистой и общечеловѣческой, и соприкосновеніе, связь съ этимъ царствомъ, не мимолетныя, а продолжительныя и серьезныя, не могутъ не отозваться благотворно на обузданіи эгоистическихъ склонностей человѣка, на общемъ нравственномъ подъемѣ его духа. И кто-же является посредникомъ между человѣкомъ и высокими сферами науки, искусства и религіи, какъ не педагогъ? Отсюда, кажется, ясна мысль, что педагогу, какъ носителю высшихъ идеаловъ, какъ проводнику научныхъ, эстетическихъ и нравственныхъ идей, надо быть человѣкомъ *высокообразованнымъ*. И воспитывающемуся въ университетахъ юношеству, выступающему на тернистый жизненный путь, необходимо предварительно вооружиться всѣми основами науки, искусства и религіи, чтобы въ послѣдующей жизни неуклонно слѣдовать въ строго-опредѣленномъ направленіи, не сворачивая въ сторону, не падая подъ напоромъ житейскихъ дрязгъ и невзгодъ. Особенно провинціальнымъ учителямъ, разбросаннымъ по различнымъ уѣзднымъ и губернскимъ городамъ нашего обширнаго отечества, разобщеннымъ со свѣтильникомъ науки—университетомъ, необходимо много гражданскаго мужества, чтобы удержаться на должной высотѣ и не погрузиться въ провинціальную «тину».

Автору не мало приходилось наблюдать провинціальныхъ и (отчасти) столичныхъ учителей и, по мнѣнію его, ихъ можно раздѣлить на три категоріи: 1) настоящіе педагоги, люди, вложившіе въ педагогическое дѣло всю свою душу, имѣющіе въ достаточно широкой степени философскую и педагогическую подготовку; но такихъ немного; 2) порядочные учителя, выработавшіе для собственнаго обихода кое-какіе методическіе и дидактическіе пріемы, заглядывавшіе въ кое-какія педагогическія руководства, но не получившіе основательной педагогической подготовки; эти люди ушли въ свою спеціальность, но, за неимѣніемъ достаточно широкаго философскаго міросозерцанія, легко впадаютъ въ рутину, шаблонность; многіе изъ учителей этой категоріи большіе поклонники нѣмцевъ и нѣмецкой педагогики, со всѣми ея крайностями, излишнимъ стремленіемъ къ систематизированію, легко переходящимъ въ педантизмъ, буквоѣдство и рутинерство; 3) учителя «поневолѣ», видящіе въ своей профессіи

источники для добыванія средствъ къ жизни и потому влачащіе, строго говоря, жалкое существованіе. Такихъ, къ сожалѣнію, найдется не мало, и большинство изъ нихъ никакого касательства къ педагогикѣ не имѣло и не имѣетъ, большинство только и заботится о числѣ уроковъ, пособіяхъ, квартирныхъ, наградныхъ, о чинахъ и орденахъ и т. п.; многіе изъ нихъ ни въ какія методическія и дидактическія руководства никогда не заглядываютъ, не имѣютъ никакого понятія о здравой, научной педагогикѣ, никогда не только не выписываютъ за свой счетъ, но и не читаютъ ни одного педагогическаго журнала, выписываемаго на средства заведенія, въ которомъ служатъ, и подчасъ самодовольно увѣряютъ, что знаній, вынесенныхъ ими изъ университета, вполнѣ достаточно, чтобы «всѣхъ учить всему».

Въ февральской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за прошлый годъ неуспѣшность занятій гимназистовъ классическими языками объясняется *отношеніемъ учителей* этихъ предметовъ *къ преподаванію*. «У насъ учитель древнихъ языковъ, который по праву носитъ имя учителя,—говоритъ проф. Кулаковскій,— есть довольно *рѣдкое* явленіе. Огромному большинству лицъ, исполняющихъ эти обязанности, имя учителя усваивается лишь по традиціи. Если судить по *преобладающему общему типу* (просимъ обратить на это вниманіе), то въ настоящее время русское слово «учитель» слѣдовало бы передать на латинскій языкъ никакъ не черезъ praeceptor, а пожалуй, inquisitor, отъ inquirere, что значитъ выспрашивать, развѣдывать. Учитель у насъ есть вѣчный экзаменаторъ. Его обязанность задать урокъ и поставить отмѣтку. Чѣмъ больше отмѣтокъ заноситъ онъ въ классный журналъ, тѣмъ онъ, значитъ, рачительнѣе ведетъ свое дѣло. Такъ какъ учитель не учитъ учениковъ, а только обязанъ стараться заставить ихъ учиться, то вполнѣ естественно, что свою дѣятельность въ классѣ онъ обращаетъ на уловленіе ученическаго незнанія, которое немедленно протоколируется выставленіемъ балла въ журналѣ, въ графѣ, соотвѣтствующей данной фамиліи. Улавливаніемъ незнанія исчерпывается у большинства учителей ихъ отношеніе къ дѣлу ученія». Такъ вотъ гдѣ отражается наша педагогическая неподготовленность, вотъ въ чемъ выражается, по признанію компетентнаго лица, педагогическая дѣятельность большинства учащаго персонала!

А если припомнить при этомъ, что педагогическое дѣло, при отсутствіи высокихъ идеаловъ и строго научныхъ знаній, обращается въ ничто, что педагогу легко запутаться среди нехитрыхъ провинціаль-

ныхъ соблазновъ, то нельзя не пожелать отъ всей души возможно широкой и основательной постановки дѣла въ педагогическихъ семинаріяхъ. Поэтому намъ не кажутся преувеличенными требованія Бржоски, который выражаетъ желаніе, чтобы въ число семинаристовъ принимались студенты университета, уже прослушавшіе лекціи: a) по логикѣ, физіологіи и психологіи, b) по энциклопедіи и методологіи педагогическихъ наукъ, c) по латинской и греческой грамматикѣ, d) по исторіи древней, средней и новой, по всеобщей исторіи культуры, e) по географіи и космографіи, f) по чистой математикѣ, астрономіи и механикѣ, g) по естественнымъ наукамъ, h) по энциклопедіи наукъ и искусствъ, i) по теоріи слога и риторикѣ.

Требуя широкаго энциклопедическаго образованія для педагога, мы должны во главу педагогическаго образованія поставитъ философію.

«Не довольно того—говоритъ Бржоска—чтобы воспитатель былъ знакомъ съ существомъ человѣка и законами его тѣлеснаго и духовнаго возрастанія; предъ его душевнымъ сознаніемъ должна ясно представляться и цѣль его жизни, счастливому достиженію которой онъ долженъ способствовать своимъ искусствомъ. Эта цѣль развивается предъ нимъ изъ самаго существа человѣка по идеямъ практической философіи. Вообще педагогъ нуждается въ философіи, ибо педагогика есть наука, а мать всѣхъ наукъ есть философія. Философія съ подчиненными ей науками, особенно съ психологіей и этикой, составляютъ главную опору педагогики, и только основательное изученіе философіи открываетъ и облегчаетъ путь къ педагогическому совершенствованію. Однако, изученіе философіи слѣдуетъ настоятельно рекомендовать не только въ этомъ отношеніи: она сама по себѣ необходима для каждаго, кто только имѣетъ претензію на высшее образованіе; она доставляетъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни надежную опору и вноситъ свѣтъ истины во всѣ остальныя науки» *). «Счастливы государства—говоритъ *Шеллингъ* – гдѣ люди зрѣлые и богатые положительными знаніями, постоянно возвращаются къ философіи, чтобы освѣжать и обновлять духъ свой и пребывать въ постоянной связи съ тѣми всеобщими началами, которыя, дѣйствительно, управляютъ міромъ и связываютъ какъ бы неразрывными узами всѣ явленія природы и мысли человѣческой. Только отъ частаго обращенія души къ этимъ общимъ началамъ образуются мужи, въ полномъ смыслѣ слова способные всегда идти на проломъ и не пугаться никакого явленія, какъ бы грозно оно ни показалось,

---

*) Бржоска loc. cit., стр. 149.

и неспособные положить оружіе передъ мелочностью и невѣжествомъ даже тогда, когда, какъ это нерѣдко бываетъ, многолѣтняя общественная вялость позволила крайне посредственнымъ людямъ возвыситься и крайне невѣжественнымъ сдѣлаться вожаками общества».

Дѣйствительно, чѣмъ многообразнѣе и утомительнѣе наши занятія въ мірѣ практическомъ, тѣмъ полезнѣе, можетъ быть, освѣжать душу напряженіемъ мысли въ другомъ направленіи, тѣмъ необходимѣе обновлять силы духа погруженіемъ его въ *живительную среду* философскихъ вопросовъ. Какъ-бы ни былъ человѣкъ крѣпокъ, ему часто нужно сосредоточиваться, чтобы не растрачивать своихъ силъ; «нужно—говоритъ А. С. Хомяковъ—чтобы душевныя способности, разсѣевающіяся въ жизненной борьбѣ какъ волны, въ продолжительномъ бою, были часто возвращаемы, какъ будто трубнымъ звукомъ въ твердый и правильный строй вокругъ центральныхъ силъ нашего Богообразнаго разума». Для того, чтобы оцѣнить заслуги философіи достаточно припомнить, что человѣческій духъ успѣлъ сдѣлать рядъ цѣнныхъ пріобрѣтеній въ области глубокихъ идей и возвышенныхъ идеаловъ, способныхъ поддерживать крѣпость его нравственной энергіи и бодро вести его по пути къ новымъ успѣхамъ и побѣдамъ. Достаточно припомнить тѣ самыя общія понятія, которыя дала ему философія, чтобы признать, что духовная жизнь человѣчества находится и находилась въ самой тѣсной зависимости отъ философіи. Таковы, напр., идеи безконечной вселенной и Вѣчнаго Міроваго Разума, сю управляющаго,—идеи инертной матеріи и самостоятельнаго духовнаго начала, дающаго ей жизненность, идеи неисчерпаемой силы человѣческаго знанія и творчества, свободы личной воли человѣка, безсмертія человѣческой души; затѣмъ—идеалы истины, добра и красоты, какъ общіе свѣточи духовнаго существованія человѣка,—нравственнаго долга, самоотреченія и самообладанія, — любви, самопожертвованія и справедливости, какъ основанія личной и общественной жизни человѣка.

И стремленіе достигнуть возможно болѣе глубокаго пониманія вещей, выработать себѣ ясный, опредѣленный взглядъ на міръ и на жизнь вообще и на свою собственную человѣческую жизнь въ частности, уяснить себѣ начала и цѣли своей дѣятельности, соединить всѣ свои убѣжденія въ одно цѣлое, т.-е. составить себѣ общее цѣльное міросозерцаніе—неискоренимое стремленіе, вложенное въ самую природу разумнаго человѣческаго существа. Поэтому и проявленіе этого стремленія—философія—есть нѣчто законное и свойственное человѣческой природѣ и стремленія философскаго характера проявляются

иногда у тѣхъ мыслителей, которые желали-бы отрицать философію. Должно признать (какъ это ни грустно), что мы слишкомъ мало привыкли къ требованіямъ строгой философской мысли. Молодежь, со школьной и даже съ университетской скамьи не привыкшая къ правильному и методическому философскому мышленію, не воспитанная на классическихъ произведеніяхъ древнихъ и новыхъ философовъ и поэтому не умѣющая и неспособная понимать и уважать творенія великихъ умовъ, перейдя въ зрѣлый возрастъ, дѣлается вовсе неспособной къ правильному сужденію о вопросахъ сколько-нибудь отвлеченныхъ, и этой неспособности должно приписать многія неприглядныя и даже прямо печальныя явленія въ нашемъ недавнемъ прошломъ...

А между тѣмъ о широкомъ философскомъ образованіи нигдѣ не заботятся. Литература, по самому существу своему, зеркало волнующихъ общество идей, почти никогда или лишь весьма рѣдко возвышалась до глубокаго философскаго пониманія психологическихъ и общественныхъ вопросовъ. Школа, которая должна служить истиннымъ проводникомъ высокихъ идей въ жизнь, хотя и пыталась иногда обращать вниманіе на философію, но никогда это вниманіе не было достаточно продолжительнымъ. Философія въ нашихъ университетахъ никогда особеннымъ почетомъ не пользовалась. Изучая исторію академій, университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій, мы нигдѣ не видимъ особеннаго, интенсивнаго вниманія къ философіи. Только кое-гдѣ проскальзываетъ нѣкоторое расположеніе къ ней. Такъ, въ привиллегіи, данной Московской академіи, задачей высшаго образованія поставлена «мудрость», состоящая въ полномъ развитіи душевныхъ силъ к способностей, въ томъ, что составляетъ «едино на потребу», къ которому все приложится. «Зная, что источникъ благосостоянія церковнаго и государственнаго есть мудрость, ни о чесомъ-же говорится въ интересующемъ насъ историческомъ памятникѣ, тако тиранія сотворяемъ, яко же изобрѣтенія премудрости, съ нею же и вся благая отъ Бога людемъ дарствуются». Ни къ какой другой сторонней цѣли государство не направляетъ этой мудрости; она сама себѣ составляетъ цѣль и высочайшую, чистѣйшую задачу государства. Средствомъ для достиженія этой мудрости правительство признаетъ слѣдующую систему наукъ: «благоволимъ храмы чиномъ академіи устроить и во оныхъ хощемъ сѣмена мудрости, т.-е. науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики и *философіи* разумительной, естественной и нравной даже до богословія, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія, постановити». При этомъ философія (согласно привиллегіи

Московской академіи) опредѣляется какъ совокупность наукъ: логики, физики и этики. Съ тѣхъ поръ философія скорѣе находила себѣ пріютъ въ духовныхъ академіяхъ, но никогда не пользовалась широкимъ гостепріимствомъ въ стѣнахъ университетовъ *). Были, правда, отдѣльные моменты, когда какъ будто-бы дремлющая философская мысль просыпалась и проявляла себя съ особенною силою. Такъ было, напримѣръ, въ Московскомъ университетѣ, во времена Грановскаго, Рѣдкина **). Но для этого надо было особенное благопріятное стеченіе обстоятельствъ, которое скорѣе зависѣло отъ случайнаго подбора лицъ, чѣмъ отъ «духа» всего учебнаго заведенія.

Поэтому въ интересахъ «общаго образованія», его широты и всесторонности, мы беремъ на себя смѣлость указать на необходимость въ нашихъ университетахъ возможно широкаго и глубокаго философскаго образованія. Мы чувствуемъ и недостаточность нашихъ силъ и знаній для убѣдительной пропаганды этой мысли; если наше заявленіе окажется неумѣлымъ и недостаточно убѣдительно обставленнымъ, то вина цѣликомъ падаетъ исключительно на наши слабыя силы, а не на дѣло, которое говоритъ само за себя.

Просматривая «Исторію университета св. Владиміра» проф. Владимірскаго-Буданова, мы нигдѣ не замѣчаемъ на протяженіи пятидесяти лѣтъ (1834—1884) его существованія хотя-бы слабаго стремленія поставить философію, какъ предметъ курса, на должную высоту. Всегда, кажется, ей отводилось лишь весьма скромное мѣсто на философскомъ, а затѣмъ на историко-филологическомъ факультетѣ. Когда, послѣ открытія университета св. Владиміра въ Кіевѣ, понадобилось замѣстить каѳедру философіи, то оказалось, что неоткуда

---

*) Даже по качеству, т.-е. по ученой эрудиціи, философскіе труды духовныхъ академій многими, знакомыми съ этой литературой, признаются за лучшіе. Извѣстно, что Гегель не мало удивлялъ русскихъ студентовъ высокими похвалами, съ которыми онъ относился къ талантамъ покойнаго проф. Московской академіи проф. Голубинскаго, объ учености и даже о существованіи котораго послѣдніе впервые узнавали отъ этого германскаго мыслителя.

**) Вотъ что читаемъ о профессорской дѣятельности П. Г. Рѣдкина въ Москвѣ: «Московскій университетъ въ то время (1840 г.) сосредоточивалъ въ себѣ замѣчательныя научныя силы. Мы застаемъ здѣсь профессоровъ Грановскаго. Рѣдкина, Чивилева и др. Особенными симпатіями студентовъ пользовались Грановскій и Рѣдкинъ. Послѣдній преподавалъ энциклопедію законовѣдѣнія и государственное право. Любя науку, онъ возбуждалъ это-же чувство и въ своихъ слушателяхъ. Этотъ профессоръ значительную часть своего курса посвящалъ краткому, но весьма удобопонятному очерку исторіи философіи. Поэтому-то лекціи П. Г. Рѣдкина привлекали массу слушателей даже изъ другихъ факультетовъ». (См. Фролковъ. К. Д. Ушинскій, біографич. очеркъ, ст. 13).

было взять преподавателей этого предмета, если не считать духовныхъ академій, гдѣ она (особенно въ Кіевской), уже тогда занимала довольно видное мѣсто (отсюда вышли, кромѣ О. М. Новицкаго и С. С. Гогоцкаго, Карповъ, П. Д. Юркевичъ, М. М. Троицкій). Тогдашній попечитель Кіевскаго учебнаго округа Э. Ѳ. фонъ-Брадке не замедлилъ пригласить О. М. Новицкаго, давъ ему сначала мѣсто адъюнкта, а затѣмъ и профессора философіи въ университетѣ, и обойдя тѣ формальныя затрудненія, которыя впослѣдствіи отстраняли отъ университета многихъ достойныхъ преподавателей. Не смотря, однако, на то, что въ лицѣ Ореста Новицкаго Кіевскій университетъ пріобрѣлъ талантливаго профессора *), все-таки философія среди университетскихъ наукъ особеннымъ почетомъ не пользовалась; это видно уже изъ того, что одно лицо занимало, кромѣ каѳедры философіи, каѳедры исторіи философіи, этики, логики и психологіи, и когда въ 1844 г. былъ возбужденъ вопросъ о новомъ преподавателѣ для усиленія каѳедры философіи, то со стороны министерства согласія на это не воспослѣдовало; да и совѣтъ университета долго тормазилъ дѣло о назначеніи доцента по каѳедрѣ философіи С. С. Гогоцкаго **). Здѣсь, съ этой каѳедры наука должна-бы дѣйствовать благотворнымъ и отрезвляющимъ образомъ на молодые умы. Однако, было даже такое время, когда именно эта каѳедра была устранена изъ университета. И въ настоящее время, хотя она и существуетъ во всѣхъ университетахъ, но, какъ мы сказали, она отнесена только къ историко-филологическому факультету, какъ будто-бы юристъ, математикъ и естественникъ меньше нуждаются въ ней. При этомъ по уставу опредѣлено преподавать въ нашихъ университетахъ не философію во всемъ объемѣ, а только логику, психологію и исторію философіи, между тѣмъ какъ въ германскихъ университетахъ преподаются и всѣ остальныя

*) Выборъ Новицкаго оказался наиболѣе удачнымъ. Учено-литературная его дѣятельность можетъ быть легко оцѣнена всѣми, такъ какъ онъ публиковалъ въ свое время изслѣдованія по каждой изъ наукъ, входившихъ въ сферу его спеціальности (по логикѣ, психологіи и исторіи философіи). Изъ нихъ, конечно, переживетъ автора его «Исторія философіи въ свяли съ исторіей религіи». Но главное значеніе О. М. Новицкаго заключалось въ его преподаваніи. По словамъ Шульгина, всѣмъ студентамъ (его слушателямъ) памятна та удивительная простота, ясность и послѣдовательность, съ какими онъ излагалъ самыя отвлеченныя по существу своему ученія... Не разъ случалось слышать отъ бывшихъ студентовъ Новицкаго, подвизавшихся впослѣдствіи на трудномъ учительскомъ поприщѣ, что лекціи его о системѣ Платона могли быть понятны ученикамъ 4-го класса гимназіи. (Ист. унив. св. Владиміра, стр. 117).

**) См. Исторію университета св. Владиміра, стр. 360).

дисциплины философіи, какъ-то: философія природы, этика или нравственная философія, философія права или естественное право, философія искусства или эстетика, философія религіи, философія исторіи и, наконецъ, даже метафизика... Если университетъ, дѣйствительно, представляетъ собою universitas litterarum, т.-е. такое ученое и учебное заведеніе, гдѣ научное развитіе, научная критика и научное творчество должны слиться съ обученіемъ, гдѣ, дѣйствительно, пріобрѣтается научная зрѣлость, умственная и духовная самостоятельность, какъ необходимые аттрибуты для всякой не только научной, но и практической дѣятельности, то онъ долженъ дать широкое мѣсто философіи. «Вѣдь не единичные, отдѣльные факты, представляющіе только грубый, самъ по себѣ мертвый, матеріалъ науки составляютъ «душу» науки, а то общее, которое познаетъ наука въ этомъ матеріалѣ, обобщая, объединяя единичные факты въ одно живое цѣлое; потому что это общее въ единичныхъ фактахъ есть разумное въ нихъ, а только разумное и можетъ представлять интересъ для такого разумнаго существа, какимъ является человѣкъ; только на разумное откликается разумъ. Все-же то, что во всѣхъ наукахъ есть общаго, чисто-научнаго, разумнаго, представляющаго собственно интересъ для человѣческаго разума, для присущей ему любознательности или для его стремленія къ знанію—можно назвать *философскимъ* въ наукахъ, потому что слово философія и значитъ не что иное, какъ любомудріе, т.-е. стремленіе къ мудрости, въ смыслѣ стремленія человѣческаго разума къ разумному, научному, истинному знанію. Поэтому философія, по самой своей сущности, какъ содержащая въ себѣ общее всѣмъ наукамъ, чисто научное во всѣхъ нихъ *), представляющее наибольшій интересъ для человѣческой любознательности и есть собственно наука въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, какъ единая наука, объединяющая все, что̀ есть общаго, чисто научнаго истинно интереснаго во всѣхъ спеціальныхъ наукахъ, которыя образовались и развились исторически, вслѣдствіе приложенія къ наукѣ дѣйствующаго въ жизни человѣческой раздѣленія труда **).

«Поэтому философія не останавливается, подобно естественнымъ и прочимъ спеціальнымъ наукамъ, на какихъ-либо частныхъ положеніяхъ, какъ-бы ни казались они сами по себѣ общими, напримѣръ,

---

*) Философія питаетъ философскій духъ въ другихъ наукахъ, и этотъ философскій духъ представляетъ самое высшее и лучшее, что ихъ поддерживаетъ и живитъ; безъ него онѣ легко утратятъ самую свою научность.

**) Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей вообще. 1889, т. I, стр. 118.

на законѣ тяготѣнія или на законѣ эволюціи, или-же на законѣ ассоціаціи идей и т. д., но стремится объединить эти положенія и вообще взойти къ единому всеобщему принципу, дабы представить человѣческое знаніе, какъ единое всецѣлое. Это-то единство и есть конечная цѣль всѣхъ человѣческихъ научныхъ стремленій, ибо, въ концѣ концовъ, можетъ быть только одна наука, какъ единъ предметъ ея—міръ... Философія не исключаетъ изъ себя ни одной науки, а, напротивъ, каждую изъ нихъ включаетъ въ свой составъ; слѣдовательно, философія есть то-же самое, что наука вообще, какъ единая наука. И философія, какъ особая наука, тѣмъ существенно и отличается отъ прочихъ наукъ, что она пользуется ихъ результатами для восхожденія къ общей всѣмъ имъ цѣли—къ единству человѣческаго знанія, къ тому всеобщему, которое есть истинно-научное во всѣхъ спеціальныхъ наукахъ, и такимъ образомъ къ расширенію ихъ содержанія. Слѣдовательно, философія въ этомъ смыслѣ состоятельнѣе всякой спеціальной науки» (стр. 122).

М. Демковъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Профессіональная школа и подъемъ отечественной промышленности.

(Окончаніе).

V.

Не научивши азбукѣ, нельзя учить чтенію. Точно также непозволительно расчитывать на общій подъемъ народной производительности и промышленности, при содѣйствіи однихъ низшихъ и среднихъ спеціальныхъ техническихъ и ремесленныхъ заведеній, безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ народныхъ школъ. Въ этомъ отношеніи «организаціонный комитетъ съѣзда по техническому и профессіональному образованію» (III-я секція) далъ положительно неоцѣненныя доказательства.

На основаніи обширныхъ матеріаловъ, полученныхъ названнымъ комитетомъ, И. А. Аноповъ составилъ капитальный трудъ—«Опытъ систематическаго обозрѣнія матеріаловъ къ изученію современнаго состоянія средняго и низшаго техническаго и ремесленнаго образованія въ Россіи». Это *первая*, пока, попытка у насъ подвести общій итогъ дѣятельности указанныхъ учебныхъ заведеній за все время ихъ существованія.

Всего насчитывается 93 учебныхъ заведеній разсматриваемой категоріи. И. А. Аноповъ подраздѣляетъ ихъ на три группы: къ одной онъ причисляетъ *пять* среднихъ учебныхъ заведеній; къ двумъ другамъ—*88* остальныхъ училищъ. Разсмотрѣвъ каждое изъ заведеній въ отдѣльности и выяснивъ, по возможности, достигнутые ими результаты, почтенный авторъ замѣчаетъ, между прочимъ, что всѣ эти 93 заведенія, во всей ихъ совокупности, «не успѣли еще замѣтнымъ образомъ оказать вліяніе на развитіе технической и ремесленной промышленности нашего отечества». Такое замѣчаніе невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе, тѣмъ болѣе, что оно исходитъ отъ авто-

ритетнаго лица: г. Аноповъ состоитъ директоромъ ремесленнаго училища Цесаревича Николая, въ С.-Петербургѣ.

Каковы-же, однако, результаты этихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній?

Къ категоріи среднихъ учебныхъ заведеній принадлежатъ: Лодзинское, Иркутское, Комисаровское въ Москвѣ и отчасти — Омское и Кунгурское. Старшее по времени учрежденіе изъ этихъ заведеній (Комисаровское техническое) основано въ 1865 году, младшее (Омское техническое)—въ 1882 году. Только одно изъ названныхъ училищъ (Лодзинское, существуетъ съ 1869 г.)—*ремесленное*, остальныя-же—*техническія*. Тѣмъ не менѣе, несмотря на однородность типа и одинаковую цѣль, всѣ пять названныхъ учебныхъ заведеній довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга какъ по объему общеобразовательнаго курса, такъ и по размѣрамъ спеціальной подготовки. Рѣзко отличаются они и по своимъ бюджетамъ. Содержаніе самаго дешеваго изъ нихъ, Лодзинскаго училища, обходится 28.000 руб. въ годъ; на содержаніе другихъ училищъ расходуется отъ 30 до 38 тысячъ рублей въ годъ на училище; Комисаровское-же техническое училище поглощаетъ ежегодно 94.000 руб. Одинъ учащійся въ Лодзинскомъ училищѣ обходится 77 руб. въ годъ, въ Комисаровскомъ—300 руб., въ Иркутскомъ—350 руб., въ Омскомъ—500 руб. и въ Кунгурскомъ—*754 рубля!!*... Общій-же расходъ на пять названныхъ среднихъ профессіональныхъ училищъ составлялъ въ 1888—1889 учебномъ году 220.000 рублей.

За все время существованія этихъ учебныхъ заведеній, они, по расчету И. А. Анопова, «дали вмѣстѣ до *450* молодыхъ людей, которые, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, способны были содѣйствовать развитію отечественной промышленности». Но, изъ числа окончившихъ курсъ, около 35% продолжаютъ образованіе или окончили уже его въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ; 40% занимаются въ различныхъ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ, а 25% уклонились отъ тѣхъ спеціальностей, къ которымъ подготовлялись въ школѣ. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе общій расходъ на среднее профессіональное образованіе за все время существованія пяти указанныхъ учебныхъ заведеній и сопоставить съ общимъ количествомъ окончившихъ въ нихъ курсъ, а затѣмъ—и съ тѣми 75 процентами окончившихъ, которые, такъ или иначе, остались на поприщѣ техническо-промышленной дѣятельности, то стоимость средняго профессіональнаго образованія каждаго изъ нихъ выразится *въ такихъ громадныхъ тысячахъ рублей*, которые не свойственны ни од-

ному изъ самыхъ роскошныхъ и расточительныхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ государствѣ!..

Объ остальныхъ 88 низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищахъ также приходится сказать, что, несмотря на однородность въ преслѣдуемыхъ ими цѣляхъ, они до крайности разнообразны по своей организаціи и по размѣрамъ доставляемаго ими общаго и средняго образованія. Изъ этой массы учебныхъ заведеній невозможно выбрать двухъ-трехъ, совершенно однородныхъ. Тутъ есть всевозможные типы заведеній, начиная съ низшихъ техническихъ и кончая практическими мастерскими, безъ всякаго класснаго обученія, даже безъ графическихъ искусствъ. Въ 1888—1889 учебномъ году учащихся въ нихъ было около 5.000 человѣкъ, на содержаніе-же заведеній израсходовано 875 тысячъ рублей. Такимъ образомъ, въ среднемъ, стоимость одного учащагося составляетъ около 175 рублей; въ отдѣльности-же по заведеніямъ она колеблется отъ *58 рублей до 330 рублей въ годъ!..*

Давность большинства этихъ заведеній восходитъ къ срединѣ и концу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ; остальныя возникли преимущественно въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. За все время существованія, низшія профессіональныя заведенія, въ общей сложности, выпустили около 4.433 человѣкъ, которые, по роду спеціальности, распредѣляются такъ: слесарей 45%, столяровъ 20%, сапожниковъ 4%, портныхъ 0,15% и переплетчиковъ 0,8 процента. Да и изъ этого очень скромнаго количества ремесленниковъ, по словамъ И. А. Анопова, «далеко не всѣ окончившіе курсъ продолжаютъ заниматься техническою и ремесленною частью: значительный процентъ обращается къ болѣе легкимъ, канцелярскимъ, занятіямъ, а нѣкоторые настолько не расположены къ ремесленнымъ занятіямъ, что предпочитаютъ имъ всякія другія, не исключая даже обязанностей прислуги».

Короче сказать, среднее и низшее спеціальное техническое и ремесленное обученіе, возникшее у насъ, въ Россіи, четверть вѣка тому назадъ и поглощающее съ средины восьмидесятыхъ годовъ *около милліона* рублей въ годъ, а въ концѣ даже и *значительно болѣе милліона* рублей, не оказало почти никакого вліянія на развитіе технической и ремесленной нашей промышленности, — прошло, можно сказать, для нея безслѣдно, безрезультатно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, не тѣми-же полутора сотнями техниковъ, которыхъ дали непосредственно для дѣла среднія профессіональныя училища, и не тѣми двумя-тремя тысячами ремесленниковъ по разнымъ спеціальностямъ, выпущенныхъ

низшими училищами, держалась и двигалась кое-какъ впередъ отечественная наша ремесленная и техническая промышленность?!.

VI.

Большія надежды возлагаются на новое «Положеніе» о среднихъ и низшихъ промышленныхъ училищахъ, Высочайше утвержденное 7-го марта 1888 года. Безъ сомнѣнія, благодаря этому «Положенію», въ новыхъ техническихъ и ремесленныхъ училищахъ будетъ больше порядка и единства въ системѣ преподаванія, чѣмъ въ прежнихъ. Нужно замѣтить, что среднее и низшее профессіональное образованіе у насъ, просуществовавъ четверть вѣка, не имѣло во все это время, какъ видно изъ труда И. А. Анопова, ни опредѣленныхъ программъ, ни учебныхъ пособій и руководствъ, ни должнымъ образомъ подготовленныхъ учителей; наконецъ, учебныя заведенія этой категоріи очень часто управляются лицами, не имѣющими ничего общаго ни съ техникой, ни съ ремесломъ.

Такимъ образомъ, строго говоря, новымъ промышленнымъ училищамъ, возникающимъ по «Положенію» 1888 года, нечего унаслѣдовать отъ своихъ предшественниковъ и придется вновь создавать все учебное дѣло въ общеобразовательной и технической его частяхъ. Допуская даже, что эта трудная задача будетъ быстро и вполнѣ удачно разрѣшена, мы не можемъ, однако, сказать, что этимъ самымъ будетъ, наконецъ, изобрѣтенъ *ключъ* для подъема технической и ремесленной отечественной нашей промышленности.

Сочувствуя основной идеѣ среднихъ и низшихъ промышленныхъ училищъ по новому «Положенію», признавая ихъ пользу и необходимость, нельзя, однако, не замѣтить, что, даже и при усиленномъ напряженіи государственныхъ, общественныхъ и частныхъ силъ, учебныя заведенія новаго типа, вслѣдствіе большой ихъ дороговизны, не могутъ получить такого распространенія, чтобы благотворное вліяніе ихъ чувствовалось въ промышленной дѣятельности. По новымъ штатамъ, бюджетъ ремесленнаго училища исчисленъ въ 11.960 рублей, низшаго механико-техническаго — 19.436 рублей и средняго механико-техническаго—въ 27.311 рублей. Принявъ расчетъ г. Анопова, что въ низшихъ промышленныхъ училищахъ (трехклассныхъ) максимальное число учащихся будетъ около 120 человѣкъ, а въ среднихъ (четырехклассныхъ)—около 160 человѣкъ,—не трудно придти къ выводу, что стоимость одного *мастера*, подготовленнаго низшимъ училищемъ, будетъ стоить столько-же, сколько расходуется въ годъ на содержаніе

народной школы средней руки (т.-е. около 400—500 рублей въ годъ), если не болѣе; подготовленіе-же одного *техника* въ средней промышленной школѣ будетъ *превосходить* годовое содержаніе народной школы *въ нѣсколько разъ*.

При такомъ значительномъ бюджетѣ новыхъ училищъ, израсходовавъ даже два-три десятка милліоновъ рублей на среднія и низшія промышленныя училища, все-таки невозможно будетъ, хотя-бы даже и приблизительно, насытить повсемѣстно существующую потребность въ прикладныхъ знаніяхъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ родной нашей производительности и промышленности.

Конечно, имѣя населеніе, повально, можно сказать, не свѣдущее въ ручномъ трудѣ, незнакомое даже съ *азбукой* раціональныхъ ремесленныхъ пріемовъ, невозможно удешевить стоимость промышленныхъ училищъ, такъ какъ на училища эти падаетъ вся тяжесть какъ теоретическаго, такъ и практическаго спеціальнаго обученія. Но признаніе справедливости высокаго бюджета указанныхъ училищъ нисколько, однако, не облегчаетъ практическаго выполненія основной задачи—какимъ путемъ дать населенію необходимыя для него прикладныя знанія?

Естественно, поэтому, возникаетъ вопросъ: нельзя-ли какъ-нибудь удешевить профессіональное образованіе?

Для цѣлаго государства, какъ и для отдѣльной личности, одинаково обязательно правило: «*живи по средствамъ*». Поэтому, какъ-бы ни былъ заманчивъ въ теоріи выработанный планъ среднихъ и низшихъ промышленныхъ училищъ, но разъ онъ оказывается не по средствамъ для немедленнаго и повсемѣстнаго распространенія въ имперіи, необходимо изыскать иныя средства для сообщенія населенію столь насущно-необходимыхъ для него ремесленныхъ и техническихъ знаній.

Къ счастью, такія средства имѣются и достаточно апробованы уже опытомъ другихъ народовъ. Финляндія представляетъ намъ, въ этомъ отношеніи, очень внушительный и назидательный примѣръ.

VII.

Въ числѣ матеріаловъ, собранныхъ «организаціоннымъ комитетомъ съѣзда», есть, между прочимъ, брошюра — «Очеркъ техническаго и профессіональнаго образованія въ Финляндіи, составленный для съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи, въ 1889—1890 годахъ». Эта небольшая брошюра заключаетъ въ себѣ, въ сжатой формѣ, обрисовку всей системы народнаго

образованія въ Финляндіи, включая также и разныхъ родовъ прикладныя знанія, кромѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Въ составленіи названной брошюры принимали участіе: директоръ Гельсингфорскаго политехническаго института, *Э. Квистъ*; начальникъ мануфактурнаго отдѣленія управленія промышленности въ Финляндіи, *Л. Грипенбергъ*; инспекторъ народныхъ училищъ, *А. Бернеръ*, и секретарь экспедиціи торговли и промышленности Финляндскаго сената, *Ф. Пальмротъ*. Каждое изъ этихъ должностныхъ лицъ дало отчетъ по завѣдываемой имъ части общаго или прикладнаго народнаго образованія, и, въ цѣломъ, получилась полная картина, представляющая вмѣстѣ съ тѣмъ *оффиціальный документъ*, заслуживающій глубокаго вниманія, по оригинальности и поучительности заключающихся въ немъ данныхъ. Въ виду занимающей насъ цѣли, мы остановимся лишь на совершенно своеобразной организаціи промышленныхъ и ремесленныхъ училищъ.

Училища эти устраиваются по мѣрѣ надобности, на основаніи особаго «Положенія» о нихъ отъ 25 ноября (нов. ст.) 1885 года. *Промышленныя* училища «имѣютъ цѣлью дать преимущественно лицамъ, занимающимся въ промышленныхъ производствахъ и, слѣдовательно, обладающимъ знаніемъ практической стороны производства теоретическую подготовку, необходимую для мастеровъ и, вообще, для руководителей работъ въ области механическаго производства и строительной промышленности». Цѣль-же *ремесленныхъ* училищъ — «сообщить мастеровымъ какъ фабричныхъ, такъ и ремесленныхъ производствъ, на вечернихъ курсахъ, свѣдѣнія по черченію и такимъ теоретическимъ предметамъ, которые представляются особенно полезными и важными для ремесленниковъ».

Такимъ образомъ, въ планъ обоего рода училищъ вовсе не входитъ практическое обученіе работамъ по разнымъ производствамъ. «Искусство—говорится въ названной выше брошюрѣ—требуемое отъ мастеровыхъ и мастеровъ разныхъ промышленныхъ предпріятій, должно быть пріобрѣтаемо путемъ практики; *школа-же можетъ въ этомъ отношеніи имѣть лишь цѣлью поднять и развить его, давая нужную теоретическую подготовку*». Въ виду такого взгляда на дѣло (очень здраваго и практичнаго, замѣтимъ мимоходомъ), какъ промышленныя, такъ и ремесленныя училища предназначаются для учениковъ «*изъ среды дѣятелей практическаго труда*»; чтобы доставить возможность «интеллигентнымъ и старательнымъ мастеровымъ пріобрѣсти необходимыя теоретическія познанія».

Промышленныя училища имѣютъ два отдѣленія: механическихъ

производствъ и строительной части. Дополнительный общеобразовательный курсъ для обоихъ отдѣленій одинаковъ; въ составъ его входятъ: ариѳметика съ началами алгебры, геометрія съ началами стереометріи, начертательная геометрія, физика и механика, черченіе отъ руки, письменное изложеніе и бухгалтерія. Спеціальный курсъ по механическому отдѣленію обнимаетъ собою: ученіе о машинахъ и машиностроеніе, черченіе машинъ и механическую технологію. Въ составъ курса по строительной промышленности входятъ: строительное искусство и конструкція строеній съ черченіемъ, прикладная геометрія, рисованіе картъ, устройство мостовъ, сухопутныя и водяныя сообщенія.

Программа эта выполняется на двухъ полугодовыхъ курсахъ, продолжающихся отъ 1-го октября до 1-го апрѣля, съ небольшими рождественскими каникулами. На лѣтнее-же полугодіе учащіеся «должны стараться найти себѣ практическія занятія по своей спеціальности».

При каждомъ промышленномъ училищѣ, по мѣрѣ надобности, учреждаются, кромѣ того, «особые курсы для подготовленія кандидатовъ на званіе машиниста къ требуемымъ отъ нихъ по закону экзаменамъ». Курсы эти продолжаются всего съ 7-го января по 1-е апрѣля.

Каждое промышленное училище снабжено коллекціями моделей и изданіями рисунковъ по разнымъ отраслямъ техническихъ наукъ. При училищѣ имѣется библіотека «изъ новѣйшихъ техническихъ сочиненій и повременныхъ изданій». Предметы, по которымъ «не издано спеціально предназначенныхъ для училищъ учебниковъ, преподаются по рукописнымъ тетрадкамъ». При училищѣ состоятъ три лектора и приглашаются, кромѣ того, сверхштатные преподаватели, по мѣрѣ надобности. Отъ каждаго изъ лекторовъ требуется свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса политехническаго института и, кромѣ того, удостовѣреніе, что онъ не менѣе года занимался практическою дѣятельностью по своей спеціальности. Одинъ изъ лекторовъ назначается ректоромъ промышленнаго училища. Годовой расходъ по содержанію училища доходитъ до 16.700 финскихъ марокъ, что въ переводѣ на русскія деньги (по курсу) составитъ около 6.000 рублей въ годъ.

Такова общая программа и складъ промышленныхъ училищъ. Затѣмъ, каждое изъ пяти училищъ этой категоріи, существующихъ въ настоящее время въ Финляндіи, имѣетъ полную свободу видоизмѣняться, съ цѣлью наибольшаго приспособленія къ условіямъ мѣстной производительности и промышленности. Такъ, напримѣръ, въ Абоскомъ промышленномъ училищѣ предположено преподавать *кораб-*

лестроеніе, въ видѣ дополнительныхъ вечернихъ курсовъ, въ программу которыхъ входитъ: теоретическій отдѣлъ и упражненіе по рисованію съ исчисленіемъ водоизмѣщенія и проч. Въ другомъ промышленномъ училищѣ, въ Куопіо, съ начала нынѣшняго года, «учреждено временно, на пять лѣтъ, *химико-металлургическое отдѣленіе*, для образованія преимущественно занимающихся по желѣзодѣлательной промышленности лицъ и подготовляющихся въ мастера и руководители работъ по части металлургіи и, въ особенности, по разнымъ отраслямъ желѣзнозаводскаго дѣла». Въ нынѣшнемъ-же году, при Гельсингфорскомъ промышленномъ училищѣ, опять-таки временно, на пять лѣтъ, открыто «*спеціальное химическое отдѣленіе*, для подготовленія изъ мастеровыхъ техническихъ производствъ мастеровъ и завѣдывающихъ работами по химической промышленности».

Въ 1886—1887 учебномъ году въ трехъ бывшихъ тогда промышленныхъ училищахъ обучалось 127 человѣкъ; въ 1887—1888 учебномъ году въ пяти училищахъ—149 человѣкъ; въ 1888—1889 учебномъ году въ томъ-же количествѣ промышленныхъ училищъ обучалось уже болѣе 160 человѣкъ. Возрастъ учащихся колеблется между *пятнадцатью* и *52-мя годами!..*

Относительно хода занятій въ промышленныхъ училищахъ заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующее замѣчаніе г. Л. Грипенберга: «Весьма значительнымъ препятствіемъ при обученіи служила неравномѣрность познаній, которыми владѣли поступающіе въ школы. Эти затрудненія, однако, обнаружились, главнымъ образомъ, въ продолженіе перваго учебнаго полугодія. Почти во всѣхъ школахъ констатировано, что *ученики изъ настоящихъ рабочихъ*, несмотря на затрудненіе, съ которымъ они въ первое время освоивались съ общими предметами, вообще *принадлежатъ къ числу лучшихъ учениковъ школъ*, какъ вслѣдствіе того необыкновеннаго прилежанія и чрезвычайной добросовѣстности, съ которою они занимаются научными предметами, такъ и потому, что спеціальные предметы легче даются имъ, въ виду знакомства ихъ съ практическою стороною дѣла».

Къ этому нужно еще добавить, что количество оканчивающихъ курсъ въ промышленныхъ училищахъ быстро возрастаетъ. Въ первомъ году окончило курсъ 18 человѣкъ, во второмъ—49, въ третьемъ—25 человѣкъ.

Еще проще организація *ремесленныхъ* училищъ. Училища эти, какъ сказано уже, предназначаются для лицъ, занимающихся какимъ-нибудь ремесломъ; а потому обученіе въ нихъ производится въ вечерніе часы среди недѣли и по воскресеньямъ. Въ виду невозмож-

ности разсчитывать на продолжительное посѣщеніе такихъ училищъ учащимися, обученіе въ нихъ принаровлено къ *годичнымъ* курсамъ, представляющимъ самостоятельную, законченную программу.

Училища эти раздѣляются на *низшія* и *высшія*. Программу первыхъ составляютъ: черченіе и рисованіе, ариѳметика, правописаніе роднаго языка въ связи съ составленіемъ счетовъ и другихъ небольшихъ письменныхъ изложеній, а также простая бухгалтерія. Обученіе продолжается въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ году и производится въ воскресенье послѣ обѣда (не менѣе 3 часовъ) и по крайней мѣрѣ въ одинъ непраздничный вечеръ еженедѣльно (не менѣе 2 часовъ). Въ курсъ высшихъ ремесленныхъ училищъ входятъ: элементарное черченіе, рисованіе орнаментовъ, черченіе, соотвѣтствующее ремеслу обучающихся, ариѳметика, начала геометріи, теорія проэкцій, чистописаніе и бухгалтерія. Ученіе, какъ и въ низшихъ училищахъ, продолжается въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ году, но еженедѣльно въ четыре непраздничныхъ дня и по восресеньямъ, въ послѣобѣденное время.

Отъ этой основной программы, выражающей *минимумъ* требованій, ремесленнымъ училищамъ предоставлена полная свобода отступленій, въ смыслѣ расширенія объема преподаванія и увеличенія числа учебныхъ часовъ. Изложенная программа разсчитана на контингентъ ремесленниковъ, получившихъ уже начальное общее образованіе въ народныхъ школахъ; между тѣмъ опытъ показалъ, что между поступающими въ ремесленныя училища много лицъ, получившихъ лишь домашнее образованіе, т.-е. умѣющихъ читать и писать. Такимъ лицамъ оказывается не по силамъ спеціальная программа ремесленныхъ училищъ. Вслѣдствіе этого, при училищахъ, по мѣрѣ надобности, устраиваются «*приготовительныя отдѣленія*», для первоначальной подготовки тѣхъ изъ желающихъ поступить въ ремесленныя училища, которые нуждаются въ этомъ.

Для подготовленія учителей въ ремесленныя училища, въ Гельсингфорсѣ существуетъ «Центральное училище прикладныхъ искусствъ». Это учебное заведеніе вполнѣ основательно аттестовано въ «Очеркѣ техническаго и профессіональнаго образованія въ Финляндіи», какъ «образцовое училище мѣстнымъ прикладнымъ искусствамъ». Подготовляющіеся къ учительской дѣятельности проходятъ въ немъ очень солидную и разностороннюю программу спеціальныхъ знаній и, сверхъ того, получаютъ также должную подготовку къ активному преподаванію. Наконецъ, это единственное въ своемъ родѣ учебное заведеніе

заготовляетъ необходимыя для ремесленныхъ училищъ учебныя пособія и снабжаетъ ими по заранѣе утвержденнымъ цѣнамъ.

Въ прошломъ году въ Финляндіи было 15-ть ремесленныхъ училищъ (10-ть низшихъ и 5-ть высшихъ), съ пятью приготовительными отдѣленіями при нихъ. Количество заявляющихъ желаніе обучаться въ этихъ училищахъ такъ велико, что во многихъ изъ нихъ пришлось ввести преподаваніе *по нѣсколькимъ параллельнымъ отдѣленіямъ того-же класса.* Возрастъ учащихся колеблется между *девятью и 40 годами.*

VIII.

Такъ мудро разрѣшили финляндцы труднѣйшую изъ задачъ въ области просвѣщенія—промышленное и ремесленное обученіе трудоваго населенія, примѣнивъ на практикѣ тѣ теоретическіе взгляды на истинныя цѣли и средства профессіональнаго образованія, которыхъ теоретическія основы выработаны въ Германіи, Англіи и Франціи въ семидесятыхъ годахъ.

Разъ ставъ на путь научнаго поднятія уровня трудовой части населенія, мѣстное финляндское управленіе проводитъ эту мѣру съ замѣчательной настойчивостью. Такъ, напримѣръ, 15-го апрѣля (нов. ст.) 1889 года въ Финляндіи изданъ законъ «объ огражденіи рабочихъ по разнымъ отраслямъ промышленности», вошедшій въ силу съ 1-го января нынѣшняго года. На основаніи этого закона, «дѣтямъ моложе 15-ти лѣтъ, занимающимся промышленною работою и не окончившимъ курса высшаго народнаго училища, *должно быть доставлено правильное школьное образованіе въ теченіе не менѣе 12-ти часовъ въ недѣлю.* Хозяинъ *отвѣчаетъ* за неисполненіе этого правила, а необходимыя для устройства подобнаго обученія мѣры должны быть принимаемы подлежащими городскими общинами». Гарантируя-же подростающимъ поколѣніямъ общее образованіе, этимъ самымъ расчищаютъ и облегчаютъ имъ доступъ къ спеціальному промышленному или ремесленному обученію.

Едва-ли можно спорить противъ того, что система промышленнаго и ремесленнаго обученія, избранная въ Финляндіи, раціональнѣе нашей. Тамъ берутъ уже готовый трудовой матеріалъ, т.-е. мастеровыхъ и мастеровъ, и даютъ имъ дополнительное научное образованіе. У насъ-же хотятъ создать мастеровъ посредствомъ школьнаго обученія, что, по меньшей мѣрѣ, сомнительно, такъ какъ никакая школа, какъ-бы широко ни была поставлена она въ практическомъ

отношеніи, не можетъ дать такой опытности, технической выправки и выдержки, какъ самая промышленная работа.

Конечно, и въ Финляндіи не сразу привилась новая система промышленнаго и ремесленнаго обученія, встрѣтивъ скептическое отношеніе со стороны нѣкоторыхъ. Но, не далѣе, какъ черезъ три года послѣ введенія ея, въ сферѣ «самихъ-же промышленниковъ возбуждались проекты о введеніи *обязательнаго обученія въ ремесленныхъ училищахъ*» Это слишкомъ громко говоритъ въ пользу новой системы прикладнаго обученія, свидѣтельствуя о томъ, что теоретическое научное прикладное образованіе, сообщаемое лицомъ, непосредственно занимающимся практическимъ трудомъ, приноситъ въ промышленной дѣятельности страны явно-полезные результаты.

Если Финляндія стала на путь такой простой, дешевой и общедоступной системы прикладнаго обученія, позволяющей сообщить научныя знанія поголовно всему трудящемуся классу и по всевозможнымъ спеціальностямъ, то это объясняются тѣмъ, *во-первыхъ*, что населеніе этой страны поголовно грамотно; *во-вторыхъ*, тѣмъ, что та масса учащихся, которая проходитъ черезъ высшія народныя школы, обязательно обучена ручному труду. Въ виду столь внушительнаго примѣра этой просвѣщенной страны, желательную организацію прикладнаго образованія у насъ, въ Россіи, можно формулировать такъ:

1) Въ видахъ правильнаго, быстраго и одновременнаго воздѣйствія на всю техническую и ремесленную отечественную нашу промышленность, необходимо приступить къ повсемѣстному учрежденію въ имперіи промышленныхъ и ремесленныхъ училищъ, по образцу финляндскихъ, во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ есть обрабатывающая промышленность.

2) Въ училища эти необходимо привлечь весь контингентъ грамотныхъ рабочихъ, занимающихся въ промышленныхъ, фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ производствахъ.

3) Для воздѣйствія-же на кустарную промышленность, необходимо обратиться къ системѣ «*странствующихъ учителей*» (т.-е. переѣзжающихъ изъ одного пункта въ другой), оказавшей большія услуги въ дѣлѣ подъема сельскихъ ремеслъ въ Финляндіи.

4) Странствующіе-же учителя могутъ оказать также весьма существенную пользу и въ дѣлѣ воздѣйствія на подъемъ русской сельско-хозяйственной промышленности во всѣхъ ея многоразличныхъ отрасляхъ. Прототипомъ этихъ учителей могутъ служить агрономическіе наши смотрители.

5) Одновременно съ этими мѣрами, ручной трудъ долженъ быть

введенъ, какъ обязательный предметъ, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ для приготовленія народныхъ учителей и учительницъ, во всѣхъ сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищахъ.

6) Наконецъ, чтобы облегчить проникновеніе въ трудовую среду раціональныхъ прикладныхъ знаній, требуемыхъ тамъ, буквально, *какъ хлѣбъ насущный*,—необходимо принять безотлагательныя мѣры къ *поголовному обученію грамотѣ* всего подростающаго поколѣнія.

Осуществленіе намѣченныхъ мѣръ, понятно, потребуетъ довольно значительнаго напряженія матеріальныхъ средствъ со стороны казны, общественныхъ учрежденій, промышленныхъ предпріятій и частныхъ лицъ Но за то одновременное, повсемѣстное примѣненіе въ имперіи этихъ скромныхъ, не бьющихъ на внѣшній эффектъ, мѣръ неминуемо отразится самыми благодѣтельными результатами и, въ короткій срокъ, *окупится сторицею*. Эти маленькія мѣры, въ ихъ совокупности, дѣйствительно поднимутъ, преобразуютъ всю отечественную производительность и промышленность, дадутъ ей такой энергическій толчекъ къ неуклонному прогрессивному движенію, котораго, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ получить наша промышленность отъ какихъ-бы то ни было спеціальныхъ среднихъ и низшихъ школъ, предназначенныхъ для этой именно цѣли. Если даже допустить самую идеальную успѣшность такого рода школъ, то все то добро, которое онѣ будутъ вносить въ жизнь, неизбѣжно заглохнетъ въ тьмѣ безграмотности массы населенія и невѣжества его въ ручномъ трудѣ. Наоборотъ-же, даже простая грамотность поголовно всего подростающаго поколѣнія, да притомъ еще объ руку съ обязательнымъ обученіемъ ручному труду всѣхъ проходящихъ черезъ начальную школу, непремѣнно уже благотворно отразится на ходѣ всей нашей производительности и промышленности.

М. Песковскій.

Цѣль и средства преподаванія низшей математики.

Toute éducation qui ne commence point par l'etude de la mathématique pèche nécessairement par sa base.

Auguste Comte.

L'art d'enseigner c'est l'art d'indiquer aux autres ce qu'ils doivent faire pour s'instruire.

Jean Jacotot.

О цѣли (не только практической, но даже формальной) преподаванія такъ называемой низшей математики въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно о средствахъ, находящихся въ распоряженіи преподавателя для наилучшаго достиженія этихъ цѣлей, писано очень много и очень многими. Не сведеніемъ и критикою различныхъ взглядовъ на эти вопросы и не установкою какого-либо новаго взгляда задаемся мы въ предлагаемой статьѣ; цѣль ея гораздо скромнѣе: мы желали-бы только освѣтить эти вопросы съ точки зрѣнія истинныхъ требованій *общаго* образованія, не предаваясь ни увлеченіямъ, вытекающимъ изъ игнорированія цѣлей другихъ учебныхъ предметовъ среднеобразовательнаго курса, ни увлеченіямъ въ сторону наивозможно бо̀льшаго облегченія учащимся труда ученія. Можно очень любить предметъ и при этомъ очень скорбѣть объ обремененіи учащихся непосильными для нихъ требованіями; но учить математикѣ необходимо, и обученіе это должно быть сопровождаемо непремѣнно извѣстною работою со стороны учащагося, извѣстнымъ количествомъ труда (въ противномъ случаѣ обученіе не приносило-бы ровно никакой пользы), и на этой практической, жизненной почвѣ мы и желаемъ стоять въ настоящей статьѣ. Единой, цѣльной, нераздѣльной низшей математики, какъ извѣстно, не существуетъ, какъ не существуетъ также единой нераздѣльной науки математики, ко-

торой части и отрасли были-бы неразрывно связаны единою, сплачивающею ихъ, руководящею идеею. Поэтому говорить о цѣли и средствахъ преподаванія всей низшей математики вообще—значило-бы двигаться въ сферѣ слишкомъ общихъ и туманныхъ соображеній, не могущихъ сколько-нибудь подвинуть впередъ разрѣшеніе слѣдующихъ, болѣе насущныхъ, вопросовъ: 1) какова истинная цѣль преподаванія каждаго изъ отдѣльныхъ предметовъ, составляющихъ такъ называемую низшую математику: ариѳметики, такъ называемой низшей алгебры и элементарной геометріи съ тригонометріею? и 2) каковы тѣ средства, которыя употребляются и должны употребляться для достиженія этихъ цѣлей?

Настоящая статья распадается на три главы; изъ нихъ въ первой разсматривается, въ связи съ вопросами вообще о цѣли преподаванія каждаго изъ отдѣловъ низшей математики, также вопросъ о томъ: что̀ на самомъ дѣлѣ остается изъ всего курса низшей математики въ распоряженіи окончившаго курсъ средняго учебнаго заведенія—на всю жизнь и что̀ изъ этого курса должно было-бы оставаться у него на всю жизнь? Во второй главѣ мы болѣе детально занимаемся вопросами о цѣляхъ преподаванія ариѳметики, низшей алгебры, геометріи съ тригонометріею, въ связи съ вопросами о томъ, что изъ курсовъ этихъ предметовъ должно быть устранено и что, напротивъ, должно быть въ нихъ внесено новаго, въ виду истинныхъ цѣлей преподаванія этихъ предметовъ; въ третьей, послѣдней, главѣ будутъ разсмотрѣны средства преподаванія всѣхъ отраслей низшей математики: роль наглядныхъ пособій, учебниковъ, сборниковъ задачъ, письменныхъ работъ, значеніе различныхъ формъ обученія и т. п.

Но прежде чѣмъ перейти къ вопросамъ, которымъ посвящена первая глава, считаемъ неизлишнимъ вкратцѣ высказаться по поводу опредѣленій, которыя даются математикѣ—наукѣ, и по поводу раздѣленія математики на низшую и высшую, дабы впослѣдствіи болѣе не возвращаться къ этимъ вопросамъ, то или иное разрѣшеніе которыхъ окажетъ вліяніе на устанавливаемыя нами точки зрѣнія на среднеобразовательный курсъ математики.

Обычное опредѣленіе математики, какъ науки о величинахъ, какъ извѣстно, не отличается ни полнотою содержанія, ни характеризующею силой всякаго вѣрнаго и содержательнаго опредѣленія. Говоря иначе: оно не даетъ никакого понятія о содержаніи и методахъ науки, страдая, сверхъ того, тѣмъ недостаткомъ, что создаетъ въ умѣ нашемъ невѣрную идею о математикѣ, какъ о наукѣ единой и цѣлост-

ной, какъ о наукѣ, всѣ части которой вполнѣ объединены и составляютъ одно неразрывное цѣлое. Ог. Контъ вполнѣ правъ, считая вышеприведенное, обычное опредѣленіе математики неопредѣленнымъ и малозначущимъ (vague et insignifiant), но, несмотря на то, что онъ старается его замѣнить другимъ (въ третьей лекціи своего «Курса положительной философіи»), ему это не вполнѣ удается, такъ какъ общее опредѣленіе математики, какъ науки единой и неразрывной, невозможно по той простой причинѣ, что различныя ея дисциплины недостаточно связаны одна съ другою однимъ и тѣмъ-же руководящимъ началомъ. Опредѣленіе, предлагаемое Контомъ, гласитъ приблизительно такъ: цѣль математики состоитъ въ косвенномъ (не непосредственномъ) измѣреніи величинъ, т.-е. въ опредѣленіи однѣхъ величинъ въ зависимости отъ другихъ на основаніи точныхъ соотношеній, между ними существующихъ *). Но подъ это опредѣленіе не вполнѣ подойдутъ ни тѣ части Евклидовой, аналитической и синтетической геометріи, которыя занимаются не вопросами величины, а вопросами положенія и формы, ни тѣ части математическаго анализа, въ которыхъ мы имѣемъ дѣло съ величинами, которыхъ зависимость отъ другихъ, связанныхъ съ ними, величинъ не могутъ быть выражены ни въ какихъ извѣстныхъ намъ функціяхъ. Кромѣ того, это опредѣленіе также страдаетъ (хотя и въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ обычное) тѣмъ недостаткомъ, что объединяетъ всѣ математическія дисциплины такъ сильно, какъ онѣ на самомъ дѣлѣ не могутъ быть объединены въ настоящее время. Невозможность *общаго* опредѣленія математики—науки обусловливается преимущественно тѣмъ, что всѣ вопросы чисто-математическаго характера распадаются на три различныхъ класса: классъ вопросовъ ариѳметическихъ (въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова), вопросовъ геометрическихъ и вопросовъ механики, хотя психологически пространство, время, движеніе и число тѣснѣйше другъ съ другомъ связаны. Поэтому вполнѣ основательнымъ должно признать взглядъ французскихъ авторовъ, принимающихъ, что существуютъ *математическія науки* (les mathématiques), а не математика, какъ единая наука. Только Контъ, кажется, предпочитаетъ, по примѣру Кондорсе, слово «la mathématique» обычной во французской рѣчи формѣ множественнаго числа того-же слова.

---

*) «Nous sommes donc parvenu maintenant à definir avec exactitude la science mathématique, en lui assignant pour but la mésure *indirecte* des grandeurs, et disant, qu'on s'y propose de déterminer les grandeurs les unes par les autres, d'aprés les relations précises qui existent entre elles». Cours de phil. pos., т. I, стр. 98.

Не менѣе условно и раздѣленіе математики на низшую и высшую *). Съ развитіемъ, въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія, въ математикѣ многочисленныхъ критическихъ и логико-методологическихъ идей и точекъ зрѣнія, рѣзкая пограничная черта между такъ называемою «низшею» математикою и математикою «высшею» почти совершенно исчезла. Мало того: очень многія идеи высшей математики, сравнительно еще недавно представлявшія ея какъ-бы неотъемлемое достояніе и ни мало не вліявшія на ученія и методы низшей, а также на преподаваніе послѣдней въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, въ настоящее время все болѣе и болѣе проникаютъ изъ университетскихъ курсовъ въ учебники Евклидовой геометріи, низшей алгебры и даже ариѳметики и несомнѣнно повліяли на пріемы и форму преподаванія этихъ предметовъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ разнаго рода. Равнымъ образомъ въ отношеніи изложенія и освѣщенія научныхъ фактовъ многія отрасли высшей математики настолько упростились въ своихъ основныхъ методахъ и пріемахъ, что теперь врядъ-ли еще найдется много такихъ математиковъ, которые считали-бы аналитическую геометрію, напримѣръ, не только въ чистомъ ея видѣ, но даже съ привнесеніемъ въ нее всѣхъ идей такъ называемой «новой» синтетической геометріи, отраслью непремѣнно высшей математики. То-же самое относится и къ дифференціальному и интегральному исчисленіемъ, къ синтетической геометріи, къ теоріи сравненій и даже, можетъ быть, къ теоріи функцій мнимаго перемѣннаго. Стало быть, обозначенія «низшая» и «высшая» математика не выражаютъ ничего характернаго, относящагося до методовъ и сущности различныхъ, входящихъ въ составъ математики, отраслей знанія, а лишь служатъ для сокращеннаго обозначенія совокупности предметовъ, входящихъ въ курсъ средняго учебнаго заведенія, въ отличіе отъ предметовъ, преподаваемыхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ университетахъ (на физико-математическомъ факультетѣ) и на первыхъ курсахъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній (технологическаго и горнаго институтовъ, артиллерійскихъ училищъ и академіи и т. п.). Само собою разумѣется, что мы при этомъ, говоря о математикѣ, имѣемъ

*) Вопросу объ отсутствіи въ іерархіи наукъ единой нераздѣльной математической науки посвящено пишущимъ эти строки очень много вниманія въ другой работѣ, напечатанной двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и содержащей въ себѣ много мыслей, съ которыми мы въ настоящее время не согласны. Мы говоримъ о рядѣ статей своихъ подъ заглавіемъ: «Математика какъ предметъ общаго образованія», помѣщенныхъ въ 1878 году въ журналѣ «Педагогическій музей».

въ виду только отрасли такъ называемой *чистой* математики, тѣмъ болѣе, что каждая изъ отраслей такъ называемой «прикладной» въ настоящее время образовала самостоятельную науку, и терминъ «прикладная математика» нынѣ все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія.

ГЛАВА I.

Результаты, нынѣ достигаемые изученіемъ низшей математики.

On ne peut pas savoir tout: il faut se contenter de comprendre.
George Sand.

Цѣль изученія какого-либо предмета въ учебномъ заведеніи можетъ быть двоякая: 1) практическая, такъ-сказать матеріальная, утилитарная, и 2) образовательная, или иначе—формальная, идеальная, развивательная. Какъ-бы узка ни была практическая цѣль, преслѣдуемая изученіемъ даннаго предмета, основные принципы современной педагогики однако-же требуютъ отъ обученія ему также вниманія къ образовательной, т.-е. развивательной, формальной сторонѣ обученія. Современная педагогика не можетъ примириться съ одною только дрессировкою учащагося въ пріобрѣтеніи важныхъ для него въ практическомъ отношеніи познаній и умѣній; она требуетъ также, чтобы учащійся при этомъ извлекъ изъ обученія максимумъ тѣхъ полезныхъ умственныхъ и духовныхъ навыковъ, которые изъ даннаго предмета могутъ быть, при данныхъ условіяхъ, извлечены. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ предметовъ обученія преслѣдуютъ таковыя образовательныя цѣли только какъ-бы по пути, и главное вниманіе учащаго обращено, благодаря особенностямъ предмета, на практическіе результаты обученія; другіе-же предметы, напротивъ, узко практическихъ цѣлей не преслѣдуютъ и преслѣдовать не могутъ, и все вниманіе учащаго обращено преимущественно на школу мышленія, свойственную этому предмету и, такъ сказать, его характеризующую. Среди отраслей низшей математики есть представительницы обоихъ родовъ предметовъ обученія: ариѳметика преслѣдуетъ и должна, по самому характеру своему, преслѣдовать преимущественно практическія цѣли (не забывая, конечно, принципа обязательности внесенія во всякое обученіе элемента образовательнаго), геометрія—преимущественно цѣли образовательныя, низшая алгебра—и тѣ и другія.

Ариѳметика должна учить производству четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми и дробными числами (производству вѣрному, быстрому и болѣе или менѣе изящному); геометрія должна на вопросахъ геометрическихъ учить пріемамъ доказательства, опредѣленія, классификаціи и изслѣдованія, т.-е. должна учить нѣкоторымъ приложеніямъ формальной и практической логики; алгебра должна-бы дѣлать и то, и другое: учить и логикѣ (обобщенію и отвлеченію), и производству дѣйствій надъ количествами.

Понятно поэтому, что въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ взглядовъ мы натолкнемся въ каждой изъ разрабатываемыхъ въ среднеобразовательномъ учебномъ заведеніи дисциплинъ на такія ученія, которыя ни практическаго, ни математически-образовательнаго значенія въ установленномъ выше смыслѣ не имѣютъ; въ такихъ случаяхъ мы подобныя статьи курса низшей математики должны будемъ такъ или иначе отмѣтить. Точно также мы не станемъ обходить молчаніемъ и тѣ ученія и идеи математическаго содержанія, которыя нынѣ не вносятся, но могли-бы быть, съ болѣе или менѣе значительной пользой для дѣла образованія, внесены въ среднеобразовательный курсъ математики, въ виду той или другой изъ двухъ намѣченныхъ выше цѣлей изученія этого курса (причемъ, конечно, не станемъ упускать изъ виду то количество времени, которое находится въ распоряженіи средняго учебнаго заведенія). Свободное и независимое отъ установившихся взглядовъ на объемъ и содержаніе среднеобразовательнаго курса математики обсужденіе этихъ вопросовъ тѣмъ дозволительнѣе и желательнѣе въ настоящемъ случаѣ, что низшая математика (да и самая наука математики) не представляетъ собою какого-либо однороднаго цѣлаго, могущаго пострадать отъ перенесенія центра его тяжести изъ одной статьи курса въ другую, если только это перенесеніе центра тяжести признано будетъ полезнымъ въ образовательномъ отношеніи.

Мы не имѣемъ чести принадлежать ни къ числу безусловныхъ, крайне ревностныхъ и страстныхъ сторонниковъ и поклонниковъ математики, какъ предмета общаго образованія, которые, вмѣстѣ съ Дильманномъ *), склонны ставить математику чуть не во главу всего общаго образованія и которые признаютъ математику едва-ли не исключительною представительницею умственныхъ интересовъ всего человѣчества въ его недалекомъ будущемъ **). Но само собою разумѣется, что мы не

*) Dillman. Die Mathematik, die Fackelträgerin einer neuen Zeit. Stuttgart. 1889.

**) Весьма близокъ къ этому направленію педагогической мысли изъ новѣйшихъ авторовъ д-ръ Шоттенъ (Schotten), авторъ еще неоконченнаго сочиненія

принадлежимъ также и къ числу гораздо болѣе многочисленныхъ, чѣмъ это кажется, противниковъ изученія нѣкотораго, довольно обширнаго по объему и содержанію своему, курса математики въ среднемъ учебномъ заведеніи, думающихъ, что она отъ учениковъ требуетъ какихъ-то значительныхъ, чуть не прирожденныхъ, притомъ вполнѣ специфическихъ, способностей и забывающихъ при этомъ, что вовсе не въ томъ дѣло, чтобы всѣ ученики непремѣнно научились свободному и безукоризненному обращенію съ математическими ученіями, а въ томъ, чтобы всѣ воспитанники средняго учебнаго заведенія *непремѣнно учились математикѣ* и учились-бы этому предмету вполнѣ основательно *).

Во избѣжаніе, однако, недоразумѣній, мы должны еще разъ обратить вниманіе читателя на то, что, говоря объ образовательномъ значеніи изученія математики въ среднемъ учебномъ заведеніи, должно приписывать таковое не только тѣмъ ученіямъ, которыя по самому существу своему призваны привить уму учащагося пріемы точнаго мышленія вообще и математическаго въ частности, но также и тѣмъ умѣніямъ математическаго характера, которыя имѣютъ значеніе преимущественно практическое. Ибо въ математикѣ иногда пріобрѣтеніе даже вполнѣ механическихъ пріемовъ, имѣющихъ, казалось-бы, преимущественно техническое значеніе, не можетъ не сопровождаться такими элементами болѣе или менѣе отвлеченнаго мышленія, которые на умъ и душевную дѣятельность учащагося оказываютъ весьма значительное, притомъ чрезвычайно полезное воспитательное вліяніе. Кромѣ того, считаемъ нелишнимъ замѣтить, что мы лично вовсе не склонны отвергать тотъ фактъ, что не только при школьномъ обученіи, но и при домашнемъ, нѣкоторые учащіеся выказываютъ большія способности, другіе—среднія, а третьи—почти никакихъ. Отвергать это и сводить дѣло, какъ это многіе дѣлаютъ, къ различію въ подготовкѣ, къ обвиненію практикуемыхъ пріемовъ обученія въ недостаточномъ вниманіи къ потребностямъ и въ недостаточности подготовки учащихся и т. п.—по нашему крайнему разумѣнію, неосно-

---

критико-методическаго характера по предмету геометріи подъ заглавіемъ: Inhalt und Methode des planimetrischen Unterrichts. Lpz. 1890.

*) Изъ новѣйшихъ авторовъ, считающихъ довольно распространенное мнѣніе объ образовательномъ значеніи изученія низшей математики во многихъ пунктахъ предразсудкомъ или заблужденіемъ, слѣдуетъ назвать проф. Шиллера (Schiller), автора довольно извѣстнаго руководства по педагогикѣ, и Гюйо (Guyot), автора извѣстнаго и весьма симпатичнаго во многихъ отношеніяхъ сочиненія о воспитаніи и наслѣдственности.

вательно, ибо указанный фактъ на-лицо, и отрицать, что, при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, всѣ дѣти не равно способны къ воспріятію тонкостей математики, невозможно. Это значило-бы ставить математику какъ-бы внѣ того закона психологіи, по которому, несмотря на единообразіе психическихъ свойствъ духа всѣхъ нормальныхъ людей, у каждаго человѣка есть своя индивидуальная духовная природа, которая и обусловливаетъ пристрастіе даннаго человѣка, чуть-ли не съ дѣтскаго возраста, къ тому или иному овладѣвающему имъ комплексу физическихъ, умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ вкусовъ и наклонностей. Но изъ этого факта, по меньшей мѣрѣ, неосновательно дѣлать тотъ выводъ, что учиться математикѣ должны и могутъ только одаренные такъ называемыми способностями къ ней; едва-ли не обратный выводъ напрашивается въ этомъ случаѣ на вниманіе, а именно, что изученіе математики дѣтьми, мало или незначительно къ ней расположенными, этимъ дѣтямъ особенно необходимо, какъ занятія физическою гимнастикою *необходимы* скорѣе отставшимъ въ своемъ физическомъ развитіи дѣтямъ, чѣмъ субъектамъ, которые и безъ гимнастики отличаются хорошимъ тѣлосложеніемъ и отличнымъ физическимъ здоровьемъ. Этотъ вопросъ, въ связи съ вопросомъ объ объемѣ среднеобразовательнаго курса математики, будетъ нами, впрочемъ, разсмотрѣнъ впослѣдствіи. Здѣсь-же мы считаемъ необходимымъ только выяснить въ общихъ чертахъ ту точку зрѣнія, на которой мы стоимъ въ вопросѣ о такъ называемыхъ способностяхъ учащагося къ математикѣ *).

Объ образовательномъ значеніи изученія математики написано, въ духѣ сочувствія къ математикѣ такъ много и, какъ это замѣчено выше, столь многими авторами, что стремленіе сказать что-либо новое по этому вопросу представляется намъ крайне неосновательнымъ.

---

*) Помянутый выше Шоттенъ, вмѣстѣ съ очень многими болѣе или менѣе авторитетными авторами по предмету методики математики, держится того взгляда, что только ненормальныя дѣти абсолютно неспособны къ изученію математики. Несомнѣнно, что нормальный ребенокъ, такъ или иначе, въ состояніи осилить курсъ какого угодно предмета, слѣдовательно и курсъ математики; но это нисколько не вліяетъ на рѣшеніе вопроса о томъ, всѣ-ли дѣти *одинаково легко* и съ *одинаковою любовью* осиливаютъ ее, т.-е. всѣ-ли дѣти одинаково къ ней способны. Заслуживаетъ при этомъ вниманія тотъ фактъ, что наименьшая склонность къ математикѣ выказывается не такъ называемымъ среднимъ ученикомъ, а напротивъ того, часто субъектами, одаренными какими-нибудь особенными талантами, напр., къ языкамъ, къ искусствамъ, къ такъ называемымъ гуманитарнымъ наукамъ. Но и изъ этого нельзя дѣлать никакихъ выводовъ относительно значенія, цѣлей и средствъ преподаванія низшей математики.

Но, не смотря на это и не смотря на восторженные панегирики этому предмету преподаванія со стороны его приверженцевъ, очень часто приходится слышать даже со стороны вполнѣ образованныхъ людей сѣтованія на слишкомъ большія требованія, предъявляемыя по этому предмету учащими къ ученикамъ, и встрѣчаться съ указаніями на то, что для изученія математики необходимы совершенно особенныя, *математическія*, способности, и на то, что можно быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, не зная ни бинома Ньютона, ни логариѳмовъ, ни Пиѳагоровой теоремы. Причинъ существованія подобныхъ взглядовъ очень много; укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ: 1) несомнѣнно, что методы преподаванія математики еще не отличаются тѣми особенностями, которыя необходимы для того, чтобы предметъ былъ для всѣхъ учащихся вполнѣ интересенъ; 2) въ средѣ преподавателей и завѣдывающихъ учебнымъ дѣломъ недостаточно еще усвоенъ тотъ единственно вѣрный взглядъ на преподаваніе математики, по которому главнѣйшую часть полезной работы учащійся совершаетъ только тогда, когда онъ *еще учится* математикѣ, а не тогда, когда онъ уже выучилъ ту или другую теорему, то или другое доказательство; 3) при современномъ состояніи преподаванія этого предмета не только у насъ, но и въ Западной Европѣ (не считая, впрочемъ, Англіи) недостаточно еще сдѣлано для разграниченія тѣхъ познаній и умѣній, которыя должны остаться навсегда въ распоряженіи учащагося, отъ тѣхъ познаній и умѣній, которыя играютъ въ курсѣ только служебную роль; наконецъ, 4) у насъ, да и въ Западной Европѣ, слишкомъ большое значеніе придается умѣнью рѣшать задачи съ искусственными по возможности условіями, отбивающія у дѣтей, почему-либо мало склонныхъ къ разсужденіямъ надъ математическими объектами, всякую охоту къ такимъ разсужденіямъ, т.-е., отбивающимъ у нихъ, говоря иначе, всякую охоту къ какимъ-бы то ни было занятіямъ математикою. При этомъ должно замѣтить, что особенно много вреда преподаванію математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ принесло не только у насъ, но и въ Западной Европѣ, увлеченіе рѣшеніемъ задачъ по возможности сложныхъ и запутанныхъ, какъ-бы нарочно составленныхъ для того, чтобы учащіеся въ большинствѣ своемъ и образованное общество усвоило себѣ отрицательный взглядъ на математику, какъ на предметъ общаго образованія.

Безспорнымъ, однако, какъ мы это видѣли выше, должно быть признано, что не всѣ дѣти одинаково хорошо предрасположены къ особенно успѣшнымъ занятіямъ математикою, и безспорнымъ также

должно быть признано, что можно весь вѣкъ свой прожить на свѣтѣ, *не зная* ни Пиѳагоровой, ни Птоломеевой теоремы, ни теоріи квадратнаго уравненія, ни многихъ другихъ усваиваемыхъ въ школѣ свѣдѣній и фактовъ. Но понятно также, что изъ всего этого отнюдь еще не слѣдуетъ, что человѣку, претендующему на средній образовательный цензъ, можно прожить все свое дѣтство и отрочество, вовсе *не учась* математикѣ. Отъ того, что человѣкъ, считающій себя образованнымъ, *не помнитъ*, въ чемъ состоитъ Птоломеева теорема, и даже не помнитъ, есть-ли такая теорема на свѣтѣ—бѣды для умственнаго благосостоянія средняго человѣка, конечно, не предвидится никакой; но если человѣкъ никогда *не учился* математикѣ и если его мышленіе не пріобрѣло въ свое время ни одного изъ тѣхъ навыковъ, которые могутъ быть пріобрѣтены только изученіемъ математики, то такой претендентъ на званіе человѣка образованнаго только въ какихъ-либо особенно исключительныхъ случаяхъ имѣетъ право предъявлять эту претензію. Исключительная натура какого-нибудь Фарэдэя ни въ какомъ школьномъ образованіи не нуждалась для того, чтобы изъ ученика переплетнаго цеха со временемъ превратиться въ геніальнаго физика. Но не таковъ средній человѣкъ: ему не только для того, чтобы сдѣлаться порядочнымъ физикомъ, но и для того, чтобы сдѣлаться порядочнымъ юристомъ, филологомъ, историкомъ, чиновникомъ, вообще человѣкомъ, достойнымъ званія человѣка культурнаго и образованнаго, нужна прежде всего *школа мышленія*, и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ условій этой школы является изученіе математики въ томъ или другомъ ея объемѣ. «Съ математики—говоритъ Контъ—началось развитіе положительной философіи: отъ математики человѣчество получило методъ» *). Оставивъ въ сторонѣ Контовскіе взгляды на положительную философію, мы можемъ, тѣмъ не менѣе, въ этой цитатѣ подставить вмѣсто «положительной философіи» —*научное знаніе;* дѣйствительно: истинно-научное знаніе и методъ начали развиваться съ математики, и первыя научныя знанія, первые научные методы познанія были несомнѣнно знанія и методы математическаго характера. Какимъ-бы нападкамъ ни подвергался авторитетъ Конта въ вопросахъ чисто-математическаго характера (Контъ, напр., не признавалъ теоріи вѣроятностей и, кромѣ того, не оставилъ сколько-нибудь значительныхъ слѣдовъ въ исторіи развитія ма-

---

*) C'est par les mathématiques que la philosophie positive a commencé à se former: c'est d'elles que nous vient la *méthode*. Aug. Comte, Cours de phil. pos., т. I, стр. 122.

тематическихъ наукъ), а такимъ нападкамъ онъ подвергался также у насъ (проф. Цингеръ), но авторитетъ Конта не можетъ быть отрицаемъ въ вопросахъ философіи наукъ,—той самой философіи, которую признаютъ нынѣ и нѣмцы, называющіе ее «ученіемъ о наукахъ» (Wissenschaftslehre) *). Кромѣ того, Контъ (что еще важнѣе) неопровержимо *доказываетъ* великое значеніе математики, какъ предмета образованія, и мы не можемъ не признать, что его разсужденія въ первыхъ лекціяхъ «Курса философіи» и въ первыхъ главахъ его «Субъективнаго синтеза» (Synthèse subjectif) представляютъ наиболѣе содержательное и основательное (изъ извѣстныхъ намъ) разсмотрѣніе и освѣщеніе этого кардинальнаго вопроса нашей статьи. Математикѣ *должно* учиться, и въ ея изученіи лежитъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ къ истинному умственному развитію учащагося—вотъ выводъ изъ приводимыхъ имъ соображеній относительно этого вопроса,—соображеній, которыя сводятся къ слѣдующему: «Изученіемъ математики, притомъ изученіемъ только этого предмета возможно составить себѣ вѣрную и глубокую идею о томъ, что̀ такое *наука*. Только тамъ и должно искать точнаго познанія того общаго метода, который употребляется человѣческимъ умомъ во всѣхъ его изслѣдованіяхъ; ибо ни въ какой иной наукѣ вопросы не разрѣшены съ такою полнотою, а выводы не простираются такъ далеко и съ такою неуклонною строгостью. Равнымъ образомъ только тамъ наше познаваніе дало наиубѣдительнѣйшія доказательства своей силы, ибо идеи, разсматриваемыя въ математикѣ, достигаютъ наивысшей ступени возможной въ положительной наукѣ отвлеченности. *Всякое научное воспитаніе, не начинающееся изученіемъ математики, тѣмъ самымъ* неизбѣжно грѣшитъ въ своемъ основаніи» (Cours de philosophie positive, томъ I, стр. 99).

Ариѳметика (въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова) должна дать и часто дѣйствительно даетъ учащемуся рядъ чисто техническихъ умѣній въ дѣлѣ ариѳметическихъ вычисленій, практически важныхъ для дальнѣйшаго курса математики, причемъ *многія изъ этихъ умѣній* (что особенно характерно для ариѳметики) *необходимы человѣку также и впослѣдствіи*, какъ ему необходимы грамотность и письмо. Алгебра даетъ учащемуся могущественное орудіе для дальнѣйшаго

*) Ог. Контъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою частью Бэкона Веруламскаго, не оставившаго человѣчеству ни одного естественно-научнаго открытія и, тѣмъ не менѣе, признаваемаго творцомъ индуктивнаго метода, а частью Канта, не открывшаго никакой планеты, но тѣмъ не менѣе, создавшаго одну изъ наиболѣе совершенныхъ теорій происхожденія міровъ вселенной.

изученія математики и дѣлаетъ, благодаря упражненіямъ учащагося въ рѣшеніи задачъ на составленіе уравненій, вкладъ неизмѣримой цѣнности въ сокровищницу математическаго мышленія учащихся въ направленіи математическаго *творчества*. Зато изъ умѣній, которыя даетъ учащемуся изученіе алгебры, для будущаго необходимымъ не можетъ быть признано ни одно. Геометрія, наконецъ, учитъ преимущественно *доказательству*, какъ таковому, т.-е. учитъ одному изъ важнѣйшихъ приложеній практической логики, притомъ учитъ ему преимущественно предъ всѣми остальными отраслями среднеобразовательнаго курса математики. Тригонометрія-же является только дополненіемъ ученія геометріи о треугольникѣ и даетъ учащемуся возможность образовать себѣ понятіе о функціи, отличной, во всѣхъ своихъ свойствахъ, отъ функцій алгебраическихъ. Таковы, вкратцѣ, дѣйствительные, а не фантастическіе результаты, достигаемые въ большей или меньшей степени практикуемымъ у насъ курсомъ такъ называемой низшей математики. Если мы только вѣрно представляемъ себѣ объемъ тѣхъ пріобрѣтеній въ области математической науки, которыя получаются въ окончательномъ результатѣ многолѣтнихъ, въ среднеучебномъ заведеніи, занятій учащагося, не одареннаго особенными способностями, т.-е. не проникнутаго особеннымъ интересомъ къ математическимъ вопросамъ и пріемамъ мышленія, то, естественно, возбуждаются слѣдующіе вопросы: 1) достаточенъ-ли этотъ окончательный результатъ занятій математикою для всякаго человѣка, получившаго среднее образованіе? 2) не проходится-ли въ этомъ курсѣ много такихъ ученій, которыя не представляются особенно важными ни въ образовательномъ, ни въ практическомъ отношеніяхъ, и не надо-ли взамѣнъ этихъ излишнихъ, съ общеобразовательной и практической точекъ зрѣнія, статей курса включить въ курсъ такія статьи, которыхъ нынѣ нѣтъ въ среднеобразовательномъ курсѣ? и 3) правиленъ-ли тотъ, нынѣ господствующій, взглядъ на преподаваніе математики въ среднемъ учебномъ заведеніи, по которому изъ каждаго отдѣла этого учебнаго предмета всѣ абитуріенты, каковъ-бы ни былъ личный составъ даннаго класса и индивидуальныя наклонности каждаго учащагося, должны пройти непремѣнно весь установленный программою и обычаемъ курсъ во всемъ его объемѣ?

Первый изъ этихъ вопросовъ крайне важенъ, а именно вопросъ о томъ—не слишкомъ-ли незначителенъ тотъ окончательный результатъ, который обыкновенно достигается среднеобразовательнымъ курсомъ математики, если имѣть въ виду не только-что окончившаго курсъ абитуріента и не тѣхъ молодыхъ людей, которые, благодаря особен-

ному интересу къ математикѣ, или благодаря необходимости избрать себѣ ту или другую техническую или профессіональную карьеру, занимаются и по окончаніи гимназическаго курса математикою? Молодыхъ людей послѣдней категоріи намъ, понятно, не для чего принимать во вниманіе, равнымъ образомъ и о только-что окончившихъ курсъ абитуріентахъ говорить тоже нечего: послѣдніе по математикѣ обладаютъ познаніями довольно обширными (хотя и не глубокими); въ противномъ случаѣ они не могли-бы выйти съ большею или меньшею честью изъ окончательныхъ испытаній по предмету математики, требующихъ сравнительно весьма детальнаго знанія разныхъ статей курса. Мы говоримъ о той массѣ окончившихъ курсъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, которая тотчасъ по окончаніи курса поставлена въ условія, наиболѣе благопріятныя для полнаго забвенія ученій математики, и эта масса представляетъ собою чаще всего, можно сказать, подавляющее большинство. У представителей-же этой массы изъ курса ариѳметики остаются въ распоряженіи ученія о всѣхъ четырехъ дѣйствіяхъ надъ цѣлыми и нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ надъ дробными числами, изъ алгебры—умѣнье прочесть формулу и болѣе или менѣе вѣрно понять смыслъ ея, обо всемъ-же остальномъ, за исключеніемъ ученія объ уравненіи первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ, у нихъ остаются только болѣе или менѣе смутныя воспоминанія; изъ геометріи-же остаются почти только одни воспоминанія, притомъ воспоминанія туманныя о какой-то безконечной цѣпи доказательствъ, а изъ тригонометріи (грѣха нечего таить) чаще всего только одни названія тригонометрическихъ функцій. Вопросъ, насъ нынѣ интересующій, заключается въ томъ: 1) достаточно-ли этого съ практической точки зрѣнія, и 2) можетъ-ли быть признано, что при такой бѣдности познаній средняго человѣка (окончившаго курсъ въ гимназіи или равносильномъ ему заведеніи) въ отношеніи фактическаго, т.-е. научнаго содержанія, полученное даннымъ лицомъ математическое образованіе все-таки достаточно и нормально?

Если смотрѣть на дѣло безпристрастно, то практическая жизнь въ отношеніи вопросовъ математическаго характера предъявляетъ къ среднему образованному человѣку преимущественно одно требованіе: этотъ человѣкъ долженъ умѣть совершать дѣйствія надъ цѣлыми числами и—рѣже—надъ дробями обыкновенными и десятичными; что-же касается ученій алгебры, геометріи и тригонометріи, то жизнь не предъявляетъ къ этому среднему человѣку съ образованіемъ почти никогда такихъ требованій, для выполненія которыхъ необходимо, чтобы данное лицо вполнѣ владѣло обширными фактическими позна-

ніями по этимъ предметамъ. Съ этой, грубо-практической, узко-утилитарной точки зрѣнія средній образованный человѣкъ (если не считать нѣкоторыхъ недочетовъ въ умѣніи даннаго человѣка съ среднимъ образованіемъ дѣлать вѣрно, быстро и съ нѣкоторымъ изяществомъ ариѳметическія вычисленія,—а такіе недочеты несомнѣнно замѣчаются въ образованномъ обществѣ) можетъ считать свое математическое образованіе не только достаточнымъ, но даже прямо роскошнымъ. Не такъ склонны смотрѣть на дѣло тѣ преподаватели математики, которые не могутъ простить никому «невѣжества» въ вопросахъ математики; многимъ учителямъ математики хотѣлось-бы, чтобы ихъ ученики на всю жизнь сохранили пріобрѣтенныя ими въ среднемъ учебномъ заведеніи математическія умѣнія и познанія. Но и этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, не вѣренъ въ своей основѣ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ по окончаніи гимназическаго или другаго среднеобразовательнаго курса большинство, не занимающееся математикою или соприкосновенными отраслями вѣдѣнія, изъ ариѳметики забываетъ все ученіе о періодическихъ дробяхъ, о дробяхъ непрерывныхъ (которыя еще не такъ давно проходились въ курсѣ ариѳметики), о тройныхъ правилахъ (простомъ и сложномъ), о правилѣ процентовъ, товарищества, смѣшенія, цѣпномъ, и т. д. Изъ алгебры забываетъ тоже очень многое, а изъ геометріи—почти все. Практическаго значенія все забытое для него не имѣетъ ровно никакого. Кромѣ того, надо принять къ свѣдѣнію, что, при преподаваніи какого угодно предмета, а въ особенности математики въ среднеучебномъ заведеніи, *фактическое содержаніе* учебнаго предмета часто служитъ лишь *матеріаломъ*, надъ которымъ учащійся долженъ поработать для достиженія какихъ-либо *идеальныхъ* результатовъ въ направленіи образованія ума и воспитанія сужденія. Поэтому, если упомянутые идеальные, образовательные результаты достигнуты, то не представляется большой бѣды въ томъ, что этотъ матеріалъ, если онъ не имѣетъ самостоятельной цѣнности, памятью учащагося не сохраненъ на всю жизнь. Ни удивляться тому, что этого не случилось, ни огорчаться по этому поводу, стало быть, не слѣдуетъ. Весь вопросъ, можетъ быть, только въ томъ и состоитъ—достигнуты-ли охарактеризованные выше идеальные результаты, т.-е. пріобрѣло-ли данное лицо тѣ необходимые умственные навыки и, если можно такъ выразиться, тѣ умственные инстинкты, развитію которыхъ могли въ свое время способствовать занятія низшей математикою; весь вопросъ въ томъ—пріучилось-ли данное лицо вѣрно оцѣнивать демонстративную силу доказательства, научилось-ли оно пониманію методовъ отвлеченія и обобщенія, развило-ли

въ себѣ вкусъ къ точному мышленію и сужденію. Сохраненіе-же въ памяти всего того матеріала, при изученіи котораго эти инстинкты и навыки развились, вовсе не обязательно, ибо не въ знаніи фактическомъ вся сила изученія математики, а въ методѣ математики и ея системѣ, безъ пониманія которыхъ могутъ обойтись только особенно талантливыя въ другихъ отношеніяхъ личности, но не можетъ обойтись средній человѣкъ, занимающій на шкалѣ талантливости и умственной или духовной самобытности какое-нибудь изъ среднихъ мѣстъ.

Мы чрезвычайно далеки отъ мысли, будто постановка курса математики въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ безукоризненна, ибо не можетъ дѣло рукъ человѣческихъ быть безукоризненно; но если курсъ математики пройденъ такъ, что всѣ тѣ умственные навыки и пріемы, которыми живетъ и дышитъ математика, учащимся въ свое время поняты и усвоены во всей своей силѣ и логической мощи, то нѣтъ ровно никакой бѣды въ томъ, что всякій окончившій курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи въ очень скоромъ времени забываетъ всю фактическую сторону того учебнаго матеріала, которому, благодаря работѣ надъ нимъ, онъ обязанъ столь полезнымъ и даже прямо необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка направленіемъ своего мышленія въ сторону строгаго и точнаго сужденія не только о вопросахъ математическихъ, но также о предметахъ, почему-либо болѣе близкихъ его уму и сердцу. Весь вопросъ, стало быть, опять-таки, только въ томъ, что всякій *средній* человѣкъ, который заявляетъ притязаніе на званіе человѣка сколько-нибудь образованнаго, долженъ былъ въ отрочествѣ и юности заниматься математикою; важно, чтобы учащійся хорошо *учился*, а учащій хорошо *училъ* этому предмету; важно, чтобы изученіе математики преслѣдовало, гдѣ нужно, наравнѣ съ образовательными, также практическія, а гдѣ это неумѣстно, исключительно образовательныя цѣли. Но много-ли послѣ такого курса останется въ памяти учащагося *фактическихъ* знаній, притомъ *навсегда, на всю жизнь*—это уже вопросъ второстепенный и даже прямо праздный. Забыть фактическій матеріалъ даннаго предмета можетъ всякій, забыть это содержаніе можетъ даже человѣкъ съ большими математическими способностями и сильно интересующійся вопросами математики. Недаромъ разсказываютъ объ одномъ прямо крупномъ современномъ геометрѣ, будто онъ ежедневно систематически упражняется въ вычисленіяхъ разнаго рода, дабы, какъ онъ самъ говоритъ, «не позабыть этой музыки» *).

*) Мы лично близко знаемъ одно лицо, которое, доведши уже разъ свои познанія по математикѣ до весьма высокой ступени въ одномъ изъ высшихъ

Всякое только фактическое знаніе можетъ съ величайшею легкостью улетучиться изъ памяти; но, съ другой стороны, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ дѣлать тотъ выводъ, что не стоитъ стремиться къ его пріобрѣтенію, хотя-бы только и на непродолжительное время: въ особенности это вѣрно относительно тѣхъ познаній, которыя играютъ служебную роль въ дѣлѣ *образованія* съ помощью ихъ ума человѣка, а не развитія его памяти. Къ сожалѣнію, не такъ судятъ многіе преподаватели и экзаменаторы; не такъ судятъ многочисленные сторонники возможно большаго сокращенія курса математики въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; эти послѣдніе, имѣя въ виду спеціальныя особенности занимающаго ихъ вопроса, говорятъ: «на что женщинѣ знать теорію предѣловъ или стереометрію? вѣдь она очень скоро позабудетъ всѣ эти премудрости, и ей никогда не придется прилагать эти знанія на дѣлѣ». На это можно возразить только слѣдующимъ образомъ: *знать* теорію предѣловъ или стереометрію никому, конечно, кромѣ преподавателей математики и другихъ лицъ, почему-либо заинтересованныхъ этимъ предметомъ, не нужно; но *изучать* теорію предѣловъ, *изучать* стереометрію, *изучать* и другія отрасли низшей математики нужно всякому человѣку, а потому и всякой женщинѣ, претендующимъ на культурную роль въ обществѣ, если только намъ дѣйствительно дороги интересы истинной умственной культуры, интересы истиннаго знанія и истиннаго образованія. «Нельзя знать все (кстати, слова эти принадлежатъ женщинѣ, а именно Жоржъ-Зандъ), нельзя знать все: надо удовлетвориться пониманіемъ». Пониманіе-же представляетъ собою условіе умственной культуры, и дается оно школою мысли, а не обремененіемъ и уснащеніемъ памяти возможно большимъ количествомъ фактическихъ данныхъ, хотя безъ послѣднихъ никакая школа мысли невозможна; школа-же мысли, между прочимъ, дается и должнымъ изученіемъ нѣкотораго, болѣе или менѣе объемистаго, курса математики. Чего, съ точки зрѣнія образовательной, въ

учебныхъ заведеній въ Германіи, должно было, по винѣ домашнихъ обстоятельствъ, на много лѣтъ забросить математику, и что-же? Когда оно во второй разъ, уже достигши средняго возраста, снова принялось за математику, то оказалось, что имъ совершенно забыто почти все изъ высшей и даже низшей математики, а осталось только пониманіе *духа* математическаго изслѣдованія. И это лицо (нынѣ профессоръ университета) представляетъ собою математика чистѣйшей воды, что имъ впослѣдствіи и доказано массою научныхъ самостоятельныхъ работъ въ области теоріи функцій и трансцендентовъ разнаго рода. Этотъ фактъ, за достовѣрность котораго мы ручаемся, какъ нельзя яснѣе доказываетъ, что сохраненію въ памяти на всю жизнь учебнаго матеріала низшей математики не должно приписывать особеннаго значенія.

нынѣ практикуемомъ среднеобразовательномъ курсѣ не слѣдовало-бы изучать и что слѣдовало-бы къ нему прибавить—это совсѣмъ другой вопросъ, къ посильному разрѣшенію котораго въ области ариѳметики, низшей алгебры и Евклидовой геометріи съ тригонометріею мы придемъ въ слѣдующей главѣ настоящей статьи. Въ той-же главѣ нами будетъ разсмотрѣнъ вопросъ о служебной роли курса низшей математики при прохожденіи учащимися нѣкоторыхъ отдѣловъ физики, космографіи и друг. предметовъ среднеобразовательнаго курса.

Закончить-же первую главу мы считаемъ вполнѣ возможнымъ слѣдующимъ сопоставленіемъ, которое въ состояніи охарактеризовать самое направленіе остальныхъ главъ этой статьи. Результаты практическіе, достигаемые курсомъ математики въ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи, незначительны, если смотрѣть на эти результаты съ точки зрѣнія количества фактическихъ познаній и техническихъ умѣній математическаго содержанія, остающихся у средняго человѣка на всю жизнь. Но это неважно; гораздо важнѣе вопросъ о томъ—достаточные-ли результаты достигаются этимъ курсомъ въ смыслѣ образовательномъ, т.-е. достаточно-ли хорошо этотъ курсъ прививаетъ уму учащагося тѣ умственные навыки и инстинкты, въ привитіи которыхъ только и состоитъ образовательная цѣль этого курса. Этотъ вопросъ невозможно разрѣшить во всѣхъ его деталяхъ въ смыслѣ положительномъ; къ счастью, это зависитъ отъ причинъ, легко устранимыхъ, и къ ихъ устраненію направлена въ настоящее время работа очень многихъ педагоговъ не только старой западно-европейской, но и нашей, сравнительно еще молодой, школы. Въ чемъ эти причины заключаются и въ чемъ надо искать средствъ къ ихъ устраненію—мы постараемся разсмотрѣть въ слѣдующихъ главахъ нашей статьи.

С. Шохоръ-Троцкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти княгини Александры Алексѣевны Оболенской.

8-го декабря 1890 года скончалась княгиня Александра Алексѣевна Оболенская, основательница и начальница частной женской гимназіи ея имени, существующей въ Петербургѣ уже двадцать лѣтъ. По убѣжденію всѣхъ, близко знавшихъ покойную, ей суждено было занять видное мѣсто въ исторіи женскаго образованія въ Россіи, и поэтому да позволено намъ будетъ остановиться на оцѣнкѣ личности покойной и значеніи созданнаго ею учрежденія.

Въ первое время послѣ смерти знакомаго намъ человѣка, онъ предстаетъ передъ нами съ особенной ясностью и рельефностью; намъ слышится его голосъ, намъ чудятся его глаза, то и дѣло приходятъ на память его слова и поступки. Событія жизни усопшаго какъ-бы проносятся передъ нами, и вниманіе наше останавливается на томъ, что̀ въ этой жизни было честнаго, возвышеннаго, хорошаго. И весь человѣкъ предстаетъ передъ нами въ новомъ свѣтѣ. Это, дѣйствительно, какое-то преображеніе человѣка!

Въ газетѣ «Новости» одною изъ сотрудницъ княгини по гимназіи напечатанъ былъ прочувствованный некрологъ покойной. Мы вполнѣ согласны со всѣмъ, что̀ такъ горячо и правдиво въ немъ высказано. Но некрологъ, разумѣется, былъ написанъ спѣшно, и въ него вкралась одна неточность: въ некрологѣ этомъ указывается, между прочимъ, на то, что когда нѣкоторыя русскія женщины въ 1868 году подали адресъ съѣзду естествоиспытателей объ открытіи женскаго университета, то княгиня присоединила будто-бы къ этому адресу и свое имя. Княгинѣ, дѣйствительно, насколько намъ извѣстно, предлагали тогда подписаться подъ этимъ адресомъ, но она отказалась отъ этого, хотя и сочувствовала стремленію женщинъ къ высшему образованію; она находила самую просьбу объ открытіи женскаго университета преждевременною, потому что не знала такихъ женщинъ, которыя имѣли-бы необходимую для высшаго образованія подготовку. Тогда

у нея и явилось желанiе открыть такое женское среднеучебное заведенiе, которое, давая необходимое общее образованiе, могло-бы служить также и подготовкой къ образованiю высшему.

Мы начинаемъ съ этой поправки, потому что въ такомъ именно отношенiи княгини Оболенской къ дѣлу женскаго образованiя и сказывается особенность взглядовъ покойной княгини; она дѣйствовала не во имя только отвлеченной идеи и никогда не была увлечена до фанатизма «женскимъ вопросомъ». Она стояла за расширенiе женскаго *образованiя* потому, что знала жизнь вообще и русскую въ особенности, смотрѣла открытыми глазами на окружающую дѣйствительность и видѣла, что русскiя дѣвушки нуждаются въ *серьезномъ* образованiи. Но княгиня никогда не забывала дѣйствительной жизни и ея требованiй; принадлежа по всѣмъ своимъ убѣжденiямъ къ передовымъ людямъ нашего общества, она всегда шла вмѣстѣ съ ними, и гимназiя ея отвѣчала потребностямъ этихъ людей, т.-е. удовлетворяла требованiямъ, дѣйствительно существующимъ въ русскомъ образованномъ обществѣ, и лучшимъ доказательствомъ этого служатъ особенности двадцатилѣтняго существованiя гимназiи. Въ этой гимназiи всегда воспитывались дѣти людей, относящихся серьезно къ воспитанiю своихъ дочерей; мы видѣли тамъ дочерей извѣстныхъ писателей, педагоговъ, ученыхъ, врачей, юристовъ и многихъ представителей нашего высшаго общества.

Это доказываетъ, что княгиня не навязывала обществу своихъ идей, а только отвѣчала его запросамъ на серьезное женское образованiе.

Горячо преданная своей семьѣ, покойная княгиня всегда радовалась, когда бывшiя ученицы гимназiи, выйдя замужъ, становились хорошими матерями семействъ и находили удовлетворенiе въ своей семейной жизни; но не менѣе радовалась она также успѣхамъ своихъ ученицъ на поприщѣ самостоятельной дѣятельности, на высшихъ женскихъ курсахъ и т. п. Княгиня, какъ женщина, хорошо понимала, что неподготовленность къ самостоятельной жизни и дѣятельности можетъ поставить въ особенно затруднительное положенiе тѣхъ женщинъ, которыя, какъ говорится, «не найдутъ своей судьбы». Передъ ея глазами выступали вопiющiе факты этого рода, и никакiя громкiя красивыя фразы не могли заглушить требованiй здраваго смысла и дѣйствительной жизни, которымъ княгиня всегда внимала. Когда, въ присутствiи ея незамужнихъ сотрудницъ по гимназiи, заходилъ разговоръ о томъ, что женщина должна быть только женою и матерью, она съ грустью смотрѣла на нихъ и говорила мнѣ на ухо: «Я могу

себѣ представить, какъ горько имъ это слышать». Очевидно, она считала одинокую жизнь для женщины—горькою неволей, но она знала, какъ часто послѣдняя выпадаетъ на долю женщины и понимала, что при воспитаніи дѣвушки это необходимо имѣть въ виду. Она знала, какъ непрочно богатство и какими измѣнчивыми условіями обставлена семейная жизнь русской женщины. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы княгиня не заботилась о подготовкѣ, необходимой для семейной жизни. Сколько разъ она при мнѣ сокрушалась о томъ, что въ женскихъ гимназіяхъ нѣтъ курса гигіены и ухода за дѣтьми, который прежде всего можетъ понадобиться образованной женщинѣ.

Мы пишемъ не біографію княгини Оболенской: теперь біографія была-бы преждевременна. Касаться жизни и личности покойной мы считаемъ себя въ правѣ лишь настолько, насколько это необходимо для уясненія ея отношенія къ дѣлу женскаго образованія въ Россіи. При этомъ намъ необходимо указать причины, которыя, по нашему мнѣнію, создали и опредѣлили ея дѣятельность. Она сама обладала выдающимся умомъ и отличалась большою любознательностью; книги служили ей не только развлеченіемъ въ часы досуга, но представляли для нея большое утѣшеніе въ самыя горькія минуты ея жизни. Послѣ смерти дочери и сестры-сотрудницы по гимназіи, я часто заставала княгиню съ глубокой грустью въ глазахъ, но всегда съ книгой или съ работой въ рукахъ. Несмотря на свою тяжкую продолжительную болѣзнь (я не знала княгиню здоровой) княгиня не отличалась нервностью, истеричностью, и всѣ страданія физическія и нравственныя переносила твердо, съ достоинствомъ. Предаваясь чтенію, какъ единственному доступному ей умственному занятію, она чувствовала, что будь ея первоначальное образованіе иное, она была-бы способна и къ болѣе серьезному умственному труду; отсюда ея желаніе открыть доступъ къ такому труду своимъ дѣтямъ и ученицамъ своей гимназіи. Лишенная, по обычаю своего времени, математическаго образованія, княгиня всегда, по мѣрѣ силъ своихъ, тѣмъ не менѣе была ревностною поборницею этого образованія. Она по опыту знала, что математикѣ трудно выучиться въ зрѣломъ возрастѣ, но вѣрила, что математика необходима для общаго образованія.

Горячо защищая математику, какъ предметъ общаго образованія, княгиня въ то же время пламенно желала, чтобы ея «дѣвочки» (такъ называла она ученицъ гимназіи) серьезно изучали также исторію и литературу, которымъ княгиня сама была предана всей душею.

Итакъ, сильная любознательность, живые умственные интересы

служили ей первымъ стимуломъ къ созданію средняго женскаго учебнаго заведенія съ серьезнымъ общеобразовательнымъ курсомъ.

Другою выдающеюся чертою личности покойной княгини было безусловное желаніе добра людямъ; она умѣла входить въ положеніе другаго, понимать затруднительность этого положенія и всегда стремилась помочь чужому горю. Лучше всего она понимала, какъ мы сказали, положеніе тѣхъ учениць, которымъ приходилось добывать средства къ жизни не только для себя, но и для своихъ близкихъ. Итакъ, не только живой и вполнѣ просвѣщенный умъ, но также доброе сердце заставляли ее напряженно слѣдить за успѣхами своего заведенія, ибо она ясно понимала, что для дѣятельности женщины нужны знанія, а для знаній—хорошая подготовка. Въ послѣдніе годы болѣзнь лишала ее возможности принимать активное участіе въ дѣлѣ, присутствовать на урокахъ и т. д. Но она дѣлала, что̀ *могла:* бесѣдовала съ родителями ввѣренныхъ ей дѣтей, выбирала сотрудниковъ, которымъ болѣе или менѣе могла вѣрить, и недовѣріе, если таковое проявлялось, относилось, конечно, не къ спеціальной подготовкѣ или добросовѣстности даннаго лица изъ числа ея сотрудниковъ, а подозрѣнія касались самаго отношенія его къ женскому образованію. Княгиня никогда и никому не прощала легкаго взгляда на это дѣло. Вообще, можно сказать, гимназія доставляла много волненій княгинѣ. Она всегда радовалась, когда могла любить своихъ сотрудниковъ. Вскорѣ послѣ поступленія моего въ гимназію въ качествѣ учительницы, она говорила мнѣ: «Я не могу многаго сдѣлать для гимназіи; я рада, что нашла Герда, который такъ глубоко мнѣ симпатиченъ; теперь онъ отдалъ къ намъ свою дочь, и это еще крѣпче привяжетъ его къ гимназіи». Много страдала княгиня отъ того, что сама не могла судить объ успѣшности преподаванія многихъ предметовъ и поневолѣ должна была основывать свои сужденія на довѣріи къ тому, что она могла узнать по этому предмету отъ своихъ сотрудниковъ и сотрудницъ; но показанія эти очень часто противорѣчили другъ другу, и княгиня приходила въ отчаяніе, не будучи въ состояніи оріентироваться относительно истиннаго положенія дѣла. Она утѣшала себя только тѣмъ, что давно намѣченная ею преемница гимназіи, ея дочь княгиня М. А. Мещерская, будетъ счастливѣе въ этомъ отношеніи, получивъ основательное, серьезное образованіе въ стѣнахъ заведенія, созданнаго матерью.

Незадолго до своей смерти, потерявъ всякую надежду на улучшеніе своего здоровья, княгиня Александра Алексѣевна передала гимназію своей дочери; она сдѣлала это спокойно, вполнѣ увѣренная въ

томъ, что дочь ея будетъ продолжать ея дѣло, сохраняя уже установившіяся въ учебномъ заведеніи традиціи. Сверхъ того, она хорошо знала, что, прослуживъ двадцать лѣтъ, столь важному дѣлу, ея гимназія не можетъ измѣнить своего характера безъ опасности для самаго своего существованія...

Чувствуя приближеніе смерти, княгиня вернулась изъ Крыма въ Петербургъ, желая умереть въ кругу своихъ дѣтей, въ стѣнахъ своей гимназіи!... Она чувствовала здѣсь живѣе, что не совсѣмъ умираетъ, оставляя послѣ себя нѣчто нетлѣнное. Въ самомъ дѣлѣ: теперь мы имѣемъ полное право сказать, что ея мечты о серьезномъ женскомъ образованіи, о самостоятельной, полезной для общества дѣятельности уже въ значительной степени осуществились. Всякое дѣло, содѣйствующее *серьезному* женскому образованію, не есть праздная затѣя и дѣло прихоти, а имѣетъ прочное значеніе въ русской жизни, въ жизни нашего образованнаго общества. А если это такъ, то имена людей, со страстью отдававшихся этому дѣлу и служившихъ ему такъ, какъ служила покойная княгиня Оболенская, по всей справедливости заслужатъ вѣчной памяти. И да будетъ ей вѣчная память!

Е. Литвинова.

НЕКРОЛОГЪ.

Владиміръ Өедоровичъ Эвальдъ †.

28-го января, въ 11 ч. 40 м. вечера, скончался бывшій директоръ С.-Петербургскаго I-го реальнаго училища, Владиміръ Өедоровичъ Эвальдъ, на шестьдесятъ восьмомъ году отъ рожденія.

Сорокъ пять лѣтъ покойный служилъ дѣлу русской школы и служилъ не только по обязанностямъ службы, но также какъ человѣкъ, глубоко вѣрившій въ святость и жизненное значеніе задачи, выпавшей на его долю.

Свѣтлый и тонкій умъ, мягкое сердце, настойчивость въ трудѣ, многостороннее образованіе и большая способность инціативы — все это соединилось въ покойномъ и создало одного изъ самыхъ выдающихся директоровъ русской средней школы.

Горячій защитникъ правъ педагогическаго совѣта, онъ былъ не только предсѣдателемъ, но и душою совѣтскихъ засѣданій: онъ умѣлъ создавать единеніе между персоналомъ школы; его возгласъ: «товарищи!» въ трудныхъ случаяхъ всегда служилъ ободрительнымъ призывомъ къ общей педагогической работѣ или напоминаніемъ о томъ, что сила—въ единеніи.

Энциклопедистъ по складу ума и запасу своихъ свѣдѣній, онъ со страстью отдавался изученію той или другой педагогической дисциплины; но подобно пчелѣ, собирающей сокъ изъ разнообразныхъ цвѣтовъ, растущихъ внѣ улья, онъ несъ медъ въ среднюю школу и въ созданный имъ улей I-го реальнаго училища.

Труды его ограничивались не однимъ этимъ училищемъ. Онъ былъ въ высшей степени отзывчивъ на все, что считалъ хорошимъ и полезнымъ для средней школы вообще. При его дѣятельномъ участіи составился съѣздъ учителей рисованія и образовались при Императорской академіи художествъ педагогическіе курсы для приготовленія

учителей по этому предмету; при его посредствѣ составленъ былъ образцовый каталогъ учебныхъ пособій по физикѣ и химіи для реальныхъ училищъ и устроились прямыя сношенія Министерства Народнаго Просвѣщенія съ заграничными поставщиками этихъ пособій; вообще, онъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе при постановкѣ всякаго предмета, вводимаго въ курсъ реальныхъ училищъ, и всегда стоялъ за идею о необходимости общеобразовательнаго курса въ этихъ училищахъ.

Изящная простота, образность и ясность его рѣчи, блестящая находчивость и остроуміе—все это дѣлало его душою и центромъ всякаго общества,—способность въ высшей степени драгоцѣнная въ наше угрюмое время.

Вслѣдствіе своей доброты, а также готовности и умѣнья помочь дѣломъ и совѣтомъ каждому изъ сослуживцевъ и воспитанниковъ въ трудную минуту, онъ былъ не только директоромъ, но и старшимъ товарищемъ и другомъ для большинства учащихъ, и отъ души заботился объ учившихся и воспитывавшихся въ I-мъ реальномъ училищѣ.

Пожелаемъ-же мира праху его; пожелаемъ, чтобы росла и крѣпла та любовь къ святому дѣлу школы, которою былъ проникнутъ покойный.

Очерки частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Частныя воскресныя школы.

(Продолженіе).

Открытіе частныхъ воскресныхъ школъ, существующихъ преимущественно для взрослаго рабочаго населенія городовъ, представляетъ собою одно изъ видныхъ проявленій дѣятельности нашей интеллигенціи на пользу просвѣщенія народа. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на исторіи возникновенія существующихъ воскресныхъ школъ, такъ какъ уже не разъ говорили объ этомъ предметѣ въ печати *). Замѣтимъ только, что почти всѣ существующія частныя воскресныя школы возникли въ 80-ые годы, а огромнѣйшее большинство—даже всего только въ послѣдніе три года. Это служитъ новымъ подтвержденіемъ уже не разъ отмѣчавшагося нами въ настоящей работѣ усиленія за послѣднее время вниманія нашей интеллигенціи къ дѣлу народнаго образованія и роста частной иниціативы въ данномъ направленіи.

Въ настоящее время частныя воскресныя школы существуютъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Петербургѣ (три женскихъ и три мужскихъ,

---

*) См., напр., нашу брошюру «Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще». Спб 1890 г. Въ этой брошюрѣ содержатся также свѣдѣнія, необходимыя для лицъ, желающихъ открыть новыя воскресныя школы, какъ-то: указаніе закона, опредѣляющаго существованіе воскресныхъ школъ, циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія объ отводѣ помѣщеній для воскресныхъ школъ въ зданіяхъ учебныхъ заведеній, свѣдѣнія о томъ, кто можетъ быть учителемъ въ воскресной школѣ, образчикъ прошенія объ открытіи воскресной школы, примѣрная смѣта расходовъ на учебныя пособія, свѣдѣнія объ установившейся внутренней организаціи воскресныхъ школъ, указанія относительно веденія отчетности и т. д.

изъ нихъ одна мужская и одна женская—вечерне-воскресныя *), на Шлиссельбургскомъ трактѣ (подъ Петербургомъ — двѣ мужскихъ и двѣ женскихъ), въ Ригѣ (женская), Вильнѣ (женская), Смоленскѣ (женская), Рыбинскѣ (съ тремя отдѣленіями — мужскимъ, женскимъ младшимъ и женскимъ старшимъ), Москвѣ (двѣ женскихъ), Ижевскомъ заводѣ (женская), Тамбовѣ (мужская), Харьковѣ (женская и мужская), Бѣлгородѣ (женская), Сумахъ (женская), Славянскѣ (женская), Одессѣ (мужская и женская) **), Екатеринодарѣ (женская), Ставрополѣ-Кавказскомъ (мужская и женская), Тифлисѣ (двѣ женскихъ), Ялтѣ (женская), Симферополѣ (женская), Саратовѣ (смѣшанная), Симбирскѣ (женская), Пензѣ (женская), Челябинскѣ (мужская), Томскѣ (мужская и женская) и Иркутскѣ (женская)—а всего 39 частныхъ воскресныхъ школъ, изъ которыхъ 26 женскихъ, 11 мужскихъ и 2 смѣшанныхъ.

Какъ видимъ, частныя воскресныя школы существуютъ всего въ 26 пунктахъ. Намъ извѣстенъ еще рядъ городовъ, въ которыхъ предпринимавшіяся въ послѣднее время попытки устройства воскресныхъ школъ или окончились неудачею, или не привели еще къ конечному результату.

Само собою разумѣется, что количество открытыхъ частною иниціативою воскресныхъ школъ совершенно ничтожно сравнительно съ существующею потребностью въ нихъ. Стремленіе къ свѣту знанія нашей народной массы, рѣзко выражающееся въ переполненіи учащимися ежедневныхъ школъ, гдѣ-бы и въ какомъ-бы количествѣ онѣ ни открывались, охватило также и тѣ элементы населенія, которые лишены возможности воспользоваться обученіемъ въ ежедневныхъ школахъ—или по возрасту, перешедшему за предѣлы школьнаго возраста, или въ силу необходимости заниматься работою въ будніе дни. Эта часть населенія, которая была лишена возможности въ свое время

---

*) Занятія въ вечерне-воскресныхъ школахъ ведутся по воскресеньямъ днемъ, а въ остальные дни (въ петербургскихъ вечерне-воскресныхъ школахъ—три раза въ недѣлю) — вечеромъ, послѣ окончанія дневныхъ работъ, которыми заняты учащіеся. Въ Петербургѣ вечерне-воскресныя школы открыты русскимъ техническимъ обществомъ и помѣщаются въ зданіи учительской семинаріи петербургскаго земства. Подобныя-же вечерне-воскресныя школы (16) устроены въ Москвѣ городскимъ управленіемъ. Здѣсь кстати упомянемъ, что въ Петербургѣ, кромѣ 6 частныхъ воскресныхъ школъ, существуетъ 8 воскресныхъ школъ, открытыхъ и содержимыхъ городскимъ управленіемъ.

**) Въ Одессѣ существуетъ еще частная женская субботняя школа, имѣющая такое-же значеніе для евреевъ, какъ воскресныя женскія школы для русскаго населенія.

посѣщать ежедневную школу или лишена этой возможности теперь, не смотря на свой соотвѣтствующій возрастъ,—обнаруживаетъ самое горячее стремленіе учиться и удовлетворяетъ его, лишь только представится возможность. Насколько велика повсемѣстно потребность въ воскресныхъ школахъ, ясно видно изъ данныхъ о численности учащихся въ открытыхъ воскресныхъ школахъ. Всюду, гдѣ эти школы ни открывались, съ первыхъ-же воскресеній въ нихъ являлась масса желающихъ учиться, и число ихъ увеличивалось съ каждымъ новымъ воскресеньемъ, такъ что въ концѣ-концовъ каждая воскресная школа превращается въ крупное образовательное учрежденіе съ сотнями учащихся. Приводимъ здѣсь данныя о числѣ учащихся, касающіяся воскресныхъ школъ, относительно которыхъ у насъ имѣются полныя свѣдѣнія.

Названія школъ.	1887—1888 г.	1888—1889 г.	1889—1890 г.
Шлиссельбургскаго тракта } двѣ мужск.	500	498	—
Шлиссельбургскаго тракта } двѣ женск.	244	298	—
Вторая московская женская . . .	—	—	327
Первая тифлисская » . . .	—	120	180
Харьковская женская	—	334	—
Ставропольская женская	—	—	157
» мужская	—	—	104
Одесская мужская	146	241	—
» женская	—	121	—

И такъ стоитъ дѣло едва-ли не повсюду. Въ Пензѣ, напр., гдѣ воскресная школа открыта въ началѣ 1890 г., въ первое-же воскресенье явилось желающихъ учиться 100 женщинъ, а черезъ три воскресенья ихъ было уже 150. Въ харьковской мужской школѣ (открытой въ началѣ 1889 г.) уже черезъ два воскресенья по открытіи было болѣе 100 учащихся. Въ Вильнѣ (школа открыта въ 1889 г.) чрезъ нѣсколько воскресеній было болѣе 150 ученицъ, и т. д. Правда, бываютъ и исключенія. Такъ, въ Ялтѣ при открытіи школы (въ началѣ 1890 г.) явилась всего *одна* ученица, а чрезъ четыре воскресенья ихъ было все-таки всего 10. Въ подобныхъ случаяхъ было-бы легкомысленно заключать объ отсутствіи потребности въ данной мѣстности въ воскресной школѣ. Малый наплывъ учащихся объясняется новизною дѣла, необычностью воскреснаго ученья и притомъ ученья, существующаго для взрослыхъ. Даже въ крупныхъ центрахъ, въ первое время существованія воскресныхъ школъ, многіе желавшіе учиться конфузились посѣщать эти школы. Въ глухихъ мѣстахъ это стѣсненіе, подкрѣпляемое еще насмѣшками равнодушныхъ къ ученью, даетъ себя знать еще сильнѣе. Тѣмъ не менѣе, жажда знанія переселиваетъ

обыкновенно эти затрудненія, и мы видимъ, что воскресныя школы повсемѣстно, за исключеніемъ двухъ-трехъ, переполнены учащимися, наплывъ которыхъ всегда превышаетъ средства школъ (помѣщеніе и преподавательскія силы), такъ что приходится устанавливать ограниченіе для пріема желающихъ учиться (обыкновенно отказываютъ въ пріемѣ мамолѣтнимъ). Достаточно воскресной школѣ просуществовать въ какой-либо мѣстности годъ, много два, какъ желаніе учиться въ ней охватываетъ всѣ сословія, профессіи и возрасты низшаго класса мѣстнаго населенія. Чтобы не быть голословными, приведемъ данныя по нѣкоторымъ школамъ.

Слѣдующая таблица даетъ понятіе о томъ, для какихъ сословій существуютъ воскресныя школы, какіе общественные классы ими пользуются.

Названія школъ.	Крестьяне.	Мѣщане.	Воинскіе чины.	Дворяне и духовн. званія.	Иностран. поддан.
	Въ процентахъ.				
Вторая московская женская . .	15	39	—	2	—
Мужская одесская	89,6		4	0,4	5
Женская »	59	4	4	2	—
Шлиссельбургскаго тракта, двѣ мужск.	90	6	2	2	—
Шлиссельбургскаго тракта, двѣ женск.	70	22	8	—	—
Харьковская женская	50	45	4	1	—

Еще рѣзче выступаетъ значеніе воскресныхъ школъ именно для рабочей части населенія, когда мы обратимся къ раздѣленію учащихся въ этихъ школахъ по профессіямъ.

Названія школъ.	Фабричные.	Ремесленник.	Прислуга.	Занимающ. домашнимъ хоз. *).	Занимающихся торговлей.	Прочихъ.
		Въ процентахъ.				
Шлиссельбургскаго тракта, двѣ мужск.	87	13		—	—	—
Шлиссельбургскаго тракта, двѣ женск.	87	13		—	—	—
Харьковская женская	8	39	4	44	4	1
Вторая московская женская . .	—	83	4	10,5	2,5	—
Одесская женская	—	44	8	42	6	—
Тифлисская первая женская . .	1	14	18	67	—	—

По возрастамъ учащіеся въ воскресныхъ школахъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Въ тифлисской первой женской малолѣтнихъ отъ 10 до 12 лѣтъ—18%, подростковъ отъ 12 до 15 л.—42%, взрослыхъ отъ 15 до 20 л. — 34% и старше 20 л. (до 40 лѣтъ)—6%; въ ставропольской женской — ученицъ до 14-лѣтняго возраста

*) Сюда включены и малолѣтнія, живущія при семьяхъ.

33%, остальныя — старше (вплоть до 33 лѣтъ); во второй московской женской — до 12 лѣтъ 11,5%, 13—16 л. — 30%, 16—21 г. — 39%, 21—30 л. —17%, и свыше 30 л. — 2½%; въ харьковской женской — до 12 лѣтъ 37%, 13—16 л. — 43%, 16—21 г. —15%, 21—30 л. —4% и старше 30 лѣтъ (до 49 л.) —1%; въ двухъ женскихъ Шлиссельбургскаго тракта — до 14 л. 40%, 15—19 л. —40%, 20—24 л. —10%, 25—29 л. —6%, и 30 и старше —4%. Въ мужскихъ школахъ распредѣленіе учащихся по возрастамъ нѣсколько иное: въ двухъ мужскихъ Шлиссельбургскаго тракта — отъ 12 до 14 л. —1%, 15—19 л. —43%, 20—24 л. — 23%, 25—29—18% и 30 и старѣе —15%; въ ставропольской мужской — 9—14 л. —36%, 14—20 л. — 57%, 20—28 л. — 6% и старше (до 41 г.) — 1%; въ одесской мужской — до 20 л. —35%, 20—29 л. — 54%, 30—39 л. — 9% и старше 40 л. — 2% *). Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ женскихъ школахъ преобладаютъ подростки и малолѣтки, а учащіеся вполнѣ зрѣлаго возраста встрѣчаются лишь въ незначительномъ количествѣ, въ мужскихъ — берутъ перевѣсъ взрослые и люди зрѣлаго возраста составляютъ обычное явленіе. Это является прямымъ результатомъ воздѣйствія предразсудковъ, съ которыми женщинѣ гораздо труднѣе бороться, нежели мужчинѣ.

Чтобы всесторонне выяснить, какіе именно элементы населенія стремятся въ воскресную школу, приведемъ еще данныя о распредѣленіи учащихся по семейному положенію и подготовкѣ, съ которою они вступаютъ въ школы.

Названія школъ.	Холостыхъ и дѣвицъ.	Вдовыхъ.	Женатыхъ и замужнихъ.
	Въ процентахъ.		
Одесская мужская	75	—	25
Шлиссельбургскаго тракта: двѣ мужскихъ	64	1	35
Шлиссельбургскаго тракта: двѣ женскихъ	89	2	9
Первая тифлисская женская	90	—	10

Какъ видимъ, въ женскихъ школахъ преобладаютъ дѣвицы; замужнія составляютъ незначительное меньшинство. За то въ мужскихъ

*) Какъ видно изъ приводимыхъ здѣсь цыфръ, статистика въ каждой воскресной школѣ ведется по своему, благодаря чему исчезаетъ возможность сравненія данныхъ одной школы съ данными другихъ школъ. Точно также и вообще отчеты школъ пишутся въ каждой по своему, благодаря чему въ каждомъ отчетѣ приходится встрѣчаться съ отсутствіемъ какихъ-либо рубрикъ, имѣющихся въ другихъ отчетахъ. Было-бы желательно установить извѣстныя важнѣйшія рубрики, по даннымъ которыхъ можно было-бы судить о состояніи школъ, и заполнять эти рубрики одинаковымъ образомъ.

школахъ женатые являются весьма замѣтнымъ элементомъ, составляя отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ и болѣе всѣхъ учащихся.

Наконецъ, по степени подготовки, которую имѣютъ поступающіе въ воскресныя школы, они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Названія школъ.		Безграмотные.	Полуграмотные *).	Грамотные.
		Въ процентахъ.		
Ставропольская женская		57	24	19
Ставропольская мужская		28	48	24
Харьковская женская		41	18	40
Шлиссельбургскаго тракта	двѣ мужскихъ	33	67	
	двѣ женскихъ	49	51	

Какъ видимъ, воскресныя школы въ равной мѣрѣ привлекаютъ какъ совершенно безграмотныхъ, такъ и тѣхъ, которые уже вкусили плодовъ грамотности, но, очевидно, считаютъ свои познанія слишкомъ недостаточными.

Мы привели весь этотъ длинный рядъ цыфровыхъ данныхъ, касающихся самыхъ разнообразныхъ мѣстностей, начиная отъ Петербурга и до Тифлиса, отъ столицъ и фабрично-промышленныхъ центровъ (Шлиссельбургскій трактъ) до такихъ глухихъ и *земледѣльческихъ* городовъ, какъ Ставрополь-Кавказскій, чтобы сдѣлать незыблемымъ то положеніе, что воскресныя школы составляютъ повсюду настоятельнѣйшую потребность для низшихъ классовъ городскаго населенія. Какъ видимъ, *оба пола*, *всѣ сословія этого населенія*, *всѣ профессіи*, *всѣ возрасты*, *люди различнаго семейнаго положенія и наконецъ какъ ознакамленные съ начатками грамотности*, *такъ и совершенно безграмотные — всѣ одинаково стремятся въ воскресныя школы*.

Но что воскресныя школы—жгучая потребность народной жизни, еще болѣе, нежели всѣ сухія цыфры, которыя мы приводили, доказываетъ отношеніе къ этимъ школамъ населенія и въ особенности посѣщающихъ школы. Сначала, по открытіи воскресной школы въ какой-либо мѣстности, населеніе относится къ ней съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Жажда просвѣщенія, желаніе поучиться есть у многихъ, но что эта жажда, это желаніе болѣе или менѣе взрослыхъ людей могутъ быть удовлетворяемы обычнымъ школьнымъ путемъ, предназначеннымъ, казалось, для однихъ малолѣтнихъ дѣтей, кажется страннымъ. Но такое недоумѣніе продолжается очень недолго. Населеніе скоро оцѣниваетъ важное значеніе воскресной школы и отно-

*) Умѣющіе только читать или и читающіе и пишущіе, но крайне плохо.

сится къ ней съ глубочайшимъ уваженіемъ. Что касается самихъ учащихся, то ихъ отношеніе къ воскреснымъ школамъ имѣетъ положительно характеръ благоговѣнія. Воскресная школа—это нѣчто священное въ ихъ глазахъ, это источникъ радости и счастья для нихъ. Стоитъ только разъ побывать въ воскресной школѣ, чтобы убѣдиться въ чрезвычайной привязанности и уваженіи къ ней ея учениковъ,—чувствахъ, которыя такъ рѣдко внушаются въ наше время учебными заведеніями. Благодаря такому отношенію къ воскресной школѣ ея учениковъ и ихъ любовному отношенію къ своимъ занятіямъ, посѣщеніе воскресной школы и наблюденіе за ея жизнью положительно могутъ составить праздникъ для наблюдателя, и мы крайне сожалѣемъ о всѣхъ тѣхъ, которые, имѣя возможность доставить себѣ этотъ праздникъ, лишаютъ себя такого высокаго наслажденія. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ здѣсь отзывы двухъ посторонних наблюдателей.

Г-жа Новицкая, посѣтившая въ 1888 году воскресныя школы на Шлиссельбургскомъ трактѣ, сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующія любопытныя свѣдѣнія:

«Совершенно случайно намъ пришлось узнать, какъ относятся къ школѣ, въ частности къ учащимъ, ихъ взрослые ученики-фабричные.

«Текущей зимой намъ пришлось возвращаться изъ мужской воскресной школы домой около 5-ти часовъ вечера. По тракту шаталась масса пьянаго мастероваго народа. Съ непривычки жутко было идти одной; меня вызвалась провожать группа учащихся, живущая на томъ-же заводѣ, куда я возвращалась. Всю дорогу рабочіе охотно разсказывали мнѣ про впечатлѣнія, вынесенныя ими изъ послѣднихъ уроковъ.

«Выслушивая полную глубокаго смысла оцѣнку, которую дѣлали своему учебному персоналу мои спутники, вчужѣ становилось отрадно. Они старались обратить мое вниманіе на то обстоятельство, что большинство учащихъ — такіе-же труженики, какъ и они, и не богаты ни средствами, ни свободнымъ временемъ. Они очень высоко цѣнили какъ сердечное, такъ и безкорыстное отношеніе учащихъ къ дѣлу и единодушно утверждали, что «даже за деньги не всякъ такъ усердно работаетъ».

«Проходя по одному пустынному мѣсту, мы встрѣтили группу мастеровыхъ, сильно подгулявшихъ. Я невольно отшатнулась. Провожавшіе замѣтили мое смущеніе.

«— Вы не пугайтесь! тотчасъ-же они успокоили меня:—теперь, какъ, значитъ, мы идемъ рядомъ съ вами, такъ васъ принимаютъ

за школьную учительницу, а учительницѣ у насъ на всемъ тракту ни одинъ мастеровой не изобидитъ. Хоть будь какой пьяный, а учительницѣ всегда дорогу даетъ, — потому что, значитъ, большое уваженіе у насъ къ нимъ имѣется. Ужъ очень онѣ по добродѣтели поступаютъ!

«Изъ разговоровъ моихъ собесѣдниковъ мнѣ также выяснилось, на сколько воскресныя школы имѣютъ воспитательное и гуманизирующее вліяніе на учащихся въ нихъ. Многіе послѣдній свой грошъ, вмѣсто того, чтобы тратить на гульбу, отдаютъ на покупку книгъ, рекомендуемыхъ учительницами. Такимъ образомъ, у нѣкоторыхъ изъ мастеровыхъ уже составились *свои* библіотеки, которыми они пользуются не только сами, но пріохочиваютъ къ чтенію и своихъ товарищей.

«Одинъ изъ провожавшихъ меня съ наслажденіемъ разсказалъ, какъ ему «наконецъ-таки», при помощи товарищей, удалось устроить *волшебный фонарь*, какъ у кого-то онъ выпросилъ картинъ и какъ теперь на праздникахъ у нихъ въ казармѣ будетъ «свое представленіе».

«— Я *самъ* буду за лектора! радостно воскликнулъ онъ.

«Другіе сообщили мнѣ, что въ средѣ женатыхъ мастеровыхъ теперь явилось соревнованіе: если мужъ начинаетъ ходить въ школу, то жена, не желая оставаться «темною», тоже начинаетъ посѣщать школу.

«— А вечеромъ сойдутся и начинаютъ вспоминать про все то, что тамъ слышали. Иной и въ кабакъ потому не идетъ, что дома стало занятнѣе. Ужъ мы даже поговорку сложили: «пересталъ пить и жену бить—знать, сталъ въ школу ходить»...

«Что воскресныя школы отводятъ мастеровыхъ отъ кабака—это подтверждали всѣ мои спутники разными примѣрами:

«— Иной разъ придетъ товарищъ: «Пойдемъ, братъ, въ трактиръ». Подумаешь... Нѣтъ, братъ, лучше пойдемъ въ школу: тамъ и денегъ не потратишь, и силу сохранишь, да и для души пріобрѣтешь...

«— Нешто всякій идетъ въ трактиръ—водку пить? резонировалъ другой.—Я такъ ее дюже уважаю, а въ трактиръ, признаться, прежде ходилъ, потому — развлекательно!.. Теперь нѣ! шабашъ! Какъ сталъ ходить въ школу—въ трактиръ ни ногою. Да и временемъ стѣсненъ: пойдешь къ обѣднѣ, вернешься, пообѣдаешь, да скорѣе въ школу, а оттуда, сами знаете, вечеромъ возвращаешься, иной разъ сильно натомишься, да и въ головѣ разныя познанія... пока чаю напьешься...

а тамъ и начнешь раскидывать думами, да и заснешь, какъ убитый... А тамъ посмотришь въ концѣ мѣсяца: деньги у тебя цѣлы, вспомнишь, что и морда у тебя не была бита, да и съ лица точно молодцоватѣе сдѣлался... *Этимъ* вотъ наибольше школы нашихъ ребятъ отъ трактира урываютъ... Ну, а затѣмъ, значитъ, и «льгота» *) очень ужъ радуетъ многихъ...

«Когда я спросила, зачѣмъ держатъ экзаменъ тѣ изъ нихъ, которые по своему возрасту не подлежатъ уже воинской повинности, я услыхала въ отвѣтъ:

«— А вотъ какъ уйдешь отсюда въ свою деревню—оно и пріятно, что ходилъ въ школу и есть у тебя документъ на счетъ твоей образованности» **)...

Таковы впечатлѣнія, выносимыя изъ мужской воскресной школы, въ которой преобладаютъ взрослые учащіеся. Слова другаго наблюдателя познакомятъ насъ съ вліяніемъ воскресной школы на дѣтей. Свидѣтельство, которое мы намѣрены привести, тѣмъ цѣннѣе, что оно принадлежитъ одному изъ самыхъ горячихъ поборниковъ народнаго просвѣщенія (почти, однако, совершенно неизвѣстному для нашего образованнаго общества, какъ это у насъ обыкновенно бываетъ). Вотъ какъ описываетъ этотъ наблюдатель впечатлѣніе отъ посѣщенія женской воскресной школы ***).

«Кто согналъ сюда, въ эту школу, въ такое прекрасное воскресное утро цѣлую ораву дѣтей всѣхъ возрастовъ, начиная отъ самыхъ маленькихъ и кончая подростками? Неужели они пришли сюда не изъ-подъ палки, не поневолѣ, а добровольно? Неужели они предпочитаютъ сидѣть въ такое воскресенье въ душной школѣ, а не играть на воздухѣ? Вѣдь мы знаемъ, какъ наши дѣти рады не ходить въ школу, какъ они тяготятся ею, какъ рады бываютъ, если который либо изъ учителей не придетъ въ классъ!.. Хотите убѣдиться, что эти дѣти пришли сюда по доброй волѣ?.. Войдемте въ школу.

«Разнаго возраста и разныхъ успѣховъ дѣти разсажены по разнымъ столамъ. Школа, очевидно, чрезвычайно бѣдна средствами: мебель не приспособлена надлежащимъ образомъ и оставляетъ желать

*) Льгота по воинской повинности, которую ученики воскресныхъ школъ, выдержавшіе экзаменъ по программамъ начальныхъ школъ, получаютъ наравнѣ съ учениками послѣднихъ.

**) «Южный Край», 1889 г., отъ 21 янв. *А. Новицкая*: «Церковно-приходское попечительство (памяти Вл. Павл. Варгунина)».

***) «Новое Обозрѣніе», 1887 г., №№ 1071 и 1072, *А. Мичуринъ*: «Первая женская воскресная школа въ Тифлисѣ».

многаго; тѣснота огромная: въ одной и той-же комнатѣ занимаются нѣсколько группъ и съ каждой группой отдѣльная учительница, вслѣдствіе чего онѣ неизбѣжно должны мѣшать другъ другу...

«Но гдѣ мы? Что такое тутъ дѣлаютъ: учатся, или это дѣтскій праздникъ?.. Несомнѣнно, учатся, такъ какъ и учительница задаетъ вопросы, и дѣти отвѣчаютъ изъ ариѳметики. Несомнѣнно, дѣтскій праздникъ, такъ какъ только на дѣтскихъ праздникахъ бываютъ у дѣтей такія веселыя, оживленныя лица, только на дѣтскихъ праздникахъ бываетъ такое возбужденное состояніе у дѣтей. Гдѣ вялость, апатичность отвѣтовъ, такъ хорошо намъ знакомыя? Гдѣ невниманіе, гдѣ шалости, гдѣ лѣнь?.. Этого всего нѣтъ и въ поминѣ? Всѣ точно впились глазами въ учительницу, всѣ ждутъ, чтобъ ихъ вызвали, чтобъ ихъ спросили, всѣ работаютъ съ такой энергіей, какъ будто это доставляетъ имъ величайшее наслажденіе! Да и дѣйствительно доставляетъ наслажденіе: вотъ пробило три часа и пора кончать, а они просятъ еще продолжать съ ними заниматься. Видано-ли что-нибудь подобное гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?..

«Пришло лѣто и наступили каникулы. Какъ радуются имъ наши дѣти! Но ученицы воскресной школы не хотѣли вѣрить, что лѣтомъ съ ними не будутъ заниматься, и опечаленныя отправились изъ школы домой въ послѣднее учебное воскресенье: дѣлать было нечего, приходилось мириться съ фактомъ, такъ какъ учительницы, разъѣхавшись по дачамъ, не могли посѣщать школы... Но на ученицъ нашей воскресной школы не дѣйствуетъ ни несносная жара, ни жажда, такъ томящая въ эту жару, ни лѣнь, нападающая на всякаго здѣсь лѣтомъ: онѣ всѣ думаютъ о своей школѣ, о своихъ учительницахъ, онѣ пишутъ къ нимъ письма и отдаютъ имъ въ нихъ отчетъ о прочитанныхъ книгахъ! Ни Боржомъ, ни Манглисъ, ни Абастуманъ не спасаютъ учительницъ отъ писемъ ихъ ученицъ. Не спасаетъ отъ нихъ даже и путешествіе по Европѣ: и въ Вѣнѣ, и въ Женевѣ, и въ Парижѣ получала одна изъ учительницъ письма отъ своихъ ученицъ... Ученицы разсказываютъ въ нихъ о томъ, что дѣлали, что читали и писали, а нѣкоторыя передаютъ своими словами содержаніе прочитанныхъ ими книгъ...

«Дорогая тетенька—пишетъ одна—я читала «Два старика». Одинъ старикъ, по имени Елисей, шелъ въ Іерусалимъ, зашелъ въ деревню и тамъ онъ зашелъ въ одну избу воды напиться» и т. д. передается содержаніе разсказа. Другая пишетъ: «Милая моя учительница! Я получила отъ васъ письмо и была очень рада. Благодаримъ васъ за вашу любовь. Вы меня просили, чтобы перемыть въ школѣ чер-

нильницы. Будьте покойны, мы перемыли чернильницы и полы. Еще вы меня просили написать вамъ, гдѣ мы гуляемъ. Мы въ тихой погодѣ бываемъ въ Муштандѣ, тамъ всегда музыка играетъ. Я была 17-го августа въ церкви», и т. д. «Первымъ долгомъ — пишетъ третья — спѣшу васъ благодарить за ваши книги, которыя доставляютъ мнѣ большое удовольствіе. Всю недѣлю занимаюсь я работою, а въ праздникъ читаю ваши книги, и часто, часто васъ вспоминаю; я каждый день считаю дни и часы, когда вы пріѣдете. Я читала «Марью Кружевницу», «Фабіолу», о томъ, какъ мучили христіанъ, выпускали звѣрей голодныхъ на людей. Я брала еще «Іоанна-воина», «Робинзона», «Креза»--всѣ понравились эти книги». «Безъ васъ очень скучно—пишетъ четвертая—хотя мы занимаемся, ну, а все-таки не какъ съ вами. Я читала книжку Жуковскаго, выпускъ третій» и т. д. Во всѣхъ письмахъ повторяется одинъ мотивъ: «скучно, не дождемся сентября, чтобы идти въ школу учиться».—«Когда я услышала—пишетъ пятая—что вы пріѣдете черезъ двѣ недѣли, я была такъ рада, что мы будемъ въ воскресенье въ школѣ». Шестая спрашиваетъ: «Весело-ли тамъ вамъ гулять, въ зеленомъ лѣсу и частыхъ кусточкахъ? Пріѣзжайте скорѣй, скучно безъ васъ. Которое вы прислали письмо, то я его берегу пуще глаза своего и прячу въ комодъ». Приведемъ еще одно милое письмо маленькой дѣвочки: «Дорогая тетя! намъ скучно безъ васъ жить, а съ вами весело. Я прошу, чтобы ты не обижалась на меня, что я не съумѣла написать. Мы будемъ отъ васъ ждать письма. Лети, наше письмо, чрезъ темные лѣса, черезъ крутыя горы и прилети къ нашей тетѣ!»

Мы сдѣлали эти длинныя выписки въ виду того, что онѣ такъ рельефно характеризуютъ внутреннюю жизнь воскресныхъ школъ, отношеніе учащихся въ нихъ къ школѣ и учащимъ и умственное и нравственное вліяніе воскресныхъ школъ на своихъ учениковъ. Какъ видимъ, все это такъ необычно, такъ не похоже на то, что имѣетъ мѣсто обыкновенно въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отсюда ясно, какое громадное значеніе имѣютъ воскресныя школы въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ, и намъ нѣтъ уже нужды распространяться объ этомъ долѣе. Приведемъ еще только одно свидѣтельство о данномъ предметѣ, свидѣтельство, принадлежащее одному харьковскому простолюдину и характеризующее великое значеніе воскресныхъ школъ лучше всякихъ длинныхъ разсужденій. «Знаете, что я вамъ скажу— говорилъ этотъ простолюдинъ Х. Д. Алчевской, учредительницѣ старѣйшей изъ существующихъ воскресныхъ школъ, большинство которыхъ возникло именно подъ вліяніемъ и по образцу этой школы —

если научите вы пятерыхъ дѣвушекъ,—это все равно, что вы 25 человѣкъ выучили: вѣдь, дѣти у нихъ будутъ». И дѣйствительно, сплошь и рядомъ ученики воскресныхъ школъ передаютъ пріобрѣтенныя ими познанія другимъ, и не только роднымъ, но и постороннимъ. Воскресная школа, такимъ образомъ, распространяетъ просвѣщеніе не только непосредственно, но и еще болѣе посредственно.

Громадное значеніе воскресныхъ школъ, какъ народнообразовательнаго средства, было когда-то признано нашею интеллигенціею, но затѣмъ было настолько основательно забыто, что недалеко то время, когда во всей Россіи существовало всего двѣ воскресныхъ школы. Теперь, къ счастью, такое отношеніе интеллигенціи къ воскреснымъ школамъ рѣзко мѣняется, что выражается во множествѣ фактовъ. Такъ, на бывшемъ годъ тому назадъ первомъ съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію два раза возбуждался вопросъ о воскресныхъ школахъ, и каждый разъ единогласно разрѣшался въ самомъ благопріятномъ смыслѣ. Рѣшеніе съѣзда относительно воскресныхъ школъ было постановлено даже разослать во всѣ городскія думы и ремесленныя управы. Но еще бо́льшимъ доказательствомъ сознанія обществомъ важнаго значенія воскресныхъ школъ являются тѣ пожертвованія—матеріальныя и въ особенности личнымъ трудомъ, которыя поддерживаютъ существованіе воскресныхъ школъ. Каждая изъ существующихъ воскресныхъ школъ требуетъ участія значительнаго числа лицъ, отдающихъ безкорыстно этому дѣлу свой трудъ. Уже значительное число учащихся въ воскресныхъ школахъ требуетъ большаго числа педагогическихъ силъ; но, кромѣ того, крайняя разнородность состава этихъ учащихся но подготовкѣ и по возрасту, дѣлаетъ возможнымъ обученіе въ воскресныхъ школахъ только подъ условіемъ распредѣленія учащихся на весьма значительное число группъ, для каждой изъ которыхъ необходимо особое преподающее лицо. Такимъ образомъ, преподающіе въ каждой воскресной школѣ составляютъ цѣлыя многочисленныя корпораціи. Такъ, въ харьковской женской школѣ въ 1888—1889 г. занималось 77 учительницъ; въ четырехъ школахъ Шлиссельбургскаго тракта въ томъ же году состояло учителей и учительницъ 57; во-второй женской московской въ 1889—1890 г. было 21 преподающее лицо; въ двухъ ставропольскихъ состоитъ въ настоящее время — 25 человѣкъ; въ первой тифлисской женской въ 1889—1890 г.—25; въ одесской женской —16: въ одесской мужской—14 и т. д. Въ общемъ во всѣхъ 39 существующихъ частныхъ воскресныхъ школахъ работаетъ болѣе 800 человѣкъ, изъ которыхъ огромнѣйшее большинство женщины. Конечно, 800 человѣкъ, рабо-

тающихъ въ частныхъ воскресныхъ школахъ, на всю Россію—число слишкомъ незначительное; но будемъ помнить, что движеніе по устройству частныхъ воскресныхъ школъ воскресло всего три года тому назадъ, что въ настоящее время готовятся во многихъ пунктахъ къ открытію новыхъ воскресныхъ школъ и что, наконецъ, во многихъ мѣстахъ были попытки въ послѣдніе два-три года къ открытію воскресныхъ школъ, причемъ эти попытки не осуществились отнюдь не потому, чтобы былъ недостатокъ въ лицахъ, желающихъ работать въ школахъ (напротивъ, таковыхъ вездѣ находилось значительное число), а по причинамъ совсѣмъ инаго рода (таковы печальныя исторіи неудачныхъ попытокъ открытія воскресныхъ школъ въ Курскѣ, Орлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Воронежѣ, Барнаулѣ и многихъ другихъ мѣстахъ). Къ тому-же, вышеприведенное скромное число — 800 лицъ, работающихъ въ частныхъ воскресныхъ школахъ, получитъ совсѣмъ особое значеніе, когда мы посмотримъ, при какихъ условіяхъ идетъ ихъ работа. Всѣ преподающіе въ частныхъ воскресныхъ школахъ никакого вознагражденія не получаютъ, кромѣ того нравственнаго удовлетворенія, которое имъ даетъ сознаніе, что они работаютъ для блага ближняго. Это сознаніе и даетъ имъ силу нести свой нелегкій и безкорыстный трудъ. Надо имѣть въ виду, что огромнѣйшее большинство работающихъ въ частныхъ воскресныхъ школахъ принадлежитъ къ педагогическому міру. Это учительницы и учителя начальныхъ школъ и отчасти преподаватели среднеучебныхъ заведеній. Цѣлую недѣлю эти лица работаютъ въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, приходитъ воскресенье, единственный день отдыха, а они отправляются въ воскресную школу и тратятъ на работу въ ней и этотъ послѣдній свободный день. Но даже и тѣ немногіе учащіе воскресныхъ школъ, которые не принадлежатъ къ числу педагоговъ по профессіи,—обыкновенно люди занятые, работающіе, и какъ педагоги, всю недѣлю. Укажемъ, для примѣра, на воспитанницъ восьмаго класса женской гимназіи, работающихъ въ ставропольской женской воскресной школѣ: несмотря на то, что собственныя занятія поглощаютъ у этихъ молодыхъ дѣвушекъ массу времени и труда, онѣ находятъ возможнымъ посвящать воскресенья на работу въ школѣ. Во второй московской воскресной женской школѣ рвеніе преподающихъ настолько сильно, что они работали въ 1889—1890 г. не только 8 мѣсяцевъ учебнаго года, но и лѣтнее, каникулярное время. Внѣшнія условія работы въ воскресныхъ школахъ крайне неблагопріятны. Школы Шлиссельбургскаго тракта однѣ обладаютъ настолько обширными помѣщеніями, что могутъ помѣщать каждую группу учащихся въ отдѣльную комнату. Въ осталь-

ныхъ воскресныхъ школахъ всегда помѣщается по нѣсколько группъ въ одной комнатѣ. Большинство-же воскресныхъ школъ располагаетъ лишь одною болѣе или менѣе обширною комнатою (обыкновенно классомъ начальной школы), въ которой приходится помѣщать всѣ наличныя группы учащихся и въ которыя, поэтому, учащіеся набиваются, какъ говорится, какъ сельди въ бочку. Вести преподаваніе при такихъ условіяхъ крайне затруднительно. Къ тому-же, при такой тѣснотѣ воздухъ неизбѣжно становится крайне убійственнымъ. И если, не смотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, занятія въ воскресныхъ школахъ идутъ успѣшно, и достигаются поразительные результаты, то это свидѣтельстуетъ о чрезвычайной добросовѣстности, преданности къ дѣлу и самоотверженію учащихъ въ воскресныхъ школахъ.

Безплатный трудъ преподающихъ, а также другихъ лицъ, принимающихъ участіе въ воскресныхъ школахъ (распорядителей, библіотекарей, лицъ, завѣдующихъ хозяйствомъ и ведущихъ отчетность, школьныхъ врачей), избавляетъ воскресныя школы отъ расхода, занимающаго главное мѣсто въ бюджетахъ учебныхъ заведеній,—расхода на жалованье учебному и административному персоналу. На затѣмъ остаются помѣщеніе и учебныя пособія. И то, и другое доставляетъ воскреснымъ школамъ общественное сочувствіе къ нимъ. Изъ всѣхъ частныхъ воскресныхъ школъ только школы Шлиссельбургскаго тракта получаютъ часть занимаемыхъ ими помѣщеній путемъ найма. Во всѣхъ-же остальныхъ случаяхъ воскресныя школы располагаютъ даровымъ помѣщеніемъ. Помѣщенія эти предоставляютъ имъ разныя учебныя заведенія, благодаря чему воскресныя школы получаютъ возможность пользоваться даромъ и готовою школьною мебелью, а иногда и учебными пособіями и библіотеками ежедневныхъ школъ. Такъ, въ Харьковѣ женская воскресная школа помѣщается въ классахъ уѣзднаго и городскаго приходскаго училищъ, мужская—въ школѣ мѣстнаго общества распространенія грамотности; въ Одессѣ обѣ воскресныя школы помѣщаются въ городскихъ училищахъ; екатеринодарская школа—въ помѣщеніи частной школы; ставропольская мужская—въ школѣ мѣстнаго общества распространенія народнаго образованія и женская—въ помѣщеніи одной изъ мѣстныхъ женскихъ гимназій, и т. д.

Расходы на учебныя пособія и библіотеки частныхъ воскресныхъ школъ покрываются обыкновенно изъ частныхъ пожертвованій и лишь въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ изъ суммъ обществъ распространенія народнаго образованія. Расходы эти вообще не велики. Только въ школахъ Шлиссельбургскаго тракта тратится три-четыре

рубля на учащагося (благодаря тому, что нанимается часть помѣщенія, платится законоучителямъ, оплачивается трудъ библіотекарей и т. п.); во всѣхъ-же остальныхъ школахъ расходуется обыкновенно не болѣе 1 рубля на учащагося. Конечно, такой ничтожный расходъ,— а въ иныхъ случаяхъ даже значительно меньшій,—возможенъ только потому, что пріобрѣтается лишь самое необходимое, а еще болѣе потому, что школы получаютъ не мало матеріальныхъ пожертвованій: магазины книжные и канцелярскихъ принадлежностей дѣлаютъ скидку съ цѣнъ покупаемыхъ у нихъ предметовъ; переплетчики иногда переплетаютъ даромъ книги; частныя лица жертвуютъ учебники, книги для библіотеки, принадлежности письма и т. д. Что касается денежныхъ пожертвованій, то, при всей ихъ скромности, они бываютъ обыкновенно достаточны для покрытія необходимыхъ расходовъ; пожертвованія эти обыкновенно составляются изъ самыхъ маленькихъ суммъ, жертвуемыхъ многими лицами. Такимъ образомъ, воскресныя школы являются по истинѣ общественнымъ дѣтищемъ, въ поддержкѣ котораго принимаетъ участіе значительная часть мѣстнаго общества.

Инициатива открытія частныхъ воскресныхъ школъ идетъ какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ различныхъ частныхъ обществъ. Три петербургскія школы, двѣ московскихъ, харьковская женская, рижская, виленская, смоленская, бѣлгородская, тамбовская, саратовская, симбирская, пензенская, двѣ одесскихъ, екатеринодарская, двѣ тифлисскихъ, ялтинская, симферопольская, челябинская и иркутская школы открыты частными лицами; харьковская мужская, славянская, сумская, двѣ ставропольскихъ и двѣ томскихъ—мѣстными обществами распространенія народнаго образованія; четыре школы Шлиссельбургскаго тракта и одна въ Ижевскомъ заводѣ—мѣстными церковно-приходскими попечительствами; одна петербургская и рыбинская—попечительствами о малолѣтнихъ ремесленникахъ, и наконецъ двѣ петербургскихъ (вечерне-воскресныя)—русскимъ техническимъ обществомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что начавшееся въ послѣдніе 2—3 года движеніе по открытію воскресныхъ школъ будетъ расти и развиваться. Получаемые мною, какъ авторомъ нѣсколькихъ статей о воскресныхъ школахъ, многочисленные запросы и свѣдѣнія, убѣждаютъ въ томъ, что мы накануне открытія еще ряда воскресныхъ школъ. Въ Москвѣ, какъ мы уже сообщали на страницахъ «Русской Школы» (№ 7, «Хроника народнаго образованія»), явилась даже мысль образовать особое общество для учрежденія воскресныхъ школъ и уже выработанъ проектъ устава этого общества.

Соображая все сказанное въ настоящей статьѣ о частныхъ вос-

кресныхъ школахъ, мы должны признать, что устройство и поддержка этихъ школъ являются однимъ изъ самыхъ выдающихся и самыхъ почтенныхъ проявленій частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи. Но въ движеніи этомъ есть и одинъ существенный недостатокъ, состоящій въ томъ, что оно имѣетъ въ виду исключительно города и совершенно игнорируетъ деревню.

Деревня нуждается въ воскресныхъ школахъ не менѣе города. И въ деревнѣ не мало элементовъ населенія, которые, при всемъ своемъ стремленіи къ просвѣщенію, не могутъ воспользоваться услугами ежедневной школы, или благодаря своему возрасту, или вслѣдствіе отвлеченія какимъ-нибудь занятіемъ. Единственнымъ средствомъ получить хоть какое-нибудь образованіе для этихъ элементовъ деревенскаго населенія является воскресная школа. Въ Финляндіи, гдѣ число ежедневныхъ школъ относительно въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ въ остальной Россіи, существуетъ нѣсколько тысячъ деревенскихъ воскресныхъ школъ. У насъ, очевидно, ихъ должно-бы быть еще болѣе. Насколько подготовлена почва для дѣятельности воскресной школы въ деревнѣ, ясно показываетъ примѣръ воскресныхъ школъ, кое-гдѣ открытыхъ въ деревняхъ земствами. Въ нашу задачу не входитъ обзоръ дѣятельности этихъ послѣднихъ школъ, такъ какъ онѣ—не продуктъ частной иниціативы; не можемъ, однако, не замѣтить, что деревенскія воскресныя школы всюду, гдѣ онѣ ни открыты, переполнены учащимися, среди которыхъ не мало людей весьма почтеннаго возраста. Къ сожалѣнію, такихъ земскихъ воскресныхъ школъ крайне немного. Вотъ открытое поле для частной иниціативы, гдѣ было-бы желательно примѣненіе ея въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Курсъ преподаванія въ воскресныхъ школахъ ограничивается программою начальной школы. Это опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ законѣ (ст. 2 «Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ» 24 мая 1874 г.) воскресныя школы причислены къ начальнымъ училищамъ. Нельзя не сказать, что и при такой программѣ воскресныя школы удовлетворяютъ очень многихъ изъ являющихся въ нихъ учиться, однако—не всѣхъ. Въ воскресныя школы часто являются лица, окончившія курсъ начальныхъ училищъ и желающія пополнить свое образованіе. Другіе, при той-же жаждѣ пополненія своего образованія, и не являются въ воскресныя школы въ виду ограниченности ихъ программы. И такихъ лицъ изъ низшихъ классовъ, побывавшихъ въ начальной школѣ и нуждающихся въ воскресныхъ или вечернихъ школахъ съ болѣе широкою программою, нежели программа начальной школы, съ каждымъ годомъ становится больше.

особенно въ крупныхъ центрахъ. Все это выдвигаетъ на очередь вопросъ о необходимости или предоставленія обычнымъ воскреснымъ школамъ права выходить изъ предѣловъ программы начальной школы, или созданія новаго типа образовательнаго учрежденія для взрослыхъ, соотвѣтствующаго указанной потребности. Въ этомъ отношеніи не малую пользу принесли-бы тѣ изъ существующихъ у насъ «обществъ» и «коммиссій», которыя, по своимъ уставамъ, имѣютъ право открывать курсы для взрослыхъ,—если-бы они попытались выйти на дорогу удовлетворенія указанной потребности. Такая дѣятельность этихъ обществъ выяснила-бы, какъ велика эта потребность взрослаго населенія въ образованіи, превышающемъ программу начальной школы, и вмѣстѣ съ тѣмъ посодѣйствовала-бы выработкѣ новаго типа народно-образовательнаго учрежденія. Какъ мы указывали въ нашей первой статьѣ («Русская Школа», № 7, 1890 г. «Частная инициатива и народное образованіе за границей»), за границей повсемѣстно открыто множество подобныхъ школъ или курсовъ для взрослыхъ.

То обстоятельство, что большинство преподающихъ въ воскресныхъ школахъ принадлежитъ къ педагогическому міру и по преимуществу состоитъ изъ лицъ, работающихъ въ начальныхъ школахъ, ведетъ къ одному весьма существенному неблагопріятному послѣдствію. Дѣло въ томъ, что въ воскресныхъ школахъ, въ которыхъ учащіеся по возрасту далеко превосходятъ контингентъ учащихся въ начальныхъ училищахъ, а часто состоятъ изъ совершенно взрослыхъ, примѣняются тѣ-же самые пріемы преподаванія, которые установлены для обученія дѣтей. Между тѣмъ достаточно посѣтить хоть разъ воскресную школу, чтобы убѣдиться, что выработанные для начальной школы пріемы преподаванія неумѣстны, порою просто смѣшны и во всякомъ случаѣ тормазятъ дѣло въ воскресныхъ школахъ. Конечно, практика съ теченіемъ времени убѣждаетъ учащихъ въ неудобствѣ школьныхъ пріемовъ и побуждаетъ ихъ вырабатывать иные, болѣе соотвѣтствующіе возрасту учащихся и необходимости передать имъ возможно болѣе знаній въ тѣ немногіе часы, въ которые производится обученіе въ воскресныхъ школахъ. Къ сожалѣнію, эти новые пріемы являются продуктомъ лишь многолѣтняго труда, сопряженнаго съ ошибками, и дѣлаются достояніемъ лишь отдѣльнаго лица или въ лучшемъ случаѣ отдѣльной школы. Каждая новая школа, каждый новый преподаватель воскресной школы повторяютъ ошибки своихъ предшественниковъ. Тамъ, гдѣ воскресная школа существуетъ давно и вопросы преподаванія дѣлаются предметомъ систематическаго обсужденія въ собраніяхъ преподающихъ, указываемое нами неблагопріятное обстоя-

тельство до извѣстной степени избѣгается, такъ какъ и общій строй преподаванія, и наблюдаемые примѣры, и наконецъ прямыя указанія болѣе опытныхъ преподавателей удерживаютъ новичковъ отъ примѣненія неудобныхъ пріемовъ и указываютъ болѣе соотвѣтствующіе условіямъ воскресной школы. Иное дѣло—молодыя воскресныя школы, только что возникшія. Здѣсь нѣтъ того опыта, который накопился въ болѣе старыхъ школахъ, и учащіеся должны продѣлать самостоятельно многолѣтнюю работу выработки пріемовъ преподаванія. Работа эта тѣмъ затруднительнѣе, что при разнообразіи подготовки и постоянномъ измѣненіи состава учащихся, приходится каждый годъ имѣть дѣло съ группами учащихся совершенно иной подготовки и иного умственнаго развитія. Такимъ образомъ, является необходимость выработки методики, приспособленной къ требованіямъ воскресной школы, необходимо, чтобы болѣе старыя, болѣе опытныя школы дѣлились своими пріобрѣтеніями въ указанномъ отношеніи съ болѣе молодыми и возникающими товарками. До сихъ поръ это дѣлалось лишь слегка, случайно, частнымъ образомъ и, понятное дѣло, не могло имѣть особенно широкаго значенія. Необходимо, чтобы вопросы преподаванія, возбуждаемые практикою воскресныхъ школъ, были выяснены и разработаны печатно, такъ чтобы рѣшеніе ихъ сдѣлалось общимъ достояніемъ. Еще важнѣе въ данномъ отношеніи былъ-бы съѣздъ преподавателей воскресныхъ школъ, на которомъ могли-бы быть поставлены всѣ вопросы, возбуждаемые практикою преподаванія въ этихъ школахъ, и рѣшенія ихъ установлены путемъ обмѣна мыслей значительнаго числа лицъ, работавшихъ надъ этими вопросами. Мысль о такомъ съѣздѣ и циркулируетъ среди дѣятелей воскресныхъ школъ, и было-бы желательно, чтобы осуществленіе этой мысли было не за горами.

Важною нуждою воскресныхъ школъ является созданіе учебниковъ, приспособленныхъ къ особеннымъ условіямъ этихъ школъ. Въ настоящее время въ воскресныхъ школахъ приходится пользоваться учебниками, предназначенными для начальныхъ школъ, т.-е. для дѣтей. Не трудно понять, сколько неудобствъ приноситъ это обстоятельство. Особенно большія затрудненія являются при выборѣ книги для первоначальнаго чтенія послѣ ознакомленія съ азбукою. То, что умѣстно въ книгѣ, назначенной для чтенія дѣтей, даже придаетъ ей наибольшій интересъ, то часто совершенно неумѣстно и даже просто смѣшно, когда ту-же книгу приходится читать со взрослыми людьми. Не говоримъ уже о разныхъ сказочкахъ, стишкахъ и басенкахъ; но даже статьи иного характера написаны въ подобныхъ книгахъ при-

мѣнительно къ дѣтскому пониманію и знанію вещей. Намъ не разъ приходилось искренно сожалѣть и преподающихъ, и учащихся въ воскресной школѣ, когда предъ нами происходило объяснительное чтеніе дѣтскихъ статей о теплѣ, о стеклѣ или что-либо подобное. Лица взрослыхъ парней или даже бородатыхъ мужиковъ озарялись лукавою усмѣшкою, свидѣтельствовавшею о томъ, что они внутренно удивлялись, зачѣмъ ихъ угощаютъ такимъ ребяческимъ угощеніемъ, а на иныхъ лицахъ ясно видѣлась досада на безплодную трату времени. Намъ думается, что эта нужда воскресныхъ школъ въ спеціально для нихъ написанныхъ учебникахъ могла-бы найти удовлетвореніе теперь-же. Нѣтъ сомнѣнія, что среди 800 человѣкъ, работающихъ въ существующихъ воскресныхъ школахъ, найдутся люди, способные разрѣшить эту задачу. Особенно было-бы желательно появленіе книги для чтенія, приспособленной къ условіямъ воскресной школы. Намъ извѣстно, что въ этомъ направленіи уже и дѣлались попытки, но почему-то онѣ доселѣ не появлялись въ печати. Само собою разумѣется, что составленіе учебниковъ для воскресныхъ школъ можетъ явиться лишь результатомъ любви къ дѣлу и не дастъ никакихъ выгодъ, такъ какъ при существующемъ числѣ воскресныхъ школъ (39 частныхъ, 24 школы городскихъ управленій въ Петербургѣ и Москвѣ и нѣсколько десятковъ земскихъ въ селахъ), равно какъ и при возможномъ увеличеніи ихъ въ ближайшемъ будущемъ, спеціальныя учебныя книги для воскресныхъ школъ могутъ имѣть только ограниченный сбытъ.

И такъ, увеличеніе числа воскресныхъ школъ, открытіе ихъ въ селахъ и деревняхъ, расширеніе программы, выработка пріемовъ преподаванія и созданіе спеціальныхъ учебниковъ—вотъ ближайшія задачи движенія по устройству воскресныхъ школъ, которое проявилось замѣтно въ послѣдніе три года и служитъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ и достойнѣйшихъ уваженія проявленій частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи.

Я. Абрамовъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

(Къ 25-ти-лѣтію земскихъ учрежденій).

По организаціи дѣла народнаго образованія и по результатамъ, полученнымъ за четверть-вѣковый періодъ, московское земство занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ среди другихъ земствъ нашего отечества.

Въ до-земскій періодъ народнымъ образованіемъ въ Московской губерніи, какъ и повсемѣстно въ Россіи, завѣдывали Министерства Государственныхъ Имуществъ и Народнаго Просвѣщенія, удѣльное вѣдомство, отчасти духовенство и частныя лица.

Не смотря на такое значительное количество учрежденій, долженствовавшихъ такъ или иначе заботиться о просвѣщеніи народа, результаты получались довольно жалкіе, какъ это мы видѣли уже при обзорѣ состоянія народнаго образованія въ крѣпостное время въ Орловской губерніи **). Московская губернія въ этомъ отношеніи не представляла исключенія. До 30-хъ, напримѣръ, годовъ текущаго столѣтія въ Московской губерніи вовсе не имѣлось сельскихъ школъ; въ 40-хъ были только училища отъ духовенства, относительно которыхъ имѣются лишь такія отрывочныя свѣдѣнія.

		Учащихся:		
От духовнаго вѣдомства въ	Школъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
1842 году было.	41	651	61	712
» дворянства и удѣльнаго вѣдомства	2	?	?	?
» духовнаго вѣдомства въ 1843 году.	28	496	56	552
» государственныхъ имуществъ въ 1847 году. .	34	1.214	173	1.387

Неполнота данныхъ является результатомъ тогдашняго отношенія къ народной школѣ: онѣ никого не интересовали, имѣли характеръ

*) Источники: «Народное образованіе въ Московской губерніи». Москва 1884 г.—«Статистическіе ежегодники московскаго губернскаго земства» за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы.—«Статистическій отчетъ по училищамъ Московской губерніа за 188⁶/₇ учебный годъ (Приложеніе къ докладу управы по народному образованію)».

**) «Народное образованіе въ Орловской губерніи». «Русская Школа», сентябрь (№ 7), 1890 г., стр. 115.

частнаго предпріятія и больше фигурировали въ отчетахъ, когда таковые требовались подлежащими властями, чѣмъ существовали на самомъ дѣлѣ. Не ищите свѣдѣній и за позднѣйшее время: ихъ нѣтъ, или они не заслуживаютъ довѣрія. Когда земству, въ 1865—1867 годахъ, понадобилось узнать о количествѣ школъ и учащихся, оно не могло получить достовѣрныхъ данныхъ, а доставленныя были далеки отъ дѣйствительности. Такъ, въ 1867 году, дѣло состоянія народнаго образованія было представлено земству въ такомъ видѣ.

Школъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.	Школъ прочихъ вѣдомствъ.	Всего школъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	На 1 школу учащихся.
166	102 *)	268	7.958	1.454	9.411	35

Но какъ отнестись къ этимъ цыфрамъ, если, напримѣръ, Можайскій училищный совѣтъ заявлялъ, что въ одной школѣ въ этомъ уѣздѣ по отчетамъ числилось 40 учащихся, а оказалось только 13, въ другой показывалось 30 учениковъ, а было на самомъ дѣлѣ 15 и т. п.?

Если-бы даже цыфровыя данныя соотвѣтствовали дѣйствительности, школы сами по себѣ, какъ съ точки зрѣнія преподаванія, такъ и персонала учащихъ, не выдерживали критики. Ю. Ѳ. Самаринъ, въ 1868 году, на губернскомъ земскомъ собраніи по поводу этихъ школъ говорилъ: «у насъ существуетъ огромное число такихъ школъ, въ которыхъ положительно ничему не выучиваются: бываетъ то, что мальчикъ, пройдя всѣ два или три класса, выучивается читать и при этомъ не выучивается понимать того, что онъ читаетъ; у насъ есть мѣстности, въ которыхъ существуетъ двоякая такса: такса за обученіе чтенію и письму и такса за обученіе чтенію и *пониманію прочитаннаго*. Это пониманіе прочитаннаго составляетъ второй курсъ, поэтому можно себѣ составить понятіе о томъ, каковъ долженъ быть первый курсъ». Въ школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ изъ 168 учителей только 22 были изъ діаконовъ и свѣтскихъ лицъ, а остальные—священники, относительно которыхъ Дмитровскій училищный совѣтъ сообщалъ, что они, «занятые своими обязанностями, при всемъ желаніи заниматься обученіемъ, никакъ не могутъ вести это дѣло вполнѣ успѣшно безъ пособія другихъ лицъ; имъ каждый день приходится оставлять учащихся однихъ, то для исполненія въ приходѣ разныхъ требъ, то по хозяйству и семейнымъ обязанностямъ; въ этомъ сознаются сами наставники-священники, объ этомъ-же при-

*) Изъ нихъ около 5-ти училищъ удѣльнаго вѣдомства, содержавшіяся на особый сборъ съ крестьянъ по 22,5 коп. съ души.

ходилось слышать и отъ крестьянъ тѣхъ селеній, въ которыхъ находятся училища».

Въ училищахъ другихъ вѣдомствъ и составъ педагоговъ, и обученіе ничѣмъ не отличались отъ таковыхъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, точно такъ-же какъ къ нимъ вполнѣ примѣнима вышеприведенная характеристика Ю. Ѳ. Самарина и отзывы Можайскаго и Дмитровскаго училищныхъ совѣтовъ.

Что касается средствъ, то училища государственныхъ имуществъ содержались на счетъ принадлежащихъ этому вѣдомству крестьянъ, которые платили въ пользу школъ по $8^3/_4$ копѣекъ. Въ общемъ, помянутое министерство издерживало на школы 36.502 рубля, причемъ школы подраздѣлялись на два разряда: въ 68 училищахъ перваго разряда полагалось имѣть одного учителя, одного помощника, а иногда еще и наставницу; въ ста школахъ втораго разряда было только по одному учителю. Вслѣдствіе неодинаковаго количества преподавателей, на перворазрядныя школы отпускалось въ годъ отъ 264 до 339 рублей, въ то время какъ на второразрядныя только 189 руб. Изъ этихъ денегъ въ обоихъ разрядахъ учителямъ жалованья выдавалось по 100 руб. въ годъ, помощникамъ и наставницамъ по 75 руб., а остальныя деньги расходовались: на наемъ помѣщенія, отопленіе и освѣщеніе 45 руб., на учебныя пособія 27 руб. и на наемъ сторожа 17 руб. въ годъ. О школахъ другихъ вѣдомствъ свѣдѣній никакихъ не имѣется; но, предполагая, что 120 училищъ обходились въ такую-же сумму, какъ второразрядныя государственныхъ имуществъ, т.-е. по 189 руб., мы получимъ цыфру 19.278 руб., а всего вмѣстѣ со школами государственныхъ имуществъ сумма расходовъ на народное образованіе въ до-земскій періодъ выражалось цыфрою 55.780 руб.

Этими данными мы исчерпываемъ всѣ имѣющіяся свѣдѣнія относительно состоянія дѣла народнаго образованія въ крѣпостное время въ Московской губерніи и можемъ теперь приступить къ цыфровому пока сравненію двухъ почти одинаковыхъ періодовъ *до-земскаго* съ 1842 по 1867 годъ, т.-е. за 25 лѣтъ, и *земскаго* съ 1868 по 1889 включительно, т.-е. за 21 годъ, причемъ, для болѣе нагляднаго представленія относительно развитія школьнаго дѣла въ Московской губерніи въ этотъ послѣдній періодъ мы приводимъ данныя за каждый годъ, начиная съ 1868-го; для періода до-земскаго сдѣлать это нѣтъ никакой возможности, потому что, какъ мы уже выше сказали, не имѣется свѣдѣній, а какія были данныя, тѣ уже приведены; поэтому мы приведемъ лишь цыфры за 1867 годъ, которымъ, для народнаго образованія, заканчивается старый до-реформенный строй.

	Конецъ до-земскаго періода.	Земскій періодъ.										
Годы	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878
Количество сельскихъ школъ	268	297	358	410	420	441	428	426	432	444	440	442
Учащихся: Мальчиковъ	7.957	9.270	11.445	12.852	13.236	14.680	14.428	15.456	15.863	16.311	17.542	17.581
Учащихся: Дѣвочекъ	1.654	1.890	2.095	2.803	3.007	3.660	3.753	3.910	4.241	4.477	4.567	4.605
Учащихся: Обоего пола	9.411	11.160	13.540	15.655	16.293	18.340	18.181	19.366	20.104	20.788	22.109	22.186
Учащихся: Приходилось на 1 школу	35	37	37	38	38	41,7	42,5	45,5	46,5	46,5	50,8	50,2
Земскіе, губернскіе и уѣздные, расходы на народн. образов.	*)	22.000	79.628	82.670	97.218	108.601	124.149	161.975	123.670	141.989	178.381	189.200
%-ное отнош. къ общей смѣтѣ	—	—	9,6	9,8	10,9	11,4	12,9	15,4	11,2	12,6	13,3	12,9

	Земскій періодъ.										
Годы	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889
Количество сельскихъ школъ	473	473	473	525	555	582	595	636	671	694	713
Учащихся: Мальчиковъ	18.916	18.963	19.447	22.951	25.638	27.428	28.095	30,937	31.250	33.497	32.575
Учащихся: Дѣвочекъ	5.253	5.443	5.718	7.304	8.316	8.849	9.468	11.480	11.569	11.570	11.152
Учащихся: Обоего пола	24.169	24.406	25.165	30.255	33 954	36.277	37.563	42.417	42.819	45.069	43.727
Учащихся: Приходилось на 1 школу	51,7	51,1	53,6	57,2	61,6	62,1	63,3	66,4	63,6	64,8	61,3
Земскіе, губернскіе и уѣздные, расходы на народн. образов.	204.851	234.927	267.082	282.146	301.465	218.733	221.874	243.430	252,268	263.467	268.587 **).
%-ное отнош. къ общей смѣтѣ	14,3	15,7	17,9	17,5	19,7	20,8	19,7	21,3	24,2	24	24,3

*) По приблизительному расчету, нами приведенному, общая сумма расходовъ всѣхъ вѣдомствъ на народное образованіе выражалась цыфрою 55.780 рублей. Здѣсь, къ слову, замѣтимъ, что вѣдомство государственныхъ имуществъ, дѣлая въ пользу народнаго образованія сборы съ подвѣдомственныхъ тогда ему крестьянъ, по $8^{3}/_{4}$ коп. съ души, располагало только суммою въ 13.111 руб. $57^{1}/_{2}$ коп., между тѣмъ, на покрытіе расходовъ по содержанію 168 школъ требовалось, какъ мы видѣли, 36.502 рубля. Такъ какъ общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ былъ общій по имперіи, то недостатокъ сбора по Московской губерніи покрывался остатками по другимъ губерніямъ.

**) Помимо приведенныхъ расходовъ на народное образованіе губернскаго и уѣздныхъ земствъ, при губернской управѣ еще имѣются спеціальные фонды, предназначенные на дѣло народнаго образованія, а именно: капиталъ А. С. Мусинъ-Пушкина *на пособіе учительницамъ*, предназначенный сначала на устройство *женской семинаріи*, капиталъ Н. С. Корсакова—на содержаніе Тарусовской и Горскихъ школъ, капиталы Н. А. Милютина и Ю. Ѳ. Самарина—на содержаніе стипендіатовъ ихъ имени, *училищный фондъ*, образованный въ 1869 году *съ цѣлью обезпеченія учителей и учительницъ*. Фондъ этотъ, отчисленный въ этомъ году изъ смѣтнаго назначенія въ количествѣ 25.000, рѣшено оставить неприкосновеннымъ до истеченія шестилѣтняго срока послѣ перваго выпуска воспитанниковъ изъ земской учительской школы, т.-е. до 1881 г. Кромѣ помянутыхъ, существуютъ еще фонды: Александровскій—на усиленіе средствъ преподаванія Закона Божія и обезпеченія учителей, и фондъ *на выдачу ссудъ уѣзднымъ земствомъ на постройку школъ*.

Изъ этого видно, что уже первое десятилѣтіе земской дѣятельности въ сферѣ народнаго образованія далеко назади оставило до-реформенную эпоху: въ 1878 году число школъ увеличилось на 174, а число учащихся на 12.775, расходы одного земства—на 133.420; во второе десятилѣтіе количество школъ возрастаетъ болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ раза, учащихся уже 34.316 или болѣе въ $4^1/_2$ раза, а сумма земскихъ расходовъ на народное образованіе превышаетъ таковую въ до-земскій періодъ на 212.807 рублей, если взять 1889 годъ; но были затраты и больше: въ 1883 году, напримѣръ, земство израсходовало 301.465, т.-е. болѣе суммы 1867 года на 245.685 руб.

Въ земскомъ періодѣ приведены не однѣ исключительно земскія школы, т.-е. такія, которыя-бы всецѣло принадлежали земству отъ зданія до содержанія, а вообще *всѣ сельскія*, потому что, во-первыхъ, онѣ были открыты подъ вліяніемъ кипучей, незнакомой крѣпостному времени, дѣятельности земства, которое было выразителемъ желаній лучшей части русскаго общества; во-вторыхъ, что, такъ или иначе, онѣ находились подъ вѣдѣніемъ училищныхъ совѣтовъ, главный и самый доброкачественный элементъ которыхъ составляли представители земства, и, въ-третьихъ, наконецъ, во всѣхъ школахъ, при организаціи школьнаго дѣла, бралась за образецъ земская школа. Такъ, И. П. Боголѣповъ, въ статьѣ своей «Статистическій отчетъ по училищамъ Московской губерніи за $188^8/_9$ учебный годъ», напечатанный въ «Земскомъ Ежегодникѣ по Московской губерніи» за 1889 годъ, между прочимъ, пишетъ: «Принявши на себя участіе въ расходахъ по содержанію школъ, земство должно было принимать тѣ или иныя мѣры къ улучшенію и самой качественной стороны дѣла, такъ какъ въ этомъ отношеніи существовавшія въ то время школы оказались крайне неудовлетворительными. Было установлено, что для успѣшнаго хода школьныхъ занятій необходимо произвести замѣну учителей-священниковъ учителями, не связанными какимъ-либо постороннимъ дѣломъ. Въ настоящее время едва-ли кто-либо усумнится въ цѣлесообразности такого взгляда и въ необходимости проведенія его на практикѣ. Но не таково было положеніе въ началѣ 70-хъ годовъ: земству стоило не малыхъ хлопотъ провести вышесказанную реформу. Теперь справедливость такой постановки дѣла признается даже такимъ учрежденіемъ, какъ Кирилло-Меѳодіевское братство, завѣдующее въ настоящее время церковно-приходскими школами Московской губерніи».

Вышеприведенныя внушительныя цыфры относительно школьнаго дѣла въ земскій періодъ сами по себѣ, понятно, имѣли-бы мало зна-

ченія, если-бы земство ограничивалось только однимъ увеличеніемъ школъ, учащихся и бюджета на народное образованіе, безучастно относясь къ внутреннему содержанію школы. Но главная заслуга земства въ томъ именно и заключается, что оно повело сельскую школу по совершенно новому пути. Это, конечно, болѣе всего проявилось въ *собственныхъ*, такъ сказать, *земскихъ* школахъ. Поэтому, прежде чѣмъ сообщать подробныя свѣдѣнія относительно постановки вопроса школьнаго воспитанія, считаемъ нужнымъ привести данныя за послѣднее время относительно школъ исключительно земскихъ и притомъ по всѣмъ уѣздамъ Московской губерніи, чтобы избѣгать необходимости говорить о каждомъ уѣздномъ земствѣ въ отдѣльности. Мы полагаемъ совершенно достаточнымъ для этого ограничиться свѣдѣніями за послѣднее семилѣтіе, начиная съ количества школъ. За помянутый періодъ онѣ по уѣздамъ распредѣлялись такъ:

Годы.	Уѣзды	Московскій.	Богородскій.	Бронницкій.	Верейскій.	Волоколамскій.	Дмитровскій	Звенигородскій.	Клинскій.	Коломенскій.	Можайскій.	Подольскій.	Рузскій.	Серпуховскій.	Всего по губерніи.
$188^{2}/_{3}$	Число земскихъ школъ.	60	43	35	27	25	32	25	34	41	11	17	26	51	427
$188^{3}/_{4}$		62	47	35	27	26	35	29	34	42	11	18	27	52	445
$188^{4}/_{5}$		61	47	36	30	27	40	31	34	43	12	19	27	51	458
$188^{5}/_{6}$		61	50	37	30	29	42	31	34	45	10	20	28	51	468
$188^{6}/_{7}$		61	55	40	31	28	42	31	34	46	11	21	26	51	477
$188^{7}/_{8}$		63	55	40	31	26	45	30	35	46	11	21	28	52	486
$188^{8}/_{9}$		63	55	40	31	30	45	30	35	78	11	22	30	52	491

Эти данныя показываютъ, что количественный ростъ земскихъ школъ идетъ безъ всякихъ отступленій; если по нѣкоторымъ уѣздамъ и происходили въ рѣдкихъ случаяхъ уменьшенія на 1 или много на 2 школы, то въ то-же время увеличивалось на бо̀льшее число въ другихъ, причемъ нѣтъ ни одного уѣзда, въ которомъ-бы, въ концѣ-концовъ, число школъ уменьшилось сравнительно съ первыми годами разсматриваемаго періода; въ общемъ-же по губерніи съ $188^{2}/_{3}$ по $188^{8}/_{9}$ годъ число школъ увеличилось на 64.

Учреждая новыя училища, земство въ то-же время стремилось, насколько позволяли средства, примѣнить при постройкѣ ихъ требованія науки, благодаря чему земскія училищныя зданія находятся въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ другія школы. Такъ, измѣренія, произведенныя въ $188^{2}/_{3}$ году, дали слѣдующіе результаты:

Помѣщенія земскихъ школъ.	Число измѣренныхъ помѣщеній.	Общее число учащихся.	Среднее число учащ. на 1 школу.	Квадратное содержаніе площади пола классныхъ комнатъ въ аршинахъ.	Среднее на школу.	Среднее на 1 учащагося.	Кубическое содержаніе классныхъ комнатъ.	Среднее на школу.	Среднее на 1 учащагося.	Свѣтовая поверхность въ аршинахъ.	Проц. свѣтовой поверхности къ площади пола.
Построенныя при участіи земства	113	7.363	65,1	12.927,8	114,4	1,76	52.120,4	461,2	7,08	1.412,9	10,9
Наемныя......	122	6.966	57,1	9.523	78,05	1,4	34.982	286,7	5,02	846	8,9
Всѣ прочія....	189	11.349	60,5	17.659,1	93,5	1,5	65.586	341,7	5,8	1.789,5	10,14

Отсюда ясно, что помѣщенія, построенныя при участіи земства, по размѣрамъ, количеству свѣта и воздуха, приходящихся на учащихся, превосходятъ не-земскія помѣщенія. Но здѣсь интересна и немаловажна другая сторона дѣла—принципіальная, такъ сказать. Всякій, кто хотя немного захватилъ мрачное крѣпостное время, можетъ, вѣроятно, вспомнить, что такое была до-реформенная народная школа. Она занимала всегда самое жалкое зданіе, причемъ о лучшемъ никто тогда и не помышлялъ: различные «кубическіе футы воздуха», «вентиляціи», «гигіена» — это уже «выдумка» послѣ реформеннаго времени, европейскаго періода, къ которому и доселѣ со скрежетомъ зубовнымъ относятся дотягивающіе свой вѣкъ крѣпостники. Мужикъ и кубическіе футы воздуха! мужикъ и вентиляція! мужикъ и свѣтовая поверхность! Это были несовмѣстимыя понятія для «добраго стараго времени». Земство все перевернуло, какъ говорится, вверхъ дномъ. Оно не только признало, что мужикъ такой-же человѣкъ, какъ и всѣ, что ему необходимо образованіе, но и почло необходимымъ устроить маленькіе храмы сельскаго просвѣщенія примѣнительно къ требованіямъ науки.

Стремясь, далѣе, поставить школу въ возможно выгодныя условія съ точки зрѣнія распространенія образованія, земство, для привлеченія бо̀льшаго количества учащихся, устроило при нѣкоторыхъ училищахъ *пріюты* и *ночлежныя помѣщенія.* Нужно-ли говорить о важности этихъ учрежденій? Если мы вспомнимъ климатическія условія центральной Россіи, нищету крестьянъ, громадныя разстоянія *), то

*) Изъ «Ст. Ежегодн. моск. губ. земства» за 1887 годъ видно, что въ то время въ Московской губерніи 711 селеній отстояло отъ народныхъ школъ на разстояніи до 3 верстъ, а 1.226 селеній—на разстояніи свыше 3 верстъ. По даннымъ, добытымъ въ 1883 году, вотъ какое вліяніе на число учащихся оказываетъ разстояніе отъ школъ. Въ этомъ году въ школахъ Московской губерніи было учащихся — на разстояніи отъ школы до 1-й версты включительно 14.708 или 57,3%, до 2-хъ верстъ—5.526 или 21,5%, 3-хъ верстъ—3.546 или 13,9% и, наконецъ, учащихся, которые жили отъ школы на разстояніи болѣе 3-хъ верстъ было только 1.898 или 7,3%. Отсюда ясно, что, какъ и слѣдовало ожидать, съ увеличеніемъ разстоянія понижается % учащихся.

ясно будетъ, что районъ распространенія образованія каждою школою весьма невеликъ: осеннія и весеннія распутицы, зимнія стужи и вьюги служатъ непреодолимою преградою для посѣщенія училищъ. Пріюты и ночлежные дома уничтожаютъ эти препятствія: учащіеся могутъ постоянно жить при школѣ, уходя домой въ свободное отъ занятій и благопріятное время. Въ 1883 году въ Московской губерніи пріюты были при 5-ти, а ночлежныя помѣщенія при 19-ти школахъ; въ 1887 году первые имѣлись при 13-ти, а вторыя при 24 училищахъ. Въ этомъ году при всѣхъ 37 школахъ съ пріютами и ночлежными помѣщеніями было 439 *постоянныхъ* ночлежниковъ, а вообще всего ночлежниковъ со случайными было 883; при квартирахъ учащіеся жили по 73 школамъ.

За тотъ-же періодъ времени, т.-е. съ $188^{2}/_{3}$ по $188^{8}/_{9}$ годъ включительно, распредѣленіе учащихся по земскимъ школамъ было таково:

	УЧАЩИХСЯ. Мальчиковъ.						
Годы . . .	$188^{2}/_{3}$	$188^{3}/_{4}$	$188^{4}/_{5}$	$188^{5}/_{6}$	$188^{6}/_{7}$	$188^{7}/_{8}$	$188^{8}/_{9}$
уѣзды:							
Московскій.	2.918	2.956	2.971	3.162	3.223	3.441	3.322
Богородскій	1.846	2.025	2.001	2.289	2.350	2.285	2.304
Бронницкій	1.915	2.026	2.176	2.228	2.368	2.484	1.476
Верейскій	930	1.014	1.048	1.183	1.287	1.381	1.229
Волоколамскій . . .	1.058	1.095	1.178	1.302	1.318	1.390	1.472
Дмитровскій	1.236	1.418	1.712	1.853	1.772	1.926	1.842
Звенигородскій . . .	1.105	1.148	1.219	1.264	1.247	1.228	1.092
Клинскій	2.337	2.428	2.462	2.501	2.321	2.264	2.121
Коломенскій	1.687	1.786	1.971	2.155	2.217	2.262	2.245
Можайскій.	551	554	566	577	714	693	739
Подольскій	692	739	741	793	855	882	812
Рузскій	1.248	1.358	1.233	1.419	1.084	1.541	1.021
Серпуховскій. . . .	1.903	2.074	2.107	2.161	2.183	2.251	2.209
По губерніи	19.426	20.621	21.385	22.887	21.939	24.031	22.894

	УЧАЩИХСЯ. Дѣвочекъ.						
Годы . . .	$188^{2}/_{3}$	$188^{3}/_{4}$	$188^{4}/_{5}$	$188^{5}/_{6}$	$188^{6}/_{7}$	$188^{7}/_{8}$	$188^{8}/_{9}$
уѣзды:							
Московскій.	962	1.077	1.127	1.320	1.383	1.365	1.325
Богородскій	651	689	677	797	868	807	792
Бронницкій	601	628	687	780	823	795	781
Верейскій	234	226	248	375	440	363	360
Волоколамскій . . .	321	343	391	520	479	441	505
Дмитровскій	303	370	477	528	453	464	460
Звенигородскій . . .	320	387	451	532	551	538	448
Клинскій	662	622	707	846	809	712	677
Коломенскій	804	904	893	1.032	1.075	1.062	1.088
Можайскій.	95	87	95	151	129	108	107
Подольскій. . . .	200	179	169	264	336	322	261
Рузскій	251	255	275	446	301	388	228
Серпуховскій. . . .	680	729	782	881	890	865	835
По губерніи	6.084	6.496	6.979	8.472	8.537	8.230	7.867

УЧАЩИХСЯ.
Обоего пола.

Годы	$188^2/_3$	$188^3/_4$	$188^4/_5$	$188^5/_6$	$188^6/_7$	$188^7/_8$	$188^8/_9$
уѣзды:							
Московскій	3.880	4.033	4.098	4.482	4.606	4.806	4.657
Богородскій	2.497	2.714	2.678	3.086	3.218	3.092	3.096
Бронницкій	2.516	2.654	2.863	3.008	3.191	3.279	3.257
Верейскій	1.164	1.240	1.296	1.558	1.727	1.744	1.589
Волоколамскій	1.379	1.438	1.569	1.822	1.797	1.831	1.977
Дмитровскій	1.539	1.788	2.189	2.381	2.225	2.390	2.302
Звенигородскій	1.425	1.535	1.670	1.796	1.798	1.766	1.540
Клинскій	2.999	3.050	3.169	3.347	3.130	2.976	2.798
Коломенскій	2.491	2.690	2.864	3.187	3.292	3.324	3.333
Можайскій	646	641	661	728	873	801	846
Подольскій	892	918	910	1.057	1.191	1.204	1.073
Рузскій	1.499	1.613	1.508	1.865	1.385	1.932	1.249
Серпуховскій	2.583	2.803	2.889	3.042	3.073	3.116	3.044
По губерніи	25.510	27.117	28.364	31.359	31.476	32.261	30.761

Изъ этихъ данныхъ видно, что количество учащихся прогрессивно, безъ всякихъ колебаній, увеличивалось до $188^8/_9$ года, въ которомъ замѣчается значительное пониженіе числа какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Это обстоятельство объясняется отчасти тѣмъ, что въ этомъ году въ 32 школахъ вовсе не было пріема: въ 8-ми потому, что онѣ не удовлетворяли санитарнымъ условіямъ относительно количества необходимаго воздуха на каждаго ученика, а въ 24-хъ училищахъ Рузскаго уѣзда, благодаря практикующейся тамъ системѣ — принимать учащихся черезъ годъ. Но, помимо этого, имѣются несомнѣнно чисто экономическія причины уменьшенія числа учащихся, выпавшія на $188^8/_9$ учебный годъ. Для подтвержденія этого предположенія считаемъ не излишнимъ привести здѣсь данныя относительно Московскаго уѣзда, добытыя извѣстнымъ нѣкогда земскимъ дѣятелемъ В. Ю. Скалономъ и напечатанныя имъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» за 1883 годъ. Почтенный изслѣдователь приводитъ слѣдующіе случаи выбытія учениковъ изъ земскихъ школъ Московскаго уѣзда за періодъ времени съ $187^6/_7$ по $188^0/_1$.

Учащіеся выбывали изъ школъ вслѣдствіе:	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.	На 100 учащихся приходилось: Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Обоего пола.
перехода въ другія школы	33	5	38	2,3	0,9	1,9
смерти	23	9	32	1,6	1,7	1,6
болѣзни	53	25	78	3,7	4,8	4
перемѣны мѣста жительства	113	38	151	8	7,3	7,8
отдаленности школы	18	1	19	1,2	0,1	0,1
бѣдности	62	10	72	4,2	1,9	3,7
неимѣнія одежды и обуви	19	6	25	1,3	1,1	1,2
неизвѣстныхъ причинъ	80	33	113	5,2	6,4	5,7
работы дома и внѣ дома	223	54	277	15,7	10,5	14,3
утомленія послѣ работы	27	12	39	1,8	2,3	2
домашнихъ обстоятельствъ	622	258	880	43,8	50,1	45,5
лѣности, неспособности и т. д.	84	25	109	5,9	4,8	5,6

нежеланія учиться	53	34	87	3,7	6,6	4,5
недовольства школою . . .	4	1	5	0,2	0,1	0,2
возраста	6	3	9	0,4	0,5	0,4
Всѣхъ по уѣзду	1.420	541	1.935	—	—	—

Такимъ образомъ наибольшее количество причинъ выбытія изъ школы—это «работы дома и внѣ дома» и «домашнія обстоятельства». «Что такое всѣ эти «домашнія обстоятельства»—говоритъ В. Ю. Скалонъ—«работы дома и внѣ дома», сопровождаемыя при томъ «утомленіемъ», отдачи «на заводы», какъ не доказательство плохаго имущественнаго положенія семьи, лишающее ее возможности обходиться безъ помощи рабочей силы 10—12-лѣтняго ребенка». Замѣчаніе это вполнѣ справедливо, и его нужно всегда имѣть въ виду при видѣ колебанія въ числѣ учащихся въ школѣ. Къ сожалѣнію, измѣненіе неблагопріятныхъ соціальныхъ условій не во власти земства, хотя оно употребляло всѣ усилія возможно ослабить ихъ по отношенію къ народной школѣ, и, видя прогрессивное во всякомъ случаѣ увеличеніе учащихся, нельзя не замѣтить, что земство преодолѣло многія затрудненія.

Относительно числа окончившихъ курсъ за тотъ-же періодъ времени замѣчается то-же явленіе, что и по отношенію къ количеству учащихся: въ общемъ по губерніи съ каждымъ годомъ все большее и большее число учениковъ получали свидѣтельства объ окончаніи, за исключеніемъ $188^{8}/_{9}$ года, кромѣ, впрочемъ, дѣвочекъ, для которыхъ худшимъ годомъ является $188^{7}/_{8}$, что видно изъ слѣдующихъ цыфровыхъ данныхъ:

	$188^{2}/_{3}$		$188^{4}/_{5}$		$188^{5}/_{6}$		$188^{6}/_{7}$		$188^{7}/_{8}$		$188^{8}/_{9}$	
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ
Московскій . .	295	64	322	80	386	117	360	79	405	83	409	110
Богородскій . .	130	9	173	42	172	32	234	42	267	43	280	80
Бронницкій . .	179	40	215	37	262	56	218	52	254	47	267	44
Верейскій . . .	92	14	91	32	111	30	154	15	191	25	133	36
Волоколамскій.	82	11	90	31	123	42	121	31	135	28	156	44
Дмитровскій. .	139	18	191	41	210	40	209	28	273	37	243	49
Звенигородскій	116	32	152	49	205	44	191	51	180	30	141	49
Клинскій . . .	293	77	378	62	361	76	338	83	349	38	297	69
Коломенскій. .	160	41	167	44	206	61	176	53	210	55	198	58
Можайскій. . .	28	5	45	6	45	7	47	5	68	13	78	5
Подольскій. . .	74	23	46	11	43	9	33	12	69	20	79	26
Рузскій	64	10	107	22	100	19	177	30	202	19	18	1
Серпуховскій .	209	37	285	58	202	68	266	51	310	65	298	78
По губерніи. .	1.861	381	2.262	515	2.426	601	2.524	532	2.913	503	2.597	649

На уменьшеніе числа окончившихъ въ $188^{3}/_{9}$ году вліяли тѣ-же причины, о которыхъ мы упоминали при объясненіи паденія количества учащихся въ томъ-же году.

Вслѣдъ за учащимися слѣдовало-бы сдѣлать количественный учетъ учащихъ, но такъ какъ количество и качество педагогическаго персонала мы причисляемъ къ внутренней организаціи школы, то объ учащихъ мы будемъ говорить послѣ ознакомленія съ внѣшнею стороною дѣла, которую закончимъ данными относительно земскихъ расходовъ на народное образованіе по всѣмъ уѣздамъ Московской губерніи за разсматриваемый неріодъ. Вотъ эти расходы:

Уѣздные земскіе расходы въ рубляхъ.

	$188^{2}/_{3}$	$188^{4}/_{5}$	$188^{5}/_{6}$	$188^{6}/_{7}$	$188^{7}/_{8}$	$188^{8}/_{9}$
Московскій	52.400	65.404	66.213	70.797	77.392	69.159
Богородскій	17.440	21.245	23.343	25.055	24.604	26.390
Бронницкій	16.036	17.401	18.327	19.100	20.045	21.169
Верейскій	4.300	5 000	5.000	6.100	6.100	6.300
Волоколамскій	9.115	10.655	10.465	11.050	11.290	12.686
Дмитровскій	11.520	15.705	16.340	15.927	16.477	16.677
Звенигородскій	6.500	9.000	9.000	10.000	9.000	9.500
Клинскій	18.350	20.195	21.559	20.232	21.619	21.629
Коломенскій	21.855	26.585	25.950	25.072	27.172	31.425
Можайскій	3.663	4.058	4.169	4.332	4.708	4.733
Подольскій	7.545	8.145	8.350	9.470	9.005	11.787
Рузскій	7.082	7.881	7.881	7.800	7.800	7.800
Серпуховскій	23.833	26.833	26.833	27.333	28.255	29.335
По губерніи	199.639	238.107	243.430	252.268	263.467	268.587

$^{0}/_{0}$-е отношеніе къ общей смѣтѣ расходовъ по уѣзду.

	$188^{2}/_{3}$	$188^{4}/_{5}$	$188^{5}/_{6}$	$188^{6}/_{7}$	$188^{7}/_{8}$	$188^{8}/_{9}$
Московскій	32,3	34,9	31,2	33,6	34,8	31,2
Богородскій	8,6	8,6	10,7	22	20,2	19,6
Бронницкій	21,6	23,3	21,5	24,9	21	23,3
Верейскій	11,6	16,2	14,5	14,6	13,6	15,9
Волоколамскій	19,7	20,7	20,6	21,6	23	24,7
Дмитровскій	18,2	19,1	19,6	18,8	18,1	18,7
Звенигородскій	17,7	22,3	21,5	23,1	20,8	20,1
Клинскій	19,3	22,8	23,4	23,5	26,2	26
Коломенскій	24,9	24,9	28,2	24,2	25,1	31,6
Можайскій	11,5	13,6	13,9	13	15,5	14,1
Подольскій	13,1	13,4	13,4	14,6	12,0	15,1
Рузскій	19,1	22	20,8	21,8	21,2	20,6
Серпуховскій	29,6	29,2	25,7	28,7	28,3	30
По губерніи	19,7	21,1	21,3	24,2	24	24,3

Изъ этого видно, что расходы земства на народное образованіе и по губерніи, и по каждому уѣзду въ отдѣльности возростали почти безъ всякихъ колебаній; какъ исключеніе, бывало по одному только году въ 7-ми уѣздахъ (Московскій, Богородскій, Волоколамскій, Дмитровскій, Звенигородскій, Клинскій и Коломенскій), когда ассигновка

на народное образованіе уменьшалась на незначительную сумму, но, не говоря уже о томъ, что это не вліяло на ростъ смѣты на народное образованіе по губерніи, въ каждомъ изъ помянутыхъ уѣздовъ вслѣдъ за годомъ съ пониженнымъ бюджетомъ слѣдовало значительное повышеніе его. Такъ, въ Богородскомъ уѣздѣ послѣ 25.055 руб., ассигнованныхъ въ 188⁶/₇ году, въ 188⁷/₈ было израсходовано 24.604 руб., но за то въ слѣдующемъ году смѣта на народное образованіе выражалась цыфрою 26.300 руб.; въ Коломенскомъ уѣздѣ смѣта въ 188⁵/₆ году выражалась цыфрою 25.950 руб., а въ слѣдующемъ 25.072 руб., но за то въ 188⁷/₈ году она уже доходитъ до 27.172, а въ 188⁸/₉—до 31.425 руб. и т. д. Исключеніе представляетъ Московскій уѣздъ, въ которомъ ассигновка въ 77.392 руб. въ 188⁷/₈ году въ 188⁸/₉ была лишь 69.156 руб.; но намъ неизвѣстна сумма, которая будетъ израсходована на народное образованіе въ 188⁹/₉₀ году.

Этими свѣдѣніями мы и заканчиваемъ ознакомленіе съ внѣшнею стороною земской дѣятельности по народному образованію въ Московской губерніи и теперь обратимся къ внутренней—къ постановкѣ дѣла воспитанія, не зная которую нѣтъ возможности дать надлежащую оцѣнку земской школѣ. Матеріаломъ для изученія этой стороны дѣятельности земства послужатъ намъ важнѣйшія постановленія губернскаго и уѣздныхъ земскихъ собраній съ начала земскихъ учрежденій и до послѣдняго времени. Къ этимъ постановленіямъ мы теперь и обратимся.

И. Бѣлоконскій.

(*Окончаніе будетъ*).

ИЗЪ ДНЕВНИКА ИНСПЕКТОРА НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

1890 года 15 апрѣля. Сегодня мы похоронили въ селѣ Бѣлая Гора (Новгородскихъ губерніи и уѣзда) помощника учителя Новгородскаго городскаго 3-хъ-класснаго училища, Петра Степановича Максимова. Съ усопшимъ Петромъ Степановичемъ для меня связана цѣлая хроника развитія народнаго образованія въ нашей губерніи, устройство въ ней земскихъ начальныхъ народныхъ училищъ и осуществленіе идеи—образовать учителей изъ лицъ крестьянскаго сословія, что служило въ свое время спорнымъ вопросомъ, связаннымъ съ открытіемъ учительскихъ семинарій. Когда я былъ еще штатнымъ смотрителемъ Новгородскаго уѣзднаго училища (инспекторомъ состою съ 1869 года), вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ приходятъ ко мнѣ два молодыхъ крестьянскихъ парня—одинъ некрасивый и небольшаго роста, а другой высокій, стройный и пріятной наружности; у обоихъ пробивался только первый пухъ молодости, у обоихъ взоръ былъ бойкій и осмысленный: это были Фаддѣевъ и Петръ Степановичъ Максимовъ,—первый уроженецъ деревни Новоселицы, а второй—Естьянъ. Они разсказали мнѣ, что учились много и долго у дьячковъ и у грамотныхъ отставныхъ солдатъ, но чувствуютъ, что не могли отъ нихъ научиться правильному чтенію и письму, а грамматикѣ и ариѳметикѣ учителя совсѣмъ ихъ не учили по незнанію сихъ предметовъ. Затѣмъ они стали просить меня, чтобы я имъ позволилъ походить во ввѣренное мнѣ уѣздное училище и послушать, что въ немъ преподается, чтобы пополнить свои познанія и утолить свою любознательность. Хотя по правиламъ училища это не допускалось, но, видя стремленіе молодыхъ людей къ самоусовершенствованію, я не въ силахъ былъ имъ отказать, пріютилъ ихъ у себя, и они въ теченіи двухъ мѣсяцевъ исправно посѣщали классы, вели дневники, въ которыхъ дѣлали разныя письменныя замѣтки обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ на урокахъ, а также, познакомившись съ учителями уѣзднаго училища,

отдѣльно пользовались ихъ книгами, совѣтами и наставленіями. Оказалось, что они желали сдѣлаться сельскими учителями въ тѣхъ школахъ, которыя стали размножаться со времени освобожденія крестьянъ и уже начали получать поддержку отъ земства. Вмѣстѣ съ возникновеніемъ этихъ школъ они почувствовали призваніе быть учителями и стремились къ этому всѣми силами своей души. Ни я, ни учителя ввѣреннаго мнѣ училища не могли отчетливо сообщить имъ теоріи педагогіи, такъ какъ сами были въ ней не особенно сильны, хотя и читали «Шварца и Куртмана», а могли научить ихъ тому, что мы сами выработали на практикѣ примѣнительно къ своему уѣздному училищу, а не къ сельской школѣ, устройство которой и веденіе въ ней учебнаго дѣла были намъ неизвѣстны. Но, полные надеждъ и увѣренности въ своей силѣ и способностяхъ, Фаддѣевъ и Максимовъ, простившись дружески съ нами, вскорѣ опять явились въ Новгородъ для пріобрѣтенія званія сельскихъ учителей по экзамену въ Новгородскомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ. Экзаменъ этотъ они выдержали удовлетворительно и, получивши вышесказанное званіе, сряду-же опредѣлились учителями въ земскія школы, гдѣ и обучали безъ обстоятельной подготовки, достигая успѣховъ не столько благодаря методамъ и способамъ преподаванія, сколько своему старанію. Главное-же усовершенствованіе ихъ при обученіи дѣтей заключалось въ томъ, что они оставили *азы* и *буки,* по которымъ ихъ самихъ обучали, а стали употреблять при обученіи грамотѣ обыкновенную буквослагательную методу, называя звуки азбуки *А*, *Бе*, *Ве*, *Ге* и т. д. Между тѣмъ земство, начавши учреждать школы, встрѣтило затрудненіе въ томъ, что для ихъ открытія не имѣлось учителей, подготовленныхъ болѣе современно, и, по примѣру екатеринославскаго земства съ знаменитымъ педагогомъ барономъ Корфомъ во главѣ,—для скорѣйшаго приготовленія учителей рѣшилось учреждать лѣтніе педагогическіе курсы, ассигновавши необходимыя суммы на приглашеніе руководителя курсовъ и на проѣздъ и содержаніе слушателей. Первые учительскіе курсы въ Новгородѣ были открыты въ 1869 г. подъ руководствомъ барона М. I. Косинскаго. Хорошо знакомый съ веденіемъ начальной народной школы, баронъ Косинскій показалъ собравшимся на съѣздъ слушателямъ употребленіе предварительныхъ объяснительныхъ бесѣдъ, звуковой методы, кубиковъ, счетовъ и различныхъ практическихъ пріемовъ при обученіи ариѳметикѣ и единовременное обученіе въ трехъ отдѣленіяхъ, для чего при курсахъ открыта была образцовая школа съ тремя отдѣленіями. Также на практикѣ показана была барономъ Косинскимъ установка правильной школьной дисциплины и

вообще школьныхъ порядковъ. А такъ какъ большая часть слушателей была мало подготовлена для того, чтобы быть учителями—по незнанію даже необходимыхъ для первоначальнаго обученія предметовъ, то для менѣе развитыхъ изъ нихъ давались уроки по Закону Божію, русскому языку, ариѳметикѣ, а частію по исторіо, географіи и для всѣхъ вообще по пѣнію. Дѣйствительно составъ слушателей представлялъ самую пеструю смѣсь. Въ него входили священники, дьяконы, дьячки, молодые люди, кончившіе и не кончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, городскіе приходскіе и сельскіе учителя и учительницы съ правами и безъ правъ. Изъ послѣднихъ нѣкоторые и сами читали плохо, почти не знали ариѳметики и пріѣхали главнымъ образомъ для того, чтобы получить проѣздныя и кормовыя деньги, въ чемъ я убѣдился изъ нѣсколькихъ фактовъ. Но бо̀льшая часть изъ съѣхавшихся слушателей была проникнута желаніемъ усовершенствоваться, что доказывалось самымъ добросовѣстнымъ и тщательнымъ исполненіемъ всѣхъ работъ, которыя давалъ имъ руководитель, потому что, кромѣ занятій, уже выше перечисленныхъ мною, каждодневно производились критическій разборъ данныхъ утромъ слушателями пробныхъ уроковъ, разборъ учебниковъ, которые должны были употребляться ими въ школахъ, и чтеніе педагогическихъ бесѣдъ, такъ что свободнаго времени въ теченіе каждаго дня у слушателей оставалось не болѣе двухъ часовъ, и это продолжалось въ теченіи полутора мѣсяцевъ. Энергія руководителя и его способность увлечь слушателей занятіями для достиженія высокой цѣли учительства были изумительны, а умѣнье его сдѣлать даже отвлеченные предметы доступными этому смѣшанному персоналу доказывали его даровитость какъ педагога. И дѣйствительно, онъ успѣлъ направить своихъ слушателей на тотъ путь, идя по которому они могли самоусовершенствоваться, относясь къ своему дѣлу сознательно и ведя учебно-воспитательную часть сообразно требованіямъ современной педагогіи. Доказательствомъ этому служитъ то, что вслѣдствіе этихъ курсовъ въ уѣздахъ образовалось уже множество правильно организованныхъ школъ взамѣнъ прежнихъ, гдѣ обученіе начиналось *азами*, *складами*, затѣмъ шло чтеніе *по верхамъ* и то преимущественно церковно-славянскаго, а не русскаго текста, безъ объясненія и пониманія, письмо составляло совершенно отдѣльный предметъ отъ чтенія, а знаніе четырехъ правилъ ариѳметики было роскошью, причемъ ариѳметическія дѣйствія производились надъ отвлеченными числами механически, безъ примѣненія къ потребностямъ жизни. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ слушателей барона Косинскаго былъ П. С. Мак-

симовъ. Онъ явился на эти курсы, какъ на праздникъ, видя въ нихъ средство вполнѣ осуществить свои желанія — сдѣлаться народнымъ учителемъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Глубоко вникалъ онъ во все то, что исполнялось на курсахъ, и его пробные уроки можно было назвать вполнѣ образцовыми, а критическія замѣтки на пробные уроки другихъ слушателей обличали въ немъ педагогическія чутье и способности, такъ что изо всѣхъ крестьянъ, бывшихъ на курсахъ, онъ да Фаддѣевъ отличались развитіемъ, начитанностью и быстрымъ усвоеніемъ новыхъ пріемовъ преподаванія съ полнымъ сознаніемъ ихъ психологическаго значенія и пользы. Причисленный по выслушаніи курсовъ къ разряду отличныхъ учителей, Максимовъ этимъ не удовольствовался, а, съ открытіемъ въ 1870 г. Новгородской Александровской земской учительской школы, поступилъ въ нее ученикомъ и окончилъ въ ней курсъ въ числѣ первыхъ. Опредѣлившись затѣмъ учителемъ въ Бронницкое начальное училище, онъ поставилъ его на степень образцоваго, а собою изобразилъ типъ вполнѣ народнаго учителя, вышедшаго изъ среды самихъ крестьянъ, знающаго ихъ бытъ и могущаго вести преподаваніе вполнѣ примѣнительно къ той средѣ, дѣти которой у него обучались, съ воздѣйствіемъ также и на ихъ родителей. Школа его представляла собою семейство, руководимое не страхомъ, а любовью и уваженіемъ къ учителю. Прилежаніе и успѣхи основывались на возбужденіи вниманія и благоразумномъ соревнованіи. Отсталыхъ у него не было, и мальчикъ съ самыми ординарными способностями мало по малу выравнивался и шелъ вслѣдъ за другими. Дисциплина и порядокъ въ классѣ были полные и поддерживались безъ обычныхъ въ то время наказаній и даже прикрикиваній. Во всѣхъ предметахъ преподаванія была видна самая тщательная разработка, такъ что все имъ преподанное дѣти усвоивали вполнѣ основательно. Будучи человѣкомъ семейнымъ, онъ, для увеличенія своихъ средствъ, кромѣ занятій въ школѣ и съ церковнымъ хоромъ, долженъ былъ давать частные уроки, готовя къ экзамену на вольноопредѣляющихся, а въ каникулярное время помогалъ родителямъ и въ сельскихъ работахъ, кромѣ того, что постоянно помогалъ имъ изъ своихъ небольшихъ сбереженій. Нѣкоторые изъ учителей крестьянъ жалуются, что ихъ не умѣетъ оцѣнить сельское общество, для дѣтей котораго они трудятся, особенно если они происходятъ изъ тѣхъ-же мѣстностей, гдѣ обучаютъ. Но примѣръ П. С. Максимова показываетъ совершенно противоположное. Среди крестьянъ бронницкихъ и естьянскихъ онъ заслужилъ большое уваженіе за ту пользу, которую приносилъ имъ учительствомъ, а также и своими свѣ-

дѣніями въ земледѣліи, которыя онъ доказалъ, повысивъ ихъ урожай періодическою выпискою новой ржи для обсѣмененія полей взамѣнъ той, сѣмена которой у нихъ уже выродились, вслѣдствіе чего и перестали давать даже наименьшій приростъ. Вообще они мало по малу стали обращаться къ нему за совѣтами по сельскому хозяйству и другимъ своимъ дѣламъ. Затѣмъ за отличіе онъ былъ переведенъ, согласно его желанію, помощникомъ учителя въ Новгородское городское трехъ-классное училище, куда перешелъ главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть возможность воспитывать своихъ дѣтей въ мѣстныхъ гимназіяхъ. Здѣсь педагогическій трудъ его по училищу облегчился въ томъ отношеніи, что при меньшемъ числѣ уроковъ, нежели въ сельской школѣ, онъ руководилъ однимъ только младшимъ отдѣленіемъ 1-го класса. Но такъ какъ городская жизнь дороже сельской, а семейство его увеличивалось, то для усиленія средствъ существованія онъ руководилъ церковнымъ хоромъ и имѣлъ много частныхъ уроковъ, такъ что и въ Новгородѣ былъ занятъ цѣлый день. И здѣсь онъ пользовался уваженіемъ и любовью лицъ различныхъ классовъ общества, имѣя уроки даже и въ аристократическихъ домахъ, гдѣ заслужилъ полное довѣріе родителей своимъ искусствомъ, усердіемъ и успѣшностью въ преподаваніи и тѣмъ нравственнымъ направленіемъ, которое давалъ ввѣреннымъ ему дѣтямъ. Но желаніе идти впередъ на пути развитія и образованія и здѣсь не оставляло его, и любимою его мечтою было поступленіе въ С.-Петербургскій учительскій институтъ, для чего онъ готовился въ свободное время, котораго у него было очень немного. Но недостатокъ времени и средствъ при увеличивающемся семействѣ не дали ему возможности осуществить сего завѣтнаго плана. Между тѣмъ постоянные усиленные труды начали мало по малу надрывать его здоровье, а когда въ 1888 г. скончалась нѣжно любимая имъ жена, при небольшихъ средствахъ умѣвшая аккуратно вести хозяйство и сама исполнявшая многія работы по дому, здоровье его, при новыхъ заботахъ о хозяйствѣ и о семействѣ, еще болѣе разстроилось и 13-го апрѣля, т.-е. менѣе года послѣ кончины супруги, онъ, на 40-мъ году своей жизни, скончался отъ чахотки, прося передъ кончиною, чтобъ его похоронили рядомъ съ женою на кладбищѣ села Бѣлой Горы, откуда она была родомъ. Послѣ него осталось трое сиротъ, и когда товарищи стали приводить въ извѣстность его денежныя средства, то оказалось, что онъ никому не остался долженъ, а, несмотря на свое незначительное содержаніе, расчитывался со всѣми на чистоту и до послѣдней минуты остался вѣренъ своей высокой честности. На отпѣваніи въ Никольскомъ соборѣ,

гдѣ покойный руководилъ при жизни хоромъ, директоръ народныхъ училищъ Новгородской губерніи почтилъ его прочувствованнымъ надгробнымъ словомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ:

«Покойный носилъ скромное званіе учителя, и преимущественно начальнаго учителя. Но, при внѣшней скромности своего званія, онъ съумѣлъ на немъ выработать и усвоить себѣ высокія качества духа: онъ не только съ честію несъ государственную службу въ городскомъ училищѣ, но, подъ незапятнаннымъ знаменемъ начальнаго учителя, съ неподдѣльнымъ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ былъ приглашаемъ, для обученія дѣтей, родителями почтенныхъ семействъ. Чтобы, выйдя изъ среды крестьянскаго быта, почти безъ всякихъ внѣшнихъ для этого средствъ, достигнуть образованія, какого онъ достигъ,—надобно было имѣть глубокое и искреннее стремленіе къ просвѣщенію, къ пріобрѣтенію знанія и къ сообщенію онаго малымъ дѣтямъ. Трудолюбію его здѣсь, видимо, не было предѣловъ; побуждаясь жизнію, а главное—воодушевляемый самымъ дѣломъ обученія, онъ съ одинаковою охотою и легкостію шелъ на это дѣло и въ училище. и въ частные дома, находилъ еще время обучать пѣнію—и все училище, и въ частности — поющій въ этомъ храмѣ хоръ, обязанный ему настоящимъ своимъ развитіемъ; не забудемъ при этомъ, что его ожидала еще забота домашняго обученія собственныхъ дѣтей, которыхъ съумѣлъ онъ поставить на очень хорошій путь въ мѣстныхъ гимназіяхъ. При такой широтѣ труда, покойному присуща была необыкновенная аккуратность въ трудѣ: намъ приходилось бывать свидѣтелями того, какъ онъ самъ прежде всего стѣснялся какою-либо случайно происшедшею неисполнительностью, неаккуратностью. Но, при трудолюбіи и аккуратности, можно быть недостаточно серьезнымъ и добросовѣстнымъ въ трудѣ—дѣлать дѣло какъ-бы для формы: покойный всегда очень серьезно смотрѣлъ на порученныя ему занятія и вполнѣ добросовѣстно велъ ихъ. Онъ сознавалъ и искренно чувствовалъ, что начальная грамотность,—это маленькое оконце въ обширную область добраго знанія, составляетъ основу всякаго дальнѣйшаго человѣческаго просвѣщенія, и относился къ дѣлу начальнаго обученія и воспитанія *«малыхъ сихъ»*, какъ къ дѣлу святому. И все это покрывалось неподражаемою скромностью покойнаго, какъ будто онъ ничего особеннаго и не совершалъ: не навязывалъ онъ никому своихъ опытныхъ мнѣній настойчиво, любилъ болѣе слушать, чѣмъ праздно говорить... Въ веденіи всякаго дѣла необходимо терпѣніе, и если гдѣ необходимо и трудно терпѣніе, то особенно при воспитаніи и обученіи дѣтей: покойный бывалъ и строгимъ въ видахъ дисциплины воспитанія и обученія, что являлось послѣ долгаго терпѣнія, послѣ безуспѣшности легкихъ мѣръ вразумленія, но и тогда, на училищныхъ совѣтахъ, у него тотчасъ-же сказывалось стремленіе снова терпѣливо взвѣсить проступки и шалости дѣтей, чтобы дать мѣсто участію и снисхожденію къ слабостямъ дѣтской природы. Кому не извѣстны нужды житейскія, которыя, безъ сомнѣнія, ложились тяжкимъ бременемъ на его терпѣніе, особенно при томъ ограниченномъ содержаніи, которое получалъ онъ, какъ помощникъ учителя: тихою смертію своею, при видѣ троихъ оставляемыхъ имъ безъ матери малолѣтнихъ сиротъ, онъ запечатлѣлъ свое трудовое поприще высокаго терпѣнія. Дѣй-

ствительно, это былъ подвижникъ въ мірѣ, какъ-бы Іовъ многострадальный, никогда не измѣнявшій своему благодушію; до послѣдняго вздоха на его языкѣ не было слова желчи, слова ропота, отчаянія: только при свѣточѣ святой вѣры возможно такое душевное состояніе! Вотъ оставляемый намъ какъ-бы самимъ покойнымъ очеркъ его свѣтлой личности, сохранимъ его себѣ въ вѣчной памяти; особенно призываю не забывать этотъ нравственный обликъ учителя—бывшихъ и настоящихъ его учениковъ».

Хоронили П. С. Максимова товарищи и везли на Бѣлую Гору по Мстѣ на пароходѣ, безвозмездно для этого предоставленномъ владѣльцемъ парохода, купцомъ Ѳ. А. Забѣлинымъ, дѣтямъ котораго Максимовъ давалъ уроки. Въ селѣ Бронницахъ пароходъ остановился и по отслуженіи мѣстнымъ протоіереемъ надъ усопшимъ панихиды, толпы народа изъ Бронницы и изъ Естьянъ стали прощаться съ покойнымъ. Это прощаніе было чрезвычайно трогательно,—въ немъ выражалось какое-то родственное чувство къ бывшему учителю: тутъ были и, старый и малый и много было пролито непритворныхъ слезъ сожалѣнія; а въ Бѣлой Горѣ надъ могилою покойнаго учителемъ-инспекторомъ Новгородскаго городскаго 3-хъ-класснаго училища было сказано нѣсколько горячихъ товарищескихъ словъ, и между прочимъ слѣдующія:

«Чувствуется, что не простое любопытство привлекло народъ ко гробу нашего товарища, а одно искреннее желаніе въ послѣдній разъ взглянуть на него и помолиться за упокой души его: великая честь такому скромному труженику, какимъ былъ покойный! Народная любовь и уваженіе пріобрѣтаются не легко, — они выпадаютъ на долю только людей, выдающихся своими дарованіями и за высокія заслуги. Мало быть порядочнымъ человѣкомъ, чтобы заслужить народную любовь, — для этого необходима жертва. Такъ, кто служитъ Богу и мамонѣ, никогда не заслужитъ любви народа. Чѣмъ-же заслужилъ ее покойный Петръ Степановичъ? Что онъ дѣлалъ для народа? Чѣмъ онъ жертвовалъ для него? Заслуга его состоитъ въ томъ, что въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ онъ сѣялъ знанія среди народа, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ онъ пробуждалъ въ немъ «чувства добрыя». Онъ не только научилъ сотни дѣтей грамотѣ, но заботился и о томъ, чтобы подготовить эти сотни будущихъ гражданъ къ разумной общественной жизни; заботился, чтобы и взрослые его односельчане и сосѣди ихъ шли въ своей жизни по правому пути, жили по божески. Онъ зналъ, какъ вести свое дѣло, онъ хорошо съумѣлъ выполнить его. Никакія лишенія, никакія препятствія не могли отклонить его отъ намѣченной имъ доброй цѣли. Ему пришлось переносить бѣдность, жить въ тѣснотѣ и духотѣ, и онъ забывалъ собственныя невзгоды, стремясь устранить ихъ отъ другихъ, крѣпко держа наше знамя. Онъ работалъ безъ отдыха, просвѣщалъ, не щадя ни силъ, ни здоровья. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ и убилъ себя на работѣ,—онъ принесъ себя въ жертву народному дѣлу. Онъ оставилъ безъ средствъ своихъ горячо любимыхъ дѣтей; онъ не служилъ мамонѣ, онъ

служилъ одному истинному Богу. Онъ достоинъ настоящихъ почестей, достоинъ вѣчной памяти въ своемъ отечествѣ. Миръ праху твоему, честный, свѣтлый человѣкъ! Да послужишь ты и намъ примѣромъ неуклоннаго стремленія къ правдѣ и добру и стойкости въ трудѣ на пользу ближняго».

Въ заключеніе было прочитано надъ могилою мое стихотвореніе, написанное мною подъ непосредственнымъ глубокимъ впечатлѣніемъ смерти П. С. Максимова.

И. Можайской.

Новгородъ.
Май 1890 года.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Къ вопросу о книгѣ въ жизни нашихъ дѣтей и юношества.

И я читаю. Сборникъ коротенькихъ разсказовъ для дѣтей, начинающихъ читать, составленный кружкомъ матерей. Съ 44 большими картинками и 81 рисункомъ въ текстѣ. Изд. тов. М. О. Вольфъ. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к. 216 стр.

Съ сѣвера на югъ. Путевыя воспоминанія стараго журавля. Н. Н. Каразина. Роскошное изданіе, богато иллюстрированное авторомъ. Изд. А. Ф. Девріепа. Спб. 1890 г. Ц. 5 р. 192 стр.

Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и разсказы М. Н. Богданова, проф. Спб. университета. Спб. 1889 г. Ц. 2 руб. 50 к. 434 стр.

Исторія маленькой дѣвочки. Повѣсть для юношества Е. Сысоевой (2-е изданіе) съ 44 рисунками В. А. Табурина и др. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 387 стр.

Любовь правдой крѣпка. Повѣсть для юношества В. П. Желиховской съ 28 рисунками В. А. Табурина. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 235 стр.

Изъ давняго прошлаго. Очерки и картинки быта польской Украйны, XVIII ст. А. П. Смирнова съ 17 рисунками Е. Е. Баумгартена. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 75 к. 316 стр.

Юрій Збигонь, молодой чехъ. Повѣсть для юношества М. Лялиной. Съ 13 рисунками Е. Е. Баумгартена. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 204 стр.

Эндрикъ Мореплаватель. Разсказъ для юношества проф. И. Ф. Ходжетса. Пер. съ англійскаго А. Волховской. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 227 стр.

Скромные подвиги. Разсказъ для юношества В. И. Немировича-Данченко. Съ рисунками художниковъ Левченко, Далькевича и др.

Роскошное изданіе на веленевой бумагѣ. Изд. тов. М. О. Вольфъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к. стр.

I.

Укажите хорошую книгу для маленькихъ дѣтей. Есть-ли такія книги въ нашей дѣтской литературѣ? Почему книги, издаваемыя для малолѣтокъ, такъ плохи, такъ мало удовлетворяютъ насъ? Вотъ вопросы, которые каждому, такъ или иначе причастному дѣлу воспитанія, приходится задавать себѣ и слышать отъ другихъ. Отвѣты получаются сбивчивые, ничего не разрѣшающіе, и ходимъ мы кругомъ да около поставленныхъ вопросовъ. Болѣе пытливые и настойчивые изъ вопрошающихъ неизбѣжно придутъ на этомъ пути и къ такимъ вопросамъ: слѣдуетъ-ли и возможно-ли писать книги для дѣтей такого возраста? Что можетъ и должно служить содержаніемъ для такихъ книгъ? Для лицъ, серьезно поставившихъ себѣ такіе вопросы, откроется новая точка зрѣнія, отъ которой имъ несомнѣнно удастся дойти до правильнаго рѣшенія. Естественно явятся слѣдующія мысли и соображенія. Мы перестали удовлетворяться книжками, прежде написанными и теперь еще фабрикуемыми для малютокъ, потому что мы сами, взрослые, выросли и поумнѣли. Мы чувствуемъ непригодность стараго матеріала, но не умѣемъ ясно формулировать, чего ищемъ, чего хотимъ, потому что еще недостаточно знаемъ основы душевной жизни ребенка, ходъ ея развитія.

И не только мы, большинство, но и наиболѣе подготовленное меньшинство—спеціалисты, педагоги, психологи, врачи. Давно-ли душевная жизнь ребенка съ первыхъ ея часовъ сдѣлалась предметомъ научнаго изученія? Могъ-ли быть собранъ въ этой области достаточный матеріалъ для какихъ-либо выводовъ, когда до сихъ поръ еще въ полной силѣ старый обычай поручать уходъ за ребенкомъ въ первые два-три года его жизни совершенно невѣжественнымъ людямъ? Въ послѣднее время все большее и большее число матерей начинаетъ ограничивать власть нянекъ и дѣлить съ ними трудъ ухода за ребенкомъ, но лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ ребенокъ съ первыхъ минутъ рожденія пользуется исключительно уходомъ образованныхъ людей. Кто-же могъ тутъ заниматься наблюденіями? Этой ошибкѣ въ семейномъ воспитаніи отвѣчаетъ недостаточно важное мѣсто, удѣляемое психологіи ранняго, до-школьнаго возраста, въ нашемъ педагогическомъ образованіи.

Однако, какъ ни недостаточны пока указанія науки, они уже

успѣли пролить свѣтъ на извѣстныя стороны жизни ребенка. Такъ, наука съ достаточной ясностью освѣтила намъ значеніе игры и забавы въ психической жизни ребенка, убѣдительно указала на нее, какъ на важнѣйшее орудіе для его умственнаго развитія въ первомъ періодѣ дѣтства *).

Воспользовалась-ли семья этими важными указаніями? Педагогическія воззрѣнія на этотъ предметъ, царившія еще въ дѣтскихъ, въ которыхъ росло поколѣніе «отцовъ и матерей», формулировалось въ несложномъ афоризмѣ «чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось, лишь-бы не плакало». Игра и забава признавалась не только неотъемлемымъ правомъ дѣтей, но и спасительнымъ средствомъ, избавляющимъ взрослыхъ отъ плача, капризовъ и требовательности маленькихъ тирановъ. О разборчивости не было и рѣчи: забавой служилъ и каждый неодушевленный предметъ изъ окружающей обстановки, и одушевленныя жертвы въ видѣ животныхъ и малолѣтнихъ представителей крѣпостной дворни и, наконецъ, ѣда, одно изъ употребительнѣйшихъ успокоительныхъ средствъ и времяпрепровожденій. Измѣнившійся экономическій строй жизни семьи и повышеніе образовательнаго уровня родителей должны были сильно отразиться на патріархальныхъ порядкахъ дѣтской, а Фребель съ своей системой игръ и занятій производилъ совершеннѣйшій погромъ всюду, куда проникалъ. Ученіе Фребеля и его рецепты игръ и забавъ сослужили свою службу, но не вывели насъ, однако, на настоящую дорогу.

Въ ихъ основу былъ положенъ вѣрный, но недостаточно широко и глубоко захватывающій жизнь съ психологической и бытовой—прежде всего экономической—стороны принципъ **). Владычество педагогическихъ воззрѣній Фребеля прошло, его дары—игрушки заброшены и вопросъ о времяпрепровожденіи ребенка до-школьнаго возраста болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ рѣшеніи или хотя-бы въ правильной постановкѣ. Подъ вліяніемъ указаній гигіены и психологіи у насъ уже начинаютъ выясняться теоретическія представленія объ условіяхъ, необходимыхъ для нормальнаго хода развитія ребенка въ первые годы жизни. Въ теоріи, въ идеалѣ—деревенскій просторъ, близость къ природѣ, свободная дѣятельная жизнь дѣтей въ обществѣ

---

*) Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства д-ра И. А. Сикорскаго. Спб. 1884 г. III. Развитіе разсудка. Игры и забавы, какъ орудіе развитія мыслительности, стр. 97—127.

**) Destinée sociale. Victor Considérant. T. III, p. 472—478 и passim.

Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи дѣтей. А. и Я. Симоновичъ. С.-Петербургъ, 1874 г., 2 т. (144 стр. 1 т. и passim).

сверстниковъ; въ дѣйствительности—болѣе или менѣе тѣсная городская квартира, одиночество (если въ семьѣ нѣтъ сверстниковъ), однообразіе впечатлѣній жизни въ достаточной или полуобезпеченной семьѣ, жалкіе суррогаты природы (дачи, скверы). При такой обстановкѣ вопросъ о томъ, чѣмъ наполнить жизнь ребенка является по истинѣ трагическимъ.

И книга, чтеніе, какъ средство, парализующее въ ребенкѣ естественное, неудержимое стремленіе къ дѣятельности, игрѣ, получаетъ въ нашемъ теперешнемъ педагогическомъ обиходѣ совершенно неподобающее ей мѣсто. Постараемся-же проникнуться сознаніемъ, что въ жизни ребенка до-школьнаго возраста книга терпима только при данныхъ условіяхъ жизни интеллигентныхъ семей и то какъ неизбѣжное зло. Такъ что-же читать маленькимъ дѣтямъ? Было время, и еще не такъ давно, когда мы вовсе не были разборчивы: всякаго рода сказки и фантастическіе разсказы, нравоучительныя повѣсти, комико-сатирическій жанръ (Степка-Растрепка и т. п.) составляли неотъемлемое, всѣми признанное достояніе дѣтской литературы. Съ тѣхъ поръ критика воздвигла гоненіе на всѣ эти произведенія. Мнѣнія ея теоретически раздѣляются большинствомъ родителей и воспитателей, но практически мы мало подвинулись впередъ: мы такъ-же неразборчиво пользуемся старыми сказками, ежегодно переиздаемъ и пишемъ вновь сотни нелѣпѣйшихъ нравоучительныхъ разсказиковъ.

И я читаю. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ далеки мы еще отъ умѣнья писать для дѣтей, далеки отъ пониманія дѣтской психологіи, можетъ служить одна изъ видныхъ новинокъ литературы для малютокъ, выпущенная къ Рождеству минувшаго года издательской фирмой М. О. Вольфъ книга «И я читаю». Сборникъ коротенькихъ разсказовъ для дѣтей, *составленный кружкомъ матерей*, роскошное изданіе, напечатана на веленевой бумагѣ крупной печатью, украшена большимъ числомъ виньетокъ и картинъ, изображающихъ крупныя дѣтскія фигуры и головки или сцены изъ дѣтской жизни. Иллюстраціи не отличаются ни оригинальностью замысла, ни талантливостью исполненія, но въ общемъ были-бы удовлетворительны, если-бы не слишкомъ рѣзко бросалось въ глаза ихъ иноземное происхожденіе, лишающее рисунки изъ главной цѣнности для дѣтей—вѣрнаго изображенія *родной* дѣйствительности. Что-же касается содержанія, то вся книга, за исключеніемъ трехъ, четырехъ вещей (всѣхъ разсказовъ въ книгѣ 44), состоитъ изъ типическихъ нравоучительно-сентиментальныхъ произведеній, которыя, какъ мы только-что сказали,

давнымъ-давно осуждены критикой и самими дѣтьми. Грустно думать (если вѣрить заглавію), что разбираемая нами книга есть коллективный трудъ кружка матерей. Не вдаваясь въ подробности, остановимся лишь на наиболѣе характерныхъ разсказахъ, чтобы выяснить, въ какомъ ложномъ свѣтѣ является въ нихъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Прежде всего непріятно поражаетъ то, что въ большинствѣ разсказовъ болѣе или менѣе матеріально цѣнная награда или громкая похвала являются непремѣннымъ ближайшимъ результатомъ всякаго хорошаго поступка и чувства. Образцомъ этого можетъ служить разсказъ «Кто прилежнѣе?» Дѣдушка желаетъ наградить серебрянымъ рублемъ ту изъ внучекъ, которая прилежнѣе учится. Разыгрывается такая сцена. «Дѣдушка, говоритъ Ѳеня, я не могу его взять, *не имѣю права*»—«Нѣтъ, милый дѣдушка, не вѣрь ей, перебиваетъ Катя, она такъ-же прилежна, какъ и я, но она моложе меня и у нея нѣтъ памяти. Она и думаетъ, что я прилежнѣе».—«Славныя вы, честныя дѣти, говоритъ ласково дѣдушка, обнимая внучекъ».

Этимъ и заканчивается разсказъ—остается невыясненнымъ, кому-же достался рубль, кто оказался прилежнѣе? Нужно надѣяться, что на выручку изъ кармана дѣдушки явился второй рубль. Въ этомъ разсказѣ предъ читателями только соревнованіе въ великодушіи; въ другихъ-же раскрывается непроглядная картина всѣхъ несвойственныхъ дѣтямъ страстей и пороковъ—зависти, тщеславія, злорадства, жестокосердія, какъ, напримѣръ, въ разсказѣ «Волшебное колечко», въ которомъ благодѣтельная волшебница даритъ колечко добродѣтельной дурнушкѣ Дашѣ, приводя этимъ въ огорченіе и досаду цѣлую стаю сбѣжавшихся къ ней по зову (въ надеждѣ получить кольцо) порочныхъ дѣтей. Нужно-ли говорить, какъ карикатурна по подробностямъ и низка въ нравственномъ отношеніи такая тема?! Та-же утрировка, то-же грубое подчеркиванье самыхъ тонкихъ оттѣнковъ чувства является и въ лучшихъ разсказахъ, къ какимъ принадлежитъ, напримѣръ, «Никогда не забудется». Бабушка интересно и задушевно передаетъ внукамъ, какъ ребенкомъ она не устояла противъ соблазна взять у торговца незамѣтно лишній листъ цвѣтной бумаги. Всѣ ощущенія, предшествовавшія проступку и слѣдовавшія за нимъ, переданы вѣрно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что нравственная оцѣнка поступка будетъ совершенно вѣрно сдѣлана дѣтьми, но авторъ въ этомъ почему-то усомнился и къ правдивой исповѣди бабушки прибавилъ рядъ совершенно невозможныхъ для дѣтей ощущеній—стыдъ, ужасъ, горе,—вызванныхъ во внукахъ преступленіемъ бабушки.

Не менѣе лживо, слащаво изображаются и отношенія дѣтей къ животнымъ, сюжеты наиболѣе благодарные по несложности психологической подкладки. Дѣвочка въ разсказѣ «За маму» беретъ на свое попеченіе заброшенныхъ котятъ, и объ этомъ простомъ, лично пережитомъ многими изъ маленькихъ читателей фактѣ авторъ считаетъ возможнымъ сказать такую нелѣпость, что дѣвочка становится котятамъ *за маму*, они такъ привыкли къ ней, какъ къ родной мамѣ, а *когда выросли*, *то полюбили ее за доброе сердце*. Въ другомъ разсказѣ идетъ рѣчь про Ваську, кота чернаго. Его постигаетъ печальная участь, онъ отравляется шариками, положенными для мышей. «Вотъ, если-бы онъ не блудилъ—поучаетъ дѣтей няня—слушалъ няню, игралъ-бы съ Мишей, Ваней и Маней, съ нимъ этого не случилось-бы». Къ типичнымъ представителямъ этой-же группы произведеній принадлежитъ и «Колокольчикъ». Въ окно дѣтской смотритъ чудное лѣтнее утро, капризная дѣвочка проснулась поздно и не хочетъ одѣваться. Сестра усмиряетъ ее проповѣдью на тему, что *дѣвочка не должна быть хуже цвѣточка-колокольчика* (который виденъ изъ окна). «Колокольчикъ вѣдь не умѣетъ ни бѣгать, ни говорить»... «Онъ дѣлаетъ, что Богъ ему велитъ... Ему приказано расти, цвѣсти и собирать внутри себя сѣмена... И дѣтямъ тоже велѣно расти и собирать сѣмена, т.-е. учиться всему хорошему и быть послушными». Какъ мало можетъ такая вычурная мораль говорить уму и сердцу ребенка!

Къ каррикатурному, лживому элементу, засоряющему головы дѣтей массой невѣрныхъ представленій, присоединяется еще элементъ *нелѣпо-трагическаго*, безъ всякой нужды и пользы раздражающій нервы дѣтей. Какой педагогическій смыслъ, напримѣръ, въ такомъ разсказѣ, какъ «Сестрица не кукла». Дѣвочкѣ поручаютъ посидѣть у колыбели малютки. Увлекшись своими обязанностями няни, она беретъ на руки сестренку, но не въ состояніи ее удержать: ребенокъ падаетъ и дѣлается горбатымъ. Малолѣтнимъ читателямъ дается чувствовать несчастіе цѣлой семьи и нравственныя страданія его виновницы.

Утѣшимся хоть тѣмъ, что если разбираемая книга есть грѣхъ матерей (чему вѣрить трудно), то не однѣхъ только русскихъ матерей: въ ней ясно видны заимствованія изъ иностранной литературы.

Таковы по содержанію и десятки другихъ книгъ, выпущенныхъ для малютокъ въ послѣднее время. Одно перечисленіе ихъ заглавій заняло-бы слишкомъ много мѣста.

Да, браться за изображеніе для дѣтей дѣтской жизни могутъ

только выдающіеся таланты. Но, очевидно, и для нихъ дѣтская душа еще потемки, а потому и воспроизведеніе ея проявленій—задача трудная и неблагодарная.

Отъ разсказовъ изъ дѣтской жизни обратимся къ другому роду литературы для дѣтей—*сказкѣ*. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой богатый запасъ безспорно художественныхъ произведеній, какъ народнаго, такъ и индивидуальнаго творчества. Кромѣ художественности, за нимъ и другое важное достоинство: дѣти слушаютъ и читаютъ сказки съ увлеченіемъ. И тѣмъ не менѣе и передъ этимъ богатствомъ люди, серьезно занятые вопросомъ о нормальной духовной пищѣ для маленькихъ дѣтей, останавливаются въ нерѣшительности, въ сомнѣніи: могутъ-ли наши слабыя дѣти безъ вреда переживать ту массу сильныхъ и разнообразныхъ ощущеній, которыя дадутся имъ сказкой? Литература въ лицѣ авторитетныхъ представителей много разъ вполнѣ опредѣленно высказывалась о пользѣ и вредѣ сказокъ для дѣтей. Но мнѣнія эти такъ противорѣчивы, что нѣтъ никакой возможности, основываясь только на нихъ, придти къ какому-либо окончательному выводу.

Для характеристики противоположныхъ взглядовъ на занимающій насъ вопросъ позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ:

«Ребенокъ—говоритъ врачъ-педагогъ Симоновичъ—привыкшій къ сверхъестественному, сказочному, не можетъ имѣть настоящей любви къ природѣ. Послѣдняя съ своими обыкновенными явленіями перестаетъ быть стимуломъ для слишкомъ возбужденнаго мозга дитяти. Она теряетъ для него всѣ свои прелести и становится недостойнымъ его вниманія. Такой ребенокъ постоянно носится въ высшихъ, заоблачныхъ сферахъ. Онъ имѣетъ самыя превратныя понятія о природѣ. Змѣя превращается въ волка, а дерево—въ цѣлый дворецъ съ комнатами; деньги достаются подъ вліяніемъ магическаго жезла; отцы вытаскиваютъ мертвыхъ дѣтей изъ прудовъ и т. д. Какъ отравляютъ эти сказки жизнь ребенка! Онѣ дѣйствуютъ на него точно такъ, какъ пріемы опіума на взрослаго: процессъ слушанія сказки очень пріятенъ, потому что сильно раздражаетъ дѣтское воображеніе, но вліяніе его губительно; сказки кладутъ печать на всю жизнь человѣка».

Но какой правдой звучитъ и такое мнѣніе:

«Въ загадочной глубинѣ волшебнаго, куда устремлены эти пытливые или оторопѣлые, но ожидающіе глаза, мелькаетъ заманчивый міръ, полный образовъ, гдѣ просторно, легко, жутко и весело, гдѣ намекаются тайны, возвышающія душу, гдѣ обѣщается свобода,

добро и общая радость, гдѣ тихо, величаво встаетъ идеалъ правды—еще неопредѣленный, еще не вполнѣ понятный, но свѣтлый, дорогой, влекущій...» (В. Крестовскій-псевдонимъ).

Какой сильный доводъ въ защиту сказки приводитъ педагогъ—ученый Музеусъ:

«Наклонность къ чудесному глубоко коренится въ душѣ человѣка, и исторгнуть ее невозможно. Человѣкъ такъ созданъ, что одной дѣйствительности ему мало: его безконечная дѣятельность въ сферѣ предположеній уноситъ его въ пространство. Что сталось-бы съ нашими мыслителями и поэтами безъ этого драгоцѣннаго дара?»

Для рѣшенія судьбы сказокъ въ дѣтской литературѣ намъ несомнѣнно можетъ помочь только одно—наблюденія, наблюденія воспитателей надъ дѣтьми и воспоминанія взрослыхъ о лично пережитомъ.

Сколько цѣнныхъ указаній представили-бы отвѣты, данные значительнымъ числомъ лицъ, хотя-бы на слѣдующіе вопросы:

1) Съ какого возраста помните вы себя читающимъ или слушающимъ чтеніе?

2) Назовите первую, произведшую на васъ сильное впечатлѣніе, книгу и охарактеризуйте это впечатлѣніе?

3) Какого рода книги составляли въ раннемъ возрастѣ ваше любимое чтеніе?

4) Какое впечатлѣніе производили на васъ сказки и считаете-ли вы ихъ чтеніе полезнымъ или вреднымъ?

Не мало данныхъ нашлось-бы и въ біографіяхъ и автобіографіяхъ выдающихся людей.

Остается упомянуть еще объ одномъ родѣ произведеній для дѣтей, пользующемся меньшей извѣстностью, чѣмъ выше охарактеризованные, но имѣющемъ полное право стоять съ ними рядомъ. Это—разсказы, знакомящіе съ природой, по формѣ и характеру изложенія напоминающіе и басню и сказку. Лучшими представителями этого отдѣла литературы для малолѣтнихъ являются «Первые разсказы изъ естественной исторіи» Германа Вагнера и «Мірскіе захребетники» покойнаго профессора М. Богданова *).

---

*) Первые разсказы изъ естественной исторіи Германа Вагнера. Переводъ В. Висковатова, 6-е изд. Спб. 1885 г. Изд. П. В. Луковникова въ 3-хъ самостоятельныхъ частяхъ. Цѣна каждой 1 руб. Мірскіе захребетники. Очерки изъ быта животныхъ, селящихся около человѣка. Проф. М. Н. Богданова. 2-е изд. Спб. 1888 г. Цѣна 1 руб.

Не придется-ли всѣмъ другимъ книгамъ уступить этому роду произведеній первое мѣсто въ дѣтской библіотекѣ?

Недостаточно оцѣнены воспитателями и картинные атласы изъ области естествознанія и географіи. О томъ, какъ малъ на нихъ спросъ, можетъ свидѣтельствовать то, что единственныя въ этомъ родѣ изданія фирмы М. О. Вольфъ помѣчены 1865, 1870 и 1873 гг. и до сихъ поръ не требовалось повторенія этихъ изданій *).

Правда, атласы эти непомѣрно дороги (составлены-же они изъ дешевыхъ картинъ нѣмецкаго производства), но такой атласъ можетъ замѣнить ребенку десятки другихъ книгъ и служить много лѣтъ. Приходилось знавать дѣтей, для которыхъ онъ являлся неизмѣннымъ любимымъ товарищемъ отъ трехлѣтняго возраста до среднихъ классовъ гимназіи.

При теперешнемъ богатствѣ нашемъ прекрасными иллюстрированными популярно-научными сочиненіями и усовершенствованіяхъ техники въ изготовленіи картинъ существуетъ полная возможность имѣть несравненно болѣе совершенныя и дешевыя пособія въ этомъ родѣ. Но очевидно на нихъ нѣтъ спроса. А почему?

И дѣти, и авторитетные педагоги сходятся въ оцѣнкѣ вышеуказаннаго матеріала, знакомящаго съ природой. Но въ послѣднее десятилѣтіе имъ несравненно менѣе пользовались, чѣмъ прежде. Остается пожелать, чтобы, въ интересахъ дѣтей, молодые воспитатели ознакомились со всѣмъ тѣмъ, что такъ основательно было высказано по этому вопросу нашей педагогической литературой лѣтъ двадцать тому назадъ.

II.

Отъ литературы для маленькихъ дѣтей перейдемъ къ литературѣ для дѣтей старшаго возраста и юношества. Остановимся главнымъ образомъ на новинкахъ этого отдѣла, появившихся передъ Рождествомъ минувшаго года.

---

*) Міръ въ картинахъ. Животное и растительное царства всѣхъ поясовъ земли съ текстемъ Г. Вагнера. 24 таблицы рисунковъ. Изд. М. О. Вольфъ 1870 г. Ц. 3 р. 50 к.

Міръ въ картинахъ. Краткое изображеніе главнѣйшихъ предметовъ изъ естествознанія и исторіи. Изд. М. О. Вольфъ. 1865 г. Съ текстомъ (отдѣльная книга) Д. Д. Семенова. Ц. 3 р. 50 коп.

Міръ въ картинахъ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 120 рисункахъ съ текстомъ А. Разина. Изд. М. О. Вольфа. Спб., 1873 г. Ц. 3 р. 50 к.

Съ сѣвера на югъ. Изъ жизни русской природы. Авторъ книги «Съ сѣвера на югъ», извѣстный писатель и художникъ, взялъ на себя не легкую задачу устами стараго бывшаго журавля ознакомить читателя съ жизнью и природой тѣхъ странъ (отъ верховьевъ Волги до верховьевъ Нила), надъ которыми совершаютъ ежегодно перелетъ журавли.

Задача выполнена удачно, разсказъ интересенъ и сообщаетъ много разнообразныхъ свѣдѣній, но не обычная и не совсѣмъ удобная для читателя точка зрѣнія наблюдателя—съ высоты птичьяго полета и окраска, придаваемая всѣмъ предметамъ особенностями журавлинаго міровоззрѣнія, не могли не сдѣлать разсказа до извѣстной степени искусственнымъ.

Главнымъ достоинствомъ книги являются прекрасныя художественныя иллюстраціи автора. Онѣ несомнѣнно должны произвести сильное и цѣнное впечатлѣніе на юнаго читателя, заключеннаго въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ въ тѣсныхъ стѣнахъ городской квартиры или учебнаго заведенія: онѣ унесутъ его за предѣлы узкаго горизонта повседневной жизни, но не въ тѣ небывалыя страны, куда уноситъ сказка, а откроютъ передъ нимъ просторъ степей, ширь моря, красоты природы сѣвера и юга.

Оцѣнивая такимъ образомъ педагогическое значеніе разбираемой книги, мы не можемъ не вспомнить о другомъ произведеніи нашей литературы для юношества, которому съ указанной точки зрѣнія должно принадлежать первенствующее мѣсто. Разсказы бывшаго журавля съ пользой расшевелятъ чувство и воображеніе читателя, заставятъ его заглянуть туда, гдѣ ему, быть можетъ, никогда не удастся побывать; очерки нашего зоолога-художника возбудятъ здоровую любознательность,—любовь и интересъ къ жизни русской природы, отъ которой мы своей системой воспитанія такъ неразумно удаляемъ нашихъ дѣтей. Книга М. Н. Богданова не пользуется у насъ достаточной извѣстностью, она еще не оцѣнена вполнѣ ни школой, ни семьей. Всѣ мы скорбимъ о нервности, безхарактерности, физической и духовной вялости нашего юношества, а что дѣлаемъ мы для борьбы съ этимъ разъѣдающимъ молодыя жизни недугомъ? Если-бы мы серьезно о немъ думали, то возможно-ли было-бы отсутствіе въ нашихъ воспитательныхъ программахъ или, вѣрнѣе, *обычаяхъ и обрядахъ* заботъ о сближеніи дѣтей и юношества съ природой, о томъ, чтобы воспользоваться этимъ могучимъ воспитательнымъ факторомъ? Вліяемъ-ли мы въ этомъ направленіи посредствомъ книги и бесѣды? Въ обычаѣ-ли у насъ прогулки, экскурсіи, путешествія цѣлыхъ

школъ или хотя-бы группъ дѣтей и юношей подъ руководствомъ старшихъ? Поколѣніе «отцовъ» еще выростало или въ родныхъ усадьбахъ, болѣе или менѣе обширныхъ «Монрепо» или въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, такъ недавно еще мало отличавшихся отъ селъ и деревень, затерянныхъ среди полей и лѣсовъ. Жизнь ушла впередъ. Привольное дѣтское житье въ родовыхъ «Монрепо» и даже скромныхъ родныхъ усадьбахъ стала достояніемъ исторіи, «дѣти» знакомятся съ ней теперь уже по книгамъ, да по разсказамъ отцовъ и матерей. Города-села стали или становятся настоящими городами. Вокругъ нихъ, гдѣ «отцы» дѣтьми и юношами бродили съ ружьемъ, силками и другими дѣтскими затѣями, среди приволья рощъ и луговъ выросли всякаго рода увеселительныя *загородныя* заведенія и тѣсные ряды дачъ. Да, взамѣнъ утраченнаго явилась *дача*. Благо-ли она или неизбѣжное зло для взрослыхъ—это вопросъ, не подлежащій здѣсь нашему обсужденію; но что она не благо для дѣтей и юношей—не требуетъ доказательствъ. Пусть-же семья и школа поставятъ себѣ серьезной задачей возмѣщать дѣтямъ то, что отнято у нихъ новыми условіями жизни. На Западѣ давно тѣсно, давно города и села стали сливаться въ почти непрерывныя вереницы, а дѣти и юношество, благодаря правильнымъ педагогическимъ взглядамъ, не утратили любви къ природѣ и возможности пользоваться ея животворнымъ вліяніемъ для здоровья душевнаго и тѣлеснаго. А у насъ-то—ширь Волги и Днѣпра, дикія красоты Финляндіи и береговъ Ладожскаго озера, лѣсная глушь съ живописно-пріютившимися въ ней обителями, Крымъ, Кавказъ... Намъ возразятъ, что прогулки, путешествія требуютъ средствъ, и большихъ средствъ. Не въ средствахъ дѣло! Тратятъ-же сотни семействъ громадныя деньги на роскошныя дачи, на пребываніе въ дорогихъ гостинницахъ модныхъ центровъ Крыма и Кавказа безъ всякой пользы для дѣтей, которыя дальше людного парка или пыльнаго бульвара ничего не видятъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проводятъ лѣто съ родителями. Примѣромъ незатѣйливости, осуществимости путешествій съ дѣтьми и богатства доставляемыхъ ими цѣнныхъ впечатлѣній можетъ служить отчетъ «о походѣ въ Нилову пустынь» извѣстнаго бывшаго профессора Рачинскаго съ учениками его народной школы *).

Исторія маленькой дѣвочки. Любовь правдой крѣпка. Лучшимъ доказательствомъ того, что для взрослаго человѣка является *пока*

---

*) См. «Русскій Вѣстникъ» 1887 г., №№ 11 и 12 и отд. брошюра «Походъ въ Нилову пустынь». Спб. 1888 г. Ц. 20 к.

непосильной задачей изображеніе душевной жизни ребенка-малолѣтка служитъ то, что всѣ талантливыя описанія дѣтской жизни начинаются съ того возраста, въ которомъ взрослый человѣкъ отчетливо помнитъ себя самого, а содержаніемъ для такихъ описаній служитъ главнымъ образомъ матеріалъ автобіографическій (Дѣтство Багрова внука, Дѣтство и отрочество). Къ числу лучшихъ книгъ этого рода безспорно принадлежитъ и «Исторія маленькой дѣвочки» Е. А. Сысоевой, вышедшая передъ Рождествомъ вторымъ изданіемъ. Большинству лицъ, слѣдившихъ за дѣтской литературой, эта книга давно знакома (1-е изданіе появилось въ 1875 г.), тѣмъ-же, которые ее не читали, остается только пожелать поскорѣе это сдѣлать. Нѣтъ никакой возможности передать въ немногихъ словахъ ея содержаніе. Это талантливое и всестороннее изображеніе жизни ребенка въ обстановкѣ русскаго помѣщичьяго быта 1840—1850 гг., воспроизведенной съ большимъ искусствомъ и тонкимъ до мелочей пониманіемъ. Передъ читателями цѣлая галлерея живыхъ фигуръ взрослыхъ и дѣтей, цѣлый строй людскихъ отношеній. И въ группировкѣ всего этого разнообразнаго матеріала нѣтъ ни малѣйшей искусственности, тенденціозности: все здѣсь просто, умѣстно, глубоко и вѣрно.

Совершенно иное впечатлѣніе оставляетъ повѣсть «Любовь правдой крѣпка». Было время, когда всякій «интересный» романъ долженъ былъ имѣть въ основѣ своей фабулы что-либо *таинственное*, *необыкновенное*. Пріемъ этотъ давно оставленъ въ литературѣ для взрослыхъ и совершенно непонятно, для чего понадобилась опытному автору *семейная тайна* въ повѣсти для юношества изъ современной жизни.

Неужели жизнь наша не богата дѣйствительными тайнами, серьезными задачами, надъ которыми стоитъ остановиться пытливой молодой душѣ? Описываемое происходитъ на Кавказѣ. Счастье бездѣтной баронессы Крюгеръ построено на томъ, чтобы взятая ею на воспитаніе дѣвочка сирота, дочь князя Джорлани, выростала, не зная того, что она баронессѣ не родная дочь. Но—любовь правдой крѣпка. Баронесса только тогда доживаетъ до счастья быть любимой своей дочерью, когда тайна происхожденія разоблачается. Въ книгѣ есть недурныя страницы, но ложное основаніе отразилось на всемъ.

Да, наша русская жизнь измѣнилась, кореннымъ образомъ измѣнилась и пошла по новымъ путямъ и тропинкамъ. И переходъ этотъ совершился на памяти еще не состарившагося поколѣнія. Не только въ произведеніяхъ Пушкина и Гоголя, но и въ произведеніяхъ Тургенева, Л. Толстого, Гончарова и отчасти Щедрина русская жизнь

уже *исторія* для нашего юношества 1880—1890 годовъ. Недавнее прошлое миновало, и къ нему нѣтъ возврата; но мы и дѣти наши плоть отъ плоти его, прямые наслѣдники имъ завѣщанныхъ силъ и слабостей. Такъ надо-же намъ знать свое наслѣдство, умѣть имъ пользоваться, такъ какъ отказаться отъ него не въ нашей волѣ. Произведенія нашихъ публицистовъ-художниковъ (Г. И. Успенскій и др.) проливаютъ яркій свѣтъ на эту задачу, но они доступны лишь взрослой части молодаго поколѣнія, достояніе-же болѣе юной—только *исторія* въ художественныхъ образахъ недавно минувшаго, созданныхъ художниками-беллетристами. А между тѣмъ и эта юная часть молодаго поколѣнія не устранена и не можетъ быть устранена отъ работы надъ той серьезной жизненной задачей, о которой только-что было сказано выше. И какъ слаба помощь, оказываемая въ этой важной сторонѣ ихъ молодой жизни нами, взрослымъ поколѣніемъ, воспитателями. Такъ и слышится возраженіе: да неужели въ наши воспитательныя программы нужно вносить какіе-то уроки житейской морали? А почему и не такъ,—только не уроки морали, а тщательно, глубоко обдуманныя, безъ лицемѣрія подобранныя данныя, которыя помогали-бы воспитываемымъ въ выработкѣ правильныхъ нравственныхъ воззрѣній на отношенія къ людямъ, на свое мѣсто и назначеніе въ жизни. У поколѣнія *отцовъ* былъ десятками лѣтъ сложившійся строй воззрѣній и отношеній, до дѣтей этотъ строй не дожилъ, и имъ приходится вырабатывать нравственную основу своихъ отношеній въ сутолокѣ современной жизни, среди самыхъ противорѣчивыхъ мнѣній, подъ сильнымъ давленіемъ охватившей жизнь всего интеллигентнаго класса борьбы за существованіе. Большинству *отцовъ* на порогѣ юношескаго возраста не приходилось задумываться надъ вопросомъ: на что я буду жить? Въ поколѣніи *дѣтей* съ самаго ранняго возраста поражаетъ практичность, желаніе найти дорогу *къ выгодной работѣ*, *хорошей службѣ*.

Таковы уроки мудрости, сообщаемые житейской сутолокой, и противовѣсомъ имъ могутъ служить только нравственные идеалы. Разсчитывать, что юноша самъ розыщетъ ихъ на торжищѣ жизни, мы, взрослое поколѣніе, воспитатели, не имѣемъ никакого основанія: мы обязаны сдѣлать это сами.

Не выполнена будетъ трудная задача, если юноша будетъ введенъ руководителемъ лишь въ заоблачную высь вѣчныхъ истинъ, вѣчныхъ идеаловъ правды и добра; нѣтъ, онъ долженъ быть его вѣрнымъ спутникомъ и въ *низменной сферѣ дѣйствительности*, долженъ помогать ему разбираться въ массѣ разнообразныхъ впечатлѣній (ко-

нечно, не одной личной жизни), долженъ направить его на тѣсную негладкую тропу...

Изъ давняго прошлаго. Существуетъ мнѣніе, что историческій романъ или повѣсть не можетъ быть высоко художественнымъ произведеніемъ. Большинство произведеній этого рода можетъ служить только подтвержденіемъ этого мнѣнія; но есть вѣдь и исключенія. Имѣемъ-же мы «Тараса Бульбу», «Войну и миръ». Наиболѣе художественными являются тѣ историческіе романы, которыхъ *герои только люди своего времени,* а не крупныя историческія фигуры. Тою-же особенностью отмѣчена и вся историческая беллетристика, написанная для юношества.

Въ разсказѣ «Изъ давняго прошлаго» нѣтъ историческихъ личностей, но много цѣннѣйшихъ чертъ какъ внутренней, такъ и внѣшней жизни людей правобережной Украйны XVIII вѣка.

Всѣ фигуры, появляющіяся въ разсказѣ, даже такъ называемыя лица безъ рѣчей, аксесуары картины—полны жизни и экспрессіи. Да, это сама дѣйствительность, живые люди, а не манекены, которыхъ мы привыкли встрѣчать въ историческихъ повѣстяхъ. Главное лицо разсказа—8—13-лѣтній сынъ польскаго помѣщика. Читатель переживаетъ съ нимъ дѣтскіе годы въ привольной обстановкѣ родоваго помѣстья, слѣдуетъ за нимъ въ Кіевъ, въ католическую коллегію, переноситъ всю тяжесть ея безчеловѣчныхъ лицемѣрныхъ воспитательныхъ обрядовъ, переживаетъ всѣ разнообразныя впечатлѣнія, изъ которыхъ въ польской благородной душѣ ребенка-юноши складываются основы его нравственнаго міросозерцанія, наконецъ, дѣлается вмѣстѣ съ нимъ свидѣтелемъ и даже участникомъ той страшной драмы историческаго возмездія, которая разыгрывается въ краѣ во времена гайдамачины. Авторъ, какъ видно, хорошо воспользовался многими историческими источниками и пособіями. Не менѣе серьезно отнесся онъ и къ психологической части своей работы. Позволимъ себѣ указать лишь на одну, непріятно давшую себя почувствовать невѣрность. Полная глубокаго драматизма и правды сцена въ тюрьмѣ между Павлюкомъ и пришедшимъ освободить его юношей нѣсколько растянута, и послѣдній аккордъ въ ней звучитъ фальшиво. Юноша горячо убѣждаетъ Павлюка, страшнаго предводителя гайдамаковъ не проливать больше крови и идти замаливать свои грѣхи въ монастырь; но старикъ, по словамъ автора, съ глубокимъ удивленіемъ слушаетъ юношу, очевидно не понимая его. Не говоря о томъ, что такой исходъ въ теченіе многихъ вѣковъ является психологически-естественнымъ заключеніемъ жизни во всей христіанской Европѣ, но и въ

жизни Украйны описываемаго времени въ частности это оказалось-бы подвигомъ не случайнымъ или единичнымъ, а явленіемъ, глубоко коренящимся въ обычаѣ. Исторія сохранила намъ десятки именъ суровыхъ запорожскихъ рыцарей, окончившихъ жизнь въ монастырѣ и принесшихъ въ даръ уважаемой обители или другому учрежденію, посвященному гуманно-просвѣтительнымъ цѣлямъ, всѣ богатства, пріобрѣтенныя оружіемъ въ теченіе бурной жизни. Вообще замѣтно, что польская старина знакома автору лучше, чѣмъ старина украинская. Но нѣкоторые недостатки не могутъ помѣшать книгѣ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ библіотекѣ юноши и воспитателя, прибавимъ мы, рядомъ съ двумя другими лучшими изъ намъ извѣстныхъ книгъ: «Принцъ и нищій» Марка Твэна и «Дневникъ школьника» Де-Амичиса.

Юрій Збигонъ и *Эндрикъ Мореплаватель* также новинки къ минувшему Рождеству. Содержаніе первой переноситъ насъ въ Чехію временъ Гуса. Повѣсти предпослано введеніе, знакомящее съ исторіей Чехіи. Въ повѣсти, кромѣ историческихъ фактовъ и бытовыхъ подробностей, довольно искусно, но замѣтно механически соединенныхъ въ цѣлое, мы находимъ маловѣроятную исторію разоблаченія тайны происхожденія героя разсказа Юрія или Иржика. Лучшія страницы книги—описаніе суда надъ Гусомъ и его казни.

Источники, по которымъ написана повѣсть объ Эндрикѣ Мореплавателѣ—извѣстныя сказанія объ Эйрихѣ Красномъ и о Торфоннѣ Карльзефни. За научную вѣрность сообщаемаго ручается имя автора —профессора Ходжетса. Книга знакомитъ въ рѣзко выраженныхъ чертахъ съ бытомъ скандинавовъ Исландіи X вѣка, открывшихъ Америку за 500 лѣтъ до Колумба. На читателя такія фигуры, какъ герои разсказа, должны производить то-же впечатлѣніе, что и одѣтые по всѣмъ указаніямъ науки манекены въ историческихъ музеяхъ: интересно, любопытно, но какъ-то мало говоритъ чувству и воображенію.

Обѣ книги, во всякомъ случаѣ, окажутся полезными для расширенія и углубленія историческихъ знаній юныхъ читателей.

Скромные подвиги. Литературный вкусъ у юношества теперь несравненно болѣе развитъ, чѣмъ было то въ наше время, и этимъ оно обязано, главнымъ образомъ, не нашимъ воспитательнымъ заботамъ, а большей доступности литературы,—открытію общедоступныхъ библіотекъ, появленію дешевыхъ изданій лучшихъ произведеній какъ нашей, такъ и западно-европейской литературы и отмѣнѣ строго соблюдавшагося ранѣе запрета читать что-либо, кромѣ книгъ, спеціально для дѣтей написанныхъ. Послѣднимъ, т.-е. запретомъ, далеко отодви-

галась возможность знакомиться съ произведеніями первоклассныхъ писателей, а въ то-же время литературные вкусы юныхъ читателей и въ особенности читательницъ портились образцами всякаго рода бездарнѣйшаго писательства.

Признавая всю важность ранняго знакомства съ богатствами литературы, нельзя не придавать въ то-же время особаго значенія выбору изъ нея доступнаго различнымъ возрастамъ. Задача—нелегкая. Дѣти, какъ извѣстно, не любятъ отрывковъ. Книга «Скромные подвиги» принадлежитъ къ числу чрезвычайно удачныхъ сборниковъ въ этомъ родѣ. Семнадцать вошедшихъ въ нее очерковъ не были написаны для дѣтей, но прочтутся они съ одинаковымъ интересомъ какъ 11-лѣтнимъ ребенкомъ, такъ юношей и взрослымъ. Широкъ горизонтъ на томъ полѣ подвижничества, которое открывается передъ читателями талантливымъ писателемъ, и велика и разновидна семья подвижниковъ: тутъ и погибающая за отца и отечество на плахѣ падуанской темницы Лаура Кастеллари, и русская сестра милосердія, одиноко умирающая въ землянкѣ жертвой подвиговъ и ужасовъ войны,—оригинальная фигура разбойника Хаджи-Амета и образы энергичныхъ безвѣстныхъ тружениковъ... Въ семьѣ подвижниковъ какъ нельзя болѣе у мѣста и храбрая Валетка, и неустрашимая степная птичка, и легендарный левъ замка Мендоза; но какимъ-то диссонансомъ звучитъ послѣдній разсказъ «Прапорщикъ Марья Петровна» на самую заурядную тему изъ военной жизни. Нужно надѣяться, что при новомъ изданіи онъ будетъ замѣненъ чѣмъ-нибудь другимъ.

Да, велико значеніе хорошей книги, но еще сильнѣе вліяніе живаго слова человѣка, которому вѣрятъ. Кто изъ насъ, взрослыхъ, помнящихъ свое прошлое, не знаетъ этого по себѣ. Дѣти наши читаютъ много, читаютъ много и хорошаго, но многія-ли изъ нихъ унесутъ съ собой въ жизнь вмѣстѣ съ хорошимъ словомъ книги и сильное искреннее слово близкихъ имъ взрослыхъ людей? **А. Калмыкова.**

17 января
1891 г.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ историческаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ за 1890 г. Т. I. Спб. 1890. Ц. 2 р. 50 к.

Нельзя не привѣтствовать съ искреннимъ удовольствіемъ возникновеніе при С.-Петербургскомъ университетѣ историческаго общества.

имѣющаго цѣлью, какъ гласитъ § 2-й устава его: 1) изслѣдованіе научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи; 2) разработку теоретическихъ вопросовъ исторической науки и 3) *обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ*. Общество это, возникшее всего годъ тому назадъ, по инициативѣ извѣстнаго своими многочисленными и капитальными работами по всеобщей исторіи и по философіи исторіи профессора Н. И. Карѣева, успѣло уже за короткое время своего существованія возбудить большое сочувствіе и въ публикѣ, и въ печати. То обстоятельство, что къ концу перваго года своего существованія историческое общество уже насчитываетъ около двухсотъ членовъ, свидѣтельствуетъ несомнѣнно о томъ, что оно отвѣчаетъ дѣйствительнымъ потребностямъ науки и русскаго образованнаго общества.

Если-бы историческое общество задавалось только однѣми чисто-научными цѣлями, то и въ такомъ случаѣ оно вполнѣ заслуживало-бы вниманія и сочувствія педагогическаго міра, такъ какъ школа не можетъ относиться индифферентно къ научной разработкѣ особенно тѣхъ предметовъ, которые, какъ исторія, преподаются не только съ университетской каѳедры и вообще въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ средней и даже въ низшей общеобразовательной школѣ: между исторіею, какъ наукою, и исторіею, какъ предметомъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, существуетъ слишкомъ тѣсная связь, чтобы школа могла относиться совершенно безразлично, или даже равнодушно къ успѣхамъ самостоятельной разработки въ Россіи исторической науки. Но историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія и сочувствія школы, такъ какъ оно, въ отличіе отъ многихъ другихъ существующихъ у насъ ученыхъ обществъ, удѣляетъ вниманіе и вопросамъ, касающимся правильной постановки преподаванія исторіи въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Эта сторона дѣятельности историческаго общества заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія со стороны педагоговъ, что обсужденіе вопросовъ, касающихся преподаванія исторіи, въ настоящее время по необходимости должно сосредоточиться въ Петербургѣ только въ историческомъ обществѣ. Извѣстно, что при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, кромѣ общепедагогическаго отдѣла, имѣются еще секціи для обсужденія вопросовъ преподаванія математики и физики, географіи и естествовѣдѣнія, русскаго языка и иностранныхъ языковъ, но секціи исторической не имѣется. Между тѣмъ именно относительно преподаванія исторіи, какъ предмета, постановка котораго отличается еще край-

нею неопредѣленностью и относительно преподаванія котораго существуетъ масса спорныхъ и трудно-разрѣшимыхъ вопросовъ, особенно важно по возможности обстоятельное и серьезное совмѣстное обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ представителями какъ науки, такъ и школы. Въ историческомъ обществѣ преподаватели исторіи С.-Петербургскихъ учебныхъ заведеній, заинтересованные правильною по возможности постановкою этого предмета въ школѣ, могутъ, по нашему мнѣнію, найти для себя наиболѣе серьезную поддержку и наиболѣе благопріятную почву, если только историческое общество отнесется съ должнымъ вниманіемъ къ вопросамъ преподаванія исторіи и если цитированный нами выше параграфъ устава историческаго общества не будетъ примѣняться имъ односторонне, т.-е. въ смыслѣ разработки лишь научныхъ темъ, а удѣлитъ вниманіе также вопросамъ по методикѣ преподаванія исторіи. Въ истекшемъ году рефератовъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросамъ о преподаваніи исторіи въ ср. уч. заведеніяхъ, было прочитано только два: а) рефератъ Я. Г. Гуревича подъ заглавіемъ: «Исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія» *) и сообщеніе Н. И. Карѣева о дѣятельности Московскаго кружка преподавателей исторіи. Но есть основаніе надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ историческое общество удѣлитъ больше вниманія вопросамъ преподаванія исторіи, остановившись и на разсмотрѣніи дѣйствующихъ программъ по преподаванію исторіи, какъ у насъ, такъ и въ западно-европейскихъ общеобразовательныхъ школахъ, и на оцѣнкѣ наиболѣе распространенныхъ у насъ руководствъ какъ по русской, такъ и по всеобщей исторіи.

Вышедшій недавно первый томъ «Историческаго обозрѣнія» распадается на два отдѣла: первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторые изъ научныхъ рефератовъ, читанныхъ въ послѣдовательныхъ засѣданіяхъ общества въ истекшемъ году, нѣсколько статей научнаго содержанія, доставленныхъ въ редакцію «Историческаго обозрѣнія» нѣкоторыми изъ членовъ «общества», и историческую хронику. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ уставъ общества, протоколы его засѣданій, годичный отчетъ общества и списокъ членовъ его.

Въ первомъ отдѣлѣ «Обозрѣнія» наиболѣе выдающіяся статьи принадлежатъ перу почтеннаго предсѣдателя общества, проф. Н. И.

---

*) Тезисы по этому реферату, равно какъ и пренія, происходившія въ засѣданіи 25 апрѣля 1890 г. см. Историческое обозрѣніе, т. I, отдѣлъ II, стр. 35—36 и стр. 38—41.

Карѣева. Такихъ статей три: a) Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки; b) Новѣйшія работы по исторіи французской революціи и c) Философія, исторія и теорія прогресса. Изъ другихъ статей выдаются по своей основательной разработкѣ статья Г. В. Форстена: «Къ вопросу о внѣшней политикѣ Швеціи въ тридцатилѣтнюю войну» и статья А. В. Покровскаго: «Новыя явленія въ области разработки древней греческой исторіи».

Рѣзко бросается въ глаза отсутствіе въ первомъ томѣ «Историческаго обозрѣнія» статей по русской исторіи. Но этотъ пробѣлъ легко будетъ редакціи «Историческаго обозрѣнія» восполнить въ слѣдующихъ томахъ его, такъ какъ общество въ числѣ своихъ членовъ насчитываетъ не мало какъ уже весьма извѣстныхъ, такъ и молодыхъ ученыхъ спеціалистовъ по русской исторіи. Было-бы, по меньшей мѣрѣ, большою ошибкою, судя по оглавленію перваго тома «Историческаго обозрѣнія», предполагать, что историческое общество сосредоточило свое вниманіе исключительно на вопросахъ всеобщей исторіи, совершенно забывъ исторію отечественную. Изъ напечатанныхъ во второмъ отдѣлѣ «Обозрѣнія» протоколовъ засѣданій общества видно, что въ истекшемъ году читалось нѣсколько весьма интересныхъ рефератовъ по русской исторіи, каковы, напр., рефератъ Е. А. Бѣлова: «По вопросу о значеніи царствованія Грознаго въ русской исторической литературѣ» и сообщеніе проф. С. А. Бершадскаго—«О крестьянскомъ хозяйствѣ въ Литвѣ въ концѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣка» и нѣкоторые другіе рефераты. Остается только пожалѣть, что всѣ эти рефераты также не вошли въ первый томъ «Обозрѣнія».

Весьма желательно, чтобы редакція «Историческаго обозрѣнія» удѣлила должное вниманіе исторической критикѣ и библіографіи, а равно и обозрѣнію иностранныхъ историческихъ журналовъ. Но, высказывая подобныя desiderata, мы вполнѣ сознаемъ, что такая широкая программа не можетъ быть выполнена сразу.

Особенно живой интересъ въ первомъ томѣ «Историческаго обозрѣнія» представляетъ отдѣлъ, озаглавленный «Историческая хроника». Здѣсь собрана масса интересныхъ данныхъ относительно историческаго преподаванія въ русскихъ университетахъ, относительно новыхъ обществъ, восьмаго археологическаго съѣзда, публичныхъ лекцій въ Москвѣ и въ Петербургѣ, новыхъ историческихъ трудовъ и т. п. Весь этотъ мозаически собранный матеріалъ рисуетъ намъ довольно полную и живую картину какъ разработки исторической науки, такъ и вообще научнаго движенія въ Россіи.

Умѣренная цѣна (2 р. 50 к.), назначенная за первый томъ «Историческаго обозрѣнія», очень значительнаго по объему (324 стр.+64 стр.) и при томъ прекрасно изданнаго, дѣлаетъ его вполнѣ доступнымъ какъ для частныхъ лицъ, интересующихся успѣхами исторической науки, такъ тѣмъ болѣе для фундаментальныхъ библіотекъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Пожелаемъ-же этому прекрасно задуманному и несомнѣнно полезному изданію постепеннаго совершенствованія и возможно большаго распространенія. **Я. Г.**

«**Методическія указанія относительно преподаванія русскаго языка въ духовныхъ училищахъ**». Записка состоящаго въ учебномъ комитетѣ при Св. Синодѣ, инспектора С.-Петербургской 3-й гимназіи, Н. Невзорова. С.-Петербургъ 1890 г.

«Методическія указанія» составляютъ отдѣльный оттискъ изъ циркуляра по духовно-учебному вѣдомству за 1890 г. № 8-й и, по заявленію автора, являются дополненіемъ и разъясненіемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ, въ формѣ частныхъ дидактическихъ указаній, программы и объяснительной записки, утвержденныхъ Св. Синодомъ для духовныхъ училищъ.

Не смотря на такое скромное содержаніе, «методическія указанія» представляютъ знаменательное и въ высшей степени отрадное явленіе въ области нашей методической литературы, особенно цѣнное въ настоящее время, когда вопросъ о болѣе раціональной постановкѣ преподаванія у насъ русскаго языка одновременно выдвигается и въ ученыхъ обществахъ, и въ учебныхъ коммиссіяхъ, и въ литературѣ. Въ частности для «Русской Школы» появленіе «Методическихъ указаній» г. Невзорова особенно пріятно, потому что эти указанія, какъ читатель увидитъ ниже, являются авторитетнымъ подкрѣпленіемъ тѣхъ-же мыслей по вопросу о преподаваніи русскаго языка, какія были высказаны въ статьѣ г. Мандельштама, напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Русской Школы».

Существенная цѣль изученія языка, говоритъ г. Невзоровъ, состоитъ въ томъ, чтобы довести учащихся до правильнаго и сознательнаго пользованія родною рѣчью (устно и письменно). Средствами для этого служатъ: 1) изученіе грамматики, 2) заучиваніе наизусть и пересказъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности и 3) письменныя упражненія.

При преподаваніи русской грамматики, по мнѣнію автора, нужно

избѣгать изученія языка со стороны только формы и передачи учебнаго матеріала въ видѣ отвлеченныхъ логическихъ опредѣленій; это изученіе должно основываться непремѣнно на разборѣ примѣровъ изъ образцовыхъ произведеній русской словесности, и наглядныя, иначе описательныя, опредѣленія могутъ состоять въ указаніи только очевидныхъ признаковъ, отличающихъ одно понятіе отъ другаго. «Даже такіе отдѣлы грамматики, какъ, напр., спряженія глаголовъ, не слѣдуетъ механически заучивать ученикамъ, подобно глаголамъ въ греческой и латинской грамматикѣ».

Еще безплоднѣе и труднѣе для учениковъ, по справедливому мнѣнію автора, заучиваніе такихъ синтаксическихъ правилъ, изъ которыхъ они не извлекутъ никакой практической пользы ни для пониманія законовъ и духа языка, ни для правописанія. Къ числу такихъ правилъ авторъ относитъ: вопросъ объ употребленіи сослагательнаго наклоненія, о значеніи предлоговъ и разнообразномъ управленіи ими падежей и т. п. По мнѣнію автора, «всѣ эти правила являются очевиднымъ остаткомъ прежнихъ схоластическихъ грамматикъ, разработанныхъ по образцу латинской», и составляютъ грамматическій балластъ, «заслоняющій живой языкъ и его законы... затуманиваютъ дѣтскія головы, производя какой-то разрывъ между языкомъ и мыслью».

Установивъ, такимъ образомъ, общія положенія въ дѣлѣ преподаванія грамматики, авторъ даетъ подробныя методическія указанія съ цѣлью облегченія и болѣе успѣшнаго преподаванія русской грамматики, которыя резюмируются въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) «Вмѣсто преподаванія формъ языка и передачи учебнаго матеріала въ видѣ отвлеченныхъ логическихъ опредѣленій настоятельно рекомендуются наглядныя или иначе описательныя опредѣленія, состоящія въ указаніи только очевидныхъ признаковъ понятія; 2) самыя опредѣленія должны основываться на понятныхъ для учащихся примѣрахъ, заимствованныхъ изъ произведеній образцовыхъ русскихъ писателей и отличающихся точностью, выразительностью и красотою; 3) изъ учебника русской грамматики должны быть исключены тѣ правила, которыя не приносятъ учащимся пользы ни для пониманія духа языка и его законовъ, ни для правописанія; 4) существенное значеніе при изученіи русской грамматики имѣетъ не столько заучиваніе теоретическихъ положеній (особенно механическое), сколько разборъ примѣровъ изъ образцовыхъ русскихъ писателей и—главное—письменныя упражненія учениковъ, которыми долженъ сопровождаться почти каждый урокъ русской грамматики».

Разсматриваемый отдѣлъ методическихъ указаній авторъ заключаетъ выраженіемъ справедливой надежды, что предлагаемыя мѣры, во всей своей совокупности, внесутъ въ преподаваніе русской грамматики *простоту, ясность, удобопонятность и живой интересъ* (курсивъ автора).

Еще болѣе симпатичны и вѣрны мысли, высказываемыя г. Невзоровымъ по вопросу объ объяснительномъ чтеніи статей изъ образцовыхъ произведеній русскихъ писателей. Цѣль такого чтенія состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ, подъ руководствомъ преподающаго, научился всесторонне понимать смыслъ прочитаннаго полнѣе и основательнѣе усваивать его содержаніе. Для достиженія этой цѣли должны служить образцовыя словесныя произведенія какъ по содержанію, такъ и по формѣ. «Истинно поэтическое произведеніе, по своему содержанію доступное для дѣтскаго возраста—говоритъ авторъ—вводитъ въ самую жизнь и весьма наглядно даетъ уразумѣть свѣтлыя стороны добра и горькія послѣдствія порока». Ставя такимъ образомъ на первомъ планѣ воспитательное значеніе объяснительнаго чтенія, т.-е. развитіе въ дѣтяхъ чувствъ религіозныхъ, патріотическихъ, истины, добра и красоты, авторъ, кромѣ того, указываетъ на необходимость заготовить вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалъ по теоріи и исторіи русской словесности.

Что касается до методическихъ указаній къ этому отдѣлу, то въ нихъ авторъ обнаруживаетъ много опытности и знанія, и эти указанія, несомнѣнно, послужатъ важнымъ подспорьемъ для преподавателей русскаго языка. Мы не можемъ, однако, обойти молчаніемъ одного на нашъ взглядъ недосмотра въ этой части труда уважаемаго автора. Говоря о томъ, что преподаватель долженъ требовать, чтобы ученики, пересказывая статьи, употребляли слова и обороты, особенно замѣчательныя по своей мѣткости и художественности, авторъ говоритъ, что при этомъ учитель можетъ знакомить учениковъ даже съ нѣкоторыми элементарными стилистическими понятіями, предлагая, напр., такіе вопросы: «Какъ можно сказать иначе?» «Какъ чаще выражаютъ такую-то мысль?» «Какъ *лучше* можно сказать?» и т. д.; посредствомъ такого пріема, говоритъ авторъ, языкъ учениковъ можетъ развиваться и обогащаться новыми словами и оборотами. Между тѣмъ, произведенія, надъ которыми предлагаются подобныя упражненія, выражаясь словами автора, должны быть «образцовыми какъ по содержанію, такъ и по формѣ», это должны быть «истинно поэтическія произведенія», полныя «образцово-точныхъ и картинныхъ выраженій знаменитыхъ учителей русскаго слова», произведенія, которыя пред-

ставляютъ «гармонію между внѣшнимъ выраженіемъ мысли и внутреннимъ ея содержаніемъ», наконецъ, такія произведенія, которыя должны уяснить ученикамъ, «какъ глубокую мысль и сильныя чувства можно ясно и сильно выразить въ языкѣ». Намъ кажется, что рекомендуемыя авторомъ стилистическія упражненія, особенно въ рукахъ неопытнаго преподавателя, неизбѣжно нанесутъ ущербъ этой основной задачѣ объяснительнаго чтенія и обратятся въ нѣкотораго рода критику произведеній, какъ согласится, вѣроятно, авторъ, въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстную и вредную.

Разсматриваемый отдѣлъ снабженъ авторомъ подробнымъ указателемъ образцовыхъ произведеній русской словесности, рекомендуемыхъ для заучиванія наизусть и пересказа учениками. Эти произведенія распредѣлены по слѣдующимъ главнымъ отдѣламъ: статьи и стихотворные отрывки религіознаго и историческаго содержанія, статьи, изображающія природу и русскій бытъ, и статьи разнообразныя по содержанію и формѣ.

Нельзя не согласиться съ авторомъ и со всѣмъ тѣмъ, что онъ говоритъ по поводу письменныхъ упражненій. Общеобразовательная школа не должна задаваться цѣлями подготовлять посредствомъ письменныхъ упражненій будущихъ писателей и ораторовъ—ея назначеніе гораздо скромнѣе, а именно: развивать въ учащихся умѣнье логично мыслить, ясно, точно и правильно выражаться. Всѣ письменныя упражненія, пересказы, извлеченія, сокращенія содержанія и т. д. должны имѣть цѣлью развитіе въ учащихся литературнаго вкуса и обогащенія ихъ новыми словами и оборотами рѣчи. Подобныя упражненія даютъ пищу ихъ умственной самодѣятельности, пріучая къ логическимъ пріемамъ: наведенію, обобщенію и классификаціи—этимъ главнымъ основаніямъ всякаго сочиненія.

Но, кромѣ этихъ упражненій, существуютъ еще темы самостоятельныя, цѣль которыхъ состоитъ въ обнаруженіи для самого пишущаго и для другихъ степени своего духовнаго развитія, показать все свое духовное достояніе. Высокая важность этого рода упражненій заставляетъ нашего автора быть въ высшей степени строгимъ въ дѣлѣ выбора темъ. По справедливому мнѣнію его, здѣсь прежде всего слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы самостоятельныя темы не превышали силы и способности средняго ученика даннаго класса. «Дѣятельность ученика должна состоять не въ сочинительствѣ, а лишь въ обработкѣ уже извѣстнаго матеріала... и въ раскрытіи его съ своей точки зрѣнія». Въ виду этихъ соображеній, авторъ совершенно справедливо предваряетъ относительно двусмысленности неопредѣ-

ленности темы, совершенно вѣрно указываетъ на то, что тема должна заинтересовать своимъ содержаніемъ и возбудить душевную дѣятельность, и потому вообще высказывается за предпочтеніе конкретныхъ темъ абстрактнымъ, какъ болѣе доступныхъ и опредѣленныхъ. Въ заключеніе авторъ приводитъ рядъ отрицательныхъ темъ, къ числу которыхъ онъ справедливо относитъ темы, требующія обнаруженія сокровенныхъ сторонъ духовнаго міра ученика, признаній и вообще выраженій чувства, а также темы, касающіяся обстоятельствъ его личной жизни или семейной обстановки; темы отвлеченнаго характера, требующія «размышленія» и «искусственнаго изобрѣтенія», темы, «по своему содержанію широкія, дающія мысли ученика полный просторъ разбрасываться» и наконецъ, темы, «не содержащія въ себѣ нравственно-воспитательнаго элемента и сосредоточивающія мысль и чувство ученика на чуждыхъ ему будничныхъ явленіяхъ изъ жизни взрослыхъ людей». Для насъ является только неожиданнымъ включеніе въ число темъ отрицательнаго значенія такихъ темъ, которыя «сосредочиваютъ мысль на предметахъ природы, по мнѣнію автора, не представляющихъ для дѣтей особаго интереса». Природа—великій учитель и воспитатель человѣка, знакомство съ ея предметами и явленіями, какъ реальными обнаруженіями высшаго руководящаго начала, намъ кажется, должно имѣть высокое образовательное и воспитательное значеніе. Наконецъ, въ числѣ статей и образцовыхъ произведеній русской словесности, рекомендуемыхъ авторомъ для заучиванія и пересказа, которыя должны служить матеріаломъ для письменныхъ упражненій, какъ мы видѣли, имѣется цѣлый отдѣлъ, заключающій въ себѣ описаніе природы.

Послѣдняя часть «Методическихъ указаній» г. Невзорова касается оцѣнки письменныхъ упражненій. При оцѣнкѣ письменныхъ упражненій, по мнѣнію автора, слѣдуетъ имѣть въ виду прежде всего какъ средній уровень развитія учениковъ цѣлаго класса, такъ и пройденные отдѣлы грамматики. Задачи преподавателя русскаго языка заключаются въ томъ, чтобы довести учениковъ до возможной грамотности. При этомъ не слѣдуетъ быть педантично-требовательнымъ, хотя-бы въ виду того, что русское правописаніе и до настоящаго времени представляетъ область, весьма слабо разработанную, не допускающую орѳографическаго однообразія, въ виду того, что многіе морѳологическіе и фонетическіе вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ то или другое начертаніе слова, остаются до настоящаго времени открытыми.

Кромѣ этой *выучки предмета*, авторъ указываетъ на другія, не

менѣе существенныя, стороны письменныхъ упражненій, а именно: «какъ отразилось на ученикѣ развивающее дѣйствіе школы вообще, *насколько внутренній человѣкъ обогатился при внѣшнемъ обученіи* (курсивъ автора), насколько школа сдѣлала ученика способнымъ къ прохожденію и усвоенію дальнѣйшаго образованія». Авторъ снабжаетъ этотъ отдѣлъ методическихъ указаній длиннымъ перечнемъ словъ двоякаго начертанія, причемъ во многомъ расходится съ правописаніемъ, какое установлено въ извѣстномъ трудѣ академика Я. К. Грота, и надо признать, что эти измѣненія болѣе соотвѣтствуютъ духу русскаго языка. Слѣдующія затѣмъ указанія относительно употребленія прописныхъ буквъ и знаковъ препинанія отличаются ясностью и простотою.

На основаніи всего сказаннаго въ разсматриваемомъ отдѣлѣ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ главнымъ заключеніямъ: «1) въ дѣлѣ преподаванія и при оцѣнкѣ познаній учениковъ необходимы благоразумная строгость и требовательность, растворяемыя любовью къ «малымъ симъ»; 2) на экзаменѣ безусловно грубыми слѣдуетъ считать только тѣ ошибки, которыя доказываютъ неумѣнье ученика примѣнять на письмѣ опредѣленныя и установившіяся грамматическія правила».

Въ заключеніе авторъ говоритъ: «Уяснивъ себѣ такую точку зрѣнія на письменныя упражненія по русскому языку и на грамотность, которая неосновательно считается въ школѣ и въ обществѣ самымъ вѣрнымъ мѣриломъ для оцѣнки степени образованія и развитія вообще, преподаватель долженъ заботиться о томъ, чтобы въ правописаніи учениковъ было однообразіе; онъ можетъ исправлять, но не долженъ считать за грубыя ошибки тѣ случаи, которые касаются еще не установившихся въ своемъ начертаніи словъ и орѳографическихъ правилъ. Вообще преподаватель долженъ строго требовать отъ учениковъ грамотности въ предѣлахъ возможнаго, принимая во вниманіе, при оцѣнкѣ экзаменныхъ упражненій, и то, на сколько въ ученикѣ внутренній человѣкъ обогатился при внѣшнемъ обученіи и какъ ученикъ усвоилъ основные элементы изучаемыхъ предметовъ».

Мы представили подробное изложеніе мыслей «Методическихъ указаній» г. Невзорова и полагаемъ, что изъ этого изложенія читатель видитъ мотивы, которые руководили нами въ удѣленіи такого вниманія этой безспорно замѣчательной работѣ въ области методики отечественнаго языка. Нельзя не пожелать, чтобы авторъ сдѣлалъ доступнымъ свой трудъ болѣе обширному кругу читателей, выпустивъ свои «Методическія указанія» въ продажу. **Н. А—въ.**

Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ иностранныхъ и русскихъ.

«Revue de l'enseignement secondaire et de l'enseignement supérieur. Paris. 1890», выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ объемѣ трехъ листовъ каждая; «Обозрѣніе» существуетъ уже седьмой годъ. Въ составъ совѣта правленія входятъ ученые, юристы и администраторы; секретаремъ редакціи состоитъ Жюль Готье, профессоръ исторіи въ лицеѣ Мишле. Издатель—Поль Дюпонъ. Подписная цѣна заграницею 18 франковъ въ годъ.

«Обозрѣніе» раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: I. *Экзамены на право обученія и свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи курса.* II. *Различные документы*, относящіеся къ этому отдѣлу. III. *Образованіе за-границею.* IV. *Женское образованіе.* V. *Университетскія торжества.* VI. *Новыя изданія.* VII. *Университетскіе вопросы.* VIII. *Двухнедѣльный обзоръ.* IX. *Защита диссертацій въ словесномъ факультетѣ.* X. *Смѣсь.*

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщенъ интересный отчетъ Е. Манюэля о конкурсномъ испытаніи на право обученія языку и словесности въ женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ въ 1889 году,—отчетъ, представленный имъ министру народнаго просвѣщенія.

Отчетъ этотъ показываетъ, какъ осторожно и осмотрительно (чтобы не сказать *строго*) относятся въ настоящее время во Франціи къ вопросу о выборѣ учительницъ для среднеучебныхъ заведеній. Испытательный комитетъ (jury) признаетъ за конкуррентами наличность многихъ качествъ, драгоцѣнныхъ для педагога: прекрасную память, воспріимчивость, тонкость и изящество ума, сильную любознательность, образцовое усердіе и большую настойчивость въ достиженіи цѣли; но вмѣстѣ съ тѣмъ жюри считаетъ своимъ долгомъ прямо указывать на существующіе недостатки и пробѣлы въ подготовкѣ экзаменующихся.

Въ 1888 г. изъ *сорока* лицъ, подвергавшихся испытанію, окончательно выдержало *двадцать*; въ 1889 г. изъ 45 лицъ, державшихъ письменные экзамены, къ устному испытанію было допущено 28, а изъ этого числа право обученія получили только *девять* экзаменовавшихся.

Это явленіе, по мнѣнію докладчика, нельзя объяснить бо̀льшею строгостью испытаній, бо̀льшимъ объемомъ требованій: испытанія, въ силу естественнаго прогресса, измѣнились съ *качественной* стороны.

Когда рѣшенъ былъ вопросъ о среднемъ образованіи женщинъ, потребовался большой персоналъ учащихъ, и, конечно, сначала нельзя было ставить слишкомъ высокія требованія: опасались, во-первыхъ, недостатка въ учительницахъ, а, во-вторыхъ, опасались того, что слишкомъ большія требованія убьютъ энергію въ желающихъ посвятить себя педагогической дѣятельности, тогда какъ многія изъ нихъ могли-бы впослѣдствіи сдѣлаться хорошими учительницами. Въ настоящее время условія измѣнились: число свободныхъ каѳедръ значительно сократилось, а число конкуррентокъ возрасло. Наступило время *устранять* путемъ конкурса лицъ, недостаточно подготовленныхъ и слишкомъ торопящихся немедленно по окончаніи курса пріобрѣсти новый дипломъ на право обученія: такое устраненіе окажетъ услугу не только дѣлу обученія, но и самимъ конкурренткамъ, которыя на вторичный конкурсъ несомнѣнно явятся съ лучшею подготовкою.

Испытанія были: I. *Письменныя:* 1) сочиненіе на литературную тему, 2) сочиненіе на тему по языку, 3) сочиненіе на историческую тему. II. *Устныя:* 1) объясненіе текста, 2) поправка ученической работы, 3) урокъ по исторіи, 4) урокъ по географіи, 5) урокъ по психологіи или морали, 6) новые языки.

Темы по литературѣ и языку были выражены рядомъ вопросовъ.

По *литературѣ:* «Что вамъ извѣстно о борьбѣ между старымъ и новымъ направленіемъ въ концѣ царствованія Людовика XIV? Какіе авторы по преимуществу принимали участіе въ этой борьбѣ? Какое значеніе имѣла эта борьба и какъ слѣдуетъ смотрѣть на нее въ настоящее время? Вы изло̀жите этотъ эпизодъ въ формѣ урока изъ французской литературы».

По *языку:* «Какіе языки называются синтетическими? какіе—аналитическими? Показать, что французскій языкъ скорѣе аналитическій, чѣмъ синтетическій, и что это свойство проявляется въ немъ съ самаго начала, выражаясь въ обѣднѣніи флексій, въ постепенно усиливающемся употребленіи члеповъ, мѣстоименій, вспомогательныхъ гла-

головъ и предлоговъ. Какія послѣдствія для синтаксиса имѣло преобладаніе аналитическаго процесса во французскомъ языкѣ?»

По *исторіи* была задана тема: «Периклъ и его вѣкъ».

Жюри сознавало трудность литературной темы, но поставило ее потому, что испытаніе по исторіи литературы ограничивается собственно одной только письменной работой *), такъ какъ по объясненію текста изъ писателя нельзя сдѣлать заключенія о степени начитанности, объ объемѣ и солидности литературныхъ познаній и взглядовъ. Тема оказалась плохо разработанною: только трое или четверо указали на интересъ и важность даннаго вопроса; въ большинствѣ работъ, кромѣ важныхъ пробѣловъ, смѣшенія фактовъ и чиселъ, пропуска писателей, наиболѣе замѣшанныхъ въ эту борьбу, замѣчено почти совершенное отсутствіе общихъ взглядовъ.

Письменныя работы по языку снова показали, что экзаменующіяся лучше подготовлены въ области языка и грамматики, чѣмъ въ области критики и литературы. Причина заключается въ томъ, что въ первоначальныхъ школахъ преобладаетъ изученіе грамматики, орѳографіи, короче сказать, изученіе словъ, въ ущербъ изученію мыслей и предметовъ дѣйствительныхъ; вслѣдствіе этого развивается вкусъ къ грамматическимъ тонкостямъ, учащіяся останавливаются на словесной оболочкѣ, упуская изъ виду то, что скрывается подъ нею, забывая, какъ неразрывно связаны между собою форма и содержаніе въ лучшихъ литературныхъ произведеніяхъ. Экзаменующіяся обнаружили основательное знакомство съ исторіей языка, извѣстное пониманіе задачъ сравнительнаго языкознанія, безусловно хорошее знаніе всѣхъ частей грамматики: не оставалось никакого сомнѣнія, что по этому предмету было прочитано очень много, и очень многое удержалось въ памяти; но способность взвѣшивать и отличать существенное отъ второстепеннаго оказалась недостаточно развитою; окончательные выводы относительно того, какъ отражается аналитическій и синтетическій характеръ языка на литературѣ и духѣ народа, выводы, прямо вытекающіе изъ темы, были едва намѣчены.

Въ письменной работѣ по исторіи изложеніе оказалось послѣдовательнымъ; большинство экзаменующихся серьезно и добросовѣстно изучило факты греческой исторіи; но учрежденія Аѳинъ и внутренняя жизнь аѳинскаго народа, его характеръ, идеи, чувства и страсти—все это было очерчено слабѣе; отзывы объ историкахъ и философахъ ока-

*) По исторіи, кромѣ письменной работы, требуется дать еще два устныхъ урока.

зались очень поверхностными, объ ораторахъ почти вовсе не упоминалось; по исторіи искусства такого цвѣтущаго вѣка дана была только сухая номенклатура памятниковъ, такъ что оставалось совершенно непонятнымъ, почему въ теченіе двухъ тысячелѣтій человѣчество продолжаетъ удивляться храмамъ, театрамъ и статуямъ этого періода.

По поводу устныхъ испытаній сдѣлано одно общее замѣчаніе.

Экзаменующіяся не рѣшаются говорить такъ, какъ слѣдуетъ говорить въ классѣ: онѣ забываютъ о своихъ невидимо присутствующихъ ученицахъ и думаютъ только объ экзаменаторахъ; часто онѣ слишкомъ торопливы въ своихъ объясненіяхъ; на небольшое число лицъ съ ясною и спокойною рѣчью приходится много такихъ, которыя говорятъ нервно, съ заиканьемъ, перерывами или едва слышно; нѣкоторыя фразы, начатыя громко, заканчиваются шопотомъ, такъ что сначала можно слышать, потомъ приходится слушать и, наконецъ, угадывать то, о чемъ говорится.

Испытаніе въ способѣ поправки ученическихъ письменныхъ работъ, несмотря на свой чисто профессіональный характеръ, почти всегда приводитъ къ ничтожнымъ результатамъ, такъ какъ здѣсь въ особенности необходимъ дѣйствительный, а не воображаемый классъ: ученикъ неизвѣстенъ; слѣдовательно, при поправкѣ нельзя имѣть въ виду ни его способности, ни его прилежаніе, ни его предшествующія работы, и потому самая поправка вращается въ пустомъ пространствѣ: приходится ограничиваться нѣсколькими страницами неизвѣстно кому принадлежащаго французскаго текста, отвлеченно указывать на логическія, эстетическія, стилистическія и орѳографическія ошибки и относиться къ нимъ по произволу, наугадъ, или слишкомъ строго, или черезчуръ снисходительно.

Въ остальной части отчета интересенъ отзывъ объ урокахъ психологіи и морали, которымъ жюри придаетъ очень большое значеніе: уроки эти должны показать способность конкуррентокъ къ размышленію, вѣрность сужденій, безъ претензій на ихъ глубину, серьезный складъ мысли и чутье дѣйствителености; нужно, чтобы въ нихъ отразился не только умъ, но и душа. Философское образованіе будущихъ учительницъ должно заключаться не въ знаніи различныхъ философскихъ системъ и ихъ противорѣчій, а въ регулированіи мыслительной способности, въ привычкѣ задумываться надъ нравственными идеями, прилагать психологическій анализъ къ явленіямъ обыденной жизни, направлять разумъ и волю на путь истинный: такое образованіе ведетъ не только къ личному усовершенствованію, но и къ усовершенствованію всего человѣчества. Въ этой области экзаменующіяся

оказались слабо подготовленными, что и доказывается въ отчетѣ цѣлымъ рядомъ примѣровъ.

Въ заключеніе отчета Е. Манюэль, отдавая полную справедливость педагогическимъ способностямъ экзаменующихся, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на господствующіе недостатки: отсутствіе самостоятельныхъ мыслей, недостаточность доказательствъ, уклоненіе отъ основной идеи и увлеченіе частностями въ ущербъ общему.

Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщаются замѣтки о ходѣ общаго образованія за-границею.

Такъ, напримѣръ, въ № 6 напечатанъ краткій отчетъ о засѣданіи норвежскаго стортинга по вопросу о классическихъ языкахъ въ средней школѣ. Изъ 15 ораторовъ, въ числѣ которыхъ былъ и нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, только двое (въ томъ числѣ бывшій министръ народнаго просвѣщенія) явились защитниками существующей классической системы; остальные требовали или полнаго устраненія древнихъ языковъ изъ средней школы, или устраненія одного изъ нихъ и факультативности другаго. Принято предложеніе бергенскаго депутата Даля, формулированное слѣдующимъ образомъ: «правительство приглашается къ пересмотру системы средняго образованія и вслѣдствіе этого къ рѣшенію вопроса о мѣстѣ, которое должны занять древніе языки въ средней школѣ». Составитель отчета сообщаетъ, что, согласно этому предложенію, уже образовалась правительственная коммиссія, и выражаетъ надежду, что результатомъ ея совѣщаній будетъ, по крайней мѣрѣ, замѣтное сокращеніе времени, посвященнаго на изученіе древнихъ языковъ въ средней школѣ.

Въ № 12 помѣщенъ отчетъ французскаго делегата Бебэна, присутствовавшаго, въ апрѣлѣ 1890 года, въ Чельтенгамѣ на митингѣ корпораціи Teachers-Guild. Главное мѣсто занималъ вопросъ о внесеніи въ парламентъ билля относительно предоставленія Teachers-Guild'у права имматрикулировать персоналъ учащихъ въ Великобританіи, создать между ними тѣсную связь и солидарность, подъ управленіемъ постояннаго комитета (Educational council), состоящаго изъ 30 членовъ, изъ которыхъ 25 должны избираться дѣйствующими педагогами, а 5—назначаться королевой. Высказанная цѣль этого проекта заключается въ томъ, чтобы компетентные люди могли обсуждать вопросы педагогическіе и вообще вопросы, касающіеся обученія; въ томъ, чтобы возвысить значеніе преподавателей; а также въ томъ, чтобы создать средства для помощи больнымъ, старымъ и физически-слабымъ учителямъ. Французскаго делегата поразила смѣлость предложенія устроить такой совѣтъ изъ большинства 25 не-

правительственныхъ лицъ, которому будутъ подчинены до тридцати тысячъ служащихъ; но несмотря на полное несочувствіе основной мысли проекта, т.-е. созданію «*англійскаго университета безъ участія правительства*» *), онъ все-таки думаетъ, что обѣ палаты въ концѣ-концовъ одобрятъ предлагаемый проектъ, тѣмъ болѣе потому, что въ этомъ-же смыслѣ уже началось движеніе и съ другой стороны: того-же добивается и другая корпорація—College of Preceptors.

Въ четвертомъ отдѣлѣ «Обозрѣнія» помѣщается указатель статей и книгъ, касающихся женскаго воспитанія и обученія въ среднихъ школахъ для дѣвицъ. Завѣдуетъ этимъ отдѣломъ А. Вильмо.

Въ пятомъ отдѣлѣ описаны празднества по поводу 600-лѣтія университета въ Монпелье (статья Рейно въ № 10) и напечатаны рѣчи, произнесенныя на этомъ торжествѣ президентомъ республики, министромъ народнаго просвѣщенія, и гг. Ліаромъ, Лависсомъ, Шанселемъ, Круазе и Буасье (№№ 10 и 11). Изъ этихъ рѣчей особенно важное значеніе имѣла рѣчь министра народнаго просвѣщенія Буржуа, въ которой онъ высказалъ обѣщаніе представить въ палату проектъ закона о реформѣ университетовъ въ смыслѣ слитія факультетскихъ группъ въ одинъ цѣльный организмъ. Это обѣщаніе было подкрѣплено тостомъ президента республики Карно, который поднялъ бокалъ «за городъ Монпелье и его университетское будущее».

Въ томъ-же отдѣлѣ помѣщена проникнутая патріотизмомъ и похвалами президенту республики рѣчь ректора академіи Бредифа но поводу открытія «лицея Виктора Гюго» въ Безансонѣ.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены отзывы о новыхъ книгахъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и испанскихъ, книгахъ, касающихся вопросовъ о школьномъ законодательствѣ, объ учебникахъ по исторіи, филологіи, древнимъ языкамъ и математическимъ наукамъ, о переводахъ и трактатахъ по философскимъ вопросамъ и т. д. Въ теченіе полугодія даны были отзывы о тридцати книгахъ. Въ томъ-же отдѣлѣ помѣщаются и условія конкурсовъ на преміи: такъ, напримѣръ, по поводу столѣтія рожденія Ламартина Маконская академія даетъ тему: «Похвала Ламартину». Форма произведенія зависитъ отъ выбора автора: оно можетъ быть прозаическое или стихотворное, могутъ быть представлены мемуары, біографіи и т. д. Обусловленъ только объемъ: стиховъ должно быть не болѣе двухсотъ, а прозаи-

---

*) «*Французскому университету*», въ составъ котораго входятъ лица, состоящія на правительственной службѣ, правительство-же и предоставило право выдачи свидѣтельствъ, удостовѣряющихъ способность и достаточную подготовку къ обученію.

ческая рукопись должна быть разсчитана на получасовое чтеніе. Въ премію выдаются медали золотыя, золоченыя и серебряныя; одобренныя произведенія будутъ прочитаны на публичномъ засѣданіи въ день празднованія столѣтія и напечатаны въ анналахъ академіи.

Въ отдѣлѣ «университетскихъ вопросовъ», т.-е. такихъ, вѣдать которые предоставлено французскому университету, помѣщены: замѣтка по вопросу о реформѣ личнаго состава надзирателей въ лицеяхъ (В. Перду), рядъ статей о репетиторахъ, статьи по методикѣ преподаванія латинской грамматики (Шатель) и по обученію литературной исторіи въ лицеяхъ и коллежахъ (Вогъ).

Въ «двухнедѣльномъ обзорѣ» помѣщенъ только запросъ Комба въ сенатѣ по поводу физическаго воспитанія.

Въ смѣси помѣщаются статьи по исторіи воспитанія (замѣтки по поводу «Мыслей о воспитаніи» Локка; вліяніе педагогическихъ идей Локка на Роллена, Руссо и лорда Честерфильда), по литературѣ и языку (лирическая поэзія въ «Птицахъ» Аристофана; этюдъ о Шиллерѣ; стиль Мольера и др.).

Отчеты о защитѣ диссертацій, помѣщаемые въ IX отдѣлѣ «Обозрѣнія», составляются очень живо, остроумно и иногда очень ядовито. Авторъ ихъ, знатокъ исторіи и латинскаго языка, большой патріотъ, неохотникъ до метафизики и нѣмцевъ, очень скупъ на похвальные отзывы.

Какъ извѣстно, для полученія степени доктора въ словесномъ факультетѣ докторантъ обязанъ представить двѣ диссертаціи: одну на латинскомъ, а другую на французскомъ языкѣ. За первое полугодіе въ журналѣ помѣщены отчеты о десяти диспутахъ; похвальнаго отзыва за разработку обѣихъ темъ, безъ оговорокъ, удостоился одинъ только *Максъ Бонне*, профессоръ словеснаго факультета въ Монпелье; а за французскія диссертаціи—*Бодрильяръ*, профессоръ коллегіи Станислава (Филиппъ V и французскій дворъ 1700—1715 г.»), и *Пинлошъ*, профессоръ университета въ Лиллѣ («Базедовъ и филантропинизмъ»).

Бонне представилъ латинскую диссертацію подъ заглавіемъ: «Narratio de miraculo a Michaele archangelo Chonis patrato, adjecto Symeonis Metaphrastae de eadem re libello». Эта диссертація представляетъ въ научномъ отношеніи образцовое изданіе греческаго текста съ примѣчаніями. Вторая, французская его диссертація, подъ заглавіемъ: «Латынь Григорія Турскаго» (толстый томъ въ 787 страницъ), отличается замѣчательною строгостью критическаго метода. Словесный факультетъ, признавъ М. Бонне докторомъ, высказалъ, что оба эти труда дѣлаютъ честь не только ученому автору ихъ, но и факультету, которому они были представлены.

«Пусть-же нѣмцы и на этотъ разъ воздержатся отъ презрительнаго отношенія къ французской наукѣ, которое такъ удобно для нихъ!» Такими словами авторъ заканчиваетъ свой отчетъ о диспутѣ Макса Бонне. **В. Геннингъ.**

26 января 1891 г.

Женское образованіе. 1890 г. №№ 5—10 (май—декабрь).

Однимъ изъ самыхъ выдающихся авторовъ, выступающихъ на страницахъ этого журнала, слѣдуетъ признать г. Каптерева. Въ разбираемыхъ книжкахъ онъ даетъ двѣ статьи по педагогической психологіи: «О развитіи отвлеченнаго мышленія» (май) и «О развитіи обобщеній и сужденія» (авг.—сент.). Признавая, что «важное значеніе отвлеченій въ образованіи ума побуждаетъ къ работамъ о правильномъ развитіи отвлеченнаго мышленія у дѣтей и юношей», г. Каптеревъ констатируетъ фактъ, что «отвлеченное мышленіе дается съ большимъ трудомъ, и малая способность къ нему дѣтей всѣмъ извѣстна» (май, стр. 465). Къ развитію способности отвлеченія г. Каптеревъ рекомендуетъ слѣдующія средства:

1) Постепенность упражненій. Лучше всего начать съ практики простаго различенія группъ и отдѣльныхъ предметовъ, потомъ перейти къ различенію свойствъ и, наконецъ, къ ихъ отвлеченію. Требовать съ самаго начала чистаго отвлеченія невозможно, а нужно постепенно сокращать число свойствъ, опуская одну черту за другою и мало-по-малу подводя весь процессъ къ болѣе или менѣе чистому отвлеченію; 2) на первыхъ порахъ, въ видахъ отчетливости мышленія, слѣдуетъ допускать свободно и широко наглядныя психическія ассоціаціи при маломъ и сравнительно неточномъ выраженіи въ словѣ; съ теченіемъ-же времени дѣло нужно приводить къ обратному порядку, т.-е. ограничивать по возможности ассоціированіе отвлеченій одними словами; 3) методическаго и научнаго знакомства съ явленіями, какъ по самому существу своему отвлеченнаго, нужно избѣгать въ обученіи дѣтей и вообще строгихъ и чистыхъ отвлеченій отъ нихъ *не* требовать, какъ невозможныхъ для нихъ (ibid.).

Всѣ эти выводы обоснованы г. Каптеревымъ на стройно связанныхъ данныхъ фактическаго характера и заслуживаютъ серьезнаго вниманія нашей педагогіи съ точки зрѣнія рѣшенія вопроса, насколько въ современномъ обученіи соблюдается эта постепенность перехода отъ конкретнаго къ абстрактному, которой съ новой справедливою настойчивостью требуетъ г. Каптеревъ.

Слѣдующая статья г. Каптерева («О развитіи обобщенія и сужденія») заслуживаетъ чрезвычайнаго вниманія въ виду того, что формальное развитіе до сихъ поръ остается преобладающею задачей воспитанія и образованія. Логическое мышленіе и стройное выраженіе мыслей—вотъ чего мы ждемъ отъ образованнаго человѣка, но получали-ли эти свойства ума надлежащее развитіе на почвѣ школьнаго обученія? «Формальная логика—говоритъ г. Каптеревъ—носитъ характеръ какой-то чисто-школьной мудрости, школьнаго знанія, имѣетъ видъ искусственныхъ и хитросплетенныхъ выдумокъ, съ трудомъ укладывающихся въ головахъ, не посвященныхъ въ эту отрасль изслѣдованій» (авг.—сент., 559). Признавая основанія формальной логики искусственными, г. Каптеревъ сводитъ эти основанія къ нижеслѣдующимъ: 1) «она вытягиваетъ мышленіе въ ниточку, насильственно разъединяя одновременное; 2) закрѣпляетъ опредѣленныя положенія за субъектомъ и предикатомъ въ сужденіи и потомъ играетъ въ перестановку ихъ мѣстами; 3) создаетъ фигуры силлогизма на основаніи мѣста средняго термина, т.-е. продолжаетъ игру въ перестановку субъекта и предиката не въ предѣлахъ уже одного сужденія, а нѣсколькихъ (ibid., 560). Мысли свои по данному предмету г. Каптеревъ заключаетъ утвержденіемъ, что «ученіе о сужденіи въ смыслѣ формальной логики и о силлогизмѣ могло создаться только тогда, когда въ языкѣ образовались части рѣчи и сложился болѣе или менѣе опредѣленный синтаксисъ» (ibid.). Сложился-ли въ опредѣленныхъ формахъ нашъ русскій синтаксисъ? Вѣдь тотъ-же г. Каптеревъ категорически утверждаетъ, что «общечеловѣческой формальной логики не было и нѣтъ» (ibid.). Что-же надо дѣлать? Овладѣть-ли прежде конкретнымъ содержаніемъ *своего* языка и изъ него вывести *свою* самобытную логику? или-же, не давая *своему* языку распускаться, возлагать его на Прокрустово ложе логической выдержанности въ духѣ чуждыхъ языковъ и народностей заканчивать кругъ своего развитія?

Но школа стремится къ тому, чтобы не быть для учащихся Прокрустовымъ ложемъ. «Роль педагога—говоритъ другой психологъ «Женскаго образованія» въ статьѣ своей «Механизмъ памяти и ея развитіе» (октябрь)—заключается въ томъ, чтобы, подмѣтивши въ воспитанникѣ, послѣ разнообразныхъ наблюденій надъ нимъ и испытаній, преобладающій видъ памяти, одинъ или нѣсколько, развивать въ послѣдующее время по преимуществу именно этотъ видъ, какъ такой, который дастъ въ будущемъ наиболѣе богатые плоды» (стр. 711). Осуществимы-ли подобныя пожеланія въ школѣ, которая, по выраженію В. Д. Сиповскаго въ его статьѣ «О дисциплинѣ въ школѣ

(ноябрь),—«повинна» въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) заваливаніе учащихся такой домашней работой, съ которой имъ приходится возиться до глубокой ночи, такъ что отрывается отъ сна значительная доля, и ученики приходятъ въ классъ безъ надлежащей умственной свѣжести и энергіи; 2) плохо составленныя росписанія, причемъ встрѣчаются подрядъ трудные уроки, требующіе значительнаго умственнаго напряженія, и не перемежаются уроками искусствъ, дающими нѣкоторый отдыхъ мозгу; 3) слишкомъ незначительными по времени рекреаціями, не дающими возможности отдохнуть умственно отъ урока и физически отъ часоваго сидѣнія въ душномъ обыкновенно классѣ; 4) недозволеніе въ большинствѣ случаевъ возиться и шумѣть въ рекреаціонной комнатѣ, что является просто инстинктивною потребностью нѣкоторыхъ дѣтей, такъ какъ такимъ путемъ усиливается дыханіе, кровообращеніе и другіе процессы, утратившіе свою энергію отъ долгаго сидѣнія» (796). Къ этому надо прибавить, что почтенный авторъ сказанной статьи нѣсколько выше ставитъ щекотливый вопросъ: «часто-ли учителя задумываются надъ тѣмъ, какъ жестоко въ сущности требовать отъ дѣтей или юношей сосредоточеннаго вниманія къ тому, что въ сущности не представляетъ ни малѣйшаго интереса ни по содержанію, ни по формѣ, какъ, напр., вниманія ученика къ отвѣту урока, хорошо ему извѣстнаго, а повторяемаго подрядъ въ пятый-или шестой разъ?» (791).

Во второй своей статьѣ, посвященной тому-же предмету (въ декабрьской книжкѣ), В. Д. Сиповскій указываетъ на то, что «главнѣйшее зло и основная причина неурядицы въ школьной жизни—это та рознь, та пропасть, которая образуется между учащими и учащимися, воспитателями и воспитанниками, представляющими въ большинствѣ случаевъ два враждебныхъ лагеря, ведущіе между собою безпрерывную и порою жестокую борьбу» (№ 10, стр. 879). Все это происходитъ, по мнѣнію почтеннаго педагога, отъ совершенно неправильнаго взгляда на дисциплину и съ своей стороны онъ предлагаетъ слѣдующіе тезисы:

1) Самообладаніе и управленіе собою—одно изъ самыхъ трудныхъ искусствъ, которому нельзя сразу научиться, и потому

2) дисциплину, общую, обязательную для всѣхъ, требующую этого самообладанія, основанную на страхѣ наказанія, вводить въ школу, значитъ дѣлать крупную ошибку, такъ какъ

3) дисциплина прямо требуетъ отъ дѣтей того, въ чемъ воспитаніе видитъ лишь одну изъ своихъ конечныхъ цѣлей, и потому, взятая отдѣльно отъ воспитанія, можетъ лишь мѣшать ему.

4) Дисциплина должна быть твердою, одинаково обязательною для всѣхъ, должна быть, такъ сказать, всегда равна сама себѣ и въ цѣ-

ляхъ, и въ средствахъ, а это прямо противорѣчитъ задачѣ воспитанія—сообразоваться не только съ возрастомъ, но и съ индивидуальностью воспитанниковъ.

5) Дисциплина дѣйствуетъ преимущественно страхомъ наказанія, а этимъ она можетъ только вредить дѣлу воспитанія, такъ какъ этотъ страхъ—одно изъ самыхъ дурныхъ и опасныхъ средствъ, пользоваться которымъ воспитатель позволяетъ себѣ съ большой осторожностью и то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

6) Своихъ задачъ въ школѣ, особыхъ отъ задачъ воспитанія, дисциплина не имѣетъ: все, чего она требуетъ, входитъ и, при томъ лишь какъ незначительная часть, въ кругъ задачъ воспитанія, и потому она не можетъ разсматриваться, какъ самостоятельное и равномѣрное воспитанію, могущее замѣнить его въ школѣ (900 и 901).

Мысли добрыя и заслуживающія особаго вниманія тѣхъ педагоговъ, которые придаютъ дисциплинѣ самой по себѣ чрезмѣрное воспитательное значеніе. Какъ вѣрно замѣчаетъ В. Д. Сиповскій, современная школа «лишь предъявляетъ требованія и взыскиваетъ за неисполненіе ихъ» (885).

Съ точки зрѣнія истыхъ поклонниковъ дисциплины, ребенокъ, входя въ школу и заставая тамъ опредѣленный порядокъ жизни, на самомъ дѣлѣ дифференцирующійся на множество отдѣльныхъ постановленій писаннаго и неписаннаго школьнаго кодекса, долженъ плыть по теченію, волна дисциплины пусть несетъ его на хребтѣ своемъ впередъ до выработки изъ него ловкаго фронтовика школы. Но вѣдь на военной службѣ каждый рекрутъ обучается подъ руководствомъ спеціально приставленнаго къ нему дядьки. И тамъ считаются съ индивидуальностью. А школа? Здѣсь объ индивидуальности довольно разговариваютъ. Для начала и этого довольно.

Изъ другихъ оригинальныхъ статей «Женскаго образованія» отмѣтимъ статью кн. В. Д. Дабижа «о чтеніи французскихъ писателей въ классѣ и дома» (май). Здѣсь приведенъ съ воспитательнымъ тактомъ составленный указатель чтенія по французской литературѣ, начиная съ XVII в. и кончая Викторомъ Гюго, Ламартиномъ и Альфредомъ де-Мюссе.

Что касается компилятивныхъ и переводныхъ статей, то всѣ онѣ, отличаясь разнообразіемъ содержанія, являются живымъ подтвержденіемъ основныхъ взглядовъ редакціи журнала. По прежнему «Женское образованіе» даетъ обильную библіографію книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія въ цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе обстоятельныхъ рецензій.

Е. Гаршинъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Школьная хроника въ Германіи за ноябрь—декабрь 1890 г.

(*Продолженіе*).

Представляя борьбу за и противъ классической школы, мы поставили себѣ правиломъ останавливать вниманіе читателей на такихъ явленіяхъ, которыя характеризуютъ настроеніе наиважнѣйшихъ группъ и направленій. Разсмотрѣвъ отношеніе университетовъ къ вопросу о реформѣ, мы обратимся теперь къ судьбѣ гимназій предъ судомъ нѣмецкихъ парламентовъ. При ежегодномъ обсужденіи государственнаго бюджета въ *прусскомъ* парламентѣ заходитъ всякій разъ рѣчь и о состояніи среднеучебныхъ заведеній. Въ прошломъ (1889) году разсужденія о классическихъ гимназіяхъ въ конечныхъ своихъ результатахъ оказались рѣшительно благопріятными для гимназій *). Нѣсколько иначе сложилось дѣло въ нынѣшнемъ (1890 году), когда былъ возбужденъ вопросъ о судьбѣ гимназій: не только со стороны защитниковъ рѣшительной реформы, но также и со стороны умѣренныхъ реформаторовъ были предъявлены министру настойчивыя требованія и заявленія.

Едва-ли бы соотвѣтствовало цѣли настоящей хроники, если-бы мы стали подробно излагать всѣ тѣ многоразличныя мнѣнія, которыя были высказаны въ парламентѣ. Мы постараемся только съ возможною точностью установить тѣ пункты, относительно которыхъ существовало согласіе и единодушіе большинства членовъ и едва-ли ошибемся, если въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ поставимъ вопросъ о правѣ на службу въ войскѣ однолѣтнимъ вольноопредѣляющимся. По этому поводу министръ народнаго просвѣщенія объяснилъ, что это—на его взглядъ самое существенное препятствіе въ развитіи гимназій—будетъ устранено по иниціативѣ самого императора, который намѣренъ изъять этотъ вопросъ совсѣмъ изъ компетенціи министерства народнаго просвѣщенія и передать его въ военное министерство.

Равнымъ образомъ членами парламента было высказано единодушное желаніе созвать коммиссію изъ ученыхъ и педагоговъ для окончательнаго

*) См. «Гимназія» янв. 1890. Письма изъ Германіи. II.

выясненія вопроса о реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній, относительно котораго въ парламентѣ не было достигнуто единодущія, какъ въ 1889 году. На это министръ заявилъ о предполагаемомъ созваніи школьной конференціи. Министерская программа реформъ имѣла въ парламентѣ если не абсолютное большинство членовъ на своей сторонѣ, то во всякомъ случаѣ—относительное. Мы считаемъ необходимымъ выяснить основныя черты этой реформы, замѣтивъ напередъ, что министръ не высказалъ ея въ связной рѣчи, но развилъ ее въ отвѣтахъ на запросы и заявленія отдѣльныхъ членовъ.

Для успѣшнаго развитія гимназій прежде всего необходимо создать благопріятныя внѣшнія условія ихъ дѣятельности; къ таковымъ принадлежатъ: устраненіе изъ гимназій того значительнаго контингента учащихся, которые не могутъ или не хотятъ довести гимназическаго курса до конца и продолжать свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; отнынѣ классическія гимназіи должны быть дверью въ университетъ, а не мѣстомъ законченнаго средняго образованія; послѣднее составляетъ задачу городскихъ школъ безъ латинскаго языка, реальныхъ школъ 2-го разряда. Министерство намѣрено отнынѣ ограничивать число гимназій и покровительствовать другимъ формамъ средней школы, какъ-то, профессіональнымъ училищамъ и т. д.

Вторымъ необходимымъ условіемъ является педагогическая подготовка самихъ преподавателей; по этому вопросу въ парламентъ былъ внесенъ законопроектъ устройства при лучшихъ гимназіяхъ педагогическихъ семинарій *).

Что-же касается собственно учебныхъ плановъ, то министерство вполнѣ согласно на нѣкоторыя измѣненія, подъ условіемъ сохраненія гуманистической основы гимназій **). Таковы главныя черты министерской программы, которая противопоставлена болѣе энергичнымъ требованіямъ реформаторовъ. Со стороны послѣднихъ были возбуждены вопросы о равноправности классическихъ и реальныхъ гимназій и объ учрежденіи единой средней школы съ новыми языками въ основѣ и съ тремя высшими отдѣленіями ***). Въ виду предстоящей конференціи министръ не вошелъ въ подробныя разъясненія по этому поводу.

Въ общемъ можно сказать, что программа министра имѣетъ всѣ шансы на осуществленіе и отчасти уже приведена въ исполненіе; такъ, напр., законопроектъ о педагогическихъ семинаріяхъ былъ принятъ, и въ связи съ нимъ изданы новыя правила испытанія на званіе учителя гимназіи. Такова была прошлая сессія парламента; можно предвидѣть, что въ настоящую сессію (1891 года) будутъ внесены нѣкоторые весьма важные проекты, которые явятся результатомъ конференціи и поэтому рѣшеніе парламента (приблизительно, въ мартѣ-маѣ) будетъ истиннымъ судомъ народнаго представительства надъ классической системой; въ настоящее-

---

*) См. «Гимназія» 1890. II. О педагог. семинаріяхъ въ Пруссіи и Саксоніи.

**) Перечисленныя министромъ желательныя улучшенія уже осуществлены въ новыхъ учебныхъ планахъ русскихъ гимназій. Проектъ прусскаго министра не идетъ далѣе этихъ измѣненій.

***) См. ниже о баденскомъ парламентѣ.

же время прусскій парламентъ въ общемъ по отношенію къ школѣ пребываетъ консервативнымъ *).

Неудовлетворительность нынѣшней педагогической подготовки преподавателей гимназій, необходимость немедленнаго учрежденія педагогическихъ семинарій и усиленія педагогическихъ чтеній въ университетской программѣ были также единодушно признаны и въ засѣданіяхъ *баварскаго* парламента въ февралѣ 1890 года сначала въ бюджетной коммиссіи, а потомъ и въ цѣломъ засѣданіи всего парламента. Равнымъ образомъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія, такъ и члены парламента по поводу петиціи «баварскаго реформъ-ферейна» высказались за неприкосновенное сохраненіе классической системы, не отрицая, впрочемъ, частныхъ недостатковъ въ учебномъ дѣлѣ и обѣщая ихъ устраненіе. «Баварскій реформъ-ферейнъ» составляетъ мюнхенское отдѣленіе такого-же общества, основаннаго въ Берлинѣ въ 1889 году **). Въ поданной на имя министра народнаго просвѣщенія петиціи фреейнъ ходатайствовалъ объ устройствѣ пробной шестиклассной школы, съ бифуркаціею въ старшихъ классахъ, т.-е. къ ней должны присоединиться два трехклассныя отдѣленія—классическое и реальное. Петиція эта принята министерствомъ къ свѣдѣнію.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ дебаты въ *баденскомъ* парламентѣ, происходившіе 3 мая 1890 г. по вопросу о реформѣ гимназій. Особенный интересъ возбуждаетъ предложеніе муниципалитета города Карлсруэ, который рѣшился взять на себя первый починъ пробной шестиклассной школы въ томъ именно видѣ, какъ ее предлагаетъ реформъ-ферейнъ. Мысль эта была подана проф. Трейтлейномъ и принята муниципалитетомъ, который въ свое время обратился къ шведскому правительству съ запросомъ объ успѣхахъ произведенной тамъ реформы школъ, такъ называемой шведской системы, введенной въ Даніи, Норвегіи и Швеціи. Нужно замѣтить, что *шведская система* горячо рекомендуется для подражанія многими педагогами въ Германіи изъ которыхъ особенно выдается Клинкгардтъ; но на-ряду съ похвалами этой системы слышатся рѣшительныя порицанія со стороны лицъ, также компетентныхъ, знающихъ ее по личнымъ наблюденіямъ; къ таковымъ противникамъ принадлежитъ проф. Улигъ въ Гейдельбергѣ. Наконецъ слѣдуетъ указать на то, что и въ самой Швеціи въ этомъ отношеніи не существуетъ столь единодушной увѣренности въ превосходствѣ введенной системы, какъ это представляютъ ея сторонники въ Германіи. Броженіе въ обществѣ, смущеніе и нетвердость правительства въ вопросѣ о школьной реформѣ, представляютъ тамъ еще болѣе безотрадную картину, чѣмъ въ Германіи, и въ нѣмецкой и русской печати нерѣдко встрѣчаются утвержденія, будто маленькія сѣверныя королевства, не играя въ политику и устраняясь отъ соперничества съ великими державами, могутъ сосредоточить свое вниманіе на школьномъ дѣлѣ и опередить въ этомъ отношеніи перво-

*) Поэтому совершенно неточно то утвержденіе, которое очень часто встрѣчается въ русской печати, будто народное представительство всюду настойчиво требуетъ коренной реформы гимназій; конечно, можно назвать такое поведеніе парламента «реакціоннымъ» или т. п., какъ называютъ сторонниковъ классицизма, но фактъ остается фактомъ и не говоритъ въ пользу коренной реформы.

**) См. «Гимназія». 1890. V—VII. Письма изъ Германіи. IV.

классныя державы; все это, по нашему мнѣнію, заключенія a posteriori: нравится авторамъ такихъ изрѣченій шведская система, такъ, конечно, все тамъ благополучно, и родители, и дѣти, и народное представильство не нахвалятся своей выдумкой; а между тѣмъ, до чего нетвердо само правительство въ этомъ вопросѣ, доказываетъ смѣна двухъ министровъ народнаго просвѣщенія въ самый короткій промежутокъ времени; именно настоящая система была введена министромъ Веннебергомъ; его смѣнилъ министръ Хаммершгольдъ, вступившій на путь «реакціи», какъ говорятъ защитники системы Веннеберга; въ сущности онъ хотѣлъ вернуться къ старому порядку, которымъ и безъ того классическая система была исковеркана. Нынѣ этотъ министръ смѣненъ опять Веннебергомъ. Правда, вторая палата теперь уже потребовала еще бо́льшаго ограниченія латинскаго языка, который удерживается только въ четырехъ послѣднихъ классахъ и, не смотря на оппозицію университетовъ, учительскихъ коллегій и т. д., возможно, что общество, которое, по словамъ Клинкгардта, помимо педагоговъ и спеціалистовъ, судитъ о школѣ, въ недалекомъ будущемъ выбросить за бортъ и тѣ жалкіе остатки классицизма, которые теперь еще существуютъ въ шведской системѣ. Но это броженіе переходнаго состоянія, это смутное состояніе общества и правительства, эти колебанія въ примѣненіи системы, по нашему разумѣнію, совсѣмъ не свидѣтельствуютъ о томъ, что сѣверныя королевства шествуютъ впереди Германіи на пути просвѣщенія.

Если, слѣдовательно, устраненіе классицизма составляетъ конечную цѣль всѣхъ шведскихъ экспериментовъ, то не представляется никакого смысла подражать стадіямъ переходнаго состоянія, тѣмъ болѣе, что въ стремленіи къ разрушенію классической системы нѣмцы шли такъ-же самостоятельно, какъ шведы и другіе народы.

Но тутъ надо замѣтить, что предлагаемый муниципалитетомъ г. Карлсруэ планъ средней школы преслѣдуетъ тѣ-же самыя цѣли, какъ гуманистическая и реальная гимназія; слѣдовательно, представляетъ немалый интересъ разсмотрѣть его не съ принципіальной точки зрѣнія, а на основаніи современной учебной системы *). Учебное начальство въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія заявило, что оно не имѣетъ никакихъ препятствій къ устройству такой единой школы, если она выставитъ учебный планъ, одинаковый съ нынѣ существующимъ въ классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ; и городской муниципалитетъ на это требованіе согласился; посмотримъ-же, какими средствами думаетъ онъ этого достигнуть. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ курсъ совершенно одинаковъ съ курсомъ реальныхъ школъ безъ латинскаго языка, который начинается съ 4-го класса, и тутъ ученики раздѣляются на латинское и реальное отдѣленіе; послѣднее не ведетъ ни въ какія высшія учебныя заведенія. Съ шестаго года начинается изученіе греческаго языка, причемъ происходитъ новое дѣленіе учениковъ на классиковъ и реалистовъ; тѣ и другіе обучаются три года, по истеченіи которыхъ они поступаютъ въ высшія учебныя заведенія. Такой организаціей, по мнѣнію проекта, будутъ устранены главнѣйшіе недостатки теперешней системы среднихъ школъ, заклю-

*) См. «Гимназія». V—VII. 1890. Письма изъ Германіи. IV.

чающіеся, во-первыхъ, въ отсутствіи единства подготовки, во-вторыхъ, въ трудности перехода изъ одного учебнаго заведенія въ другое, въ-третьихъ, въ необходимости слишкомъ ранняго рѣшенія будущей карьеры ученика. Разсматривая этотъ планъ, мы видимъ прежде всего, что *единства* въ немъ *нѣтъ*, также какъ и въ настоящей системѣ. Нужно припомнить, что курсъ классическихъ и реальныхъ гимназій въ первыхъ трехъ классахъ совершенно одинаковъ по уставу 1882 года; такимъ образомъ и теперешняя система или обладаетъ единствомъ подготовки въ неменьшей степени, чѣмъ новая школа, въ которой также съ четвертаго года, какъ и теперь, нужно рѣшать вопросъ о карьерѣ ученика окончательно, или нужно констатировать, что единство не выдержано; далѣе мы того мнѣнія, что даже если классическія гимназіи слишкомъ спеціальны, то нельзя требовать безпрепятственнаго перехода изъ одной спеціальности въ другую: что сказали-бы военные спеціалисты, если-бы пѣхотный офицеръ тотчасъ-же могъ-бы сдѣлаться морякомъ? Каждая спеціальность, по замѣчанію Платона, требуетъ ранняго и продолжительнаго упражненія и переходъ изъ одной сферы въ другую невозможенъ безъ особенныхъ усилій. Въ новой школѣ также трудно будетъ перейти съ одного отдѣленія на другое, какъ изъ современной классической гимназіи въ реальную. Что касается конечнаго результата этихъ трехъ соединенныхъ подъ одной крышей школъ, то по неоднократнымъ заявленіямъ муниципалитета и по требованію министерства народнаго просвѣщенія онъ долженъ быть нисколько не хуже въ сравненіи съ тѣмъ, что достигается теперешними гимназіями: классической и реальной. Намъ представляется совершенно непонятнымъ, какъ это при *сокращенномъ вдвое* числѣ уроковъ древнихъ языковъ можно было-бы достигнуть тѣхъ-же результатовъ по этимъ предметамъ, какъ и при настоящихъ условіяхъ. Для того, чтобы обѣщать это, нужно считать всѣхъ теперешнихъ преподавателей древнихъ языковъ совершенными невѣждами относительно ихъ педагогической подготовки. Но всякій, кто знаетъ современную постановку преподаванія древнихъ языковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, не будетъ сомнѣваться, что такое предположеніе относительно преподавателей древнихъ языковъ не можетъ считаться вѣрнымъ.

Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого проекта, но не сомнѣваемся, что если онъ будетъ осуществленъ, опытъ этотъ поставитъ педагоговъ предъ слѣдующей альтернативой: они должны будутъ признать, что планъ *такой* школы несовмѣстимъ ни съ цѣлями современныхъ классическихъ и реальныхъ гимназій ни съ требованіями нѣмецкаго просвѣщенія, или-же сказать, что въ интересахъ сего послѣдняго можетъ служить только реальная система и тогда нужно будетъ упразднить классическую систему безъ остатка: tertium non datur.

Что касается отношенія баденскаго парламента и министерства къ реформѣ гимназій, то, помимо соглашенія на предложеніе муниципалитета г. Карлсруэ, не замѣтно, чтобы они горѣли отъ нетерпѣнія произвести коренную реформу, какъ часто утверждалось въ русской печати. При дебатахъ объ этомъ вопросѣ едва-ли не большинство высказалось въ пользу гуманистическихъ гимназій, а противники говорили умѣреннымъ тономъ безъ гнѣва и брани, которыя, къ сожалѣнію, снова оживились въ печати по поводу созванія школьной конференціи въ Берлинѣ.

Вскорѣ послѣ изданія рескрипта о кадетскихъ корпусахъ (18 февраля 1890 года) стали распространяться въ печати слухи о созваніи школьной конференціи, которые потомъ были подтверждены оффиціальнымъ заявленіемъ министра народнаго просвѣщенія въ прусскомъ парламентѣ. По различнымъ причинамъ коммиссія могла собраться въ Берлинѣ только 4 декабря н. с. и открыть свои засѣданія. Въ настоящей хроникѣ мы сообщимъ только рѣчь императора Вильгельма и нѣкоторыя важнѣйшія рѣшенія коммиссіи; извѣстія о ходѣ занятій ея, проникающія чрезъ «Reichsanzeiger» въ печать, такъ скудны и неясны, что передача ихъ не представляесъ никакого интереса и мы должны отложить сообщеніе о нихъ до того момента, когда послѣдуетъ обѣщанная оффиціальная публикація протоколовъ и текстовъ рѣчей отдѣльныхъ членовъ; можно также надѣяться, что къ тому времени и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія будутъ составлены новые проекты именно на основаніи постановленій коммиссіи и такимъ образомъ можно будетъ точно судить о результатахъ конференціи. Что касается рѣчи императора Вильгельма, то мы предпочли передать ее in continuo, не выбирая отдѣльныя мѣста ея и перекладывая ихъ собственнымъ пересказомъ, замѣчаніями и критикой. Правда, та форма, въ которой она предлежитъ намъ на основаніи стенографическаго отчета, далеко не свидѣтельствуетъ о стилистической отдѣлкѣ, послѣдовательномъ развитии мыслей; она носитъ скорѣе на себѣ всѣ признаки произнесенной экспромптомъ а не письменно выработанной рѣчи, тѣмъ не менѣе, съ сужденіями императора можно знакомиться только посредствомъ связнаго чтенія всей рѣчи, а не отдѣльныхъ мѣстъ ея, такъ или иначе сопоставленныхъ по вкусу передающаго. Поэтому, не смотря на то, что въ свое время эта рѣчь была перепечатана во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, пусть не посѣтуютъ читатели, если встрѣтятся съ нею снова въ настоящей хроникѣ.

Засѣданія школьной коммиссіи были открыты въ присутствіи императора подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія фонъ-Госслера. Этотъ послѣдній обратился къ членамъ конференціи съ рѣчью, въ которой онъ сначала указалъ на заботы прежнихъ Гогенцоллерновъ о школьномъ просвѣщеніи; потомъ онъ перешелъ къ характеристикѣ задачи, разрѣшеніемъ которой должна заняться коммиссія; изъ его словъ ясно было, что дѣло идетъ объ *основательномъ пересмотрѣ всей системы школьнаго образованія* и что вопросъ этотъ, съ другой стороны, имѣетъ политическое значеніе для всей Германіи, въ смыслѣ бо́льшаго объединенія нѣмецкихъ государствъ. Напомнивъ членамъ коммиссіи объ ихъ обязанности высказывать свои взгляды съ совершенною независимостью, выразивъ твердую надежду на удачное разрѣшеніе животрепещущаго вопроса, онъ закончилъ свою рѣчь выраженіемъ благодарности монарху за его заботы о школѣ. Если мы оставимъ въ сторонѣ то мѣсто, гдѣ говорится о собственной задачѣ конференціи, то въ рѣчи министра мы не найдемъ ничего особенно выдающагося; это прекрасно стилизованная, приличная случаю, дѣловая рѣчь при открытіи собственнаго засѣданія.

Тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное рѣчью императора. Едва-ли-бы мы ошиблись, если-бы сравнили ее съ раскатомъ грома, отдавшимся во всемъ нѣмецкомъ государствѣ и далеко за предѣлами его;

однимъ послышался въ немъ гнѣвъ и порицаніе, а другимъ радостная вѣсть о лучшемъ будущемъ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этого впечатлѣнія могутъ служить отзывы періодической печати по поводу взглядовъ императора. Мы не находимъ возможнымъ раздѣлять всецѣло тѣ два мнѣнія, о которыхъ мы выше сказали, но прежде чѣмъ высказать собственное сужденіе, мы приводимъ дословный текстъ рѣчи императора. Онъ сказалъ:

«Господа! я привѣтствую васъ отъ всего сердца и благодарю господина министра за то, что онъ, не смотря на обремененіе всякаго рода занятіями, взялъ на себя трудъ руководить этимъ собраніемъ. Я глубоко убѣжденъ, что нѣтъ человѣка болѣе подходящаго и болѣе способнаго вести настоящія совѣщанія и содѣйствовать разрѣшенію вопроса, какъ нашъ министръ народнаго просвѣщенія, о которомъ я, безъ преувеличенія, съ увѣренностью могу сказать, что германское государство и королевство прусское въ теченіе долгихъ лѣтъ не имѣли такого мужественнаго, преданнаго и выдающагося министра, какъ онъ.

«Я надѣюсь, что съ вашею помощью удастся не только подвинуть дѣло впередъ, но и привести его къ концу...

«Господа! Я прежде всего испросилъ себѣ позволеніе сказать вамъ нѣсколько словъ; такъ какъ для меня очень важно, чтобы вы впередъ знали, что я думаю объ этомъ дѣлѣ. Непремѣнно случится такъ, что будутъ разсуждать о многомъ такомъ, что не можетъ быть окончательно разрѣшено, и я думаю, что нѣкоторые пункты останутся въ туманной неясности; поэтому я заблагоразсудилъ не оставить васъ въ неизвѣстности относительно моего мнѣнія.

«Прежде всего, я желалъ-бы замѣтить, что здѣсь дѣло идетъ не о политическомъ значеніи школьнаго вопроса, а только о техническихъ и педагогическихъ мѣрахъ, которыя мы должны предпринять, чтобы воспитывать нашу подростающую молодежь соотвѣтственно современнымъ требованіямъ, международному положенію нашего отечества, а также и нашей жизни. И тутъ я желалъ-бы сдѣлать одно замѣчаніе.

«Мнѣ было-бы очень пріятно, если-бы мы эти разсужденія и совѣщанія обозначили не французскимъ словомъ Schul-Enquête, а нѣмецкимъ: Schulfrage. Frage есть старинное нѣмецкое выраженіе для предварительнаго изслѣдованія, и я долженъ сказать, что настоящія занятія представляютъ болѣе или менѣе предварительное разслѣдованіе. Итакъ назовемъже это дѣло просто «школьнымъ вопросомъ» (Schulfrage).

«Я пересмотрѣлъ тѣ 14 вопросныхъ пунктовъ и нахожу, что они легко могутъ подать поводъ къ тому, что дѣло будетъ понято въ предѣлахъ узкой схемы. Объ этомъ я сожалѣлъ-бы въ высшей степени. Напротивъ, самое главное заключается въ томъ, чтобы была понята самая сущность дѣла, а не одна только его форма. И вотъ я съ своей стороны поставилъ нѣкоторые вопросы, относительно которыхъ надѣюсь, что и на нихъ также будетъ обращено вниманіе.

«Прежде всего должно строго обсудить вопросъ «о школьной гигіенѣ, независимо отъ гимнастики», затѣмъ вопросъ «объ уменьшеніи учебнаго матеріала», затѣмъ вопросъ «объ учебныхъ планахъ для отдѣльныхъ предметовъ преподаванія», потомъ вопросъ «о методахъ преподаванія и

организаціи его»—(относительно главныхъ пунктовъ уже сдѣланы были замѣчанія), въ-шестыхъ, вопросъ о томъ, «удаленъ-ли главный балластъ изъ экзаменныхъ программъ» и, въ-седьмыхъ, вопросъ о томъ, «устранена-ли возможность обремененія учащихся въ будущемъ», въ-восьмыхъ—вопросъ «о формѣ контроля по окончаніи дѣла преобразованія» и, въ-девятыхъ, вопросъ «объ очередныхъ и чрезвычайныхъ ревизіяхъ».

«Весь вопросъ, господа, развился постепенно, самъ собою; и я увѣренъ, что вы, имѣя дѣло съ нимъ, облечете его въ такую форму и дадите ему такое направленіе и окончательное разрѣшеніе, что нація будетъ въ состояніи принять его отъ васъ, какъ зрѣлый плодъ.

«Въ томъ кабинетномъ рескриптѣ, о которомъ упомянулъ ранѣе господинъ министръ, можетъ быть, не было-бы никакой надобности, если-бы школа стояла на должной высотѣ своей задачи. Я замѣчу напередъ, что если я буду выражаться немного рѣзко, то это не относится ни къ кому лично, а касается всей системы, общаго положенія. Если-бы школа исполняла то, что отъ нея можно требовать,—и я могу вамъ говорить объ этомъ по опыту, такъ какъ я тоже сидѣлъ въ гимназіи и знаю, что тамъ происходитъ,—то она сразу, сама собою могла-бы взять на себя борьбу съ соціалъ-демократіей. Учительскія коллегіи должны были-бы энергично взяться за дѣло и выправить подростающее поколѣніе такимъ образомъ, чтобы тѣ молодые люди, которые, приблизительно, одинаковы со мною по возрасту, т.-е. имѣютъ отъ-роду 30 лѣтъ, сами собою образовали тотъ матеріалъ, съ помощью котораго я могъ-бы работать въ государствѣ, чтобы овладѣть теченіемъ. Этого-то именно и не случилось. Послѣдній моментъ, когда школа оказывала еще рѣшающее вліяніе на всю жизнь народа и его развитіе, совпадаетъ съ эпохой 1864, 1866—1870 годовъ. Тогда именно прусскія школы и прусскія школьныя коллегіи были носительницами идеи единства, которая проповѣдовалась повсюду. Каждый абитуріентъ, который выходилъ изъ школы и въ качествѣ вольноопредѣляющагося вступалъ въ войско или выходилъ на поприще жизни — всѣ были согласны и едины въ одной идеѣ: германская имперія должна быть снова возстановлена, и Эльзасъ-Лотарингія завоевана. Но съ 1871-мъ годомъ дѣло заглохло. Имперія объединена, мы достигли того, къ чему мы стремились, но на этомъ и остановились. Школа должна была-бы, исходя изъ новаго положенія, воспламенять молодежь и разъяснять ей, что новое государство именно затѣмъ и существуетъ, чтобы быть охраняемымъ. Между тѣмъ ничего подобнаго не было сдѣлано и уже теперь на пространствѣ короткаго времени съ основанія имперіи, развиваются центробѣжныя стремленія—я, конечно, могу объ этомъ судить вполнѣ точно, такъ какъ я стою наверху и имѣю дѣло со всѣми такими вопросами. Причину слѣдуетъ искать въ воспитаніи молодежи; въ чемъ заключается ошибка? Конечно, слабыхъ пунктовъ не мало, но главный недостатокъ заключается въ томъ, что съ 1870 года филологи сидѣли въ гимназіи, какъ beati possidentes, и обращали главное вниманіе на учебный матеріалъ, на заучиваніе и знаніе, а не на образованіе характера и не на потребности нашего времени. Вы, господинъ тайный совѣтникъ Гинцпетеръ, извините меня! вы—вдохновенный филологъ, но тѣмъ не менѣе, на мой взглядъ, дѣло дошло до того, что наконецъ стало невозможнымъ продол-

жать такъ дальше. До сихъ поръ обращали вниманіе болѣе на знаніе, чѣмъ на способности; это уже сказывается въ экзаменныхъ требованіяхъ. Теперь еще въ полной силѣ тотъ принципъ, что прежде всего ученикъ долженъ знать какъ можно больше; годится-ли это для жизни, или нѣтъ— это вопросъ второстепенный. Поговорите съ однимъ изъ лицъ, причастныхъ этому дѣлу, попробуйте растолковать ему, что молодой человѣкъ въ нѣкоторой степени долженъ быть подготовленъ къ жизни и ея вопросамъ, и вы всегда услышите въ отвѣтъ, что это не есть задача школы, что главная суть въ гимнастикѣ ума и что если-бы этой гимнастикой занимались какъ слѣдуетъ, то молодой человѣкъ былъ-бы въ состояніи сдѣлать все необходимое для жизни. Я думаю, что нельзя продолжать, основываясь на этомъ принципѣ.

«Возвращаясь теперь къ школамъ и спеціально къ гимназіямъ, я долженъ сказать, что мнѣ хорошо извѣстно, что очень многіе считаютъ меня за фанатическаго врага ихъ и представляютъ меня сторонникомъ другихъ формъ школы. Господа! Это—неправда. Кто самъ былъ въ гимназіи и заглядывалъ за ея кулисы, тотъ знаетъ, въ чемъ кроются недостатки; а именно, тамъ не достаетъ прежде всего національной основы. Мы должны сдѣлать нѣмецкій языкъ основаніемъ гимназіи; мы должны воспитывать національныхъ нѣмцевъ, а не молодыхъ грековъ и римлянъ. Мы должны оставить ту систему, которая господствовала въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, систему стараго монастырскаго воспитанія, среднихъ вѣковъ, когда главную роль игралъ латинскій языкъ и частью греческій.

«Эта система уже не имѣетъ теперь рѣшающаго значенія; мы должны положить въ основаніе—нѣмецкій языкъ. Сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ должны служить средоточіемъ всего курса. Если ученикъ на экзаменѣ зрѣлости напишетъ безукоризненно нѣмецкое сочиненіе, то отсюда можно заключить о степени духовнаго развитія молодаго человѣка и судить о томъ, годится-ли онъ къ чему-нибудь или нѣтъ. Ну, конечно, на это можно возразить и сказать, что латинскія сочиненія тоже очень важны, что латинскія сочиненія очень хороши, чтобы пріучить къ чужому языку и т. п. чудеса.

«Да, господа, я самъ занимался этимъ. Какъ пишутся латинскія сочиненія? Я самъ бывалъ свидѣтелемъ того, что молодой человѣкъ имѣлъ по нѣмецкому языку, напр., 4+, въ общемъ выводѣ удовлетворительно и по латинскому языку 2, именно за сочиненія *). Такой ученикъ заслуживалъ наказанія, а не похвалы, такъ какъ ясно, что латинскія сочиненія писалъ онъ нечестно. И изъ всѣхъ латинскихъ сочиненій, которыя мы писали, не было и одного изъ двѣнадцати, которое не писалось-бы нечестнымъ образомъ. А такія сочиненія считались хорошими. Таковы эти латинскія сочиненія. Но когда намъ задавали въ гимназіи написать сочиненіе о «Миннѣ ф. Барнгельмъ», то намъ ставили едва удовлетворительную отмѣтку. Поэтому я и говорю, господа, прочь латинскія сочиненія, они мѣшаютъ намъ; мы теряемъ съ ними время, нужное для нѣмецкаго языка.

«Равнымъ образомъ я желалъ-бы бо́льшаго развитія національнаго

*) Нѣм. 4=русс. 2 и нѣм. 2=русс. 4.

чувства при изученіи исторіи, географіи и саги. Начнемъ сначала учиться у себя дома. Только тогда, когда мы ознакомимся съ различными комнатами и каморками, можемъ мы пойти въ музей и осмотрѣться тамъ. Но прежде всего мы должны знать отечественную исторію. Въ мои школьные годы великій курфюрстъ былъ еще едва извѣстенъ, а семилѣтняя война стояла внѣ программы; исторія заканчивалась прошлымъ столѣтіемъ, именно французской революціей. Освободительныхъ войнъ, которыя составляютъ самое важное для гражданина, не проходили, и только благодаря добавочнымъ, весьма интереснымъ лекціямъ господина тайнаго совѣтника Гинцпетера, я, слава Богу, былъ въ состояніи узнать объ этихъ вещахъ. А это именно punctum saliens. Отчего совращается наша молодежь съ вѣрнаго пути? Откуда берутся незрѣлые и безтолковые спасатели міра? Почему они придираются къ нашему правительству и указываютъ на чужія страны? Потому что молодые люди не знаютъ, какъ развивалась наша жизнь и какъ все произошло отъ французской революціи. И поэтому я глубоко убѣжденъ, что если мы въ простомъ и объективномъ изложеніи представимъ нашей молодежи въ общихъ чертахъ переходъ отъ французской революціи къ XIX столѣтію, то она получитъ совершенно иное пониманіе и представленіе о современныхъ вопросахъ. Молодые люди будутъ тогда въ состояніи расширить свои познанія при помощи дополнительныхъ лекцій по исторіи въ университетѣ. Переходя къ занятіямъ нашей молодежи, я нахожу рѣшительно необходимымъ уменьшить число уроковъ. Господинъ тайный сов. Гинцпетеръ навѣрно помнитъ, что въ то время, когда я находился въ кассельской гимназіи, впервые стали слышны протесты родителей и семействъ въ томъ смыслѣ, что такъ продолжать впредь невозможно. Вслѣдствіе этихъ протестовъ правительство распорядилось, чтобы мы каждое утро предъявляли нашему директору записки съ указаніемъ числа часовъ домашней работы, которое было необходимо для того, чтобы одолѣть заданныя на завтра работы. Тѣ цыфры, о которыхъ я сейчасъ буду говорить, относятся спеціально къ примѣ *). И вотъ, господа, при совершенно добросовѣстныхъ указаніяхъ—у меня ихъ могъ контролировать господинъ тайный сов. Гинцпетеръ—на каждаго ученика выходило отъ $5^1/_2$ до 7 часовъ на домашнія работы. Такъ было у абитуріентовъ. Прибавьте къ этому 6 часовъ классныхъ занятій, 2 часа на обѣдъ, ужинъ и завтракъ, и вы можете сами высчитать, сколько времени оставалось намъ отъ дня. Если-бы я не имѣлъ возможности дѣлать прогулки верхомъ на лошади, или вообще поиграть на свободѣ, то я совсѣмъ не зналъ-бы, что такое міръ вокругъ меня. Во всякомъ случаѣ это такія работы, какихъ нельзя возлагать на молодежь въ теченіе долгаго времени. На мой взглядъ нужно также и по отношенію къ младшимъ классамъ оказать рѣшительную уступку и облегченіе. Господа! Это невозможно; этого лука нельзя ни натягивать туже, ни оставить въ теперешнемъ состояніи. Мы должны идти назадъ въ нашихъ требованіяхъ; мы переступили самый крайній предѣлъ. Школы—я имѣю при этомъ въ виду гимназіи—сдѣлали болѣе, чѣмъ въ силахъ человѣка, и, по моему мнѣнію, оказалось слишкомъ сильное перепроизводство интеллигенціи, ко-

*) Прима соотвѣтствуетъ нашему восьмому классу.

тораго не можетъ выдержать ни нація, ни сама интеллигенція. Тутъ оказываются справедливыми слова князя Бисмарка объ умственномъ пролетаріатѣ, который у насъ несомнѣнно есть. Всѣ такъ наз. кандидаты на голодъ, въ особенности гг. журналисты,—очень часто неудавшіеся гимназисты; они представляютъ опасность для насъ. Этотъ излишекъ, который уже теперь слишкомъ великъ, долженъ быть устраненъ. Поэтому я не разрѣшу болѣе ни одной гимназіи, если не будутъ доказаны ея рѣшительное право на существованіе и ея необходимость. Для насъ ихъ и безъ того довольно.

«Теперь вопросъ заключается въ слѣдующемъ: какъ намъ наилучшимъ образомъ удовлетворить желанія относительно классическаго образованія, относительно образованія реальнаго и относительно права на службу однолѣтнимъ вольноопредѣляющимся?

«Я думаю, что самое простое разрѣшеніе вопроса будетъ достигнуто въ томъ случаѣ, если мы уяснимъ себѣ всѣ настоящія воззрѣнія, если мы рѣшительно скажемъ: классическія гимназіи съ классическимъ образованіемъ,—реальныя школы съ реальнымъ образованіемъ, но никакихъ реальныхъ гимназій. Реальныя гимназіи—ни то, ни се, съ ними достигается только полуобразованіе и все въ цѣломъ оставляетъ на всю жизнь неопредѣленную двойственность. Вполнѣ основательны также жалобы директоровъ гимназій на тотъ огромный балластъ учениковъ, который они должны тащить съ собою и которые никогда не выдерживаютъ экзаменовъ и только желаютъ получить свидѣтельство однолѣтняго вольноопредѣляющагося. Это не бѣда: дѣло можно поправить очень просто тѣмъ, что мы вставимъ экзаменъ тамъ, гдѣ вольноопредѣляющійся намѣренъ оставить школу, и кромѣ того сдѣлаемъ такъ, что эта привиллегія, въ тѣхъ случаяхъ, когда вольноопредѣляющійся выходитъ изъ реальнаго училища, будетъ зависѣть отъ окончанія курса въ послѣднемъ. Тогда еще на нашихъ глазахъ направится вся эта масса кандидатовъ изъ гимназій въ реальныя училища; такъ какъ, окончивъ курсъ реальной школы, они достигнутъ своей цѣли.

«Съ этимъ вопросомъ я соединяю другой, о которомъ я уже упомянулъ выше, именно, сокращеніе учебнаго матеріала возможно только при упрощеніи экзаменовъ. Выдѣлимъ всѣ грамматическія свѣдѣнія совершенно изъ испытанія зрѣлости и перенесемъ ихъ въ классы, лежащіе на одну или двѣ ступени ниже. Здѣсь заставьте учениковъ сдать экзаменъ, технически-грамматическій экзаменъ, здѣсь вы можете экзаменовать молодыхъ людей какъ угодно строго, здѣсь вы можете присоединить къ этому экзамену испытаніе на права вольноопредѣляющихся и, кромѣ того, для тѣхъ, кто хочетъ стать офицеромъ, назначить экзаменъ на фельдфебеля, такъ что не нужно будетъ выдерживать его потомъ. Какъ скоро мы видоизмѣнимъ экзамены въ такомъ смыслѣ и облегчимъ гимназіи, тогда снова вступитъ въ силу тотъ принципъ, который не существуетъ въ современныхъ школахъ и въ частности въ гимназіяхъ, именно воспитаніе, образованіе характера. При самыхъ лучшихъ желаніяхъ это невозможно въ настоящее время, когда въ классѣ находятся 30 учениковъ и когда, кромѣ того, преподаваніе находится часто въ рукахъ молодыхъ людей, характеръ которыхъ сначала долженъ быть еще развитымъ. Здѣсь я желалъ-бы привесть афо-

ризмъ, который я слышалъ отъ г. тайнаго совѣтника Гинцпетера: «кто хочетъ воспитывать, тотъ долженъ быть самъ воспитанъ». Этого нельзя утверждать о всемъ учительскомъ персоналѣ нашего времени. Чтобы сдѣлать воспитаніе возможнымъ, нужно облегчить классы, уменьшить число учениковъ. Это слѣдуетъ сдѣлать такимъ образомъ, какъ я уже сказалъ. Потомъ необходимо отрѣшиться отъ того взгляда, будто учитель только для того и существуетъ, чтобы давать уроки, будто работа его окончена, если онъ выполнитъ свою программу. Если школа принимаетъ дѣтей отъ семьи на столь продолжительное время, какъ теперь, то она должна взять на себя также отвѣтственность и за воспитаніе. Воспитывайте молодежь, тогда вы будете имѣть другихъ абитуріентовъ. Далѣе слѣдуетъ оставить то правило, что главное значеніе имѣетъ знаніе, а не жизнь; молодые люди должны быть подготовлены къ современной практической жизни.

«Я собралъ нѣкоторыя цыфры, которыя очень интересны въ статистическомъ отношеніи. Пруссія имѣетъ 308 гимназій и прогимназій съ 80.979 учениками, 172 реальныхъ гимназій и прогимназій съ 34.465 учениками, реальныхъ училищъ и городскихъ школъ—60 съ 19.893 учениками. Свидѣтельство на вольноопредѣляющагося получили въ гимназіяхъ—68%, въ реальныхъ гимназіяхъ—75% и въ реальныхъ училищахъ—38%.

«Аттестатъ зрѣлости получили въ гимназіяхъ—31%, въ реальныхъ гимназіяхъ—12% и въ реальныхъ училищахъ 2%. Каждый ученикъ въ вышеназванныхъ учебныхъ заведеніяхъ имѣетъ, приблизительно, 25.000 часовъ школьныхъ и домашнихъ занятій и только 657 часовъ изъ этой суммы для гимнастики. Это такой излишекъ умственной работы, который непремѣнно долженъ быть пониженъ. Для 12, 13, 14-лѣтняго ученика въ квартѣ и терціи *) число еженедѣльныхъ часовъ простирается до 32, въ отдѣльныхъ заведеніяхъ оно повышается до 36 и въ терціи реальной гимназіи до 37!

«Ну, господа, мы всѣ болѣе или менѣе взорослые, работаемъ, сколько можемъ, но и мы не можемъ выдержать такихъ занятій въ теченіи долгаго времени. Статистическія данныя о распространеніи школьныхъ болѣзней, въ особенности близорукости, по истинѣ ужасающее и для цѣлаго ряда болѣзненныхъ явленій еще не существуетъ и статистики. Подумайте, что за люди выростаютъ для защиты страны! Я ищу солдатъ, мы хотимъ имѣть сильное поколѣніе, которое будетъ служить также государству въ роли духовныхъ руководителей и чиновниковъ. Эта масса близорукихъ большею частью никуда не годится, ибо человѣкъ, которому не служатъ его собственные глаза, можетъ-ли сдѣлать что-нибудь? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ число близорукихъ въ примѣ достигаетъ 74%. Изъ собственнаго опыта могу я сообщить, что, несмотря на то, что мы въ Касселѣ имѣли очень хорошую комнату (конференцъ-залъ) съ прекраснымъ освѣщеніемъ и хорошей вентиляціей, сдѣланной по желанію моей матери, изъ 21 ученика 18 учениковъ носили очки, а два изъ нихъ даже и въ очкахъ не могли видѣть классной доски. Такія вещи говорятъ сами за себя; здѣсь нужно принять мѣры, и поэтому я считаю очень необходимымъ, чтобы гигіена проходилась уже въ учительскихъ семинаріяхъ, чтобы учи-

*) По нашему 3-ій и 4-ый классъ.

теля изучали курсъ ея. чтобы съ этимъ соединялось и другое требованіе: всякій учитель, который крѣпокъ здоровьемъ, долженъ умѣть и заниматься каждый день гимнастикой.

«Таковы, господа, основныя идеи, которыя я развилъ предъ вами; здѣсь идетъ дѣло о такихъ вещахъ, которыя волнуютъ мое сердце, и я могу васъ увѣрить: многочисленныя письма, просьбы и желанія, которыя заявлены были мнѣ родителями, несмотря на то, что мой многоуважаемый господинъ Гинцпетеръ въ прошломъ году объявилъ васъ, отцовъ, за такую партію, которая не имѣетъ права голоса въ воспитаніи дѣтей, налагаютъ на меня, какъ на общаго отца страны, обязанность заявить, что невозможно продолжать такимъ образомъ. Господа! мужи не должны смотрѣть на міръ чрезъ очки, но должны собственными глазами любоваться тѣмъ, что они видятъ вокругъ себя, своимъ отечествомъ и его учрежденіями.

«Вы должны мнѣ помочь теперь въ этомъ».

Независимо отъ собственнаго содержанія рѣчи императора, нельзя не согласиться съ единодушнымъ отзывомъ всей печати, выражающей самую искреннюю признательность монарху за его по-истинѣ отеческое участіе къ интересамъ школы. Однако, на нашъ взглядъ совершенно неосновательно то распространяемое либеральною печатью мнѣніе, будто вмѣшательство императора, его рѣзкіе отзывы и выраженія суть порицанія и осужденіе, высказанныя монархомъ предъ лицомъ всего свѣта нѣмецкой школѣ и ея дѣятелямъ. Если-бы это было такъ, то, безъ сомнѣнія, гражданская честь не позволила-бы министру народнаго просвѣщенія Госслеру ни на минуту остаться на своемъ посту; напротивъ, хвала, произнесенная ему публично самимъ императоромъ, свидѣтельствуетъ о противоположномъ, и дѣло, по нашему разумѣнію, объясняется иначе. Именно не нужно забывать, что нынѣшній императоръ представляетъ большое сходство съ своимъ предкомъ, королемъ Фридрихомъ - Вильгельмомъ I, въ томъ отношеніи, что онъ подобно послѣднему желаетъ «быть самъ своимъ первымъ министромъ». Молодой, полный силъ и энергіи, монархъ можетъ и желаетъ не только слѣдовать движенію народной жизни, но въ важныхъ моментахъ вести ее за собою. Поэтому онъ былъ властенъ вмѣшаться въ школьное дѣло, силою своего авторитета устранить препятствія, заключающіяся въ медленномъ методическомъ ходѣ бюрократической машины; если, съ точки съ зрѣнія своихъ немного нетерпѣливыхъ реформаторскихъ стремленій, онъ проронитъ рѣзкое слово, то, смѣемъ думать, оно не имѣетъ цѣлью посрамленія и публичнаго осужденія тѣхъ дѣятелей, которымъ ввѣрено школьное дѣло. Вотъ почему намъ кажется совершенно неосновательнымъ съ одной стороны то удрученное состояніе, въ которое были повергнуты люди, затронутые рѣчью монарха, а съ другой стороны торжество либеральной печати по поводу того, что наконецъ-то добрались до «государства въ государствѣ»: императоръ Вильгельмъ слишкомъ тактиченъ для того, чтобы отторгнуть отъ себя сотрудниковъ.

С. Николаевъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Хроника народнаго образованія.

Въ теченіе истекшаго сезона земскихъ собраній въ земскихъ губерніяхъ происходило обычное подведеніе итоговъ по дѣлу народнаго образованія. Изъ этихъ итоговъ видно, что повсюду, за самыми ничтожными исключеніями, дѣло народнаго образованія растетъ и развивается. Вотъ, для примѣра, такіе итоги по двумъ среднерусскимъ губерніямъ—Московской и Нижегородской. Въ Московской губерніи въ послѣднемъ отчетномъ году было, за исключеніемъ Москвы, 790 низшихъ учебныхъ заведеній, на 23 болѣе предыдущаго года. Изъ указаннаго числа школъ—46 находятся въ уѣздныхъ городахъ и 744 въ селахъ и деревняхъ. Изъ сельскихъ школъ всего больше, само собою разумѣется, земскихъ—496; затѣмъ слѣдуютъ церковно-приходскія — 130; далѣе 39 принадлежатъ воспитательному дому, 38 частныхъ, 30 фабричныхъ и 11 Министерства Народнаго Просвѣщенія. Сюда не вошли крестьянскія школы грамотности которыхъ не мало въ Московской губерніи, но которымъ никто не ведетъ статистики. Учащихся въ упомянутыхъ 790 школахъ было 49.500, на 585 болѣе предыдущаго года. Мальчиковъ числилось 36.608, а дѣвочекъ 12.892. Наибольшее число учащихся приходится на земскія школы—31.265 человѣкъ и церковно-приходскія — 5.447, причемъ въ первыхъ число учащихся увеличилось сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 1,6%, а во вторыхъ—на 1,2%. Кромѣ обычныхъ предметовъ преподаванія, въ 231 школѣ учащіеся обучались пѣнію, въ 11—рисованію и черченію, въ 60—рукодѣлію, въ 2—ремесламъ и въ 34—садоводству и огородничеству. При 291 земской школѣ имѣются библіотеки, при 64—происходили чтенія для народа съ туманными картинами и при 7—безъ картинъ. Въ другой губерніи, о которой мы намѣреваемся говорить,—въ Нижегородской, министерскихъ и земскихъ школъ 431, въ которыхъ обучается 18.496 мальчиковъ и 4.022 дѣвочки. По приблизительному расчету министерскія и земскія школы вмѣщаютъ едва 15% дѣтей школьнаго возраста. Министерскихъ школъ 34, изъ нихъ 13 помѣщаются въ городахъ и 21 въ селахъ. Земскихъ училищъ 397. Педагогическій персоналъ земскихъ училищъ состоитъ изъ 228 учителей и 190 учительницъ. Для снабженія учителей книгами имѣется 12 учительскихъ библіотекъ. При нѣкоторыхъ школахъ открыты ремесленные классы, гдѣ мальчики обучаются ремесламъ, а дѣвочки рукодѣлію. При двухъ училищахъ ведется практическое обученіе пчеловодству, для чего земствомъ устроены особыя пасѣки. Чтобы знанія, выносимыя учениками изъ школы, не утрачивались впослѣдствіи, при нѣкоторыхъ школахъ введены воскресно-повторительныя занятія. Для распространенія среди народа полезныхъ книгъ, при многихъ школахъ, какъ земскихъ, такъ и министерскихъ, открыты отдѣленія книжнаго склада, устроеннаго въ Нижнемъ-Новгородѣ обществомъ распространенія начальнаго образованія.

Не блестящи приведенныя данныя; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ свидѣтельствуютъ, что дѣло народнаго образованія растетъ и развивается повсемѣстно. Правда, встрѣчаются и исключенія очень печальнаго свойства; но, къ счастью, такихъ исключеній крайне мало. Вотъ одно изъ нихъ,

крайне характерное. На послѣднемъ устюжскомъ земскомъ собраніи, Вологодской губерніи, предсѣдатель собранія предложилъ закрыть всѣ существующія въ уѣздѣ 16 земскихъ училищъ. Было рѣшено закрыть 10, а оставить только 6, и кромѣ того, уменьшить жалованье учителямъ оставленныхъ школъ съ 300 до 250 рублей и прекратить для нихъ на будущее время выслугу, которая раньше давала право чрезъ каждыя пять лѣтъ службы на 25 рублей прибавки къ жалованью. Между тѣмъ, всѣ эти «сокращенія» отнюдь не вызывались стѣсненнымъ положеніемъ земскихъ финансовъ, такъ какъ то-же собраніе ассигновало 6.500 руб. на церковно-приходскія школы. Любопытно, что усть-сысольское земское собраніе той-же Вологодской губерніи вело себя какъ разъ противоположнымъ образомъ, нежели устюжское. Оно постановило увеличивать жалованье учителей черезъ 8, 6 и еще 6 лѣтъ, по 60 рублей черезъ каждый періодъ, такъ что черезъ 20 лѣтъ службы жалованье увеличится на 180 рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе постановило завести при школахъ небольшія библіотеки и ассигновало на этотъ предметъ 500 руб. Къ чести нашихъ земствъ, среди нихъ лишь немногія относятся къ народному образованію подобно устюжскому земству, но за то большинство относится подобно усть-сысольскому.

Рядомъ съ земствами на пользу народнаго образованія продолжаютъ развивать свою дѣятельность духовное вѣдомство и разныя учрежденія, созданныя частною иниціативою. Изъ соотвѣтствующихъ отчетовъ, вышедшихъ въ послѣднее время, видно, что въ особенности учрежденія частной иниціативы усиленно расширяютъ свою дѣятельность въ области народнаго образованія. Вотъ предъ нами послѣдній годичный отчетъ братства св. Гурія, работающаго для просвѣщенія язычниковъ, до сихъ поръ еще остающихся въ Волжско-Камскомъ краѣ. Какъ видно изъ отчета, въ вѣдѣніи братства состоитъ 117 школъ, изъ которыхъ только 6 предназначены для русскаго населенія, а остальныя—для инородцевъ: 58—для татаръ, 42—для чувашъ, 6—для вотяковъ, 4—для черемисъ и 1 для мордвы. Училось во всѣхъ этихъ школахъ 3.488 человѣкъ. Самою важною школою братства является центральная школа въ Казани, доставляющая учителей для инородческихъ школъ братства. Такъ, въ отчетномъ году школа эта выпустила 19 лицъ съ званіемъ сельскаго учителя. Въ настоящее время, благодаря значительнымъ пожертвованіямъ, поступившимъ въ кассу братства, оно имѣетъ возможность открыть рядъ новыхъ школъ, къ чему и приступаетъ.

Вотъ отчетъ учрежденія, созданнаго также частною иниціативой, но преслѣдующаго нѣсколько иныя цѣли, чѣмъ братство св. Гурія,—отчетъ Одесской коммиссіи народныхъ чтеній за истекшій 1890 годъ. Какъ видно уже изъ нашей статьи о народныхъ чтеніяхъ (въ январьской книжкѣ «Русской Школы»), Одесская коммиссія народныхъ чтеній является самою дѣятельною изъ всѣхъ провинціальныхъ учрежденій этого рода. Какъ видно изъ отчета коммиссіи, въ 1890 году она располагала двумя читальнями, въ которыхъ было произнесено 67 чтеній. Посѣтителей было 27.336, въ томъ числѣ только 9.459 посѣтителей платныхъ, а остальные были допущены безплатно. Кромѣ того, коммиссіей было устроено 14 общедоступныхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, на которыхъ было 7.156

посѣтителей. Такимъ образомъ, всего посѣтили аудиторіи коммиссіи въ теченіе года 34.492 человѣка, на 7.477 человѣкъ болѣе противъ предыдущаго 1889 года. Всего со времени открытія Одесской коммиссіи народныхъ чтеній за 9 лѣтъ аудиторіи были посѣщены 199.527 посѣтителями. Въ 1889 году число посѣтителей народныхъ чтеній было меньше противъ предыдущаго года. Какъ на главнѣйшую причину тому, отчетъ коммиссіи указывалъ на крайнюю ограниченность числа чтеній, дозволенныхъ къ публичному произношенію, вслѣдствіе чего всѣ чтенія уже были перечитаны и повторялись, отчего чтенія потеряли интересъ для посѣтителей. Вслѣдствіе этого коммиссія возбудила ходатайство о разрѣшеніи новыхъ чтеній, и Министерство Народнаго Просвѣщенія разрѣшило болѣе 90 новыхъ чтеній. Расширеніе программы чтеній отразилось въ истекшемъ году, какъ указано выше, значительнымъ увеличеніемъ числа слушателей, несмотря даже на то, что въ этомъ году мѣстная учебная администрація воспретила посѣщеніе аудиторій воспитанникамъ учебныхъ заведеній.

Къ началу 1891 года коммиссія располагаетъ значительнымъ запасомъ картинъ къ волшебному фонарю, стоимостью до 2.000 рублей. Такой запасъ картинъ даетъ возможность коммиссіи не только обставлять надлежащимъ образомъ собственныя чтенія, но и приходить на помощь въ данномъ отношеніи разнымъ учрежденіямъ. Въ 1890 году коммиссія снабжала своими картинами для временнаго пользованія народныя чтенія въ Кишиневѣ, Николаевѣ, мѣстечкѣ Бѣлозеркѣ, Херсонской губерніи, Тифлисѣ, Владикавказѣ, а также рядъ начальныхъ школъ и среднеучебныхъ заведеній въ Одессѣ и ближайшихъ мѣстностяхъ.

При коммиссіи устроенъ книжный складъ, имѣющій цѣлью содѣйствовать распространенію въ народной средѣ хорошихъ народныхъ изданій. Складъ продалъ въ 1890 году около 100.000 экземпляровъ книгъ, а всего за нѣсколько лѣтъ своего существованія около 450.000 экземпляровъ. Желая содѣйствовать распространенію хорошей и дешевой книжки въ народѣ въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ, складъ завязалъ сношенія съ цѣлымъ рядомъ учрежденій, предложивъ имъ быть коммиссіонерами по продажѣ книгъ на слѣдующихъ условіяхъ: складъ высылаетъ книги до 100 рублей въ кредитъ, съ уступкой 10%, возлагая стоимость пересылки на счетъ получателя и получая расчетъ по мѣрѣ продажи книгъ, но не менѣе двухъ разъ въ годъ; все нераспроданное складъ принимаетъ обратно. Такими коммиссіонерами склада являются воскресная школа въ Тифлисѣ, народныя чтенія во Владикавказѣ, Екатеринославѣ, Николаевѣ и Херсонѣ и народныя и церковно-приходскія школы въ мѣстечкахъ Царе-Константиновкѣ, Понятовкѣ, Вапняркѣ и городѣ Винницѣ. Складъ, кромѣ продажи книгъ, имѣетъ въ виду еще распространять ихъ путемъ даровой раздачи. Въ этихъ видахъ въ 1890 году складъ во время религіозно-нравственныхъ чтеній раздавалъ посѣтителямъ даромъ брошюры религіозно-нравственнаго содержанія, снабдилъ библіотеками одесскій тюремный замокъ, одинъ дѣтскій пріютъ и двѣ школы, посылалъ новыя книги въ тѣ библіотеки, которыя онъ снабдилъ книгами въ предшествующіе годы, и наконецъ, послалъ 400 книгъ въ школы Черногоріи.

При Одесской коммиссіи народныхъ чтеній уже пять лѣтъ существуетъ народная библіотека; но о дѣятельности ея мы будемъ говорить въ по-

слѣдней главѣ «Частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія», посвященной обозрѣнію библіотекъ, созданныхъ частною иниціативою.

Всего дохода народныя чтенія въ Одессѣ въ 1890 году имѣли 2.590 рублей. Сумма эта сложилась изъ 500 рублей субсидіи отъ города, 305 рублей входной пятикопѣечной платы, взимаемой, какъ мы видѣли, съ нѣкоторой части посѣтителей народныхъ чтеній, 1.450 рублей, вырученныхъ отъ общедоступныхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, и 335 рублей пожертвованій. Весь этотъ значительный доходъ коммиссіи затраченъ на наемъ двухъ помѣщеній подъ аудиторіи народныхъ чтеній, на отопленіе, освѣщеніе, публикаціи, прислугу, музыку и пѣніе на литературно-музыкальныхъ вечерахъ, на книги, раздаваемыя и разсылаемыя даромъ, на выписку картинъ къ волшебному фонарю и т. д.

Народныя чтенія, какъ видно изъ появляющихся въ печати сообщеній, съ каждымъ днемъ получаютъ все большее распространеніе. Между прочимъ, объ устройствѣ ихъ начинаютъ заботиться желѣзнодорожныя управленія, видящія въ нихъ лучшее средство дать своимъ рабочимъ разумное праздничное развлеченіе, могущее удержать этихъ рабочихъ отъ обычнаго разгула. Въ этомъ отношеніи любопытныя извѣстія сообщаютъ изъ Курска. Еще пять лѣтъ тому назадъ на станціи Курско-Кіевской желѣзной дороги Конотопъ были устроены народныя чтенія для мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Въ виду явнаго благотворнаго вліянія этихъ чтеній на рабочихъ, управленія трехъ желѣзныхъ дорогъ, сходящихся въ Курскѣ, вошли во взаимное соглашеніе относительно устройства въ пригородной Курской слободѣ—Ямской—народныхъ чтеній для рабочихъ всѣхъ трехъ дорогъ. Чтенія начали устраиваться съ конца прошлаго года, сопровождаются туманными картинами, пѣніемъ хора пѣвчихъ и игрою оркестра музыкантовъ и посѣщаются тысячною толпою рабочихъ.

Вообще проявленій частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія съ каждымъ днемъ замѣчается все болѣе и болѣе. Ранѣе созданныя учрежденія все расширяютъ свою дѣятельность и рядомъ съ ними возникаютъ новыя. Изъ числа послѣднихъ отмѣтимъ возникающее въ Одессѣ «общество физическаго воспитанія дѣтей». Общество это возникаетъ по иниціативѣ одесской интеллигенціи. Въ числѣ 60 лицъ, записавшихся учредителями общества, большинство принадлежитъ къ педагогической средѣ—профессорамъ университета, начальникамъ и преподавателямъ средне-учебныхъ заведеній и т. д. По проекту устава новаго общества, оно имѣетъ въ виду: 1) безвозмездно заботиться о развитіи силъ и ловкости воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній и физическомъ здоровьѣ дѣтей вообще; 2) расширить и поставить на надлежащую высоту, согласно требованіямъ гигіены и педагогики, культуру человѣческаго тѣла; 3) исходатайствовать у правительства, чтобы дѣтскимъ играмъ и физическимъ упражненіямъ во всѣхъ періодахъ школьной жизни было отведено достаточное количество времени; 4) стремиться къ организаціи свободныхъ дѣтскихъ игръ такимъ образомъ, чтобы онѣ преподавались также систематически, какъ и гимнастика во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; 5) заботиться о томъ, чтобы лѣтомъ игры совершались на чистомъ воздухѣ, въ зимнее-же время въ обширныхъ помѣщеніяхъ, построенныхъ согласно требованіямъ гигіены; 6) ходатайствовать предъ общественнымъ управле-

ніемъ объ отводѣ земельныхъ участковъ для устройства дѣтскихъ садовъ и проч.; 7) поощрять составленіе и изданіе руководствъ дѣтскихъ игръ, гимнастики и физическаго воспитанія вообще, и т. д., и т. д. Въ настоящее время проектъ устава новаго общества приводится въ окончательный видъ и затѣмъ будетъ представленъ на утвержденіе начальства.

Здѣсь, рядомъ съ приведенными свѣдѣніями о нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, созданныхъ въ Россіи въ интересахъ народнаго образованія частною инидіативою, не лишне привести для сравненія новѣйшія данныя объ одномъ изъ такихъ учрежденій заграницей. Мы имѣемъ въ виду вѣнское отдѣленіе австрійскаго Volksbildungfereіn'а, задачи котораго близко подходятъ къ задачамъ нашихъ коммиссій народныхъ чтеній. Вѣнское отдѣленіе названнаго общества имѣетъ въ виду распространять любовь къ чтенію, бороться съ спекулятивными и невѣжественными изданіями для народа и распространять знанія и развивать художественный вкусъ въ народной массѣ путемъ устройства публичныхъ лекцій и народныхъ концертовъ. Такимъ образомъ, это учрежденіе, по характеру дѣятельности, нѣсколько напоминаетъ Одесскую коммиссію народныхъ чтеній. Но за-то Вѣнское общество располагаетъ неизмѣримо большими наличными силами и большими средствами, составляющимися преимущественно изъ членскихъ взносовъ. Въ 1890 году Вѣнское общество имѣло болѣе 2.000 сотрудниковъ, между которыми не мало весьма извѣстныхъ именъ. Общество не имѣетъ въ виду никакихъ политическихъ цѣлей и заботится только о просвѣщеніи народныхъ массъ. Важнѣйшія проявленія дѣятельности Вѣнскаго общества составляютъ устройство публичныхъ лекцій и музыкально-драматическихъ вечеровъ, основаніе народныхъ библіотекъ и организація разумнаго чтенія для солдатъ. Всѣхъ публичныхъ лекцій въ теченіе послѣдняго отчетнаго года общество устроило 164 въ 14 различныхъ округахъ Вѣны; число слушателей этихъ лекцій превысило 36 тысячъ. Всего больше лекцій было по вопросамъ воспитанія, общей культуры и политической экономіи; такихъ лекцій было 64. Затѣмъ 24 лекціи были посвящены естественнымъ наукамъ; далѣе слѣдовали лекціи по гигіенѣ, исторіи, географіи и, наконецъ, юридическимъ вопросамъ. Еще большимъ успѣхомъ среди рабочихъ пользовались музыкально-драматическіе вечера, въ программу которыхъ входили и классическія произведенія. Народныхъ библіотекъ устроено обществомъ въ Вѣнѣ 4, въ которыхъ имѣется около 8.000 томовъ книгъ. Книгами можно пользоваться какъ въ помѣщеніяхъ библіотекъ, такъ и на дому. Въ отчетномъ году библіотеки были посѣщены 10.690 лицами. Кромѣ этихъ библіотекъ, общество устроило спеціально для солдатъ особую читальню при артиллерійскомъ арсеналѣ. Читальня пользуется большою популярностью среди солдатъ, охотно проводящихъ въ ней свободное отъ службы время.

Въ Россіи дѣятельность обществъ, подобныхъ только-что описанному Вѣнскому, была-бы особенно желательна и умѣстна, особенно по части устройства библіотекъ и читаленъ для народа. Съ одной стороны хорошая книга до сихъ поръ остается весьма малодоступною народу, а съ другой— народъ начинаетъ усиленно искать этой хорошей книги. Устранить препятствія, отдѣляющія народъ отъ хорошей книги, сдѣлать доступною послѣднюю первому—лежитъ на обязанности интеллигенціи, которой давно

пора въ серьезъ заняться этимъ дѣломъ. А какъ велико это исканіе народомъ хорошей книги, наглядно показываютъ данныя, собранныя въ докладѣ директора народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи, г. Малевинскаго, послѣднему екатеринославскому губернскому земскому собранію. Въ концѣ 1888 года екатеринославское губернское земское собраніе постановило открыть, въ видѣ опыта, съ начала слѣдующаго 1889 года 34 публичныхъ библіотеки въ разныхъ селахъ губерніи, на что и ассигновало 2.000 рублей. Черезъ полтора года дѣятельности этихъ библіотекъ, въ срединѣ 1890 года, директоръ народныхъ училищъ обратился къ учителямъ, завѣдующимъ библіотеками, съ запросомъ о томъ, берутся-ли и насколько усердно книги для чтенія грамотными крестьянами и бывшими учениками земскихъ школъ, какія книги чаще берутся и охотнѣе читаются, обнаружилась-ли и въ чемъ именно польза библіотекъ для крестьянскаго населенія и, наконецъ, какими книгами желательно было-бы пополнить библіотеки? На основаніи полученныхъ отвѣтовъ на этотъ запросъ директоръ и составилъ свой докладъ земскому собранію. Изъ доклада видно, что книги берутся очень охотно и взрослыми крестьянами, и бывшими питомцами земскихъ школъ. Правда, общее число книгъ, взятыхъ по каждой библіотекѣ, очень не велико; но это объясняется какъ новизною самаго дѣла, такъ и существованіемъ залога, который совершенно непримѣнимъ къ сельскимъ библіотекамъ, отгоняя отъ нихъ читателя, да и совершенно ненуженъ здѣсь, такъ какъ простонародный читатель относится къ библіотечной книгѣ въ высшей степени добросовѣстно, бережно хранитъ ее и никогда не позволитъ себѣ злонамѣренно утаить ее. Въ самое послѣднее время требованіе залога въ екатеринославскихъ сельскихъ библіотекахъ уничтожено и это немедленно-же отразилось значительнымъ увеличеніемъ числа читателей. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ выдача книгъ обставлена такими формальностями, которыя въ значительной степени значительно стѣсняютъ читающихъ. Во всякомъ случаѣ истинное число читателей несравненно болѣе числа лицъ, берущихъ книги изъ библіотекъ, такъ какъ почти всегда взятыя книги читаются вслухъ въ кругу всей семьи, сосѣдей и друзей. Какъ видно изъ собранныхъ директоромъ свѣдѣній, всего больше читаются книги религіознаго содержанія, затѣмъ историческія и третье мѣсто занимаютъ беллетристическія. Что касается книгъ утилитарнаго содержанія, то въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ на такія книги вовсе нѣтъ спроса, въ другихъ онѣ читаются охотно, и притомъ прочитавшіе ихъ немедленно стараются воспользоваться вынесенными изъ книги свѣдѣніями для практическихъ цѣлей. Выборъ книгъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ возраста. Пожилые люди болѣе склонны къ чтенію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, молодые—литературно-повѣствовательнаго характера. Отзывы завѣдующихъ библіотеками констатируютъ и очевидное вліяніе библіотекъ на населеніе, не смотря на всю краткость ихъ существованія. Такъ, по сообщенію одного завѣдующаго, съ открытіемъ библіотеки въ с. Коммиссаровкѣ и съ появленіемъ въ массѣ мѣстнаго населенія спроса на научно-популярныя книги, «нѣкоторые крестьяне стали усердно заботиться о содержаніи домашняго скота въ теплѣ и чистотѣ, другіе принялись за правильное удобреніе своихъ усадебъ. Появились разсказчики историческихъ

событій, которыя передаются на досугѣ, между друзьями, знакомыми, въ кругу семьи. Нашелся и такой, который удачно излѣчилъ больную корову, воспользовавшись руководствомъ изъ библіотеки, а другой предполагаетъ устроить соломенную несгораемую крышу». Завѣдующій другою библіотекой пишетъ: «Констатирую отрадное явленіе: къ получившему изъ библіотеки книгу собираются по праздникамъ и вообще въ досужное время крестьяне для слушанія чтенія книги». По наблюденію того-же завѣдующаго, библіотека оказываетъ вліяніе и на число учащихся въ школѣ, такъ какъ родители, слушая чужаго чтеца, проникаются желаніемъ имѣть и въ своей семьѣ грамотнаго» и т. д., и т. п.

Такіе результаты даетъ въ первый-же годъ своего существованія сельская библіотека, и притомъ какая библіотека! 34 сельскихъ библіотеки, устроенныхъ екатеринославскимъ губернскимъ земствомъ, стоютъ, какъ сказано, всѣ вмѣстѣ всего только 2.000 рублей, т.-е. каждая библіотека стоитъ въ среднемъ лишь 58 рублей. Не трудно представить себѣ, что можетъ дать библіотека, стоющая такую жалкую сумму, и что могутъ значить для цѣлой губерніи съ 2-милліоннымъ населеніемъ эти 34 жалкихъ подобія библіотекъ! Невольно припоминается наша Финляндія, гдѣ нѣтъ ни одного деревенскаго прихода безъ библіотеки, а часто въ приходѣ имѣются двѣ и болѣе библіотекъ. Эти деревенскія библіотеки въ Финляндіи—по преимуществу созданіе частной иниціативы. Почему-же и у насъ этимъ дѣломъ не заняться частной иниціативѣ? Въ настоящее время что-нибудь дѣлаютъ въ данномъ направленіи только Петербургскій комитетъ грамотности да еще два-три частныхъ учрежденія — Одесская коммиссія народныхъ чтеній и Харьковское общество грамотности; но дѣятельность названныхъ учрежденій въ данномъ направленіи, при всей ея почтенности, настолько скромна, что не представляетъ и капли въ морѣ нужды деревни въ библіотекахъ. Тутъ нужны дружныя усилія всей нашей интеллигенціи... **Я. Абрамовъ.**

Физическія упражненія и внѣклассныя занятія въ кадетскихъ корпусахъ.

Съ нынѣшняго учебнаго года курсъ физическихъ упражненій и внѣклассныхъ занятій въ кадетскихъ корпусахъ значительно расширился. Особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ помощника главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенанта барона Л. Л. Зедделера, въ теченіе прошлаго года разрабатывала программы учебныхъ предметовъ съ цѣлью упростить ихъ и выдѣлить изъ распредѣленія уроковъ побольше времени на физическое образованіе кадетъ. Коммиссія работала усердно и успѣшно. Въ результатѣ оказалось, что программы учебнаго курса упростить безъ ущерба для умственнаго развитія учащихся вполнѣ возможно. Тогда коммиссія занялась выработкою инструкцій разныхъ отраслей физическаго образованія, введеніе которыхъ въ курсъ военныхъ корпусовъ признано желательнымъ. Образовалось нѣсколько частныхъ коммиссій подъ предсѣдательствомъ полковника А. Д.

Бутовскаго. Каждая коммиссія задалась цѣлью выяснить значеніе той или другой отрасли физическаго образованія и составить программу преподаванія ихъ. Особое вниманіе было обращено на подвижныя игры, плаваніе, танцы и ручной трудъ. Инструкціи были выработаны, вошли въ составъ «Наставленія для веденія внѣклассcныхъ занятій» и уже утверждены главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенантомъ Н. М. Махотинымъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ много интереснаго.

Составители инструкціи подвижныхъ игръ выяснили слѣдующее явленіе: не смотря на любовь дѣтей къ вольнымъ играмъ, многіе изъ мальчиковъ уклоняются отъ всякой добровольной физической работы, и чѣмъ старше мальчики, тѣмъ съ меньшею охотою занимаются они играми. Такъ, кадеты старшихъ классовъ, за немногими исключеніями, не любятъ играть. Это явленіе ненормальное и зависитъ отчасти отъ неправильнаго взгляда взрослыхъ на игру не какъ на необходимое и полезное занятіе для укрѣпленія здоровья и развитія силъ, а какъ на пустую дѣтскую забаву, мѣшающую умственному развитію. По совѣту родственниковъ, многія дѣти предпочитаютъ игрѣ повтореніе уроковъ. Поэтому главная задача организаціи подвижныхъ игръ, по мнѣнію составителей инструкціи, должна заключаться въ томъ, чтобы сдѣлать участіе въ игрѣ потребностью воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ. Конечно, такое отношеніе къ играмъ не можетъ быть создано вдругъ. Съ цѣлью привлечь всѣхъ кадетъ къ играмъ инструкція устанавливаетъ, во-первыхъ—выборъ полезныхъ, интересныхъ и соотвѣтственныхъ каждому возрасту игръ, во-вторыхъ—обязательное обученіе играмъ для всѣхъ кадетъ, въ-третьихъ—руководство играми, устраиваемыми для кадетъ въ свободное отъ учебныхъ занятій время. Выборъ разнообразныхъ, любимыхъ дѣтьми, игръ, связанныхъ съ энергическими дѣйствіями, хитрыми уловками, рискованными положеніями, несомнѣнно заинтересуетъ даже дѣтей съ природнымъ предрасположеніемъ къ покою и неподвижности. Слѣдуетъ только избѣгать такихъ игръ, въ составъ которыхъ входятъ упражненія, опасныя для здоровья играющихъ. Обязательность игръ будетъ способствовать укрѣпленію физическаго здоровья учащагося. Руководство-же играми, устраиваемыми для кадетъ въ свободное время, и еще болѣе — личное участіе руководителя въ дѣтской игрѣ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на равнодушныхъ и апатичныхъ дѣтей, способствуетъ стройному веденію игры, ограничиваетъ своеволіе нѣкоторыхъ изъ играющихъ. Руководитель предоставляетъ свободу для личной иниціативы каждаго изъ участвующихъ въ игрѣ и въ то-же время слѣдитъ, чтобы эта свобода не выходила изъ границъ и не разстраивала игры. Инструкція рекомендуетъ производить подвижныя игры на просторѣ и въ свѣжемъ воздухѣ лѣтомъ и зимою при морозѣ не выше 5 градусовъ. Составители инструкціи рѣшили на игры удѣлять слѣдующее количество времени:

Въ гимнастической залѣ: I классъ—отъ 10 до 30 минутъ на каждомъ урокѣ гимнастики, II классъ — отъ 10 до 20 минутъ на каждомъ урокѣ гимнастики, III классъ—отъ 10 до 20 минутъ одинъ разъ въ недѣлю, IV классъ — отъ 10 до 20 минутъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ двѣ недѣли, или-же цѣлый урокъ гимнастики одинъ разъ въ мѣсяцъ. V, VI и VII классы — по усмотрѣнію учителя; на воздухѣ — весною и

осенью: въ сѣверной полосѣ Россіи всякій разъ, когда позволяетъ погода; въ мѣстностяхъ, гдѣ теплое время продолжительнѣе, по крайней мѣрѣ, черезъ урокъ; зимою-же—по усмотрѣнію начальства заведенія, въ зависимости отъ погоды, отъ общаго состоянія здоровья кадетъ и отъ мѣстныхъ удобствъ для игръ и для катанья на конькахъ.

Составители инструкціи рекомендуютъ: 1) установить извѣстныя правила для ловленія и борьбы, чтобы обезпечить цѣлость одежды и невредимость играющихъ; 2) жгуты сплетать не изъ носовыхъ платковъ, а изъ мягкихъ суконныхъ кромокъ, и 3) для игры въ снѣжки надѣвать старое верхнее платье. На первый взглядъ можетъ показаться, что составители инструкціи слишкомъ уже подробно входятъ въ разборъ деталей веденія игръ, между тѣмъ разъясненія, подобныя приведеннымъ, необходимы: они ясно показываютъ, что неблагопріятныя условія игръ, на которыхъ основываютъ свои доказательства противники, при соблюденіи правилъ сами собою уничтожаются.

Инструкція проектируетъ устройство особыхъ кадетскихъ праздниковъ нѣсколько разъ въ годъ. Въ эти праздники кадеты старшихъ ротъ занимаются состязательными атлетическими играми въ присутствіи всего начальства корпуса и приглашенныхъ родственниковъ. Побѣдители въ играхъ будутъ получать призы и пользоваться нѣкоторымъ почетомъ. Несомнѣнно, что такіе праздники вызовутъ большій интересъ къ самой игрѣ и вовлекутъ въ состязательныя игры всю массу старшихъ воспитанниковъ. Младшіе кадеты, съ своей стороны, будутъ практиковаться въ играхъ, чтобы впослѣдствіи явиться побѣдителями на праздникахъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ нѣсколько корпусовъ выходитъ въ общій лагерь, проектируются состязательныя игры между корпусами, причемъ для состязанія выбираются лучшіе бѣгуны, стрѣлки и метальщики, получившіе уже первенство на домашнихъ корпусныхъ состязаніяхъ.

Въ видѣ дополненія къ инструкціи преподаванія гимнастики, полковникомъ А. Д. Бутовскимъ составленъ опытъ руководства для обученія плаванію въ кадетскихъ корпусахъ. Плаваніе обязательно для всѣхъ кадетъ старшей роты. Исключеніе составляютъ только больные, увольняемые докторомъ, завѣдующимъ лагернымъ лазаретомъ. Курсъ плаванія будетъ заключаться въ плаваніи на груди (лягушкой), на спинѣ, въ прыжкахъ въ воду и въ нырянiи. На время урока обучающіе переодѣваются въ особую легкую, удобную и легко скидаемую одежду: соломенную шляпу съ широкими полями, тиковые жакеты и шаровары и деревянные башмаки. При обученіи учителю плаванія рекомендуется непремѣнно обращать вниманіе на индивидуальныя особенности учениковъ и, сообразно съ этими особенностями, соразмѣрять свои требованія и способъ обученія. Обученіе плаванію производится въ лагерное время и заканчивается особымъ смотромъ, о результатѣ котораго сообщается въ приказѣ по корпусу или по лагерю. Такова въ немногихъ словахъ инструкція обученія плаванію. Несомнѣнно, что плаваніе, какъ важная отрасль физическаго образованія, принесетъ пользу кадетамъ. Умѣнье преодолѣть физическое препятствіе возвышаетъ бодрость духа и увѣренность въ своихъ силахъ. Это умѣнье и есть первое условіе плаванія. Кромѣ воспитательнаго значенія, обученіе плаванію имѣетъ и практическое, научая кадетъ — будущихъ военныхъ

дѣятелей — способу передвиженія по водѣ для достиженія недоступныхъ предметовъ и способу предотвращать опасность на водѣ для себя и для другихъ. Кромѣ того, плаваніе само по себѣ представляетъ прекрасное гимнастическое упражненіе, производимое при особенно благопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ.

Частная коммиссія, выработавшая инструкцію для преподаванія танцевъ въ кадетскихъ корпусахъ, состояла изъ артистовъ императорскихъ театровъ гг. Стуколкина, Вишневскаго, Чистякова и Воронкова. Предсѣдательствовалъ А. Д. Бутовскій. Танцы, какъ особая отрасль физическаго образованія, признаны обязательнымъ предметомъ обученія для кадетъ всѣхъ классовъ. Преподаваніе танцевъ въ кадетскихъ корпусахъ будетъ рѣзко разниться отъ обыденнаго обученія салоннымъ танцамъ, небогатый репертуаръ которыхъ разучивается обыкновенно въ нѣсколько недѣль. Они введены въ курсъ съ цѣлью научить кадета управлять всякимъ своимъ движеніемъ, развить въ немъ ловкость, силу, развязность въ такой-же мѣрѣ, какъ это достигается вольными гимнастическими движеніями. Преимущество ихъ предъ вольными движеніями заключается въ томъ, что они научатъ учащагося изящнымъ, красивымъ и приличнымъ манерамъ, походкѣ и осанкѣ. Нельзя сказать, что танцы въ курсѣ учебнаго заведенія новость. Далеко нѣтъ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ не знали въ учебныхъ заведеніяхъ гимнастики въ томъ видѣ, какъ она намъ извѣстна, и танцы составляли тогда почти единственный предметъ обученія, содѣйствующій физическому развитію. Преподаваніе ихъ было приведено французскою танцовальною школою въ обширную, стройную систему, выработанную на основаніи принциповъ красоты, граціи и выразительности человѣческой фигуры въ покоѣ и движеніи. Но въ настоящее время танцы потеряли свой воспитательный характеръ, и изящество движеній и позъ вовсе не изучаются. Даже учителя танцевъ перестали преслѣдовать эти задачи и ограничиваются обученіемъ кадрили, полькѣ, вальсу и мазуркѣ, не стѣсняя учащихся требованіями тонкости и граціи исполненія. Лишь-бы скорѣе научить танцовать, за взятыя впередъ деньги, а потомъ хоть трава не рости—вотъ принципъ большинства нынѣшнихъ преподавателей танцевъ. Составители инструкціи, имѣя въ виду воспитательное значеніе танцевъ и недостатки современныхъ системъ ихъ преподаванія, выработали новую, или, лучше сказать, болѣе удовлетворяющую воспитательнымъ задачамъ, систему. Преподаваніе танцевъ, по совершенно справедливому мнѣнію составителей, должно способствовать развитію въ воспитанникахъ ловкой, красивой и приличной внѣшности, выработать въ нихъ чувство мѣры и изящества въ осанкѣ и движеніяхъ и дать имъ ту свѣтскую представительность, которая выражается хорошими манерами и умѣньемъ держать себя въ обществѣ. Съ этою цѣлью введены въ курсъ, кромѣ салонныхъ танцевъ, еще другіе. Чтобы ознакомиться съ характеромъ и послѣдовательностью преподаванія танцевъ въ кадетскихъ корпусахъ, необходимо хотя мелькомъ вглядѣться въ выработанную коммиссіей программу курса танцевъ. Вотъ эта программа:

I-й классъ. Стойка: держаніе корпуса, головы, рукъ и ногъ; осанка; основныя положенія (позиціи) для ногъ, ходьба: общіи правила красивой походки; размѣръ шага, держаніе корпуса, головы и рукъ; правила вы-

носа, постановки и переноса ноги; ходьба впередъ и назадъ. Поклоны: на мѣстѣ и на ходу, впередъ и въ стороны, одному и многимъ лицамъ; основныя положенія (позиціи) для рукъ. Port-de-bras. Оппозиціи. Приготовительныя упражненія: подниманіе на носки и опусканіе, сгибаніе и выпрямленіе колѣнъ; прыжокъ (sauté и retombé), повороты въ бедрахъ. Батманъ: малые въ стороны, впередъ и назадъ. Ronds de jambes: впередъ (en dehors), назадъ (en dedans). Pas: changement de pieds (de jambes), assemblé, jeté. Полонезъ (характеръ танца: высокое изящество въ походкѣ, увѣренность, свѣтская и воинственная представительность; въ общемъ — торжественность).

II-й классъ. Pas: pas de basque; glissades; pas de menuet—a) à droite, b) à gauche, c) en passant, d) balancé de menuet. Сочетанія различныхъ па: jeté и assamblé; chassé, jeté и assemblé (впередъ, назадъ, направо); 3 pas chassé, jeté и assemblé (traversé и кругъ). Менуетъ (характеръ: возвышенность, достоинство, изящная и церемонная любезность). Pas russe. Русскій танецъ.

III-й классъ. Приготовительныя па для польки. Полька, Лансье.

IV-й классъ. Pas de valse à trois temps. Вальсъ въ 3 и 2 па. Французскій кадриль.

V-й классъ. Полька-мазурка. Приготовительныя па для мазурки. Мазурка.

VI-й и VII-й классы. Салонные танцы.

Изъ программы видно, что многія движенія на урокахъ танцевъ общи съ движеніями на урокахъ гимнастики. Для танцевъ, по инструкціи, назначается въ каждомъ классѣ одинъ часовой урокъ въ недѣлю. Наблюденіе за правильнымъ ходомъ возложено на инспектора классовъ, а общая провѣрка—на директора корпуса. Чтобы поощрить учащихся успѣшнѣе заниматься на урокахъ танцевъ, составители инструкціи проектируютъ дѣтскіе танцовальные вечера, но притомъ такіе, которые напоминали-бы урокъ при болѣе торжественной и болѣе выгодной для хорошихъ танцоровъ обстановкѣ. Танцующими кавалерами, въ общепринятомъ значеніи этого слова, на вечерахъ могутъ быть только воспитанники двухъ старшихъ классовъ. Для младшихъ-же классовъ проектируется на такихъ вечерахъ особое отдѣленіе въ началѣ или въ срединѣ вечера. Въ этомъ отдѣленіи лучшіе танцоры будутъ исполнять разученные ими на урокахъ историческіе, національные или характерные танцы. Такіе танцы инструкція для большаго оживленія и разнообразія вечеровъ разрѣшаетъ исполнять въ соотвѣтствующихъ костюмахъ.

Что касается до введенія въ курсъ кадетскихъ корпусовъ ручнаго труда, то программа этого предмета выработана согласно со взглядами полковника Бутовскаго, изложенными имъ въ докладѣ во время съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. О программѣ ручнаго труда А. Д. Бутовскій говорилъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Устраняя для среднеучебныхъ заведеній утилитарныя цѣли ручнаго труда, мы становимся лицомъ къ лицу съ двумя вопросами: во-первыхъ, изъ какихъ ремесленныхъ отраслей должны мы заимствовать содержаніе для обученія ручному труду? Во-вторыхъ, въ чемъ должно заключаться

это содержаніе, т.-е. какого рода вещи и издѣлія могутъ быть поставлены, какъ образцы для обученія?

«По моему мнѣнію, всѣ ремесленныя занятія, принятыя въ настоящемъ собраніи для начальной школы, могутъ быть преподаваемы и въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, если удалить изъ нихъ такія, собственно не самостоятельныя отрасли, которыя соотвѣтствуютъ исключительно быту простаго народа. Градація этихъ занятій по степени ихъ чисто педагогической полезности и удобопримѣнимости можетъ быть принята при этомъ безъ всякихъ измѣненій. Основаніемъ будутъ работы по дереву: столярное, токарное и рѣзное искусства. Для младшихъ учениковъ—картонажи. Рядомъ съ деревянными работами, а также вслѣдъ за ними, пойдутъ лѣпка и холодная обработка металла. Что касается садоводства, огородничества и цвѣтоводства, то эти занятія, будутъ-ли они включены въ область ручнаго труда или останутся занятіями побочными, могутъ считаться вполнѣ приложимыми къ условіямъ жизни учениковъ въ интернатѣ. При интернатахъ по большей части есть сады и огороды. Весенніе и осенніе мѣсяцы ученики интерната проводятъ еще въ заведеніи, а потому нельзя не пользоваться случаемъ дать имъ вполнѣ гигіеническое и воспитательное занятіе. Наконецъ, не всѣ воспитанники интернатовъ разъѣзжаются на лѣто по домамъ; уходъ за цвѣтниками, огородами и садами можетъ представить прекрасное средство для наполненія досуга воспитанниковъ и въ лѣтнее время. Что-же касается комнатнаго цвѣтоводства, то привитіе охоты къ нему очень желательно въ видахъ смягченія монотонности и нѣкотораго казарменнаго характера зимней жизни въ интернатѣ.

«Обратимся теперь къ роду издѣлій. Нельзя отрицать, что характеромъ издѣлій въ значительной степени обусловливается большій или меньшій интересъ учениковъ къ работѣ, какъ къ дѣлу, имѣющему непосредственную приложимость и, если можно такъ выразиться, наглядную цѣлесообразность. Работать въ среднеучебномъ заведеніи надъ какимъ-нибудь предметомъ для обстановки классной или рекреаціонной комнаты, конечно, должно показаться гораздо болѣе естественнымъ, чѣмъ изощрять свои ручные навыки, положимъ, надъ колотушкой для бѣлья. Вообще-же, было-бы очень ошибочно думать, что для среднеучебнаго заведенія будетъ труднѣе найти предметы для работы, чѣмъ для начальной школы. Для этого не слѣдуетъ только строго держаться одной опредѣленной изъ существующихъ системъ ручнаго труда. Дѣти могутъ дѣлать себѣ игрушки. Развивая далѣе эту мысль, я скажу, что болѣе взрослыя дѣти могутъ работать принадлежности для подвижныхъ и атлетическихъ игръ, точить кегли, шары, дѣлать мишени для метательныхъ упражненій и т. п. Далѣе, ближайшими предметами работы могутъ быть небольшія принадлежности комнатной и классной обстановки. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, какое огромное поле для выбора работъ могутъ представить въ среднеучебномъ заведеніи учебныя пособія и даже практическія упражненія по нѣкоторымъ предметамъ курса. Возьмемъ, напримѣръ, курсъ физики и механики: устройство вѣсовъ, центробѣжной машины, атвудовой машины, дѣланіе термометровъ, фотометровъ, занятія по гальванопластикѣ, соединеніе гальванопластическихъ работъ съ другими металли-

ческими, деревянными и картонажными работами и т. д. Потомъ работы по естествовѣдѣнію: устройство акварія, террарія, набивка и отдѣлка чучелъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предварительный планъ, въ особенности-же исполнительный чертежъ, могутъ имѣть самое широкое приложеніе, что, конечно, будетъ способствовать привитію той точности въ работѣ, которая, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ воспитательныхъ достоинствъ ручнаго труда».

Обученіе ручному труду для кадетъ необязательно.

Съ цѣлью подготовить преподавателей гимнастики съ подвижными играми, плаванію и ручному труду при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній съ 1 іюня по 15 августа были организованы особые временные курсы. Учащимися явились офицеры-воспитатели кадетскихъ корпусовъ. Занятіями по гимнастикѣ и плаванію руководилъ преподаватель 2-го С.-Петербургскаго кадетскаго корпуса И. А. Соколовъ, по фехтованію—гг. Байковъ и Гарусовъ, по ручному труду—Н. С. Коноплевъ. Докторъ медицины П. И. Ивановъ сообщалъ учащимся свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи, изъ теоріи и исторіи гимнастики, а также знакомилъ ихъ съ пріемами подачи первой помощи при несчастныхъ случаяхъ, могущихъ встрѣтиться на урокахъ по разнымъ отраслямъ физическаго воспитанія. Завѣдывалъ курсами полковникъ А. Д. Бутовскій. Обученіе гимнастикѣ и фехтованію происходило въ помѣщеніи 1-го С.-Петербургскаго кадетскаго корпуса. Здѣсь-же читались лекціи. Для занятій ручнымъ трудомъ С.-Петербургскій учительскій институтъ любезно предложилъ помѣщеніе своей мастерской. Всѣ обучавшіеся на курсахъ занимались старательно, и курсъ гимнастики, подвижныхъ игръ и плаванія усвоили вполнѣ хорошо. Нельзя того-же сказать о фехтованіи и ручномъ трудѣ. Усвоивъ позиціи фехтованія и умѣнье отпарировать удары рапиръ. учащіеся не достигли вольнаго фехтованія, что составляетъ необходимость для будущихъ учителей фехтованія старшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ. Большинство занимавшихся ручнымъ трудомъ по системѣ шведскаго педагога Саломона (директора Нееской учительской семинаріи) сдѣлало только по 25 номеровъ коллекціи. составленной К. Ю. Цируле мъ для мастерской здѣшняго учительскаго института. Если отъ учителей ручнаго труда въ городскихъ училищахъ (существующихъ по положенію 1872 г.) требуется усвоеніе пріемовъ, необходимыхъ для исполненія 50 номеровъ этой коллекціи, то, конечно, отъ учителей ручнаго труда въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковыми являются кадетскіе корпуса, необходимо требовать большихъ знаній. Тѣ-же познанія, которыя пріобрѣтены учащимися на временныхъ курсахъ нынѣшнимъ лѣтомъ, достаточны только для веденія занятій по ручному труду въ младшихъ классахъ кадетскихъ корпусовъ.

Занятія на временныхъ курсахъ закончились теоретическими и практическими испытаніями. Экзаменовала коммиссія, составленная изъ инспекторовъ здѣшнихъ кадетскихъ корпусовъ подъ предсѣдательствомъ директора педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній генералъ-лейтенанта В. П. Коховскаго. На экзаменахъ присутствовалъ какъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній генералъ-лейтенантъ Н. М. Махотинъ, такъ и его помощникъ генералъ-лейтенантъ баронъ Л. Л. Зеделеръ.

Н. Аф.

Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 15-го января 1891 года.

Послѣ прочтенія и утвержденія протокола предшествующаго засѣданія и ежемѣсячнаго отчета г. казначея, предсѣдатель предложилъ собранію избрать въ почетные члены бывшаго предсѣдателя комитета Н. А. Ермакова. Предложеніе это было принято единогласно. Затѣмъ предсѣдатель сообщилъ: 1) что изъ пожертвованій, собранныхъ одновременно въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ городахъ Сибири, согласно желанію жертвователей, образованъ *фондъ* имени *М. Е. Салтыкова*, предназначаемый для *изданія народныхъ книгъ*; 2) что, на основаніи выраженнаго общимъ собраніемъ желанія почтить память покойнаго учителя П. С. Максимова посылкой книгъ въ школы, основанныя по его инаціативѣ или при его содѣйствіи, совѣтъ навелъ надлежащія справки и, руководясь полученными свѣдѣніями, предложилъ ассигновать 50 рублей на устройство *сельской библіотеки* въ память П. С. Максимова. Предложеніе это собраніемъ принято. Затѣмъ приступлено было къ выбору трехъ коммиссій и новыхъ членовъ. Въ ревизіонную коммиссію избраны: В. П. Воленсъ, П. В. Глаголевъ и И. К. Смирновъ; въ коммиссію по присужденію золотой медали Императорскаго вольно-экономическаго общества В. П. Воленсъ, В. П. Острогорскій и Н. А. Рубакинъ; въ коммиссію по изысканію денежныхъ средствъ—баронесса В. П. Икскуль, П. Бурлей, Глаголевъ, Канаевъ и Ледерле. Въ члены комитета избраны: К. К. Бауеръ и г-жи Ржавская и Хорькова.

Остальная часть засѣданія была посвящена слушанію и обсужденію интереснаго доклада В. В. Девеля о сельскихъ народныхъ библіотекахъ. Указавъ на то, что книга мало-по-малу начинаетъ входить въ рядъ потребностей русскаго деревенскаго люда и что прежнему поставщику народной книги—лубочнику мѣстами уже угрожаетъ серьезная конкурренція со стороны интеллигентныхъ издателей и ихъ союзниковъ, земскихъ школъ и библіотекъ, докладчикъ предостерегъ слушателей отъ *обольщенія этими единичными явленіями*. Далѣе онъ привелъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, сообщенныхъ «Сельскимъ Вѣстникомъ» и провинціальными газетами и свидѣтельствующихъ объ интересѣ крестьянъ къ книгѣ. Въ Волоколамскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, отдача книгъ на прочтеніе является *предметомъ выгоднаго промысла*; въ Смоленской губерніи появился странствующій чтецъ, живущій своимъ занятіемъ. Еще отраднѣе факты открытія сельскихъ библіотекъ по инаціативѣ и на средства сельскихъ обществъ. Указавъ нѣсколько такихъ примѣровъ, докладчикъ отмѣтилъ значеніе попытокъ изучить отношеніе народа къ книгѣ на пространствѣ извѣстной, болѣе или менѣе обширной, территоріи—уѣзда, губерніи; изслѣдованія такого рода позволяютъ дѣлать обобщенія. Подобныя попытки были сдѣланы московскимъ и новгородскимъ губернскими земствами. Свѣдѣнія, полученныя послѣднимъ отъ народныхъ учителей, въ общемъ—вполнѣ утѣшительнаго свойства; они показываютъ, что въ народѣ, особенно среди молодежи, сильна охота къ чтенію. Тотъ-же ре-

зультатъ дало изслѣдованіе этого вопроса и московскимъ земствомъ. *Это отрадное явленіе—интересъ къ книгѣ—слѣдуетъ почти исключительно поставить въ активъ земской школы.* Докладчикъ привелъ цѣлый рядъ фактовъ и соображеній, доказывающихъ это положеніе; всего убѣдительнѣе въ этомъ смыслѣ говоритъ подавляющее численное преобладаніе среди читателей библіотекъ бывшихъ и настоящихъ учениковъ новой школы. Библіотека такимъ образомъ представляетъ естественное и необходимое дополненіе и продолженіе школы; чтеніе, являющееся самымъ могущественнымъ средствомъ самообразованія, пополняетъ и углубляетъ знанія, вынесенныя изъ школы, и чѣмъ у́же кругъ послѣднихъ, тѣмъ болѣе приходится на долю чтенія. Безъ библіотеки школа безсильна дать народу что-нибудь болѣе простой грамотности. Къ сожалѣнію, эти элементарныя истины далеко не вездѣ еще сознаны учрежденіями, вѣдающими дѣло народнаго образованія. Изъ 145 уѣздовъ *(земскихъ)*, свѣдѣнія о которыхъ имѣются у докладчика, болѣе 45 не сдѣлали пока еще ничего для внѣшкольнаго образованія и въ частности для библіотечнаго дѣла. При этомъ замѣчается, что гдѣ много заботятся о школьномъ дѣлѣ, тамъ и библіотеки существуютъ, а мѣстами даже хорошо поставлены. Далѣе докладчикъ подробнѣе остановился на двухъ библіотекахъ, открытыхъ сельскими обществами: 1) въ с. Марковѣ, Лебедянскаго уѣзда, Харьковской губерніи, и 2) въ Аѳонасовской волости, Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ здѣсь останавливаться на этихъ интересныхъ и поучительныхъ примѣрахъ.

Библіотекъ, открытыхъ земствами, докладчикъ насчиталъ 27 и болѣе подробно остановился на двухъ изъ нихъ, учрежденныхъ орловскимъ земствомъ Вятской губерніи. Затѣмъ онъ познакомилъ читателей еще съ цѣлымъ рядомъ библіотекъ, возникшихъ по инцiативѣ обществъ, содѣйствующихъ народному образованію, и частныхъ лицъ и перешелъ къ общимъ выводамъ. Большой интересъ представляетъ сдѣланное докладчикомъ сравненіе сельскихъ библіотекъ съ городскими двухъ типовъ: 1) народныхъ и 2) для интеллигентныхъ читателей, по относительному числу книгъ, приходящихся на разные отдѣлы. Въ то время, какъ въ первыхъ на беллетристику приходится лишь 50%, въ послѣднихъ двухъ — болѣе 83%. За-то, въ то время, какъ на духовнонравственный отдѣлъ въ сельскихъ библіотекахъ приходится 22%, въ городскихъ (народныхъ)— 1,28%. Историческій отдѣлъ представленъ слѣдующими цыфрами: 15% (сельскія библіотеки) и 3,18% (городскія народныя библіотеки). По мнѣнію докладчика, требованія сельскаго читателя распредѣляются между отдѣлами библіотекъ гораздо равномѣрнѣе и нормальнѣе. Затѣмъ докладчикъ показалъ, что выборъ книгъ того или иного содержанія зависитъ и отъ *возраста читателя*. Фактъ, указанный Н. А. Рубакинымъ въ его рефератѣ «Къ характеристикѣ читателя и писателя изъ народа» (см. «Русскую Школу» 1890 года, декабрь, Педагогическая хроника, въ нашей хроникѣ комитета грамотности), что взрослые или (правильнѣе) пожилые люди всего охотнѣе читаютъ духовно-нравственныя книги, подтверждается приведенными В. В. Девелемъ цыфрами. Относительно книгъ беллетристическихъ въ частности докладчикъ отмѣтилъ тотъ любопытный фактъ, что произведенія Л. Н. Толстого пользуются особой симпатіей

народныхъ читателей и предпочитаются всѣмъ другимъ. Причину этого В. В. Девель видитъ въ этическихъ темахъ, затрогиваемыхъ Толстымъ въ его произведеніяхъ, приближающихъ послѣднія къ духовнонравственнымъ книгамъ. Затѣмъ докладчикъ указалъ другой характерный фактъ, отмѣченный, впрочемъ, и Н. А. Рубакинымъ въ названномъ рефератѣ: спеціально написанныя и изданныя для народа тоненькія книжки, «дешевки», начинаютъ, по удачному выраженію В. В. Девеля, набивать оскомину народному читателю (разумѣется, болѣе или менѣе начитанному). Лубочники уже подмѣтили перемѣну и поспѣшили на встрѣчу новымъ требованіямъ. Докладчикъ опасается, въ виду этого, вторженія въ народную литературу «бульварныхъ» произведеній и справедливо считаетъ этотъ видъ беллетристики крайне вреднымъ.

«Народная библіотека—указалъ докладчикъ—только еще народилась: ни одна изъ нихъ не насчитываетъ болѣе пяти лѣтъ существованія». Но появленіе ихъ обозначаетъ новый періодъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Пока учрежденіе народныхъ библіотекъ будетъ дѣломъ преимущественно частной инціативы, они будуть «совершенно безсильны сдѣлать что-либо замѣтное въ великомъ и необъятномъ вопросѣ народнаго образованія». Но теперь пусть государство только освободитъ это дѣло отъ лежащихъ на немъ путъ. Докладчикъ указалъ на рядъ противорѣчій, въ которыя впадала власть на практикѣ при разрѣшеніи этого вопроса, и выразилъ пожеланіе, чтобы впредь въ сферѣ народнаго образованія всякое начинаніе обусловлено было лишь обязательствомъ простаго заявленія власти о намѣреніи открыть то или другое учрежденіе и подчиненіемъ установленному надзору.

Докладъ В. В. Девеля, награжденный шумными и дружными рукоплесканіями, вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе В. П. Воленсъ, Б. Э. Кетрицъ, г. Капаевъ и другіе.

Мы слышали, что докладъ Н. А. Рубакина, содержаніе котораго уже извѣстно читателямъ «Русской Школы» (см. декабрь 1890 года нашу хронику комитета грамотности) вскорѣ появится цѣликомъ въ одномъ изъ большихъ общихъ журналовъ; нельзя не пожелать также скорѣйшаго напечатанія не менѣе содержательныхъ докладовъ В. В. Девеля о городскихъ и сельскихъ народныхъ библіотекахъ.

А. К.

Засѣданіе общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея 2-го февраля 1891 года.

Предсѣдательствовалъ генералъ-лейтенантъ В. П. Коховскій.

Занятія состояли въ слѣдующемъ:

1) Прочтенъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) Г. предсѣдатель, сообщивъ о смерти извѣстнаго педагога, бывшаго директора 1-го С.-Петербургскаго реальнаго училища, Владиміра Ѳедоровича Эвальда, и напомнивъ о томъ, какое дѣятельное и плодотворное участіе принималъ онъ въ выработкѣ программы по курсу рисованія въ

военноучебныхъ заведеніяхъ, предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ.

3) Г. предсѣдатель указалъ на то, что въ Америкѣ (Массачузетсѣ, Бразиліи, Уругваѣ) въ послѣднее время замѣчается движеніе въ пользу устройства педагогическихъ музеевъ вообще и желаніе ознакомиться съ дѣятельностью С.-Петербургскаго педагогическаго музея. Г. Ворчестеръ (въ Массачузетсѣ) вошелъ въ прямыя сношенія съ здѣшнимъ музеемъ, и туда уже посланъ большой запасъ матеріаловъ по этому вопросу.

4) Е. М. Гаршинъ сдѣлалъ два сообщенія: 1) о такъ называемой «Подосеновской школѣ» въ Мологѣ и 2) о французскомъ обществѣ: «Société de protection pour les enfants abandonnés ou coupables».

Задачею Подосеновской школы, которою въ настоящее время завѣдуетъ докторъ Рудинъ, являются заботы о правильномъ физическомъ развитіи подростающихъ поколѣній. Мысль объ устройствѣ такой школы возникла еще въ 1884 году, но окончательно организовалась она, подъ руководствомъ доктора Рудина, только въ 1886 году.

Занятія заключаются въ хоровомъ пѣніи, строевомъ ученіи, маршировкѣ, обученіи ружейнымъ пріемамъ, бѣганьѣ, упражненіяхъ на гимнастическихъ снарядахъ, фехтованіи, верховой ѣздѣ, лѣтомъ—въ греблѣ на лодкахъ, по воскресеньямъ—въ гимнастическихъ играхъ и экскурсіяхъ.

Г. Подосеновъ построилъ на свой счетъ помѣщеніе для школы. Занятія въ ней начинаются 1 сентября и продолжаются въ послѣобѣденное время безъ перерыва въ теченіе цѣлаго года.

«Société de protection etc.» существуетъ съ 1880 года и въ настоящее время насчитываетъ до двадцати пяти тысячъ членовъ, вносящихъ по 100 франковъ. Движеніе въ пользу брошенныхъ дѣтей началось по почину Жоржа Бонжана и его двухъ братьевъ. По убѣжденію Бонжана существуетъ цѣлый рядъ соціальныхъ вопросовъ, общій источникъ которыхъ заключается въ личной нуждѣ и необезпеченности семьи. Благодаря его почину, въ настоящее время въ Оржевилѣ (въ департаментѣ Eure) не только образовалась колонія брошенныхъ дѣтей, въ которой въ 1888 г. помѣщалось 3.609 питомцевъ, но устроилось и еще нѣсколько воспитательныхъ учрежденій.

Колонистамъ дается военное воспитаніе. Бонжанъ отрицаетъ раздѣленіе ихъ на семьи, признавая противоестественнымъ образованіе семей изъ чуждыхъ другъ другу элементовъ. Идеаломъ колоніи является армія, гдѣ и разнородные элементы такъ тѣсно сплочены между собою, что каждый жертвуетъ жизнью для общаго дѣла. Въ настоящее время для бывшихъ колонистовъ устроена въ Ниццѣ школа садоводства г. Торитономъ, въ Алжирѣ они занимаются обработкою виноградниковъ. Вообще въ колоніи, въ видахъ индивидуализаціи, существуетъ обученіе разнообразнымъ ремесламъ, смотря по способностямъ призрѣваемыхъ.

Вышедшіе изъ колоніи не утрачиваютъ связи съ нею: учрежденіе не перестаетъ слѣдить за ними, и они поддерживаютъ переписку съ его администраціей. Основнымъ принципомъ является идея взаимности, вслѣдствіе чего и оказывается поддержка всякому родственному дѣлу.

Изъ исторіи развитія «Подосеновской школы» и французской колоніи и вообще изъ сопоставленія этихъ двухъ примѣровъ частной иниціативы

въ такомъ педагогическомъ вопросѣ, гдѣ вниманіе главнымъ образомъ обращено на нормальность физическаго воспитанія, г. докладчикъ пришелъ къ заключенію о недостаткѣ солидарности и о недостаточномъ развитіи идеи взаимности въ начинаніяхъ людей русскихъ, которые очень склонны «про малое се великое молвити» и обратно «про великое: се малое».

Благодаря обязательнымъ постановленіямъ, идея о необходимости нормальнаго физическаго развитія практически примѣняетси въ корпусахъ и примѣняется плодотворно, такъ что воспитанники военно-учебныхъ заведеній свѣжестью своихъ силъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ могутъ конкуррировать со студентами университета.

Хотя въ теоріи никто не отрицаетъ необходимости правильнаго физическаго развитія, въ особенности въ виду всеобщей воинской повинности, но все-таки при тѣхъ условіяхъ, въ которыя въ настоящее время поставлены занятія гимнастикою, есть много недовольныхъ ею: и дѣйствительно, духота, пыль въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, отсутствіе свободныхъ движеній на чистомъ воздухѣ—все это говоритъ не въ пользу гимнастики. Для лучшей постановки этого вопроса нельзя не пожелать расширенія частной инициативы, нельзя не пожелать устройства для этой цѣли спеціальныхъ помѣщеній, въ родѣ Подосеновскаго, устройства для извѣстнаго района общаго манежа, въ который могли-бы сходиться воспитанники различныхъ заведеній для занятій гимнастикою, фехтованіемъ и т. д. Такіе переходы изъ учебныхъ заведеній въ манежъ были-бы полезны, какъ военныя прогулки. Желательно было-бы учрежденіе при Педагогическомъ музеѣ особой секціи по физическому развитію и спеціальнаго комитета по устройству школьныхъ манежей, комитета, который могъ-бы по этому вопросу вступать въ сношеніе съ министерствами, городскою думою, школьными врачами и т. д.

Въ заключеніе г. докладчикъ поставилъ два вопроса: 1) необходимы-ли отдѣльныя школы физическаго развитія въ отдѣльныхъ спеціально для того приспособленныхъ помѣщеніяхъ? и 2) возможно-ли установленіе взаимности между органами общественныхъ силъ для созданія такихъ школъ и зданій?

Г. предсѣдатель указалъ на то, что Педагогическій музей уже приступилъ къ разработкѣ вопроса о физическомъ развитіи: при немъ устроены мастерскія ручнаго труда, которымъ музей далъ помѣщеніе, освѣщеніе и рабочіе станки. Завѣдуетъ этими мастерскими г. Цируль; въ составъ кружка входятъ офицеры-воспитатели, учившіеся въ учительской семинаріи. Кружокъ будетъ собираться и для обсужденія теоретическихъ вопросовъ; по полученіи надлежащаго утвержденія предполагается допускать на его засѣданія и постороннихъ лицъ. Кромѣ того, образовалась особая коммиссія для разработки вопросовъ физическаго воспитанія по сочиненію Лагранжа. Интересно было-бы собрать побольше фактическихъ данныхъ о томъ, какъ осуществляется это дѣло у насъ и заграницею: извѣстно, напримѣръ, что въ Одессѣ существуетъ общество физическаго воспитанія. Г. докладчикъ указалъ на существованіе Turnhalle въ Германіи и въ Остзейскомъ краѣ.

Д-ръ Виреніусъ замѣтилъ, что въ Остзейскомъ краѣ только въ Ригѣ

хорошо устроено Turnhalle, въ которое и сходятся ученики всѣхъ учебныхъ заведеній и что въ Петербургѣ существуетъ при Анненской школѣ подобное-же хорошее учрежденіе, устройство котораго стоило отъ 16 до 18 тысячъ рублей. Трудно устроить подобныя учрежденія безъ участія педагоговъ, а между педагогами и врачами нѣтъ согласія: врачъ требуетъ для гимнастическихъ упражненій помѣщенія, въ которомъ-бы содержаніе углекислоты не превышало 2% per mille, между тѣмъ какъ въ помѣщеніяхъ, отводимыхъ школьною администрацію, содержаніе углекислоты доходитъ до 13% и никогда не бываетъ менѣе трехъ. Хотя военноучебныя заведенія и получили въ этомъ отношеніи плохое наслѣдіе, но за то они обладаютъ большими финансовыми средствами, такъ что другимъ школамъ невозможно конкуррировать съ ними. Физическія упражненія должны служить отвлеченіемъ отъ умственнаго труда, но врачъ долженъ сообразоваться съ существующими программами, а если такія упражненія являются только прибавкою къ умственному труду, то они неизбѣжно увеличиваютъ утомленіе: къ 32 учебнымъ часамъ нельзя прибавить еще четыре; другое дѣло, если-бы эти 32 часа сократились до 28 и были дополнены четырьмя часами физическихъ упражненій. По поводу сообщенія доктора Рудина г. Виреніусъ замѣтилъ, что авторъ сдѣлалъ слишкомъ мало наблюденій, и что антропометрическія данныя, касающіяся всѣхъ учениковъ, не даютъ возможности сдѣлать вывода относительно того, какъ при данныхъ условіяхъ Мологской школы подвигалось физическое развитіе отдѣльнаго ученика.

Г. предсѣдатель, резюмируя все высказанное въ засѣданіи, выразилъ сочувствіе къ начинанію, сдѣланному въ Мологѣ, и желаніе, чтобы были собраны свѣдѣнія о подобныхъ учрежденіяхъ въ Россіи и на Западѣ. Вопросъ этотъ опредѣлено передать въ физическую секцію.

5) Г. Альмедингенъ сдѣлалъ сообщеніе по вопросу объ организаціи мѣръ для разсмотрѣнія новыхъ книгъ для дѣтскаго чтенія.

Нѣтъ никакой пользы спорить о томъ, нужна-ли особая дѣтская литература, такъ какъ de facto рынокъ заваленъ дѣтскими книгами и такъ какъ существуютъ дѣтскіе писатели-специалисты.

Но какова должна быть критика произведеній дѣтской литературы? Задача ея не похожа на задачу общелитературной критики, которая обыкновенно бываетъ тенденціозна и не помогаетъ писателю. Критика дѣтской литературы существуетъ не для дѣтей, которыя читаютъ книгу; она является руководствомъ для родителей и вліяетъ на писателя. Она держится опредѣленныхъ, постоянныхъ точекъ зрѣнія: художественной, педагогической и внѣшней, типографской. Она можетъ давать темы писателямъ.

Критики, писатели и родители должны быть въ тѣсномъ союзѣ между собою. Критикъ долженъ стоять внѣ партій, любить дѣтей, понимать требованія ихъ природы, требованія семьи и школы.

Толстые журналы почти игнорируютъ дѣтское чтеніе. Исключеніемъ является только «Русская Мысль», гдѣ, впрочемъ, этотъ отдѣлъ ведется безъ руководящихъ началъ, и за послѣднее время—«Сѣверный Вѣстникъ». Критика въ газетахъ—совершенно случайная. И въ педагогической журналистикѣ этимъ вопросомъ занимаются немного: изъ пяти выходящихъ въ Петербургѣ педагогическихъ журналовъ только три даютъ обзоры дѣт-

скихъ книгъ («Педагогическій Сборникъ», «Женское образованіе» и «Листокъ воспитанія и обученія»). Въ московскомъ «Вѣстникѣ воспитанія» отдѣлъ дѣтскихъ книгъ поставленъ слабо. На помощь въ этомъ случаѣ явилась частная инициатива. Такъ создался сборникъ: «Что читать народу?», такъ въ Одессѣ образовалось особое рекомендательное бюро для помощи родителямъ въ этомъ отношеніи. Въ концѣ 1889 года это бюро выпустило брошюру, первое изданіе которой уже разошлось въ настоящее время.

Основныя положенія, которыхъ, какъ критеріума, держалось бюро въ своихъ сужденіяхъ, еще не доведены до полной ясности; они слишкомъ общи и потому неприложимы ко всякому частному случаю.

Бюро отвергаетъ книги: 1) противныя нравственному чувству дѣтей (напр., такія, въ которыхъ проводятся пессимистическія идеи, нетерпимость, и которыя нарушаютъ правильную дѣятельность нервной системы); 2) способныя передать понятія, противныя истинѣ. Оно одобряетъ такія, которыя дѣйствуютъ на ребенка ободряющимъ образомъ, отличаются занимательностью сюжета и правильнымъ языкомъ, и избѣгаетъ передѣлокъ и сокращеній классическихъ произведеній.

Но иногда отзывы бюро противорѣчатъ выставленнымъ имъ тезисамъ. Такъ, напримѣръ, бюро рекомендуетъ «Бесѣды о звѣряхъ» Бекетова (стр. 6); но въ этомъ случаѣ коммиссія, вѣроятно, увлеклась именемъ автора, между тѣмъ какъ въ этой книжкѣ встрѣчается опредѣленіе млекопитающихъ, какъ тварей, ходящихъ по землѣ (подъ такое опредѣленіе нельзя подвести *кита*); подъ опредѣленіе рыбъ, какъ плавающихъ тварей, подойдетъ и *крокодилъ*—а это и будутъ понятія, противныя истинѣ. Рекомендованная «Сказочная страна» Варенсгофера (стр. 33)—фельетонный романъ съ приключеніями и кровавыми рисунками; помѣщенныя въ немъ этнографическія свѣдѣнія далеки отъ истины.

Бюро, въ противорѣчіе одному изъ своихъ руководящихъ началъ, рекомендуетъ передѣлки и сокращенія, напримѣръ, передѣлку Жюля Верна Бекетовой, передѣлку Диккенса Архангельской, «изъ міра народныхъ преданій» Острогорскаго.

Изъ этого видно, что нужна новая попытка. Желательно было-бы образовать при Педагогическомъ музеѣ бюро для помощи родителямъ въ выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія. Если бюро въ отзывахъ не будетъ нарушать своихъ теоретическихъ посылокъ, то къ голосу его будутъ прислушиваться и писатели, и издатели. Оно должно состоять изъ спеціалистовъ по разнымъ областямъ знанія, изъ людей, знакомыхъ съ дѣтскою литературою и наблюдающихъ за дѣтскимъ чтеніемъ. Одесское бюро пустило свою брошюру въ продажу только черезъ два года послѣ начала своей дѣятельности, а въ теченіе этого времени многія плохія книги успѣли уже пройти. Предполагаемому бюро лучше печатать свои отзывы въ распространенной газетѣ, подъ фирмою музея, причемъ трудъ рецензента будетъ оплачиваться самою газетою, на что она, вѣроятно, согласится очень охотно.

Кромѣ того, желательно было-бы устраивать при музеѣ періодическія книжныя выставки съ цѣлью наглядно ознакомить публику съ количествомъ и качествомъ дѣтскихъ изданій. На выставку должны поступать, кромѣ книгъ, также и журналы, атласы, картины, учебныя пособія. На

первой выставкѣ могутъ явиться изданія послѣднихъ пяти лѣтъ, а затѣмъ выставки будутъ послѣдовательно повторяться черезъ каждые два года. Книги дѣлятся на отдѣлы по возрастамъ и спеціальности; завѣдующіе отдѣлами составляютъ жюри, которое оцѣниваетъ книги по программѣ бюро. Каталоги составляются по отдѣламъ, причемъ забракованныя книги вовсе не заносятся въ нихъ; эти каталоги поступаютъ въ продажу. Жюри можетъ составлять каталоги образцовыхъ библіотекъ; въ его засѣданіяхъ дѣлаются публичныя сообщенія. Въ отдѣльной залѣ могутъ быть поставлены и витрины книгопродавцевъ для продажи книгъ.

Е. М. Гаршинъ, въ общемъ соглашаясь съ мыслью г. докладчика, внесъ нѣкоторыя поправки въ его сообщеніе. Онъ указалъ на то, что и въ газетахъ помѣщаются обстоятельныя статьи по дѣтскимъ книгамъ: такъ, въ «Новомъ Времени» помѣщалъ руководящія статьи г. Ѳеоктистовъ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»—г. Позняковъ. Хотя «Русская Школа» и «Вѣстникъ воспитанія» задались очень широкой программой, но все-таки «Русская Школа» въ первый годъ изданія дала по этому вопросу двѣ большія статьи (гг. Познякова и Ѳеоктистова). По отношенію къ критерію, выставленному Одесскимъ бюро, г. Гаршинъ находитъ, что на первомъ планѣ при обсужденіи дѣтскихъ книгъ слѣдовало-бы поставить эстетическія требованія. Онъ напомнилъ о существованіи сборника Герда: «Обзоръ дѣтской литературы», начало которому положилъ кружокъ учительницъ. Приговоры давали двѣ учительницы — референтка и корефе- рентка; въ случаѣ разногласія, отзывы эти отдавались на судъ третьяго лица. Желательно было-бы, чтобы этотъ кружокъ in corpore принялъ участіе въ работахъ музея по вопросу о дѣтскомъ чтеніи. Въ концѣ каждаго года музей долженъ издавать общіе обзоры всѣхъ разсмотрѣнныхъ книгъ.

По предложенію г. предсѣдателя, по указанному вопросу образовалась небольшая коммиссія, первое засѣданіе которой назначено въ субботу, 16-го февраля.

В. Г.

Учрежденіе въ Обществѣ попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи пенсіи имени княгини А. А. Оболенской.

При состоящемъ подъ Августѣйшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы покровительствомъ Обществѣ попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи учреждается имени княгини Александры Алексѣевны Оболенской пенсія, которая будетъ выдаваться одной изъ бывшихъ и нуждающихся учительницъ или воспитательницъ ея гимназіи. Эта прекрасная мысль, конечно, встрѣтитъ сочувствіе въ средѣ бывшихъ ученицъ, друзей и почитателей покойной княгини. Лица, желающія внести свою лепту въ пенсіонный фондъ имени княгини А. А. Оболенской, соблаговолятъ обращаться въ Общество (Фонтанка, д. № 11, кв. № 1), отъ 11 до 3 час., ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, или въ гимназію (Малая Итальянская, № 14) къ инспектрисѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Герстфельдъ, или секретаршѣ Маріи Александровнѣ Карышевой, отъ 10 до 3 час. ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней. («Новости»).

Подготовительныя работы по третьему тому сочиненія: «Что читать народу».

Учительницы Харьковской частной женской воскресной школы приступили къ работамъ по III тому «Что читать народу?». Въ работахъ этихъ приметъ участіе нетолько Харьков. част. ж. воскр. школа, какъ это было прежде, но и учительницы Петербургской, Московской, Тифлисской, Тамбовской и Одесской воскресныхъ школъ. Благодаря этому участію, является возможнымъ книги, подлежащія разсмотрѣнію, подвергать провѣркѣ не въ однѣхъ только южныхъ губерніяхъ, какъ это имѣло мѣсто при составленіи двухъ предыдущихъ томовъ, но и въ другихъ мѣстностяхъ, носящихъ на себѣ, естественно, иной характеръ.

Матеріала, подлежащаго разсмотрѣнію, хватитъ на 2, на 3 года работы, тѣмъ болѣе, что составительницы сборника задались цѣлію перечитать съ народомъ не только дешевыя изданія, предназначенныя для него, но и многое изъ общей литературы, что, по ихъ мнѣнію, желательно было бы видѣть изданнымъ по удешевленнымъ цѣнамъ. («Харьковскія губерн. Вѣдомости»).

Письма въ редакцію.

Милостивый государь, г. редакторъ!

Въ сентябрьской книжкѣ «Русской Школы» за истекшій годъ помѣщена замѣтка г. Гольденберга подъ заглавіемъ: «Образчикъ учебно-издательской спекуляціи», въ которой авторъ силится увѣрить читателя, что составленный мною учебникъ ариѳметики есть не что иное, какъ учебно-издательская спекуляція. Обстоятельство это вынуждаетъ меня просить васъ, г. редакторъ, помѣстить настоящее мое возраженіе въ отвѣтъ г. Гольденбергу.

Авторъ «образчика учебно-издательской спекуляціи» отлично понимаетъ, что выступать въ печати съ одними ругательствами по меньшей мѣрѣ не красиво, поэтому онъ прикрываетъ ихъ благороднымъ флагомъ негодованія, будто-бы возбужденнаго въ немъ открытой имъ спекуляціей; мнѣ, однако, не трудно будетъ доказать, что не «благородное негодованіе» заставило г. Гольденберга ополчиться на меня, а нѣчто, хотя и ничего общаго не имѣющее съ этимъ чувствомъ, но болѣе понятное такого рода рецензентамъ, къ какимъ, повидимому, принадлежитъ г. Гольденбергъ.

При самомъ сильномъ желаніи уничтожить меня, г. Гольденбергъ могъ привести только слѣдующія доказательства моего участія въ «спекуляціи рыночнаго характера»:

1) «Внѣшность изданія стоитъ въ полномъ противорѣчіи какъ съ тѣми требованіями, которымъ долженъ удовлетворять печатный шрифтъ учебника съ гигіенической точки зрѣнія, такъ и съ «объявленіемъ» отъ Департамента Мин. Нар. Пр... Въ изданіяхъ-же «издателя книгъ Д. Д. Полубояринова»: длина строкъ 140 миллиметровъ, число строкъ 47—50

на страницѣ, бумага сѣрая и просвѣчивающая, форматъ неудобный и неуклюжій, поля почти отсутствуютъ» и

2) «Учебникъ г. Разумѣйчика производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ составленъ лѣтъ 10—15 тому назадъ, и при томъ авторомъ, который стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ педагоговъ и педагогики... Разбирать подробно учебникъ г. Разумѣйчика мы не намѣрены: печатныя издѣлія подобнаго пошиба не заслуживаютъ того, чтобы останавливаться на нихъ долго. Ограничимся рядомъ выписокъ, наиболѣе характеризующихъ, по нашему мнѣнію, педагогическія достоинства разсматриваемаго нами учебника». (Дальше и до конца замѣтки, кромѣ пяти строкъ заключенія, идутъ выписки).

Итакъ, обвиненіе меня въ «спекуляціи рыночнаго характера» г. Гольденбергъ основываетъ лишь на томъ, что я написалъ, по его мнѣнію, плохой учебникъ, а г. Полубояриновъ дурно издалъ его. Онъ не говоритъ, что были напечатаны рекламы учебнику или предприняты были какія-либо мѣры спекулятивнаго характера для его распространенія: въ такомъ случаѣ, гдѣ-же доказательства спекуляціи? Я думаю, что г. Гольденбергъ слишкомъ увлекся ролью обличителя и подъ вліяніемъ увлеченія... очень строго отнесся ко мнѣ. Мнѣ неизвѣстно, чтобы кто-либо обличалъ г. Гольденберга въ спекуляціи за то, что онъ оцѣнилъ экземпляръ своей «Методики начальной ариѳметики» въ первомъ изданіи въ 1 р. 50 к., а во второмъ, «исправленномъ и значительно дополненномъ», въ 75 к. *). Чѣмъ г. Гольденбергъ оправдывалъ себя, когда за «не исправленную» книгу бралъ вдвое дороже, чѣмъ теперь беретъ за «исправленную»? Мало того, «Методика начальной ариѳметики» г. Гольденберга по внѣшности издана совершенно такъ, какъ и мой учебникъ: «длина строкъ 140 миллиметровъ, число строкъ 47—50 на страницѣ, бумага сѣрая и просвѣчивающая, форматъ неудобный и неуклюжій, поля почти отсутствуютъ». Какъ г. Гольденбергъ позволилъ подобное возмутительное дѣяніе г. Полубояринову? и какъ у него хватило смѣлости нападать за то-же самое на меня?

Перехожу къ разсмотрѣнію доказательствъ, которыя, по мнѣнію автора «Образчика учебно-издательской спекуляціи», должны убѣдить читателя въ совершенной негодности составленнаго мною учебника.

1) Сдѣлавъ слѣдующую выписку изъ учебника: «Чтобы составить эту таблицу (таблицу сложенія), нужно выписать въ одной горизонтальной строкѣ послѣдовательно всѣ однозначныя числа, включая и нуль... Изъ способа составленія таблицы видно, что сумма двухъ данныхъ чиселъ находится на пересѣченіи вертикальнаго ряда, начинающагося однимъ даннымъ числомъ, съ горизонтальнымъ рядомъ, начинающимся другимъ числомъ. Напримѣръ, на пересѣченіи вертикальнаго ряда, начинающагося 7, съ горизонтальнымъ рядомъ, начинающимся 9, находится 16, слѣдовательно, сумма 7 и 9 равна 16», г. Гольденбергъ говоритъ:

---

*) А. И. Гольденбергъ. Методика начальной ариѳметики. Второе изданіе, исправленное и значительно дополненное. Ц. 75 к. Спб изданіе Д. Д. Полубояринова. 1886 г.

«Итакъ, по мнѣнію г. Р., нуль есть число натуральнаго ряда, суммы чиселъ находятся (въ смыслѣ умѣщаются) на пересѣченіи горизонтальныхъ и вертикальныхъ рядовъ, и 7 + 9 = 16 вслѣдствіе того, что «на пересѣченіи вертикальнаго ряда, начинающагося 7, съ горизонтальнымъ рядомъ, начинающимся 9, находится 16, слѣдовательно, сумма 7 и 9 равна 16».

Если-бы г. Гольденбергъ не «перелистовалъ» только мой учебникъ, а прочелъ его, то и для него не подлежало-бы сомнѣнію, что я вовсе не считаю нуль числомъ натуральнаго ряда какъ потому, что значеніе его (нуля) у меня подробно разъяснено на стр. 7 § 3, такъ и потому, что, считая нуль числомъ натуральнаго ряда, я вовсе не упоминалъ-бы о немъ отдѣльно, говоря о всѣхъ однозначныхъ числахъ; къ тому-же у меня и не говорится о числахъ натуральнаго ряда, а объ однозначныхъ числахъ, т.-е. такихъ, которыя изображаются одной цыфрой, а къ такимъ числамъ безъ всякой погрѣшности можно причислить и нуль *).

Г. Гольденбергъ не привелъ изъ моего учебника мѣста, въ которомъ говорится объ употребленіи таблицы сложенія, цѣликомъ, безъ пропусковъ. Сдѣлай онъ это, мнѣ незачѣмъ было бы опровергать увѣренія его, будто я думаю, что «7 + 9 = 16 вслѣдствіе того, что на пересѣченіи вертикальнаго ряда, начинающагося 7, съ горизонтальнымъ рядомъ, начинающимся 9, находится 16»: непредубѣжденный читатель и самъ понялъ-бы, что у меня выражена лишь такая мысль: чтобы отыскать по таблицѣ сложенія сумму 7 и 9, нужно отмѣтить 7 въ вертикальномъ ряду, а 9 въ горизонтальномъ, въ пересѣченіи этихъ рядовъ и окажется сумма 16. Точно также объясняетъ употребленіе таблицы умноженія Серре́ **).

Въ виду такой *дѣльности* замѣчаній невольно задаешься вопросомъ, для чего понадобилось г. Гольденбергу разнести во что бы то ни стало мой учебникъ? Во всякомъ случаѣ, едва-ли онъ въ правѣ закончить разборъ вышеприведенной выписки слѣдующей тирадой: «Это «слѣдовательно» восхитительно; впрочемъ, все невѣжественное и безграмотное издѣліе г. Р. восхитительно въ логическомъ, грамматическомъ и стилистическомъ отношеніи».

2) Выдержка изъ § 9: «Такъ какъ, по понятію о суммѣ, она должна заключать въ себѣ всѣ единицы, находящіяся въ данныхъ числахъ, то отсюда очевидно (§ 2), что сумма не измѣнится и т. д.» вызвала слѣдующее замѣчаніе рецензента: «Въ учебникѣ ариѳметики» г. Разумѣйчика § 2 занимаетъ около двухъ съ половиной страницъ; какой-же смыслъ имѣетъ ссылка на эти нѣсколько страницъ текста, когда дѣло идетъ объ очевидномъ? На стр. 12 § 10 помѣщена опять ссылка: ссылка на § 9, т.-е. на предшествующій. Замѣтимъ, что § 9 занимаетъ всего семь строкъ, а три строки ниже читаемъ: «на основаніи вышесказаннаго (§ 9), сложить послѣдовательно...».

---

*) «Чтобы составить эту таблицу (таблицу сложенія) поступаютъ такъ: выписываютъ въ первой строкѣ 10 первыхъ чиселъ, отъ нуля до девяти включительно». Упрощенное руководство ариѳметики. По системѣ и подъ редакціей Шапошникова. М. 1890 г., стр. 13.

**) Серре́. Курсъ ариѳметики. Переводъ Юденича. 4-е изданіе. Москва. 1883 г., стр. 22 § 33.

Итакъ, второе доказательство г. Гольденберга негодности моего учебника—нѣсколько найденныхъ имъ, неумѣстныхъ, по его мнѣнію, ссылокъ на предшествующіе параграфы. Не говоря о томъ, что и въ цитированномъ г. Гольденбергомъ учебникѣ Серре́ встрѣчаются подобныя-же ссылки (стр. 39 § 36, стр. 43 § 63, стр. 49 § 71) *), я лично признаю очень полезнымъ возможно чаще ссылаться на предшествующіе §§, такъ какъ это, во-первыхъ, уясняетъ читаемое, а во-вторыхъ, помогаетъ болѣе отчетливому пониманію пройденнаго. Но признавъ даже, въ угоду г. Гольденберга, мои ссылки промахомъ, неужто этого достаточно, чтобы изъ-за нихъ обдавать автора грязью и издѣваться въ довольно плоскихъ издѣвательствахъ? Г. Гольденбергъ, повидимому, въ этомъ не сомнѣвается и, обрадовавшись случаю, чуть-ли не съ пѣной у рта опять накидывается на меня и глумится самымъ пошлымъ образомъ.

3) Относительно повѣрки основныхъ дѣйствій у меня сказано:

«§ 11. Чтобы повѣрить, правильно-ли найдена сумма, всю группу слагаемыхъ разбиваютъ на двѣ или нѣсколько меньшихъ группъ и, найдя сумму каждой группы отдѣльно, складываютъ полученныя суммы; если при повѣркѣ получится результатъ, уже полученный, то сложеніе сдѣлано вѣрно.

§ 15. Чтобы повѣрить, правильно-ли найденъ остатокъ, складываютъ вычитаемое съ остаткомъ; если полученное при этомъ число равняется уменьшаемому, то вычитаніе сдѣлано вѣрно (§ 13).

§ 24. Чтобы повѣрить, правильно-ли найдено произведеніе, переставляютъ данныя для умноженія числа — множимое на мѣсто множителя и множитель на мѣсто множимаго—и перемножаютъ ихъ (§ 17); если полученный результатъ будетъ равенъ прежде найденному, то можно думать, что умноженіе сдѣлано вѣрно».

Приведя эти выписки въ своей замѣткѣ, г. Гольденбергъ дѣлаетъ такое заключеніе:

«Изъ приведеннаго отрывка читатель, безъ всякаго сомнѣнія, вынесетъ вмѣстѣ съ нами убѣжденіе, что г. Р. не только малограмотенъ, но и очень смѣлъ, выдавая за достовѣрное то, что только вѣроятно».

Я же полагаю, что совершенно напрасно г. Гольденбергъ навязываетъ читателю свое мнѣніе. Что повѣрка извѣстнаго ариѳметическаго дѣйствія не можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ правильности полученнаго результата, это до того ясно, что нѣтъ никакой надобности упоминать объ этомъ много разъ. Совершенно достаточно оговорить это въ одномъ мѣстѣ, что и сдѣлано мною при изложеніи повѣрки умноженія. Не оговорилъ я этого при повѣркѣ сложенія и вычитанія *намѣренно*, не желая на первыхъ-же порахъ возбудить въ учащемся сомнѣнія въ необходимости прибѣгать къ повѣркѣ. Такъ какъ ясность и точность изложенія приведенныхъ выдержекъ, какъ и всего учебника, признана вполнѣ компетентными лицами и не оспаривается даже моимъ довольно таки придирчивымъ рецензентомъ, а это главнымъ образомъ и имѣлось въ виду при составленіи учебника, то и этотъ пунктъ доказательства не имѣетъ той сокрушающей силы, какую въ немъ усматриваетъ рецен-

*) См. сноску на стр. 223.

зентъ, и показываетъ только, что г. Гольденбергъ дѣйствительно *очень смѣло* приписываетъ другому то, что имъ-же самимъ выдумано.

Четвертый и пятый пункты представляютъ образчикъ такой-же придирчивости и непринимания во внимание того, для какого возраста учащихся предназначенъ учебникъ, какъ и три разсмотрѣнные выше, почему опровергать ихъ нахожу совершенно лишнимъ. Впрочемъ, авторъ «образчика учебно-издательской спекуляціи» и самъ, кажется, инстинктивно чувствовалъ, что его доказательства не серьезны и что предположенная имъ цѣль наврядъ-ли будетъ достигнута, поэтому онъ позволилъ себѣ слѣдующія искаженія: на стр. 44, первая строка снизу, у меня написано: «Чтобы объясненi*е* (курсивъ нашъ) задачи шло живѣе», а г. Гольденбергъ увѣряетъ, будто въ учебникѣ значится: «чтобы объясненi*и* (курсивъ г. Гольденберга) задачи шло живѣе». Точно также изъ выписки г. Гольденберга слѣдуетъ, будто у меня написано: «...съ горизонтальнымъ рядомъ, начинающи*мися* другимъ числомъ», между тѣмъ въ учебникѣ сказано совершенно правильно: «...съ горизонтальнымъ рядомъ, начинающ*имся* другимъ числомъ».

Предоставляю г. Гольденбергу самому подъискать соотвѣтственное названіе такому его поступку.

Хотя и сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о добросовѣстности автора «образчика учебно-издательской спекуляціи», тѣмъ не менѣе считаю не лишнимъ привести мнѣніе г. рецензента ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія о рукописи учебника, дабы читатель убѣдился, что учебникъ этотъ вовсе ужъ не такъ плохъ, какъ это нужно почему-то доказать г. Гольденбергу. Вотъ что сказано въ этомъ отзывѣ: «нѣкоторые отдѣлы рукописи изложены весьма отчетливо, кратко и ясно». Относительно-же схемы, которая едва-ли не больше всего подверглась глумленію г. Гольденберга, тотъ-же рецензентъ выражается такъ: «заслуживаетъ особеннаго вниманія § 69 (въ книгѣ § 42), а именно схематическое изображеніе зависимости между данными и искомымъ» *).

Я не стану увѣрять, что трудъ мой свободенъ отъ недостатковъ, но не сомнѣваюсь, что безпристрастный читатель найдетъ въ немъ отчетливость, краткость и ясность изложенія, указанную г. рецензентомъ ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, а также точность опредѣленій дѣйствій и выводъ правилъ, строго сообразованный съ данными опредѣленіями, чѣмъ и отличается мой трудъ отъ учебниковъ ариѳметики, принятыхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Р. Разумѣйчикъ.

22 декабря 1890 г.
П. Сѣнница, почт. ст. Новоминскъ.

---

*) Отношеніе Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 10 марта 1889 г. за № 4488.

Уважаемый г. редакторъ!

Надѣюсь, что вы не откажете дать мѣсто въ вашемъ почтенномъ журналѣ этимъ строкамъ, такъ какъ фактъ, сообщаемый нами, близко касается всѣхъ, интересующихся вопросами нашей школы.

На урокахъ исторіи въ гимназіяхъ сообщается ученикамъ, между прочимъ, о подвигахъ гунновъ, вандаловъ и др., разрушающихъ цвѣтущіе города, о сожженіи Александрійской библіотеки, истребленіи памятниковъ искусства и т. п. грустныхъ вещахъ.

Изъ этихъ уроковъ юношество выноситъ непріятное чувство, ибо въ глазахъ его рисуется, напримѣръ, картина цвѣтущаго города, украшеннаго трудами и заботами многихъ поколѣній, вложившихъ въ эти труды всю свою душу, и затѣмъ на смѣну этой картины является безобразная груда развалинъ, внушающая горькое чувство сожалѣнія къ людямъ, неспособнымъ понять все то, что такъ безжалостно и грубо ими уничтожается.

Но въ этихъ-же самыхъ гимназіяхъ дѣлаются иногда вещи, способныя нѣсколько оживить передъ нами эти мрачныя картины.

Вотъ фактъ.

Въ Черниговской гимназіи, лѣтъ 10 тому назадъ, былъ директоромъ А. Д. Мессъ, человѣкъ, горячо преданный дѣлу, въ высшей степени энергичный и дѣятельный. Трудами его и завѣдующаго хозяйствомъ гимназіи И. А. Страдомскаго между другими улучшеніями былъ приведенъ въ прекрасное состояніе и гимназическій садъ.

Пишущему эти строки ясно представляется время, когда онъ самъ былъ ученикомъ; гимназическій садъ составлялъ гордость и украшеніе гимназіи: густой, тѣнистый, всегда образцово содержащійся, съ прекрасно расчищенными аллеями, уставленными скамейками, на каждомъ шагу свидѣтельствующій о заботливости хозяина, садъ этотъ былъ любимымъ мѣстомъ отдыха и прогулокъ гимназистовъ. Впереди сада, параллельно всему зданію гимназіи, находилась широкая и длинная площадь, на которой, съ одной стороны, были устроены гимнастическіе приборы, а съ другой—ряды скамеекъ.

Площадь эта служила мѣстомъ для игръ и гимнастики.

Но, tempora mutantur... и все это перемѣнилось. Перемѣнилась дирекція. перемѣнился и завѣдывающій хозяйствомъ. Въ результатѣ оказалось слѣдующее. Вмѣсто великолѣпнаго сада, глазамъ нашимъ представляется огромный пустырь, на которомъ тамъ и сямъ торчатъ сухіе пни деревьевъ, нѣкогда столь многочисленныхъ и тѣнистыхъ. Дорожки запущены, скамейки почти ни одной: на площадкѣ гимнастическіе приборы замѣнены длиннымъ рядомъ деревянныхъ ватерклозетовъ, тянущимся въ глубину сада. Картину дополняютъ коровы и свиньи, мирно гуляющія на этихъ развалинахъ...

Но, кромѣ этого зрѣлища, способнаго заставить облиться кровью сердце человѣка, знавшаго прежде этотъ садъ, перемѣна эта обнаружила свое дѣйствіе еще и въ другомъ направленіи.

Прежде ватерклозеты находились въ самомъ зданіи гимназіи, а теперь ученикамъ зимою изъ теплаго воздуха гимназіи, часто разгоряченнымъ

бѣготней и играми, надобно выходить въ садъ и проходить пространство шаговъ 40—50. Всякому очевидно, какіе благіе результаты должны происходить отъ такого нововведенія, и что замѣна гимнастическихъ приборовъ рядомъ ватерклозетовъ (находящимся передъ окнами классовъ), кромѣ возмутительнаго безобразія въ эстетическомъ отношеніи, является и разсадникомъ частыхъ заболѣваній.

Можно-бы привести еще нѣсколько невеселыхъ фактовъ изъ нынѣшнихъ гимназическихъ порядковъ, но... Sapienti sat!

Примите и проч.

І. В. Михайловскій.

23-го августа 1890 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ

съ 1-го декабря 1890 г. по 1-е января 1891 г. *).

I. Педагогика, дидактика, школьная гигіена и гимнастика.

Локкъ, Дж. Мысли о воспитаніи. Переводъ съ англійскаго П. Вейнберга. (Приложеніе къ журналу «Русская Школа» за 1890 г.). Спб. 1890. Тип. И. Скороходова. 8 д.. XVI+246 стр., 3.000 экз.

Миропольскій, С. И. Дидактическіе очерки. Ученикъ и воспитывающее обученіе въ народной школѣ. Спб. Тип. И. Скороходова. 8 д., 80 стр., 2.000 экз.

— Учитель народной школы. Спб. Тип. И. Скороходова. 8 д., 128 стр., 2.000 экз.

Орнатскій, Ф., свящ. О воспитаніи дѣтей. Спб. Тип. А. Штольценберга. 8 д., 30 стр., 1.000 экз.

Юзефовичъ, Б. М. Записка объ урегулированіи дѣла общественнаго образованія и воспитанія и объ устраненіи нѣкоторыхъ недостатковъ въ существующей системѣ и постановкѣ образовательныхъ учрежденій Имперіи. Кіевъ. 1890. Тип. С. Кульженко. 4 д., 21 стр., 200 экз.

II. Народное образованіе вообще, школьное дѣло, personalia, отчеты, правила, программы.

Александровъ, В. А. Объ устройствѣ школьныхъ садовъ при сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ. Спб. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8 д., 50 стр. 800 экз.

Верещагинъ, Н. В. Задачи высшей сельскохозяйственной школы и ея организація. Докладъ, чит. въ засѣданіи Имп. Московскаго общества сельскаго хозяйства 30-го ноября 1890 года. Москва. 1890. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 13 стр., 200 экз. (Изъ журнала «Вѣстникъ Русск. Сельск. Хозяйства» за 1890 г.).

Двадцать первый годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго общества для распространенія св. Писанія въ Россіи. За 1889 годъ. Спб. 1890. Тип. В. Балашева. 8 д., 99 стр., 6.000 экз.

Женская гимназія М. Н. Стоюниной въ 1889—1890 г. Спб. Тип. училища глухонѣмыхъ. 8 д., 24 стр., 600 экз.

Жудро, Ѳ. Исторія Могилевскаго богоявленскаго братства. Тип. Фридланда въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. 8 д., 112 стр.

Императорское русское техническое общество. Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. 1889—1890. Труды II отдѣленія. Техническія и ремесленныя учебныя заведенія. Издано подъ главною ред. В. И. Срезневскаго. Спб. 1890. Тип. Ю. Эрлиха. 8 д., XII+514 стр., 2.200 экз. Ц. 3 р.

— Труды IV отдѣленія. Женское профессіональное образованіе. Издано

*) Духовныя изданія относятся еще къ ноябрю.

подъ главн. ред. В. И. Срезневскаго. Спб. 1890. Тип. Ю. Эрлиха. 8 д., XIII+280+166+VI стр., 2.500 экз. Ц. 3 р.

Императорское русское техническое общество. Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. 1889—1890. Труды III отдѣленія. Сельско-хозяйственное образованіе. Изд. подъ главною ред. В. И. Срезневскаго. Спб. 1890. Тип. «Владимірская» (Л. Мордуховской). 8 д., II+342 стр., 2.200 экземпляровъ.

Краткій отчетъ о состояніи Виленской 2-й гимназіи за 1889—90 учебн. годъ. Вильна. 1890. Тип. А. Минскера. 8 д., 27 стр., 125 экз.

Краткій отчетъ о состояніи Александровскаго Могилевскаго реальнаго училища за 1889—90 учебн. годъ. Могилевъ-на-Днѣпрѣ. 1890. Тип. Я. Подземскаго. 8 д., 51 стр.

Круковскій, В. Отчетъ о состояніи Черниговской гимназіи за 1888—89 учебный годъ. Черниговъ. 1890. Тип. губернск. правленія. 8 д., 64 стр., 200 экз.

Кулинъ, В. П. Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1889—1890 учебный годъ. Читанъ на годичномъ актѣ 30-го сентября 1890 года. (Извлеч. изъ Журнала М-ва Нар. Просвѣщенія, 1890 г.). Спб. 1890. Тип. В. Балашева. 8 д., 13 стр., 150 экз.

Къ 150-ти-лѣтнему юбилею Новгородской духовной семинаріи. Спб. Тип. д-та удѣловъ. 8 д., 300 экз.

Лѣтнія колоніи для московскихъ начальныхъ городскихъ училищъ. Отчетъ за 1890 г. Москва. 1890. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 19 стр., 600 экз.

Маврицкій, В. А. Сборникъ правилъ и подробныхъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія, мужскія и женскія, на 1891—1892 г., составленный на основаніи данныхъ, непосредственно сообщенныхъ и опубликованныхъ начальствами учебныхъ заведеній. Изд. 4-е. Москва. 1891. Тип. Е. Потапова. 8 д., VIII+486 стр., 1.200 экз. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Михайловъ, В. В. О школѣ печатнаго дѣла (въ Петербургѣ), находящейся въ вѣдѣніи Имп. русскаго техническаго общества. Спб. Тип. В. Демакова. 8 д., 18 стр., 500 экз.

Модрахъ, К., полк. Николаевская инженерная академія и училище. Личный составъ, распредѣленіе учебныхъ и другихъ занятій и проч. свѣдѣнія. На 1890—1891 учебн. годъ. Спб. 1890. Тип. А. Суворина. 12 д., 90+XXVIII стр., 250 экз.

Обозрѣніе преподаванія въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ на осеннее полугодіе 1890 года. Одесса. 1890. Тип. экономическая. 8 д., 46 стр. и 3 таблицы, 600 экз.

Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго Московскаго университета за 1888 годъ. Москва. 1890. Тип. университетская. 8 д., 154+24+23 стр. и 1 таблица, 120 экз.

Отчетъ о дѣятельности православнаго С.-Петербургскаго братства во имя Пресвятой Богородицы. Спб. Тип. синодальная. 8 д., 15.000 экз.

Отчетъ о дѣйствіяхъ морскаго ученаго комитета за 1887 годъ. Спб. 1890. Тип. Морскаго М-ва. 8 д., V+76 стр., 150 экз.

— За 1888 годъ. Спб. 1890. Тип. Морскаго М-ва. 8 д., IV+62 стр., 150 экз.

Отчетъ по школѣ печатнаго дѣла Имп. русскаго техническаго общества за 1889—90 учебн. годъ. Спб. 1890. Тип. Морскаго М-ва. 8 д., 28+18 стр. и 1 портретъ, 500 экз.

Очерки дѣятельности сельскихъ народныхъ училищъ въ періодъ 1880—1890 гг. (Къ вопросу о народномъ образованіи въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи). (Извлечено изъ памятной книжки Гродненской губ. на 1891 г.). Гродна. 1890. Тип. губернск. правленія. 8 д., 36 стр., 60 экз.

Павловскій, И. Ф. Историческій очеркъ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890). По оффиціальнымъ даннымъ. Полтава. 1890 Тип. губернск. правленія. 8 д., 183+113+VIII стр., 720 экз.

Памятная книжка Кіевскаго учебнаго округа. Часть IV. Черниговская губернія. Изд. управленія учебнаго округа. Кіевъ. 1890. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., 161+XXIV стр., 300 экз.

— Часть V. Полтавская губер. Кіевъ. 1890. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., 188+XXVII стр., 300 экз.

Поповъ, В. Я. Краткій очеркъ постройки зданія Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I. Рига. 1890. Тип. Э. Платеса. 8 д., 38 стр., 350 экз.

Правила, требованія и программы испытаній въ коммиссіи историко-филологической. Утвержд. г. Министромъ Народн. Просвѣщенія 10-го декабря 1890 года. Спб. 1890. Тип. В. Балашева. 8 д., 48 стр., 1.200 экз.

Празднованіе пятидесятилѣтія профессорской дѣятельности проф. В. А. Караваева (1840—1890 гг.). Кіевъ. 1890. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., 32 стр., 100 экз.

Пріемныя правила и программы для поступленія въ юнкерскія училища. Изд. Н. Фену и К°. Спб. 1891. Тип. П. Яблонскаго. 8 д., 29 стр., 2.000 экз., Ц. 10 коп., съ перес. 15 коп.

Программы предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ Министерства Народн. Просвѣщенія. Казань. 1890. Тип. В. Ключникова. 8 д., 94 стр., 600 экз. Ц. 60 коп.

Программы предметовъ, требуемыхъ для производства въ офицеры инженерныхъ войскъ и перевода въ инженерныя войска офицеровъ другихъ родовъ оружія. Спб. Тип. А. Суворина. 8 д., 93 стр., 250 экз.

Сборникъ постановленій совѣта Имп. академіи художествъ по художественной и учебной части. Съ 1859 по 1890 годъ. Съ приложеніемъ устава академіи 1859 г. и двухъ проектовъ новаго устава 1872 и 1889 г. Спб. 1890. Тип. д-та удѣловъ. 8 д., 409+6 стр., 100 экз.

Сборникъ статей по вопросамъ преподаванія русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Изъ приложеній къ «Циркулярамъ по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ» за 1887—1890 годы). Тифлисъ. 1890. Тип. канцеляріи главноначальствующаго гражд. частью на Кавказѣ. 8 д., 38+70+37+66+51+16 стр.

Собко, Н. Краткій историческій очеркъ Имп. общества поощренія художествъ 1820—1890. Спб. 1890. Тип. В. Штейна. 8 д., 14 стр., 500 экз.

Списокъ книгамъ, одобреннымъ опредѣленіями ученаго комитета Министерства Нар. Просвѣщ. и состоящаго при немъ особаго отдѣла, для учениковъ и библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и народныхъ училищъ, за ноябрь 1890 года. Спб. Тип. А. Якобсона. 8 д., 2 стр., 600 экз.

— За декабрь 1890 года. Спб. Тип. А. Якобсона. 8 д., 4 стр., 600 экз.

Учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. (Утверждены г. Министромъ Народн. Просвѣщ., на основаніи § 15 устава гимназій и прогимназій, 20 іюля 1890 г.). Кіевъ. 1890. Тип. университетская (товар. И. Н. Кушнеревъ и К°). 8 д., 170 стр., 500 экз.

III. Законъ Божій.

Крыловъ, В., свящ. Элементарный курсъ Закона Божія для начальныхъ училищъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ. 1-й годъ ученія. Молитвы на славянскомъ и русскомъ яз., съ подробнымъ объясненіемъ ихъ и съ прибавленіемъ разсказовъ изъ жизни Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Его Матери и символа вѣры. Изд. 5-е учебн. магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. Тип. Волчанинова. 16 д., 126 стр., 10.000 экз.

Свирѣлинъ, А., протоіерей. Наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва. Тип. Лисснера и Романа. 8 д., 184 стр., 2.400 экз.

IV. Русская грамота, русскій языкъ и словесность.

Барышниковъ, П. Русская хрестоматія. Съ приложеніемъ матеріаловъ для церковнославянскаго чтенія, задачъ для письменныхъ упражненій и словаря малопонятныхъ словъ. Часть 3 и 4-я. Курсъ 5-го и 6-го отдѣленій городскаго училища. Изд. учебнаго магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. 1891. Тип. товар. А. А. Левенсонъ. 8 д., 334+II стр., 2.500 экз. Ц. 75 к.

-- Русская хрестоматія. Съ приложеніемъ 12-ти біографій русскихъ образцовыхъ писателей, задачъ для письменныхъ упражненій и словаря малопонятныхъ словъ. Часть 5 и 6-я. Курсъ 5-го и 6-го отдѣленій городскаго училища. Изд. учебнаго магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. 1891. Тип. товар. А. А. Левенсонъ. 8 д., IV+470 стр., 2.500 экз. Ц. 1 р.

Благовѣщенскій, С. Сборникъ литературныхъ образцовъ въ стихахъ и прозѣ,

для заучиванія наизусть въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, примѣнительно къ учебнымъ планамъ, утвержденнымъ г. Министромъ Нар. Просвѣщенія 20-го іюля 1890 г. Калуга. 1890. Тип. губернск. правленія. 8 д., IV+152 стр., 2.000 экз. Ц. 40 коп.

Блосфельдъ, Г. Главнѣйшія правила русской грамматики. Изд. 5-е, дополненное. Митава. 1891. Тип. И. Штеффенгагена и сына. 8 д., 223 стр., 6.000 экз.

Бѣльскій, Л., учит. Школьникъ. Букварь для народныхъ училищъ съ постепенно - возрастающимъ числомъ буквъ. Кіевъ. 1890. Тип. Г. Корчакъ-Новицкаго. 8 д., 32 стр., 2.000 экз.

Бѣлый, В. Наша азбука. Съ примѣрами правильнаго чтенія и главными правилами русской и церковно-славянской грамматики. Изд. 8-е. Одесса. 1891. Тип. окружн. штаба. 8 д., VIII+99 стр., 2.000 экз. Ц. 20 коп.

Волжинскій. Родная рѣчь. Азбука и первая послѣ азбуки книжка для чтенія въ начальныхъ народныхъ и церковно-приходскихъ школахъ. Для младшаго возраста. Спб. 1891. Тип. А. Траншеля. 8 д., 64 стр., 6.000 экз.

Гогебашвили, Я. Русское слово или учебное руководство къ русскому языку для грузинскихъ школъ. Часть 2-я. Книга для чтенія. Изд. 2-е, исправл. и дополненное, кавказской книжной торговли. Со многими картинами. Тифлисъ. 1890. Тип. Мартиросіанца. 8 д., V+191 стр., 6.000 экз. Ц. 40 к.

Ельсинъ, А. И. Правила ударенія въ русскомъ языкѣ. (Теорія русскаго ударенія, образованіе и характеристика суффиксовъ и проч.). Варшава. 1890. Тип. М. Земкевичъ. 8 д., IV+X+198 стр., 2.000 экз. Ц. 75 к.

Лубенецъ, Т. Родная нива. Задачи для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Пособіе при изученіи русскаго языка въ начальныхъ училищахъ. Часть 1-я. Изд. 3-е, измѣненное, книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1890. Тип. И. Чоколова. 8 д., 3+66 стр., 3.150 экз. Ц. 20 к.

Миропольскій, С. Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ. Изд. 3-е. (Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній). Спб. 1891. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 111 стр., 50.000 экз. Ц. 15 к.

— Наставленіе для обучающихъ по «Учебнику грамоты для молодыхъ солдатъ». Изд. 4-е. (Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній). Спб. 1891. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 31 стр., 5.000 экз. Ц. 15 к.

Неправильности въ современномъ разговорномъ и книжномъ русскомъ языкѣ. Спб. 1890. Тип. И. Скороходова. 8 д., 23 стр., 1.200 экз. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

Преображенскій, А. Краткая русская грамматика для первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ задачъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Часть 1-я. Этимологія. Изд. 5-е, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., VIII+97 стр., 4.800 экз. Ц. 40 к.

Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ. Уроки русскаго правописанія. Годъ 1-й и 2-й. Опытъ приложенія изъискательнаго метода къ обученію правописанія. Руководство для учителей народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ и для домашняго обученія. Изд. 11-е, книжн. магазина П. Луковникова. Спб. 1891. Тип. товар. «Общ. польза». 8 д., 62 стр., 10.000 экз. Ц. 35 к.

Скворцова, О. Е., учит. Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ. Курсъ I и II года. Изд. 2-е, исправл. и дополненное А. Карцева. Москва. 1891. Тип. Д. Бончъ-Бруевича. 8 д., XVI + 155 стр., 2.000 экз. Ц. 40.

Ушинскій, К. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 2-й. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія, съ картинками въ текстѣ. Изд. 66-е. Спб. 1891. Тип. Н. Лебедева, товар. «Обществ. польза» и В. Балашева. 8 д., 164 + IV стр., 25.000 экз. Ц. 35 коп.

Цвѣтковъ, В. Руководство къ изученію русскаго правописанія въ примѣрахъ. Сост. примѣнительно къ программѣ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Москва. Тип. общества распространенія полезн. книгъ. 8 д., 150 стр., 1.250 экз.

V. Древніе языки.

Веллеръ, Г. Латинскій Геродотъ. Для втораго класса гимназій обработалъ С. Любомудровъ. Изд. 2-е, исправл. и снабженное картами, книжн. магазина А. Ланга (Со словаремъ). Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 16 д. VIII+105 стр. и 35 стр., 2.400 экз.

Краткій русско-греческій словарь, съ обозначеніемъ этимологическихъ, синтаксическихъ и стилистическихъ особенностей каждаго слова. Изд. 3-е, исправленное книжн. магазина Іогансонъ. Кіевъ. 1890. Тип. И. Чоколова. 32 д., 259 стр., 500 экз. Ц. 35 к.

Латинскій синтаксисъ въ изложеніи Дютрэ, по методу, употребляемому въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Франціи. Съ измѣненіями, примѣнительно къ русскому языку, перевелъ съ французскаго И. Сербовъ. Херсонъ. 1891. Тип. херс. губернск. правленія. 8 д., VIII + 368 + XXI + 63 стр., 400 экз. Ц. 1 р. 20 к.

О преподаваніи латинскаго языка по методу Пертеса, примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. Мин. Нар. Пр. Изд. Н. Киммеля. Рига. 1890. Тип. Э. Платеса. 8 д., 13 стр., 1.000 экз.

Пертесъ. Приложеніе къ латинской этимологіи (§§ 84—116). Изд. Н. Киммеля. Рига. Тип. Э. Платеса. 8 д., XVI стр., 2.500 экз.

Плавтъ Титъ Макцій. Горшокъ (Aulularia). Переводъ А. Фета. Москва. 1881. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., V + 76 стр., 600 экз. Ц. 1 р.

Поспишиль, А. О. Учебникъ латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Часть I. Курсъ 1-го класса. Изд. 3-е. переработанное и дополненное. Кіевъ. 1891. Тип. В. Завадзкаго. 8 д., 62 стр., 2.000 экз. Ц. 50 к.

VI. Математика и естествознаніе.

Бобрецкій, Н., проф. Основанія зоологіи. Томъ 2-й (Вып. 3-й). Позвоночныя. Кіевъ. 1891. Тип. С. Кульженко. 8 д., IV + 508 стр., 2.500 экз. Ц. 2 р. 75 к.

Булюбашъ, Г. В. О рѣшеніи уравненій первой степени со многими неизвѣстными по способу Безу и неприложимости этого способа къ рѣшенію многихъ численныхъ уравненій. Измѣненіе способа Безу. Формулы. Ромны. 1890. Тип. Б. Ціонсона. 8 д., 24 стр., 600 экз. Ц. 25.

Васильевъ-Яковлевъ, Н. Сборникъ задачъ по коммерческой ариѳметикѣ. Для коммерческихъ и реальныхъ училищъ. Сост. по программѣ М-ва Народн. Просвѣщ. Изд. 3-е, исправл. и дополненное. Кіевъ. 1890. Тип. П. Барскаго. 8 д., VI + 160 стр., 1.200 экз Ц. 85 к.

Комаровъ, А. Ф. Методическое рѣшеніе типическихъ ариѳметическихъ задачъ въ начальныхъ училищахъ. Изд. 3-е, исправл. и дополненное. Воронежъ. 1891. Тип. В. Исаева 8 д., 109 + II стр., 3.000 экз. Ц. 40 к.

Некрасовъ, Н. Я. Сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ, въ 2-хъ выпускахъ. Вып. I. Примѣры и задачи на числа первой сотни. Изд. «Русскаго книжн. магазина». Спб. 1890. Тип. Ю. Эрлиха. 8 д., 32 стр., 5.000 экз. Ц. 10.

— Вып. II. Задачи и примѣры на числа любой величины. Спб. 1890. Тип. Э. Эрлиха. 8 д., 50 стр., 5.000 экз. Ц. 15.

Шапошниковъ, Н. А. Краткое руководство ариѳметики, соединенное съ методикой и систематическимъ сборникомъ типическихъ задачъ. Часть III. Общіе способы рѣшенія ариѳметическихъ задачъ. Изд. 2-е книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Н. Мейнгарда. 8 д., 60 стр., 2.800 экз. Ц. 20 к.

VII. Исторія.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Переводъ со 2-го изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ 2-й. Исторія эллинскаго народа. Перевелъ Андреевъ. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1891. Тип. В. Рихтера. 8 д., XVI + 954 + XLIX стр., 1.200 экз. Ц. 5 р.

Воронецкій, А. Иллюстрированная учебная географическая хрестоматія. Въ 3-хъ частяхъ. Часть 2-я: внѣ-европейскія страны. Изд. 3-е дополненное Д. Полубояринова. Спб. 1890. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 239 стр., 2.100 экз. Ц. 2 р.

Елпатьевскій, К. Учебникъ русской исторіи съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. Изд. 2-е. исправл. и дополненное. Спб. 1891. Тип. В. Демакова. 8 д., IV + 431 стр., 2.000 экз. Ц. 1 р. 30 к.

Кельнеръ, Ф. В. Руководство къ изученію географіи. Перевелъ съ нѣмецкаго А. Н. Ѳедоровъ. Изд. 2-е, исправл. и дополненное Ф. Клуге.

Ревель. 1890. Тип. Ю. Гресселя. 8 д., VIII + 203 стр., 2 000 экз.

Луцыковичъ, Ѳ. Ѳ. Русская исторія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Съ 39-ю портретами и 55-ю другими рисунками. Изд. 15-е, переработанное примѣнительно къ программамъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. книжн. магазина П. Луковникова. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 84 стр., 10.000 экз. Ц. 30 к.

Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая географія. XI. Сѣверная Африка, Тунисъ, Алжирія, Марокко, Сахара. Съ 82 рисунками и картою. Изд. картограф. заведенія А. Ильина. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 3 нен. + 742 стр., 1.600 экз.

Соловьевъ, Сергѣй. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ 3-й. Изд. 6-е. Москва. 1890. Тип. университетская. 8 д., 411 стр. и III таблицы. 1.200 экз. Ц. 2 р.

VIII. Новые языки.

Бугонъ, Эдм. Руководство къ французскому произношенію. Пособіе при изученіи французскаго языка въ среднихъ и высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Изд. книжн. магаз. В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 80 стр., 2.400 экз. Ц. 35 к.

Введеніе, объяснительныя примѣчанія и вокабулярій (слова). Къ нѣмецкому тексту Германъ и Доротея В. Гете. Состав. М. Фишеръ. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 16 д., 94 стр., 2.400 экз.

Гретманъ, Р. Нѣмецкая хрестоматія. Часть I. Для младшихъ и среднихъ классовъ. Изд. 3-е, исправленное, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., XII + 231 стр., 2.400 экз. Ц. 75 к.

Месковскій, Ал. Образцовый самоучитель французскаго языка. Съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго французскаго произношенія. Сост. для русскихъ по новѣйшей американской системѣ Р. С. Розенталя. Вып. 4-й. Спб. 1890. Тип. А. Пожаровой. 8 д., стр. съ 89 по 120. 2.200 экз. Ц. 30 к.

Мозеръ, И. Новый элементарный учебникъ, состоящій изъ 3-хъ частей. Часть II. Изд. 5-е, пересмотрѣнное и исправленное. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., VI + 138 стр., 6.000 экз. Ц. 50.

Равичъ, М. Л. Въ шесть дней правильно читать, писать и говорить по-нѣмецки. Практическій самоучитель. Сост. по методѣ проф. Тума, д-ра Флюгеля и Гедлейя. Кіевъ. 1890. Тип. Бруна. 16 д., 96 стр., 2.000 экз. Ц. 50 к.

Скуйе, К. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго на нѣмецкій, составленный по новой программѣ Министерства Народн. Просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. книжн. магазина В. Думнова: Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., VII + 144 стр., 1.200 экз. Ц. 50 к.

Французско-русскій вокабулярій къ повѣсти Октава Фёлье «Романъ бѣднаго молодаго человѣка». Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 138 стр. 600 экз.

Фурманъ, Е. Новѣйшій и полнѣйшій самоучитель живаго французскаго слова, или руководство въ самое непродолжительное время научиться, безъ посторонней помощи, хорошо читать, писать и говорить по-французски. Сост. по новѣйшимъ и лучшимъ источникамъ. Изд. 8-е. Спб. 1891. Тип. товарищ. «Обществ. польза». 8 д., 192 стр., 6.000 экз. Ц. 75 к.

Цирклеръ, Г. М. Первая учебная книжка нѣмецкаго письма и чтенія по звуковому методу, со статьями для разсказа и перевода. Изд. 2-е исправленное, Р. Шатке. Лодзь. 1891. Тип. «Dsiennik Lôdski». 8 д., 75 стр., 5.000 экз.

Чекала, С. Народныя сказки. Пособіе для класснаго чтенія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сост. и снабдилъ словарями (Volksmärchen. Ein Lesenbuch für den deutschen Unterricht in russischen Lehranstalten). Изд. 2-е книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 72 стр., 2.400 экз. Ц. 50 к.

Zabélinn, E. Recueil élementaire d'historiettes, de petits fables et poésie enfantines à l'usages des écoles. Premier livre. Edition de la librairie V. Doumnoff. Москва. 1890. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 128 стр., 1.200 экз.

IX. Музыка, рисованіе и предметы профессіональнаго обученія.

Битнеръ, А. Каталоги для русскихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Списокъ учебникамъ по теоріи музыки, по ея исторіи и эстетикѣ, руководствамъ пѣнія и хоровымъ пьесамъ. Спб. 1890. Тип. В. Вацлика. 8 д., 6.000 экз. Ц. 15 к.

Казбирюкъ, А. Ѳ. Популярное изложеніе основныхъ началъ музыкальной теоріи, приспособленное къ самообученію. Изд. 2-е Исправилъ и дополнилъ статьею: «О разрѣшеніи диссонансовъ» Е. А. Рыбъ. Изд. Б. Корейво. Кіевъ. 1891. Тип. С. Кульженко. 8 д., 146 + II стр., 2.000 экз. Ц. 1 р.

Пособіе по рисованію. Часть 1-я. Упражненіе въ рисованіи простѣйшихъ и знакомыхъ учащимся предметовъ для I и II классовъ народныхъ школъ, также и для частнаго преподаванія. 14 таблицъ. Часть II. Методически составленный учебный матеріалъ для рисованія въ народныхъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 28 таблицъ. Сочиненіе проф. Елинекъ. Русское изданіе сост. I. Адамекъ. Тип. Е. Лубо въ Вольскѣ. 16 д, 8 стр. текста и таблицы рисунковъ. 1.000 экз. Ц. 1 р. 30 к.

Уроки чистописанія по квадратной сѣткѣ. Изд. книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1890. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., VIII + 67 стр., 2.000 экз.

X. Книги для дѣтей, юношества и народа.

Амичисъ-де, Э. Книга для дѣтей. Дневникъ школьника. (Cuore). Редакція перевода и предисловіе В. Крестовскаго (псевдонимъ). Рисунки русскихъ художниковъ. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1891. Тип. А. Суворина. 8 д., XVI+411 стр., 2.125 экз. Ц. 2 р.

Архангельская, М. В. Кладъ. (Разсказы изъ русскаго быта). Изд. 1-е. Москва. 1890. Изд. и тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 16 д., 32 стр., 3.300 экз. Ц. 5к.

Афанасьевъ, А. С. (Чужбинскій). Собраніе сочиненій. Томъ II. (Очерки прошлаго). Подъ ред. П. В. Быкова. Книгоиздательство Г. Гоппе. Спб. 1891. Тип. Э. Гоппе. 8 д., 518 стр., 2.000 экз. Ц. 2 р.

Бадеръ, В. А., архитекторъ. Вопросъ великой важности (практическаго примѣненія экономическихъ огнеупорныхъ построекъ и крышъ для сельскаго населенія и пригородныхъ жителей Россіи). Сводъ свѣдѣній и совѣтовъ. Москва. 1890. Тип. А. Кольчугина. 8 д., 38 стр, 500 экз.

Бажановъ, В. Б., протопресвитеръ. О вѣрѣ и жизни христіанской. Изд. 7-е. Спб. Тип. дома призрѣнія малол. бѣдныхъ. 8 д., 32 стр., 5.000 экз.

Бажина, С. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. Съ 44 картинками. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1891. Тип. А. Траншеля. 8 д., 215 стр., 2.100 экз. Ц. 1 р.

Бажина, С. Мотька. Разсказъ для дѣтей. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 8 д., 31 стр., 7.000 экз.

— Счастье. Разсказъ. Москва. 1890. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 48 стр, 7.000 экз.

Барсовъ, В., прот. Слово въ день Знаменія Пресв. Богородицы. Спб. Тип. Башкова и Брянкина. 8 д., 7 стр., 5.000 экз.

Бахметьева, А. Н. Подвиги и чудеса св. апостоловъ. (Общедоступная библіотека Ступина). Изд. 11-е, книгопр. А. Ступина. Москва. Тип. Гатцука. 16 д., 63 стр., 2.400 экз.

Богоявленскій, П., свящ. Бесѣды о молитвѣ Господней. Изд. 2-е. Спб. Тип. Синодальная. 8 д., 64 стр., 3.000 экз.

— Бесѣды о символѣ вѣры. Спб. Тип. Синодальная. 8 д., 100 стр., 3.000 экз.

— Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы. Спб. Тип. А. Трунова. 8 д., 32 стр., 6.000 экз.

Бочаговъ, А. Д. Наша торговля и промышленность въ старину и нынѣ. (Историческіе очерки). Вып. I. Торговля предметами потребленія. Спб. 1891. Тип. «Петербургской газеты». 8 д., II+2 нен.+193 стр., 1.150 экз.

Бретъ-Гартъ и Твенъ, М. Американцы. Разсказы. (Индѣйскій вождь, Проводникъ, Флипъ, Случайный редакторъ, Піонеръ, Эпидемія). Переводъ съ англійскаго Д. М. Кіевъ. 1890. Тип. И. Чоколова. 16 д., 172 стр., 3.600 экз. Ц. 25 к.

Бремъ, А. и Россмесслеръ, Е. Лѣсныя животныя. Охранители и истребители лѣса. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Страхова. Изд. Д. Ѳедорова. Спб. 1890. Тип. В. Безобразова и К°, 8 д., 105 стр., 2.000 экз. Ц. 40 к.

Б—сій, В. А. Сонъ подъ новый годъ или моя бесѣда съ покойникомъ. Харьковъ. 1891. Тип. В. Бирюкова. 16 д., 48 стр., 960 экз. Ц. 30 коп.

В. и Н. З. XX картинъ для нагляднаго преподаванія Свящ. Исторіи. Изд. 9-е. Спб. Тип. Пожаровой. 5.000 экз.

Вернъ, Ж. Полное собраніе сочиненій. Томъ II. Вып. 12. Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О Вольфъ. 4 д., стр. съ 89 по 95-ю. 25.000 экз.

Вейнбергъ, Е. Книжка-забавница. Веселые разсказы и стихи для старшихъ и младшихъ. Съ хромолитографіями Шнорра и многочисленными рисунками въ текстѣ. Изд. Э. Берндта. Одесса. Тип. А. Шульце. 8 д., 156 стр., 3.000 экз.

Вернъ, Ж. Полное собраніе сочиненій. Томъ II. Вып. 11. Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д. Стр. съ 81 по 88-ю. 25.000 экз.

Веселые разсказы про шутки и проказы. В. Буша. Текстъ К. Н. Льдова. (Съ 498 рисунками въ текстѣ). Спб. Изд. и тип. М. О. Вольфъ. 8 д., 363 стр., 5.000 экз.

Виссаріонъ, епископъ. Очерки христіанской жизни. Дружба. Изд. 4-е. Москва. Тип. университетская. 16 д., 29 стр., 2.400 экз.

— Отчимы и мачихи, пасынки и падчерицы. Изд. 4-е. Москва. Тип. университетская, 16 д., 15 стр., 1.200 экз.

— Лица безбрачныя. Изд. 4-е. Москва. Тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 16 д., 19 стр., 2.400 экз.

— Радости и скорби родителей о дѣтяхъ. Изд. 4-е. Москва. Тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 16 д., 15 стр., 2.400 экз.

— Раздоръ между мужемъ и женой. Изд. 4-е. Москва. Тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 61 д., 21 стр., 2.400 экз.

Виссаріонъ, епископъ. Христіанскіе уроки. Изд. 2-е. Москва. Тип. университетская. 16 д., 390 стр., 1.200 экз.

Вишневскій С. М. Книжка для простаго народа. О сохраненіи здоровья. Какую пищу и какъ намъ надо ѣсть и какой не ѣсть? Какую воду и напитки употреблять намъ и какіе негодны? Какъ содержать въ чистотѣ свое тѣло? Часть 2-я. Изд. 2-е, исправленное, книгопр. А. Дубровина. Казань. 1891. Тип. университетская. 8 д., 96 стр., 3.000 экз. Ц. 15 коп.

Владимірова. Е. Г. Юный укротитель львовъ. Разсказъ для юношества, заимствованный изъ соч. Ф. Гоффмана. Изд. книгопр. Т. Кузина. Спб. 1891. Тип. А. Федорова въ Новгородѣ. 12 д., 88 стр., 4.000 экз.

Владиміровъ, В. Д. Три сочельника. Разсказъ. Спб. 1891. Тип. А. Трунова. 16 д., 78 стр., 6.000 экз.

Внѣбогослужебныя бесѣды пастыря съ пасомыми о предметахъ вѣры и христіанскаго благочестія. Вып. II. Изд. 2-е. Спб. Тип. Синодальная. 8 д., 248 стр., 1.200 экз.

Во дни оны (Бенъ-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства. Передѣлано съ англійскаго Е. Бекетовой. (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 301 стр., 10.200 экз. Ц. 25 к.

Водовозовъ, В. Разсказы изъ русской исторіи. Вып. 1-й. Изд. 8-е. Спб. 1891. Тип. М-ва Путей Сообщ. (А. Бенке). 8 д., 176+II стр., 3.000 экз. Ц. 40 коп.

Волотковскій, А. Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и о способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1891. Тип. А. Траншеля. 8 д., 36 стр. 2.100 экз. Ц. 20 к.

Волынскій народный календарь на 1891 годъ. Изд. Ѳ. И. Досинчука. (Годъ 3-й). Житоміръ. 1890. Тип. насл. С. Бродовича. 8 д., 149+25 стр., 1.800 экз. Ц. 20 к.

Восковая свѣчка. Издан. 4-е, отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ. Москва. Тип. Снегиревыхъ. 16 д., 24 стр., 6.000 экз.

Въ невѣдомыхъ мірахъ. Путешествіе на луну. Необыкновенныя приключенія русскаго ученаго. Спб. 1891. Изд. и тип П. Сойкина. 8 д., 420+II стр., 3.000 экз. Ц. 2 р.

Гавриловъ, М. С. Что нужно знать про пожарную страховку каждому селянину Черниговской губерніи. Изд. черниг. губ. земства. Черниговъ. 1890. Тип. земская. 16 д., 15 стр., 10.000 экз. Ц. 3 коп.

Гамовъ, И. Два брата. Дума изъ малорусскихъ преданій (о чемъ говорила бандура?). Гомель. 1890. Тип. Ш. Подземскаго. 16 д., 32 стр., 1.200 экз. Ц. 15 коп.

Гарнье, Э. Карлики и великаны. Съ 39 гравюрами въ текстѣ и картой путешествій Стэнлея. Изд. журнала «Наука и жизнь». Москва. 1891. Тип. университетская. 8 д., 309 стр., 1.200 экз. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Гвинпленъ. Горе-смѣхъ. Повѣсть изъ англійской жизни начала 18-го вѣка. Въ 2-хъ частяхъ. Изложено А. Юрьевой. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и Ко. 16 д., 108 стр., 7.200 экз.

Гейбнеръ. Робинзонъ, его жизнь и приключенія. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рисунками. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1891. Тип. Ю. Эрлиха. 8 д., 126 стр., 10.100 экз. Ц. 30 к.

Гордонъ, Л., д-ръ. Голосъ и рѣчь. Общедоступное описаніе органовъ голоса и рѣчи и ихъ дѣятельности въ здоровомъ и больномъ состояніи. Съ 87-ю рисунками въ текстѣ. Вильна. 1891. Тип. А. Сыркина. 8 д., XX+288 стр., 1.250 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Гофманъ Фр. Никто какъ Богъ. Повѣсть для юношества. Изд. Т. Кузина. Спб. 1891. Тип. Эттингера. 16 д., 112 стр., 4.000 экз.

Гренъ, Г. Слѣпой братъ. Разсказъ для дѣтей старшаго возраста. Переводъ Ф. В. Домбровскаго. Изд. книгопр. Т. Кузина. Спб. 1891 Тип. А. Федорова въ Новгородѣ. 8 д., 108 стр., 6.000 экз.

Грецъ, проф. Популярная исторія евреевъ. Въ 3-хъ томахъ. Вып. 5-й и 6-й. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. И. Шварцмана. Кіевъ. 1890. Тип. Г. Францкевича. 8 д., стр. съ 213 по 316-ю 1.000 экз. Ц. 50 коп.

Григоровичъ, Д. В. Пахарь. Повѣсть. Рисунки К. А. Газенкампфа и Е. И. Зеленской. Изд. 3-е, Спб. комитета грамотности, состоящаго при Имп. вольномъ экономическомъ обществѣ. Спб. 1890. Тип. М. Стасюлевича. 16 д., 41 стр., 10.000 экз. Ц. 9 к.

Гриммъ. Народныя сказки. Переводъ Е. И. Песковской. Съ 9 рисунками въ текстѣ и съ 33-мя отдѣльными картинами. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 8 д., IV+488 стр. 5.000 экз.

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ или приключенія прекраснаго Іосифа. Легендарная повѣсть изъ средневѣковой жизни. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 215 стр., 7.200 экз.

Деркачевъ, И. Елка. Сборникъ въ прозѣ и стихахъ (Библіотечка Ступина). Изд. 4-е А. Ступина. Москва. 1891. Тип. А. Гатцука. 16 д., 32 стр., 12.000 экз.

Дестунисъ, С. Житія святыхъ за мѣсяцъ мартъ. Спб. Тип. дома призрѣнія малолѣт. бѣдныхъ. 8 д., 164 стр., 4.000 экз.

Диккенсъ, Ч. Рождественская пѣсня въ прозѣ. Святочный разсказъ. Новый переводъ съ англійскаго С. Долгова. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 144 стр., 6.000 экз. Ц. 75 к.

— Замогильныя записки Пикквикскаго клуба, или подробный и достовѣрный рапортъ о странствованіяхъ, путешествіяхъ, приключеніяхъ и забавныхъ дѣйствіяхъ ученыхъ членовъ - корреспондентовъ покойнаго клуба. Романъ въ переводѣ И. Введенскаго. Въ 2-хъ томахъ. Томъ I и II. Съ 57-ю рисунками Фица. Изд. 4-е, К. Шамова. Москва. 1891. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 714+II стр., 1.800 экз. Ц. 3 р. 60 коп.

— Иллюстрированные романы въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой (Издан. Ф. Павленкова). Два города. Съ 10 рисунками. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. Польза» и Ю. Эрлиха. 8 д., 101 стр., 3.100 экз. Ц. 40 коп.

— Крошка Дорритъ. Съ 20 рисунками. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. Польза» и Ю. Эрлиха. 8 д., 112 стр., 3.100 экз. Ц. 40 коп.

— Мартинъ Чозльвитъ. Съ 13 рисунками. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. Польза». 8 д., 110 стр., 3.100 экз. Ц. 40 коп.

— Николай Никльби. Съ 17-ю рисунками. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. Польза». 8 д., 112 стр., 3.100 экз. Ц. 40 коп.

— Тяжелыя времена. Съ 18 рисунками. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. Польза» и Ю. Эрлиха. 8 д., 112 стр., 3.100 экз. Ц. 40 коп.

— Холодный домъ. Съ 20 рисунками. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. Польза». 8 д., 120 стр., 3.100 экз. Ц. 40 коп.

Дмитріевъ, К. Земледѣльческія орудія, молотилки и вѣялки. (Изъ 20-тилѣтней практики агронома-арендатора). (Крестьянское и мелкое землевладѣльческое хозяйство). Изд. книжн. магазина «Начальн. школа» Е. Тихомировой. Москва. 1890. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 2 нен.+39 стр., 3.600 экз. Ц. 15 коп.

— Переработка молока въ масло и сыръ. (Изъ 20-ти-лѣтней практики агронома-арендатора). (Крестьянское и мелкое землевладѣльческое хозяйство). Изд. книжн. магаз. «Нач. школа» Е. Тихомировой. Москва. 1890. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 2 нен.+45 стр., 3.600 экз. Ц. 8 к.

— Молочный скотъ и уходъ за нимъ. (Изъ 20-ти-лѣтней практики агронома-арендатора). (Крестьянское и мелкое землевладѣльческое хозяйство). Изд. книжн. магаз. «Нач. школа» Е. Тихомировой. Москва. 1890. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 2 нен.+40 стр., 3.600 экз. Ц. 7 к.

Духовецкій, Ѳ. А. Женихи принцессы Свѣтланы. Японская сказка. Съ иллюстраціями А. В. Вишневскаго. Москва. Тип. университетская. 8 д., 18 стр.. 1.800 экз. Ц. 80 к.

Душеполезный собесѣдникъ. Сказаніе о чудотворной иконѣ Богоматери, именуемой «Скоропослушница». Изд. аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Тип. Ефимова. 8 д., 16 стр., 5.000 экз.

Жизнь и приключенія Робинзона Крузо. По Даніэлю де-Фоэ. Изданіе для дѣтей. Съ 8 картинками. Изд. книгопр. Т. Кузина. Спб. 1891. Тип. А. Федорова въ Новгородѣ. 8 д., 264 стр., 4.000 экз. Ц. 1 р.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. «А. С. Пушкинъ, его жизнь и литературная дѣятельность». Біографическій очеркъ А. М. Скабичевскаго. Съ портретомъ Пушкина, гравированнымъ Геданомъ, и многими рисунками. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществен. польза». 8 д., 80 стр., 8.100 экз. Ц 25 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. «Данте, его жизнь и литературная дѣятельность». Біографическій очеркъ М. В. Ватсонъ. Съ портретомъ Данте, гравированн. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза» и газ. «Новости». 8 д., 90 стр., 8.000 экз. Ц. 25 коп.

Жуковскій, Н. Воздушное садоводство. Практическіе совѣты о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Съ 83 рисунками въ текстѣ и приложеніемъ очерка А. Волотовскаго: «Школьный питомникъ плодовыхъ деревьевъ». Изд. 2-е, значит. дополненное, Ф. Павленкова. Спб. 1891. Тип. А. Траншеля. 8 д., 136 стр., 3.1000 экз. Ц. 60 коп.

Замѣчательные случаи съ людьми вѣрующими и невѣрующими. Изд. 2-е. Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Тип. Ефимова. 8 д., 34 стр., 10.000 экз.

Зенкевичъ, Хр. Хр. Настоящее и прошедшее Крыма. Краткій географическій и историко-этнографическій очеркъ. Вып. I. Керчь. 1890. Тип. А. Холева. 8 д., 53 стр., 300 экз. Ц. 20 коп.

Золотовъ, Г. Устройство акваріума. Спб. Тип. В. Штейна. 8 д., 8 стр., 500 экз.

Короленко, В. Лѣсъ шумитъ. (Полѣсская легенда). Для взрослыхъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 71 стр., 10.000 экз.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Первая борьба. (Изъ записокъ). Изд. 2-е. Спб. 1890. Тип. И. Скороходова. 8 д., 261 стр., 2.000 экз.

Кривенко, Н. Н. Письма о лошади съ 6-ю рисунками типовъ лошадей. Спб. 1891. Тип. В. Мещерскаго. 8 д., II+116 стр., 3.600 экз. Ц. 75 коп.

Крючковъ, К., протоіерей. Бесѣды со старообрядцами въ г. Уральскѣ. Спб. Тип. синодальная. 8 д., 152 стр., 1.200 экз.

Кузьминская, Т. Бѣшеный волкъ. (Истинное происшествіе). Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр. 10.000 экз.

Л-а, Е. М. и Кевъ, А. Н. Очеркъ жизни отца Іоанна Ильича Сергіева, протоіерея андреевскаго собора въ Кронштадтѣ. Съ портретомъ о. Іоанна и видомъ «Дома трудолюбія» въ Кронштадтѣ. Изд. 2-е. Спб. 1890. Тип. дома призрѣнія малолѣт. бѣдныхъ. 8 д., 16 стр., 12.000 экз.

Латышевъ П., врачъ. Здоровье. Книжка 1-я: бесѣды о томъ, какъ устроено человѣческое тѣло и чѣмъ оно живетъ. Сост. для школъ и грамотнаго народа. Съ приложеніемъ таблицы рисунковъ. Изд. И. Жиркова. Москва. 1890. Тип. «Русская». 8 д., 101 стр. и рисунки, 3.000 экз. Ц. 25 коп.

Лейкинъ, Н. А. На заработкахъ. Романъ изъ жизни чернорабочихъ женщинъ. Спб. 1891. Тип. «Петерб. Газеты». 8 д., 406 стр., 750 экз.

Литвиновъ, А. И. Предсказатель человѣческой судьбы. Разрѣшеніе затруднительныхъ житейскихъ вопросовъ. Тайны магіи и магическіе секреты. Счастье и любовь. Чтеніе чужихъ

мыслей. Съ приложеніемъ трехъ сонниковъ. Москва. 1891. Тип. Вильде. 8 д., 195+VI стр., 1.200 экз. Ц. 1 р.

Лѣченіе чахотки. Послѣднее научно-медицинское открытіе знаменитаго профессора д-ра Коха. Москва. 1890. Тип. Вильде. 16 д., 69 стр., 11.000 экз. Ц. 20 коп.

Марлинскій, А. (Бестужевъ, А. А.). Лейтенантъ Бѣлозоръ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 144 стр., 7.200 экз.

— Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 176 стр., 5.000 экз. Ц. 25 к.

Между добрыми и злыми. Приключенія одного мальчика. Изъ «Оливера Твиста» Ч. Диккенса. Москва. 1890. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 80 стр., 6.000 экз.

Минаевъ, Д. Д. Дѣдушкины вечера. Русскія сказки для дѣтей, въ стихахъ, съ рисунками. Изд. Плотникова. Спб. Тип. Фомина. 8 д., 120 стр., 1.200 экз.

Михайлова, Е. Никогда не поздно раскаяться. (Быль). Изд. 3-е. Москва. 1891. Изд. и тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 16 д., 31 стр., 3.300 экз. Ц. 5 к.

Михайловскій, В. Я., прот. Ключъ къ Ветхому Завѣту. Вып. 4-й. Книги пророковъ. Спб. 16 д., 613 стр., 3.000 экз.

— Объ анаѳемѣ. Изд. 3-е. Спб. Тип. Поздняковой. 32 д., 28 стр., 2.000 экз.

Михайловъ, Ф. Жизнь преп. Сергія, Радонежскаго чудотворца. Спб. Тип. И. Байкова. 8 д., 36 стр., 24.000 экз.

Моимъ любимцамъ. Чтеніе для дѣтей до 10 лѣтъ. Изд. 4-е. Москва. 1890. Тип. Д. Бончъ-Бруевича. 8 д., 144 стр., 2.000 экз.

Мосальскій, В. кн. Какъ изъ сѣмечка выростаетъ растеніе и какъ оно питается. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е учрежденной по Высочайшему повелѣнію Министромъ Нар. Просв. постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Спб. 1890. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 50 стр., 6.000 экз. Ц. 20 к.

Наумовичъ, І. Четыре путешествія доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. Съ галицко-русскаго нарѣчія. Изд. 4-е. И. Прянишникова. Москва. 1891. Тип. Д. Бончъ-Бруевича. 8 д., 160 стр., 5.500 экз. Ц. 25 коп.

Невѣста - убійца или отъ вѣнца въ кандалы. Историческая повѣсть изъ временъ Екатерины II. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 1890. Тип. Вильде. 16 д., 103 стр., 6.000 экз.

Немировичъ-Данченко, В. И. Лѣтомъ и зимою на Шипкѣ 1877—1878. (Шипка въ августѣ. — Сестры милосердія. — Шипка въ декабрѣ. — Въ горныхъ туманахъ). (Изъ воспоминаній военнаго корреспондента). Дешевая библіотека. Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 146 стр., 10.000 экз. Ц. 15 коп.

Николаевъ, Р. Что страница — то разсказъ. Книжка для маленькихъ дѣтокъ. Съ 8-ю хромолитогр. картинами Э. Гардингъ и 25 рисунками въ текстѣ. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., 26 стр., 3.780 экз.

Новская. Какъ жили Таня, Петя, Оля и Ваня. Москва. 1891. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 152 стр., 1.200 экз. Ц. 75 к.

Новый полный оракулъ и чародѣй, предсказывающій будущее по предложеннымъ вопросамъ, съ присовокупленіемъ легчайшаго способа гадать и отгадывать на картахъ, бобахъ и кофе. Толкователь сновъ египетскихъ и индійскихъ мудрецовъ и астрономовъ. Предсказанія Брюсса и М. Задеки. Фокусы и волшебныя игры Пинетти. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 1890. Тип. Вильде. 16 д., 143 стр., 6.000 экз.

Обнорскій, П. Переложенія воскресныхъ евангелій, читаемыхъ на литургіи. Вологда. 1891. Тип. вологодск. губер. правленія 8 д., 48 стр., 500 экз.

О божіемъ мірѣ. Изд. 7-е. Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Типогр. Ефимова. 8 д., 48 стр., 10.000 экз.

О необходимости и спасительныхъ плодахъ поминовенія усопшихъ. Сост. на основаніи Св. Писанія и ученія свят. отцовъ и учителей церкви. Изд. 13-е Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Типогр. Ефимова. 8 д., 36 стр., 10.000 экз.

Отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, протоіерей собора въ Кронштадтѣ. Спб. Тип. В. Мещерскаго. 8 д., 32 стр., 50.000 экз.

Петровъ, П. В. Какъ улучшить простую породу куръ. Спб. 1890. Тип. Морскаго. М-ва. 8 д., 32 стр., 300 экз.

Полный русскій пѣсенникъ. Москва, 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Потапенко. Въ потемкахъ. Правда. Мо-

сква. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 89 стр., 7.200 экз.

Приключенія сироты въ степяхъ Америки. Переводъ Ф. Д. Домбровскаго. Изд. книгопр. Т. Кузина. Спб. 1891. Тип. А. Федорова въ Новгородѣ. 16 д., 204 стр., 6.000 экз.

Путешествіе Стэнли для освобожденія Эмина-паши. Съ 52 политипажами и портретами. Изд. А. Гарбель и К°. Москва. 1890. Тип. Мартынова. 8 д., 270 стр., 1.200 экз. Ц. 75 коп.

Пушкинъ, А. С. Полтава. 1828 г. Изд. Ф. Чернухи. Кіевъ. 1890. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 32 д., 64 стр., 2.400 экз.

— Русланъ и Людмила. Сказка. Въ силуэтахъ К. Изенберга. Спб. Фототипія Н. Индутнаго. 2 д., 24 стр., 400 экз.

Пѣсенникъ. Собраніе романсовъ, народныхъ и военныхъ пѣсенъ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Разсказъ про смутное время на Руси. Изд. редакціи журнала «Русская Мысль». Москва. 1891 Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 16 д., 28 стр., 10.000 экз.

Р—нъ, В. и Б. Русскія народныя былины. По сборникамъ Кирши-Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга. Москва. 1890. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 302 стр., 4.800 экз. Ц. 60 к.

Робинзонъ Крузэ. Жизнь и приключенія моряка, разсказанныя имъ самимъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 220+III стр., 6.000 экз. Ц. 75 коп.

Розановъ, И., діаконъ. Владимірская чудотворная икона Богоматери. Изд. 4-е. Москва. Типогр. Снегиревыхъ. 32 д., 16 стр., 12.000 экз.

Нерукотворенный образъ Христа Спасителя. Изд. 5-е. Москва. Тип. Снегиревыхъ. 32 д., 16 стр., 12.000 экз.

Ропотъ на многочадіе. Изд. 3-го отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ. Москва. Тип. Снегиревыхъ. 32 д. 16 стр., 12.000 экз.

Русановъ, Н., протоіерей. О православной христіанской вѣрѣ по ученію слова Божія. Противъ молоканъ, баптистовъ и штундистовъ. Вып. 2-й. Изд. книгопр. И. Тузова. Спб. Тип. дома призрѣнія малолѣт. бѣдныхъ. 8 д., 55 стр., 4.000 экз.

Русскія народныя сказки. Съ 3 рисунками въ текстѣ и 23 отдѣльными картинами Анненскаго, Панова, Тейхеля и др. (Иванъ Царевичъ и Кощей Безсмертный.—Сказка о Конькѣ-Горбункѣ.—Сказка о Бовѣ королевичѣ и прекрасной Дружиннѣ и друг.). Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 12 д., 267 стр., 5.000 экз.

Саліасъ, Е. А., гр. Филозофъ. Историческая повѣсть. Изд. А. Карцева. Москва. 1891. Тип. Д. Бончъ-Бруевича. 16 д., 216 стр., 2.400 экз. Ц. 1 р.

Святаго отца нашего Кирилла, архіепископа Александрійскаго, слово объ исходѣ души и страшномъ судѣ. Изд. 7-е Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Тип. Ефимова. 8 д., 24 стр., 10.000 экз.

Семь Симеоновъ, родныхъ братьевъ. Старинная сказка. Изд. 8-е. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр. 12.000 экз.

Сказаніе о Петрѣ Королевичѣ и объ его великихъ подвигахъ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 105 стр., 7.200 экз.

Сказаніе о томъ, какъ солдатъ спасъ жизнь Петра Великаго. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 107 стр., 7.200 экз.

Сказаніе о жизни и подвигахъ въ Бозѣ почившаго старца Даніила, подвизавшагося въ сибирской странѣ, въ предѣлахъ гор. Ачинска. Изд. 8-е Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Тип. Ефимова. 8 д., 52 стр., 6.000 экз.

Словарь иностранныхъ словъ, наиболѣе употребительныхъ въ русскомъ языкѣ (7.500 словъ). Состав. подъ ред. М. З—скаго. Изд. 2-е, книгопрод. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1891. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 16 д., 351 стр., 5.050 экз. Ц. 35 коп.

Смирновъ, П., прот. Изложеніе христіанской православной вѣры. Вып. 1-й. Изд. 3-е. Спб. Тип. П. Шмидта. 8 д., 124 стр., 1.500 экз.

Смоленскій, П. О., д-ръ. Общедоступные гигіеническіе способы изслѣдованія. Спб. 1891. Тип. П. Яблонскаго. 8 д., 152 стр., 300 экз.

Соколовъ, Д., прот. Назначеніе женщины по ученію слова Божія. Изд. 5-е. Спб. Тип. А. Катанскаго. 8 д., 56 стр. 3.000 экз.

Соколовъ, М. А. По внушенію Библіи. Сборникъ библейскихъ стихотвореній. Тула. Типогр. Соколова. 8 д., 322 стр., 1.200 экз.

Спасительная сила страданій Христо-

выхъ. Изъ творенiй святителя Тихона Задонскаго. Изд. 3-е. Москва. Типогр. Снегиревыхъ. 32 д., 16 стр., 12.000 экз.

Спасскiй, П. Общедоступное изъясненiе псалмовъ, наиболѣе употребительныхъ при Богослуженiи. Вып. 3-й. Каѳизмы I, II и III. Тип. А. Федорова въ Новгородѣ. 8 д., 174 стр., 2.000 экз.

Стэнли, иллюстрированный очеркъ его путешествiй и открытiй (Раннiе годы Стэнли.—Какъ Стэнли отыскалъ Ливингстона.—По африканскимъ озерамъ.—Основанiе государства Конго.—На поискахъ за Эминомъ-пашей). Съ 33 рисунками и картами. Спб. 1891. Тип. А. Суворина. 8 д., 147 стр., 200 экз. Ц. 1 р.

Съ церковнаго амвона. Сборникъ образцовыхъ проповѣдей, говоренныхъ даровитыми и талантливыми нашими архипастырями и пастырями. Вып. 8-й. Поученiя и избранныя мѣста Ветхаго Завѣта. Редакцiя изданiя Д. И. Протопопова. Изд. «Русскаго книжнаго магазина». Москва. Тип. Iогансона. 8 д., 144 стр., 3.600 экз.

Сѣятель. Сборникъ проповѣдей, приспособленныхъ къ жизни и пониманiю простаго народа. Изд. 12-е, безъ перемѣны. Москва. Тип. Потапова. 8 д., 431 стр., 4.800 экз.

Толстой, Л. Н., гр. Первая русская книга для чтенiя. Изд. 17-е. Москва. 1891. Тип. М. Волчанова. 8 д., 44 стр., 30.000 экз. Ц. 10 коп.

— Разсказы о севастопольской оборонѣ. Рисунки Н. Н. Каразина. Изд. 2-е, Спб. комитета грамотности, состоящаго при Имп. вольномъ экономическомъ обществѣ. Спб. 1890. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 120 стр., 20.000 экз. Ц. 18 к.

Успенскiй, Г. Про счастливыхъ людей. Святочный разсказъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 10.000 экз.

— Взбрело въ башку (Изъ записокъ деревенскаго обывателя). Тип. И. Сытина и К° въ Москвѣ. 16 д., 36 стр., 10.000 экз.

— Живыя цифры. (Изъ записокъ деревенскаго обывателя). Для взрослыхъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр. 10.000 экз.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь и труды св. отцовъ и учителей церкви. Переводъ А. П. Лопухина. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 8 д, 1.036 стр., 3.000 экз.

Хвольсонъ, А. Б. Друзья и любимцы. Легкiе разсказы изъ жизни животныхъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 6-ю хромолитограв. картинами Э. Гардингъ и 30-ю рисунками въ текстѣ. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4. д., 32 стр., 3.780 экз.

Царство животныхъ, въ картинахъ. 250 изображенiй для нагляднаго обученiя, съ объяснительнымъ текстомъ К. А. Рудзкаго. Изд. А. Деврiена. Спб. Тип. академiи наукъ. 4 д., 23 таблицы и 41 стр., 1.560 экз.

Шведова, Над. Изъ физической географiи. Разсказы для дѣтей. Съ 10-ю рисунками. Изд. 3-е, исправл. и дополненное. Одесса. 1890. Тип. окружнаго штаба. 8 д., 97 стр., 1.800 экз.

Шелгунова, Л. П. Въ странѣ контрастовъ. (Изъ жизни и природы Туркестанскаго края). Составлено по Каразину, Иванову, Костенко, Семенову и друг. Съ рисунками Н. Каразина. (Иллюстрированное приложенiе къ журналу «Дѣтское чтенiе» за 1890 г. Спб. 1890. Тип. С. Яздовскаго и К°. 8 д., 106 стр. и 1 карта, 3.000 экз.

Эркманъ-Шатрiанъ. Лѣсничiй Фредерикъ. Воспоминанiя одного француза о бѣдствiяхъ и страданiяхъ въ трагическiе дни присоединенiя Эльзаса къ Пруссiи. Переводъ съ французскаго А. В. Успенской. Спб. 1891. Тип. Стасюлевича. 8 д., 164 стр., 2 000 экз. Ц. 75 коп.

Я. А. I. Тяжкiе грѣхи темныхъ людей. II. Труженики-просвѣтители. Изд. книжн. склада А. Калмыковой. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 10.000 экз.

— Крестьянское хозяйство и книга. Изд. книжн. склада А. Калмыковой. Москва. 1891. Тип. И Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 10.000 экз.

Японская сказка. Сраженiе обезьянъ съ крабами. Спб. 1890. Тип. Морскаго М-ва. 16 д., 15 стр., 100 экз.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.